

АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВИЧ ДОНГАРОВ

Рапалло — великий перелом —
пакт — война: СССР на пути в
стратегический тупик.

Дипломатические хроники и
размышления

Александр Герасимович Донгаров Рапалло – великий перелом – пакт – война: СССР на пути в стратегический тупик. Дипломатические хроники и размышления

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66198298
SelfPub; 2021*

Аннотация

Данная книга стоит особняком от нескончаемой череды текстов об истории заключения советско – германского договора о ненападении и полутора лет его существования в качестве главного фактора, определявшего военно – политическое бытие Европы в 1939 – 1941 гг. Как историк автор предлагает исключительно честный и непривычно широкий подход к избранной теме, учитывающий все аспекты тогдашнего положения СССР – военные, идеологические, внешне- и внутривосточные – в их многосторонних взаимосвязях; а как дипломат – сочетает его с детальным профессиональным анализом избранного Москвой курса в отношении великих европейских держав, Польши, стран Балтии и Балкан. У читателя

возникает ощущение присутствия на секретных совещаниях в Кремле, рейхсканцелярии, политических штабах англо – французской коалиции и еще ряда стран. Становятся понятной логика принимавшихся решений и очевидными – достигнутые успехи и допущенные промахи.

Содержание

К читателю	7
Предисловие. «Наш ответ» фальсификаторам истории	10
Часть I. От Рапалло до пакта	15
Глава 1. «Дух Рапалло», или запланированный экспромт	15
А был ли экспромт?	15
Запрограммированный провал	55
Глава 2. Договор	83
Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом	83
«Решающая игра»	101
Мнимое величие	104
«Слагаемые Победы»?	108
Глава 3. Народ, армия, пакт	125
Враг в тылу!	125
Крестьянская Вандея и военно-политическое планирование	136
Война и армия	145
Часть 2. От пакта к войне	162
Глава 4. Прибалтика	162
От Мюнхена до пакта	162
Прибалтийская реакция на советско-	169

германское сближение и начало мировой войны	
Заключение договоров о взаимопомощи	171
Отношения СССР с государствами Балтии (октябрь 1939 – май 1940 гг.)	187
Политика невмешательства	187
Военные вопросы	195
Торгово-экономическое сотрудничество	203
Кризис (25 мая – 16 июня 1940 г.)	206
Советские и социалистические (17 июня – 6 августа 1940 г.)	222
Глава 5. Финляндия	238
В обстановке взаимной подозрительности	238
Ключи от «северной столицы»	247
История переговоров	252
«Териокское правительство» О. Куусинена	281
Дипломатия военного времени и мирный договор	292
«Хуже чем преступление»	308
Глава 6. Балканы	345
Балканский пазл	346
Турция	354
Болгария	376
Румыния	393
Венгрия	421
Югославия	430

Балканские итоги	444
Глава 7. На пути к 22 июня	460
От пакта до Дюнкерка	460
После Дюнкерка	479
Между Берлином и Лондоном	491
«Визит Молотова в Берлин не стоял под счастливой звездой»	505
«Пакт четырех»	526
Между Берлином и Лондоном (окончание)	542
Три упущенных шанса Сталина	558
Генуя: на развилке	574
Именной указатель и краткий биографический справочник[218]	601
Список литературы	646

Александр Донгаров

**Рапалло – великий перелом
– пакт – война: СССР на
пути в стратегический
тупик. Дипломатические
хроники и размышления**

К читателю

История заключения Договора о ненападении с Германией и полутора лет его существования давно стала ареной идеологических боев без правил. Манипулирование относящимися к делу историческими фактами, передергивание причинно-следственных связей и искаженное масштабирование событий способны запутать кого хочешь. Вдобавок, роящиеся вокруг темы дилетанты и пропагандистские мухи засидели картину событий и смыслов уже до такой степени, что она практически неразличима.

Трудно назвать вполне удовлетворительными и многие честные попытки разобраться в вопросе. Проблема видит-

ся в неготовности их авторов выйти за давно очерченный круг многожды использованных исторических фактов и аргументов; но главный недостаток, на наш взгляд, состоит в неумении поместить исследуемый вопрос в общеисторический контекст, учитывающий все обстоятельства тогдашнего существования СССР, – международные, внутривнутриполитические, экономические, военные и идеологические, – в их многосторонних взаимосвязях. А бывает и так, что в сторону от истины уводит избранный авторами маршрут, отмеченный вехами давно опровергнутых жизнью главных мифологем советской историографии вроде классового характера межгосударственных отношений и т. п., которые за своей древностью продолжают восприниматься многими как аксиома.

Наконец, о внешней политике пишут люди, которые не являются в этой области специалистами, а потому покорно повторяют вслед за своими историческими героями и друг за другом заезженные суждения, скользкие по поверхности событий и не раскрывающие их истинный смысл и значение.

Если же, дорогой читатель, Вы все же взяли в руки и открыли очередную книгу на эту тему, то Вы – неисправимый оптимист! Да воздастся Вам по Вашей вере.

* * *

Автор выражает глубокую благодарность:

Александрю Сергеевичу Ципко за проявленную им в отношении автора цеховую солидарность и ценные замечания;

Ури Миллеру за проделанную им большую редакторскую работу в плане фактологии и русского языка;

Ирине Александровне Митрошиной за моральную поддержку и серьезную техническую помощь;

Владимиру Борисовичу Паничу и Елене Герасимовне Донгаровой, без содействия которых эта книга могла и не состояться.

Предисловие. «Наш ответ» фальсификаторам истории

В сборнике мифов и легенд, оставленных по себе советской властью, совершенно особое место занимает история заключения 23 августа 1939 г. договора о ненападении с фашистской Германией («пакта Молотова – Риббентропа»).

По версии хранителей советских исторических мифологем, оно стало полнейшим экспромтом, результатом дипломатического сальто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имеющим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением.

В подтверждение этой версии предшествовавшие подписанию пакта события выстраиваются ими в следующую цепочку. После прихода к власти в Германии Гитлера с его идеями реванша на Западе и завоевания «жизненного пространства» на Востоке правительство СССР, стремясь к сохранению общеевропейского мира, взяло курс на создание системы коллективной безопасности. В рамках этой внешнеполитической программы весной 1935 г. был заключен советско – французский договор о взаимопомощи. Он, однако, остался политическим жестом, поскольку взятые сторонами друг перед другом военные обязательства не были никак конкретизированы. Вскоре в Париже и Лондоне вообще сочли более

уместной политику умиротворения Германии за счет согласия на ее притязания к соседям сначала в центре, а затем и на востоке Европы. В результате этого курса, апофеозом которого стала дипломатическая капитуляция Франции и Великобритании перед Гитлером на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., к Рейху были присоединены Австрия и Судетская область Чехословакии.

Оказалось, однако, что эти уступки не могли удовлетворить германские аппетиты. Весной 1939 г. Гитлер захватил всю Чехию, из Словакии сделал протекторат и отторгнул от Литвы г. Мемель с областью (ныне г. Клайпеда и Клайпедский край). Следующей в очереди жертв германского экспансионизма стояла Польша – главный союзник Франции и Великобритании в Восточной Европе, замыкающий построенную ими систему кругового сдерживания Германии.

Вызывающий характер действий Берлина продемонстрировал крах «политики умиротворения» и необходимость возврата к идее коллективной безопасности. По дипломатическим каналам Лондон и Париж сигнализировали в Москву о готовности начать трехсторонние военно-политические переговоры. 17 апреля 1939 г правительство СССР выступило с ответным предложением заключить тройственный договор о военной взаимопомощи и совместном гарантировании безопасности ближайших западных соседей Советского Союза: Румынии, Польши, трех прибалтийских государств и Финляндии.

После начала англо-франко-советских переговоров выяснилось, однако, что в Париже и, особенно, Лондоне видели в них скорее средство давления на Германию в надежде сдержать ее агрессивные намерения на западе континента одними разговорами о возможности коалиции с СССР, не идя на ее фактическое создание. Со своей стороны, уверяют нас, советское правительство искренно стремилось к достижению тройственного соглашения, и только выявившаяся к середине августа 1939 г. полная бесперспективность дальнейших переговоров с англо-французской дипломатией заставила его принять германское предложение о заключении Договора о ненападении.

Официальная советская позиция по истории данного вопроса была изложена в 1948 г. в подготовленной на самом верху знаменитой Исторической справке «Фальсификаторы истории». Справка стала «нашим ответом» на публикацию на Западе трофейных документов МИД Германии о советско-германском сотрудничестве в 1939–1941 гг., в том числе секретных протоколов к Договору августа 1939 г., существование которых СССР категорически отрицал. В ней, в частности, говорилось: *«Было бы грубой клеветой утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, СССР все время стремился к тому, чтобы иметь соглашение с западными неагрессивными государствами против немецко-итальянских агрессоров в целях осуществления коллективной безопасности на*

началах равенства. [...] Если СССР добивался соглашения о борьбе с агрессией, то Англия и Франция систематически отвергали его, предпочитая вести политику изоляции СССР, политику уступок агрессорам, политику направления агрессии на Восток, против СССР. [...] Понятно, что при таком положении дел в Европе Советскому Союзу оставался один выход: принять предложение немцев о пакте. Это был все же лучший выход из всех возможных выходов» [1, с. 53–54].

Как уверяла официальная историография, этот выход был лучшим потому, что благодаря подписанному с Берлином соглашению удалось отсрочить фашистское нашествие на СССР на полтора года, которые были использованы для подготовки советских вооруженных сил к отражению агрессии. Указывалось и на увеличение глубины стратегической обороны на 150–250 км в результате воссоединения с СССР захваченных ранее Польшей западно-белорусских и западно-украинских земель, возвращения Бессарабии, аннексированной Румынией в годы гражданской войны, а также присоединения к Советскому Союзу (румынской) Северной Буковины. И, конечно, на добровольное вхождение в СССР трех прибалтийских государств, позволившее создать в этом регионе новый рубеж обороны.

Спустя 80 лет аргументация остается примерно той же; правда, пришлось сдать важную позицию: признать существование знаменитых секретных протоколов о разделе сфер влияния в Восточной Европе, являвшихся частью Договора

о ненападении и подписанного через месяц в его развитие Договора о дружбе и границе. В свою очередь, это признание поставило под сомнение добровольный характер вхождения Прибалтики в состав СССР, а также подняло вопрос о морально-этической стороне акции по присоединению к Советскому Союзу восточных польских (западно-украинских и западно-белорусских) территорий **в том виде и в том международном контексте, в которых она была осуществлена.**

Хотя на протяжении пятидесяти лет в СССР отрицалась прямая связь между названными территориально – политическими изменениями и договорами с фашистской Германией, абсолютным большинством наших соотечественников она все же смутно угадывалась. Запоздалое признание факта существования секретных протоколов несколько не скомпрометировало в глазах этого большинства советско – германские договоренности 1939 г., но, напротив, придало им дополнительную *политическую* легитимность. «Конечно, – с легким сердцем признает это большинство, – секретный сговор за счет соседей есть вещь некрасивая; однако отодвинутые на запад границы вкупе с отсрочкой нападения стали слагаемыми нашей Победы. Следовательно, с всемирно-исторической точки зрения все было сделано абсолютно правильно!»

Существует, однако, и иной взгляд на описываемые события.

Часть I. От Рапалло до пакта

Глава 1. «Дух Рапалло», или запланированный экспромт

А был ли экспромт?

Если заключение пакта и выглядело как кульбит, то исключительно на фоне продолжавшихся с середины июня 1939 г. трехсторонних англо-франко-советских переговоров. Однако в более глубокой ретроспективе кульбитом были сами эти переговоры. Соглашение же с Берлином стало возвращением в главную, хорошо наезженную за двадцать предыдущих лет политическую колею, известную под названием «использование межимпериалистических противоречий в интересах советской власти». Колея берет начало еще до появления этой власти на свет, в далеком 1905 году, когда партия большевиков вошла в контакт с представителями воювавшей тогда с Россией Японии на предмет получения помощи деньгами и оружием для борьбы против общего врага – царизма. Следующим примером этого рода стала знаменитая сделка Ленина с кайзеровской Германией в годы Первой

мировой войны.

После захвата большевиками власти в октябре 1917 г. стратегия использования «межимпериалистических противоречий» из партийной становится партийно – государственной. Именно она легла в основу знаменитого Декрета о мире – практически говоря, о сепаратном выходе страны из продолжавшейся мировой войны. Провозглашенный декретом нейтралитет «новой» России послужил фундаментом виртуозной политики лавирования между Антантой и германским блоком с целью не быть раздавленными этими жерновами. Задачу уцелеть Ленин решал так: удерживал Германию от оказания чрезмерного давления на его правительство угрозой возобновить военный союз с Антантой, а попыткам последней вернуть Россию в войну с Германией противопоставлял угрозу полномасштабного союза с Берлином. Таким образом, главным ленинским приемом стал отказ от формального заключения союзнических соглашений с державами первого ранга ради сохранения возможности использовать противоречия между ними в свою пользу – и он сработал. Ввиду своей успешности этот прием был возведен советским руководством в ранг основной стратегии его международной деятельности на годы вперед, тем более что она строилась на идейном фундаменте непоколебимого убеждения первого поколения большевиков в классовом характере отношений советской России с окружающим капиталистическим миром, исключавшим возможность длительных со-

ЮЗОВ.

Вместе с тем, – объективно, – у формального советского нейтралитета 1917–1918 гг. был сильный прогерманский уклон: «срединный» курс Петрограда – Москвы приносил дивиденды Берлину, поскольку Россия вышла из числа его противников, а на долю Парижа и Лондона по той же самой причине приходились исключительно издержки. Благодаря прекращению боевых действий на Восточном фронте в результате подписания в марте 1918 г. Брестского мирного договора между советской Россией и Германией, последняя смогла перебросить более миллиона солдат на Западный фронт. В результате чаша весов в продолжавшейся мировой войне начала склоняться в ее пользу, и если бы не подоспели американские войска численностью 2 млн. человек, в европейской истории могла наступить эпоха *rex germanica*.¹ Кроме того, репарационные платежи золотом и хлебом, которые по условиям Брестского договора Россия производила в пользу Германии, были важным фактором поддержания крепости ее тыла.

В ответ последовала интервенция сил Антанты с целью восстановления Восточного фронта усилиями *несоветских правительств*, действовавших на территории бывшей Российской империи, а также для ограничения возможностей

¹ «Эпоха германской гегемонии» (лат). Есть основания полагать, что в этом случае Россия, пребывавшая в процессе распада государственности, имела все шансы стать фактически германской колонией.

Германии пользоваться российскими ресурсами. Политика «использования межимпериалистических противоречий» переместилась на национальную почву и была помещена в дипломатический формат, где приняла форму тайных советско-германских договоренностей о т. н. «параллельных действиях» против англо-французских экспедиционных сил и союзного им Белого движения.

В 1920–1921 гг. в Кремле принимается решение об уже стратегическом партнерстве с Берлином – до следующей мировой войны. Курс на советско-германскую солидарность в борьбе с версальскими триумфаторами² был оформлен соглашением, подписанным сторонами 16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло, где остановились делегации обеих стран, прибывшие для участия в работах Генуэзской экономической конференции по послевоенному восстановлению мирового хозяйства.

Приводить текст рапальского соглашения не имеет смысла, поскольку его политическая бесцветность способна ввести в заблуждение относительно исторической значимости этой договоренности. Из пяти сущностных статей в двух говорилось о взаимном отказе от претензий на возмещение убытков и расходов, возникших в связи с мировой войной и последующими военными действиями, а также вследствие

² Неудачный ход военных действий и разразившаяся следом в Германии революция вынудила ее власти в ноябре 1918 г. признать поражение и поставить подпись под Версальским (Парижским) мирным договором, положившим конец Великой войне.

встречной национализации и конфискации собственности граждан одной страны в силу постановлений правительства другой. Важные для своего времени, эти статьи не были обращены в будущее. Еще в двух статьях провозглашалась готовность развивать хозяйственные отношения и строить их на принципе наибольшего благоприятствования – типичные положения любого соглашения о торговле. Единственная глубоко политическая статья предусматривала возобновление дипломатических отношений после непродолжительного периода разрыва (т. е. никакого прецедента признания большевистской власти договор не создавал) [73, с. 223–226]. Подобных соглашений советская Россия заключит десятки. Такова была «буква» рапальского документа, и не удивительно, что история международных отношений ее забыла.

Иное дело – «дух Рапалло». Этот «дух» витал над Европой без малого двадцать лет, приводя в движение армии, стирая с политической карты континента целые страны, передвигая государственные границы... Он возник в результате реакции синтеза двух разрушительных энергий – германского реваншизма и советского агрессивного мессианства. Их смычка создавала в Европе совершенно новую геополитическую реальность. Союз *дореволюционной* России с Антантой имел целью сохранение существовавшего миропорядка путем пресечения германских попыток взорвать его ради передела в свою пользу. *Советская* же Россия предлагала Берлину полную поддержку в достижении этой цели, потому

что сама стремилась к переделу мира, только под лозунгом мировой пролетарской революции, постепенно трансформировавшись в суперидею строительства всемирной красной империи.

Надо, однако, иметь в виду, что для обитателей Кремля, начиная с Ленина, разжигание революционных войн и насаждение социализма в Европе довольно быстро из миссионерского подвига превратилось в средство борьбы за собственное сохранение у власти в политически неудобной для них крестьянской России. Приобретение классового союзника в лице победившего пролетариата мощных и богатых европейских государств рассматривалось в Москве как гарантия незыблемости режима. Таким образом, это была двуединая цель. В зависимости от международной обстановки и внутреннего положения в самой стране на первый план попеременно выходили задачи подталкивания европейской (и не только) революции или обеспечения внешнего спокойствия как условия внутреннего развития. Дихотомический подход в духе «мировая революция или строительство социализма в отдельно взятой стране» в данном случае неуместен, поскольку одна из этих целей была, одновременно, средством достижения другой, и наоборот. Все решала политическая конъюнктура.

Для советской России, нацеленной на разрушение существующего миропорядка, стоявшие у нее на пути Великобритании и Франция – эти столпы – гаранты Версальского ми-

ра и метрополии колониальных систем, охватывавших две трети земного шара, стали смертельными врагами. Но силы были слишком не равны, и чтобы успешно бороться с ними, Москва нуждалась в сильном союзнике, которым могла стать только Германия. Однако после поражения в войне эта страна лежала в экономических и политических руинах. Поэтому содействие ее возрождению становится одной из важнейших задач советской внешней политики 20-х годов. Понимали ли в Москве, что в случае успеха замысла сразу обоим «братьям по Рапалло» в Европе, особенно Восточной, станет тесно, и выяснения отношений по межгосударственной или социально – политической линиям не избежать? Трагедия 22 июня была в самом общем плане предначертана.

Ввиду революционно-реваншистского характера задач создаваемого альянса его основой стало военное сотрудничество между двумя странами. В феврале 1921 г. состоялось подписание секретного оглашения о восстановлении немецкой военной промышленности на территории СССР, в развитие которого 11 августа 1922 г. заключается Временное соглашение о сотрудничестве между Красной Армией и Рейхсвером. В результате Германия получила возможность, – в обход ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором, – производить на принадлежавших ей концессионных предприятиях в СССР, а также приобретать у него самого авиабомбы, самолеты, химическое оружие, танки и т. д. В учебных заведениях Рабоче-Крестьянской Красной

Армии (РККА) и собственных военных училищах в Липецке, Казани и Вольске Рейхсвер готовил высшие командные кадры армии, танковые экипажи, летчиков ВВС и специалистов по ведению химической войны. В 1926 г. в рамках этого сотрудничества осваивалась треть годового военного бюджета Германии, порядка 150 млн. золотых марок. Оказанная СССР помощь существенно двинула вперед дело возрождения немецкой армии.

В действительности значение этой кооперации выходило далеко за рамки чисто военной сферы. Уместна аналогия послевоенной Германии со старой Пруссией, о которой было сказано, что она – это армия, имеющая собственное государство. Не меньшим было значение Рейхсвера для германской государственности 1920-х гг.; поэтому на его сотрудничестве с РККА, по словам германского посла в Москве Г. фон Дирксена, стояло все политическое здание русско – германских отношений, а генерал фон Сект и Рейхсвер вообще «были самыми стойкими и надежными приверженцами дружбы с Россией» [4, с.74, 122]. Свое политическое кредо генерал – фактический командующий Рейхсвером – выразил в следующих словах: «Разрыв версальского диктата может быть достигнут только тесным контактом с сильной Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет – не играет никакой роли. Что нам нужно – это сильная Россия с широкими границами – на нашей стороне. Итак, никаких Польши и Литвы между нами...» [цит. по: 62, с. 8].

Подкармливая зализывавшего раны германского тигра, за собственную безопасность в Кремле не опасались. Там полагали, что единственный путь, на котором Германия могла решить задачу возвращения в клуб великих держав, лежал на запад, через борьбу за освобождение от оков Версаля и новый колониальный передел. Москва считала, кроме того, что обладает таким безотказным инструментом умиротворения Берлина, как совместная борьба с польским государством вплоть до его нового раздела. Рецепт преодоления возможных в будущем противоречий между СССР и Германией за счет дележа Польши предлагался, к примеру, в обзорном письме о европейской политике за 1924 год, направленном тогдашним наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным членам Политбюро ЦК РКП (б). Двоим из этих адресатов наркома, – И. В. Сталину и В. М. Молотову, – предстояло принять подобное решение в августе 1939 г.³

Политический расчет Кремля, как указывалось выше, строился на предположении о неизбежности войны реванша Германии с западной коалицией. Однако под давлением политико-экономических реалий Берлин со временем все больше склонялся к достижению своих целей путем нахождения компромисса с вчерашними врагами. Поэтому когда в феврале 1925 г. Москва предложила Германии заключить

³ Этот рецепт был известен и Гитлеру. «В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией, – заверил фюрер одного из своих ближайших соратников весной 1934 г. – Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом» [3, с. 99].

военный союз против Польши, что было равносильно созданию советско – германского альянса против союзных Варшаве Великобритании и Франции, из Берлина последовал отказ.

В Лондоне и Вашингтоне также стала побеждать точка зрения, которую им удалось навязать Парижу, что Германия понесла достаточное наказание за развязывание войны и что пора разрешить этому блудному сыну, вернее блудной дочери, вернуться в семью цивилизованных европейских народов. В 1924 г. был принят «План Дауэса» о содействии возрождению германского народного хозяйства, а на следующий год на конференции в швейцарском Локарно произошла, по существу, международно-политическая амнистия Германии в обмен на признание ею незыблемости установленных Версалем ее западных границ. Эти события позволили Берлину сбалансировать внешнюю политику и уйти от односторонней ориентации на СССР. В качестве компенсации за платоническую измену Германия заплатила Москве «омоложением», по выражению фон Дирксена, рапальского соглашения путем заключения в 1926 г. Берлинского договора о нейтралитете.

Договор о нейтралитете

«24 апреля 1926 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Германское правительство [...] пришли к соглашению о нижеследующих постановлениях.

Статья 1

Основой взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией остается Рапалльский договор.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Германское Правительство будут и впредь поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран.

Статья 2

В случае если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3

Если в связи с конфликтом упоминаемого в

статье 2 характера, или же когда ни одна из договаривающихся сторон не будет замешана в вооруженных столкновениях, будет образована между третьими державами коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции примыкать не будет.

Статья 4

Настоящий договор подлежит ратификации, и обмен ратификационными грамотами будет совершен в Берлине.

Договор вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами и действителен в течение пяти лет.

Заблаговременно до истечения этого срока обе договаривающиеся стороны согласуют между собой дальнейшие формы своих политических взаимоотношений» [33, с. 250–252].

С формально – правовой точки зрения договор был, разумеется, двусторонним. Однако с учетом реалий 1926 г. *в политическом смысле* он представлял собой одностороннюю гарантию Германии неучастия в возможных враждебных Советскому Союзу комбинациях ее новых партнеров по Локарно. Одностороннюю, потому что никакие международные комбинации с участием СССР против Германии в 1926 г. и в течение последующих пяти лет действия договора не про-

сматривались.

Если рапалльское соглашение заключалось в ожидании революционного прилива, то Берлинский договор подписывался в обстановке отлива сил европейской революции. Во внешнеполитических расчетах Кремля, однако, Германия, – все равно какая, революционная или империалистическая, – сохраняла роль форпоста, за которым советский режим надеялся пересидеть, если Европу сильно заштормит. Менялись только средства достижения цели.⁴ Теперь ставка делалась не на революционизирующую роль Германии в разжигании пан-европейской социальной войны, победа в которой пролетариата решит раз и навсегда проблему внешней безопасности СССР, а на отвлечение сил англо-французской коалиции и ее восточноевропейских союзников с московского направления на берлинское ввиду постепенного восстановления могущества их недавнего врага. Иными словами, на знаменитые «межимпериалистические противоречия».

Значение германского политического и военного фактора в деле обеспечения внешней безопасности «советской власти» не может быть правильно оценено, если упустить из

⁴ На фундаментальный, независящий от привходящих обстоятельств характер рапалльского союза указывает такой факт: через год после подписания этого соглашения Москва активно вмешивается в ход германской революции, ориентируя коммунистов на вооруженный захват власти и снабжая их оружием, деньгами и подрывной литературой, а также направив им в помощь организаторов политической и боевой деятельности. После поражения революции советско-германские отношения возвращаются в привычную рапалльскую колею, не претерпев особого, как можно было бы ожидать, урона.

вида, что на протяжении 1920-х и первой половины 1930-х гг. у этой власти, по существу, **не было боеспособной армии**. Вооруженная трехлинейками неграмотная, недисциплинированная и относительно немногочисленная толпа с неудобной для властей политической ориентацией под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия», не могла быть эффективным инструментом европейской политики Кремля.⁵ И хотя никто не собирался нападать на СССР, коммунистическим доктринерам, застрявшим в окопах гражданской войны и интервенции, угроза империалистического «крестового похода» мерещилась повсюду. Насколько незащищенными они чувствовали себя можно судить по тому факту, что в опасных противниках числили Румынию, Польшу, Финляндию. Судя по документам, в 1925 г. Наркомат обороны был не уверен даже в том, что СССР сумеет выстоять в оборонительной войне с прибалтийскими государствами [59]. В этих условиях квазисоюзная Германия, восточный фланг которой выходил в тыл лимитрофных государств⁶, а западный оттягивал на себя военные, финансовые и политические ресурсы англо-французской коалиции, была едва ли не главной надеждой Москвы на безопасное существование.

Вот почему «предательство в Локарно» рапалльского *бру-*

⁵ Этой теме посвящена гл. 3.

⁶ Так называли пограничные Советскому Союзу государства, возникшие, по большей части, на территории бывшей Российской империи после ее распада в 1917 г. Обычно к ним относили Латвию, Литву и Эстонию, часто Польшу, реже Финляндию и еще реже Румынию.

дершафта вызвало бешеную ярость Кремля. А поскольку все правительства Германии во второй половине 1920-х гг. либо были сформированы социал – демократической партией самой или с ее с участием, либо пользовались ее поддержкой в вопросах внешней политики, то гнев Кремля обрушился именно на нее. Еще одним «грехом» социал – демократов была их борьба за «республиканизацию» Рейхсвера, т. е. за его реальное, а не формальное подчинение политическому руководству страны. Это, опасались в Москве, разрушит рапальский фундамент, поскольку именно сотрудничество армий было его цементирующим элементом. Сказалась, конечно, и внутривидовая борьба на левом фланге.

Тотальное столкновение Кремля с германской социал-демократией спровоцировала серия статей о тайном сотрудничестве Рейхсвера с Москвой, опубликованных 4–7 декабря 1926 г. центральным печатным органом СДПГ газетой «Форвертс». Имея в виду подавление армией восстаний германского пролетариата, газета бросила Кремлю тяжелейшее обвинение в том, что он «подстрекает немецких рабочих на выступление против пулеметов, начиненных русскими боеприпасами». В ответ Правда» обозвала германских социал-демократов «социал-Иудами» и «лизоблюдами английского империализма» [«Правда». – 1926. – 5 января]. Последней каплей, переполнившей чашу московского терпения, стало инициированное фракцией СДПГ в конце декабря 1926 г. парламентское расследование Рейхстагом деятель-

ности Рейхсвера в СССР. Публичное раскрытие тайн советско – германского военного сотрудничества, осуществлявшегося в нарушение международных соглашений об ограничениях на вооружение Германии, грозило уже конфликтом Москвы с Лондоном и Парижем и вынудило СССР в авральном порядке отказаться от всех нелегальных форм этого сотрудничества, которые, конечно, были его сутью.

В отместку под давлением Сталина Коминтерн объявил европейскую, прежде всего, германскую социал-демократию главным врагом мирового пролетариата и его классовой родины – СССР. Война против нее продолжалась в течение многих лет и начала стихать только ближе к середине 30-х годов. Например, выступая по этому вопросу на 16 съезде ВКП (б), Молотов назвал усиление борьбы с социал-демократией «главной задачей компартий в теперешних условиях» и призвал «к усиленной борьбе против социал-фашизма по всей линии». [48, с. 419–420, 427].

Союзницами Кремля в начатой им войне против социал-демократической Германии стали две другие – коммунистическая, готовая выполнить любой приказ Москвы, и национал-социалистическая, возведшая войну реванша против англо-французской коалиции в ранг главной национальной задачи. (Оговоримся: в области внешней политики. Между тем, российский философ А. С. Ципко совершенно прав, обращая наше внимание на то, что первопричиной фашизации ряда стран послевоенной Европы была их реак-

ция «на существование ленинского Коминтерна». Конкретно же для германского национал – социализма внутривнутриполитическая задача борьбы с коммунизмом была равновелика внешнеполитической задаче борьбы против Версаля). Помимо прочего учитывалось, что именно эти две партии могли усилить свои электоральные позиции за счет пролетарского и мелкобуржуазного избирателя СДПГ.

Чтобы оттеснить от власти социал-демократических и прочих пацифистов и поставить на их место сторонников реванша, Москва заставила немецких коммунистов на протяжении пяти лет фактически блокироваться с национал-социалистами при решении важнейших внешне – и внутривнутриполитических вопросов жизни страны. Операция удалась, и в 1933 г. во главе германского правительства, а вскоре и страны, встал А. Гитлер.⁷ Историк Р. Медведев справедливо назвал раскольническую линию сталинской верхушки в международном рабочем движении «главным «подарком» для германского национал-социализма» [107, с. 141].

Москва поспешила заверить новые власти в Берлине в том что, несмотря на антифашистскую риторику советской пропаганды, здесь не драматизируют произошедшие в Германии перемены. О стремлении СССР иметь с новой Германией хо-

⁷ При этом на сентябрьских парламентских выборах 1932 г., даже после пяти лет войны на взаимное уничтожение, СДПГ и КПГ совокупно набрали голосов больше гитлеровской НСДАП. Как только цель привода Гитлера к власти была достигнута, компартия разрешили вернуться к сотрудничеству с социал-демократией.

рошие отношения в беседах с немецкими представителями высказывались Председатель ВЦИК М. И. Калинин, нарком обороны К. Е. Ворошилов, нарком иностранных дел М. М. Литвинов, заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский и др. [см.: 5, с. 24–25]. Летом 1933 г. в неформальной беседе с послом Германии в СССР Гербертом фон Дирксеном секретарь ВЦИК СССР А. Енукидзе передал ему мнение Сталина, что «национал-социалистическая перестройка германского государства может иметь положительные последствия для германо-советских отношений» [121, с. 95].

В национал-социалистическом Берлине также прекрасно сознавали непреходящее значение рапальской политики координации внешнеполитических усилий с СССР в борьбе против Версаля. Принимая 28 апреля полпреда Л. М. Хинчука, Гитлер заявил, что «оба наши государства должны как бы признать непоколебимость факта взаимного существования» и что «независимо от разности мировоззрения обеих стран их связывают взаимные интересы, и эти связи носят длительный характер» [5, с. 25]. «Что до меня, – говорил фюрер еще весной 1934 г., – то я не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз – главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно...» [цит. по: 3, с. 109].

Гитлер внимательно следил за сохранением каналов связи с Москвой. В программной речи на первом заседании нового

состава Рейхстага 23 марта 1933 г. он подчеркнул, что «борьба с коммунизмом в Германии – наше внутреннее дело», но что «межгосударственные отношения с другими державами, с которыми нас связывают общие интересы, не будут этим затронуты». Тогда же он сделал широкий жест в сторону Москвы, пойдя навстречу ее просьбе об отсрочке мартовских и апрельских платежей по ранее предоставленному Германией кредиту. На заседании правительственного кабинета 26 сентября 1933 г. фюрер потребовал не «разрывать с нашей стороны германо – русских отношений» и не «давать русским повода для такого разрыва» [цит. по: 6, с. 58–59]. В апреле 1933 г., т. е. буквально «на следующий день» после прихода к власти, Гитлер идет навстречу советскому предложению о бессрочной пролонгации Договора о нейтралитете 1926 г. и обеспечивает его быструю ратификацию, чего СССР не удалось добиться от властей Веймарской республики.

Вопрос: как это сочетается с многочисленными «анти-советскими» высказываниями нацистских бонз и действиями германской дипломатии вроде отказа от советских инициатив по созданию обстановки безопасности в Восточной Европе путем заключения т. н. Восточного пакта⁸ или совместного гарантирования неприкосновенности прибалтий-

⁸ Имелось в виду создание региональной системы коллективной безопасности с участием, помимо СССР, Франции, Германии, Польши, Чехословакии, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии.

ских государств? (В этом советская историография традиционно усматривала заточенность германской агрессии на восток). Очень просто! «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы, заставляя их верить, что Германия – последний оплот против красного потопа», – откровенничал Гитлер в узком кругу единомышленников. – Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться» [цит. по: 5, с. 16, 59]. Действительно, до конца лета 1940 г. СССР в военных планах Германии даже не упоминался. Пропагандистские и дипломатические выпады против него были призваны стать отвлекающим маневром накануне грандиозного внешнеполитического наступления Берлина на западе.

Под этим углом зрения надо смотреть и на решение Гитлера о продлении договора 1926 г. Оно выглядит как шаг Берлина навстречу пожеланиям Москвы, однако действительным выгодоприобретателем стал сам Берлин. Неизбежная дестабилизация отношений между Германией и англо-французской коалицией в связи с началом осуществления гитлеровской внешнеполитической программы, с одной стороны, и постепенное приспособление СССР к политическим реалиям Европы эпохи Версаля – с другой, кардинально изменили *политический* смысл Берлинского договора. С начала 30-х гг. из односторонней германской гарантии Советскому Союзу он все больше превращался в свою противопо-

ложность – одностороннюю советскую гарантию Германии.⁹ Конечным пунктом этой эволюции станет пакт Молотова – Риббентропа. Продление срока действия Берлинского договора, осуществленное Гитлером накануне германского наступления на западном дипломатическом фронте, послужило прообразом его тактики в августе 1939 г. В обоих случаях это была политическая взятка Москве за безопасность восточного фланга Германии – политического в первом случае и военного во втором.

Разрыв, против которого предостерегал Гитлер, все же, произошел, и первой его жертвой стал визит в СССР высокопоставленной делегации Рейхсвера летом 1933 г., отмененный по требованию советской стороны. Однако приход к власти национал-социалистов, по мнению фон Дирксена, здесь был ни при чем: он «совпал с кризисом в русско-германских отношениях, но не он породил его» [4, с. 157]. Если Дирксен возражает против расхожего мнения, что разлад в этих отношениях был вызван идеологической несовместимостью германского национал-социализма с советским большевизмом, то это верный анализ ситуации. Сталин с ним соглашался. "Мы далеки от того, – говорил он на XVII съез-

⁹ Из письма Л. М. Кагановича, члена Политбюро и его комиссии по международным делам, Сталину (осень 1931 г.): «... У нас сейчас нет такой обстановки, которая вынуждала бы нас забегать перед Германией, скорее она в нас сейчас больше всего нуждается [...] как с точки зрения экономической, так и политической» [10, с. 213]. В 1931 г. это было еще явным преувеличением, но тенденция подмечена верно.

де ВКП (б), – чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной" [81, с. 13]. Ни в Берлине, ни в Москве не были заинтересованы в радикальном свертывании связей; в соображениях внутренней политики достаточно было просто сделать их менее демонстративными.

Прав Г. Дирксен и в том, что ко времени начала гитлеровского правления отношения между двумя странами уже были отягощены целым рядом конфликтов и нерешенных проблем и из них быстро выветривался «дух Рапалло». Германия обвиняла Москву в поощрении радикализма в деятельности КПГ, в разорении крестьянских хозяйств немцев – граждан СССР в ходе коллективизации и репрессиях против них и членов их семей, в преследованиях немецких священников, а также инженеров и техников, проживавших в СССР или работавших там по контрактам, и пр. Очень не понравилось Берлину и заключенные в 1932 г. советско – французский и советско – польский договоры о ненападении. Москва выдвигала встречные претензии за внешнеполитическую переориентацию Германии на западную коалицию, заигрывание с Японией, удар по военному сотрудничеству, вмешательство во внутренние дела СССР в форме протестов против указанных выше репрессий. Обоюдное разочарование вызывали результаты торгово-экономических связей. Состо-

явшиеся 11 и 13 декабря 1933 г. беседы Литвинова с послом Германии в СССР Р. Надольным дают объемное представление о состоянии отношений между двумя странами [58, с. 740–741].

Обе стороны были заинтересованы в расчистке этих авгиевых конюшен, и в течение долгого времени главы дипломатических ведомств и представительств СССР и Германии занимались урегулированием многочисленных споров, частных претензий и т. п. «Вся горечь, накопившаяся за последние годы, выплеснулась в этом потрясающем и беспрецедентном акте очищения», – свидетельствовал бессменный советник германского посольства в Москве Г. Хильгер. Однако в отношении двух основных встречных претензий сторон компромисса не было: Германия хотела получить публичное заверение советского правительства в том, что оно отмежевывается от поддержки мирового и, особенно, германского коммунизма; Москва, со своей стороны, требовала от Берлина клятвы в верности договору в Рапалло [56, с. 284–285].

Экспессы, присущие «национал – социалистической революции», как всякой другой, все же не могли не сказаться на состоянии дел. Последовали нападения штурмовых отрядов Э. Рёма и полиции на ряд коммерческих и иных учреждений СССР и на отдельных его представителей, в том числе корреспондентов ТАСС, «Правды» и «Известий». К большому неудовольствию Москвы фюрер не осудил должным

образом эти недружественные акции. Политбюро, однако, сочло целесообразным не нагнетать обстановку и 25 октября инструктировало Литвинова дать немцам понять, что «мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений» [10, с. 295]. Однако процесс отчуждения рапальских партнеров друг от друга продолжился.

Представляется, что – по большому счету – это отчуждение со стороны СССР стало результатом постепенной переориентации его внешней политики с Германии на *негерманскую Европу* под воздействием разнонаправленных изменений в политическом положении европейских стран и Советского Союза. Если к концу 20-х годов Европа в основном вышла из зоны послевоенной социально – политической турбулентности,¹⁰ то СССР, напротив, вошел в нее в результате политики коллективизации. На начатую Кремлем войну за хлеб с представляющим 80 процентов населения страны крестьянством деревня ответила восстаниями, лояльность крестьянской по составу Красной Армии повисла на волоске. Производство сельскохозяйственной продукции упало в ра-

¹⁰ Последним «пролетарским наскоком» на капиталистический мир стала попытка Москвы подрыва внутреннего положения Великобритании руками бастующих английских горняков в 1926 г. Добиться цели не удалось, а последовавший за этим разрыв дипломатических отношений по инициативе Лондона напугал Кремль до полуобморочного состояния. На дальнейших операциях подобного рода ставится жирный крест, тайные агенты всевозможных советских спецслужб и Коминтерна изгоняются (на какое-то время) из полпредств, а последним категорически запрещается вмешиваться во внутренние дела стран пребывания.

зы, имея следствием сокращение экспортной выручки и возникновение кризиса внешнеторгового платежного баланса, что грозило уже срывом политики индустриализации в результате недополучения по импорту оборудования, сырья и технической помощи. Пик кризиса неплатежей во внешнеэкономических отношениях пришелся на 1932–1933 гг.

В этих условиях мечты о советизации континента пришлось отложить до лучших времен. Лишившийся зубов волк счел за благо для себя вырядиться на время в овечью шкуру. Требовались внешняя безопасность, нормальный товарообмен, кредиты и техническая помощь, а получить их можно было только от правительственных и деловых кругов Запада. На московской политической бирже акции германского партнера по дестабилизации Европы резко упали в цене. Напротив, начиная с 1928 г. Москва приложила немалые усилия, чтобы сблизиться с Парижем, но по разным причинам они оказались тщетными. В результате, как еще в 1931 г. Литвинов писал Кагановичу, «мы [...] сейчас танцуем на германской ноге» [10, с. 212]. Однако появившиеся признаки возрождения германской угрозы сделали Париж и Москву более покладистыми, а советско – французский *rapprochement*¹¹ – неизбежным, и осенью 1932 г. был заключен договор о ненападении между двумя странами. Нарком ориентирует советского полпреда в Париже В. С. Довгалева, что в Москве «взяли твердый курс на сближение

¹¹ Сближение – (фр.)

с Францией» [58, с. 736]. Этот курс был закреплен вступлением СССР в сентябре 1934 г, в Лигу наций, которая была частью Версальского миропорядка.¹²

Представляется также, что в 1933 г. и Москве, и Берлину просто была нужна пауза, чтобы лучше присмотреться к своему экзотическому партнеру и понять, как с ним строить отношения. Впрочем, и период между апрелем 1933 и августом 1939 гг. нельзя назвать «мертвым сезоном» в советско-германских отношениях. Вполне успешно развивается экономическое сотрудничество. 20 марта 1935 г. Гитлер идет на подписание соглашения «Об общих условиях поставок из Германии в СССР». В развитие его 9 апреля заключается межправительственное соглашение, предусматривавшее, в частности, предоставление германского кредита в размере 200 млн. марок на финансирование торговли с СССР в течение пяти ближайших лет. Немцы предлагали увеличить размер кредита до 500 млн. и даже до 1 млрд марок, но по рекомендации НКВД Кремль отказался от этих предложений из-за угрозы попасть в чрезмерную экономическую зависимость от Германии. Что касается советских инициатив политического характера, в частности, настойчиво выдвигавшейся в 1935–1936 гг. идеи подкрепить Договор о нейтралитете

¹² Международная организация, учрежденная в 1919–1920 гг. в ходе работы Парижской (Версальской) мирной конференции, просуществовала до 1946 г. Официальными целями провозглашались разоружение, предотвращение вооруженных конфликтов, обеспечение коллективной безопасности, мирное урегулирование межгосударственных споров и др.

1926 г. договором о ненападении, то они не находили отклика в Берлине. Гитлер не спешил отвечать взаимностью, потому что, преждевременно встав на путь возрождения антизападного рапалльского альянса, он не добился бы тех многочисленных уступок, на которые Лондон и Париж шли в рамках избранного ими курса на умиротворение Германии.

Упорный отказ Германии гарантировать уважение восточноевропейского статус кво спровоцировал у советской внешней политики приступ пацифизма. Из инструментария царской дипломатии достали идею тройственной антигерманской коалиции в составе России, Великобритании и Франции и назвали ее «борьбой за коллективную безопасность в Европе». ¹³ «Борьба» увенчалась в 1935 г. подписанием хотя и не работающего в военном плане, но политически очень важного договора о взаимопомощи с Францией. Это был выход советской внешней политики на принципиально иной уровень отношений с одной из двух главных европейских держав. Кроме того, с помощью «французского ключа» Москва получила возможность отпирать двери для переговоров с ориентировавшимися на Париж лимитрофами – Польшей, Чехословакией и Румынией. Наконец, «особые отношения» с Францией могли сыграть важную роль амортизатора в трудных советско-британских отношениях.

¹³ Впервые идея возрождения франко – русского военно-политического союза была предложена министром иностранных дел Франции Луи Барту в 1933 г. и встретила понимание в Москве.

Если для М. М. Литвинова договор стал первым камнем в фундамент здания будущей англо-франко-советской коалиции, то Сталину он был нужен, главным образом, как орудие шантажа Гитлера. Не отказываясь рассматривать союз с западной коалицией как страховой полис на случай германской угрозы, Кремль все же надеялся, что из страха оказаться окруженным новым *итальринг*.¹⁴ фюрер бросится ухаживать за Москвой, чтобы переманить на свою сторону и, тем самым, похоронить идею ее союза с Парижем и Лондоном. То есть вернется к политике Рапалло. Средство, однако, оказалось слишком сильным: Гитлер смотрел на договор глазами Литвинова и счел его действительно началом возрождения большого антигерманского альянса.¹⁵ Он подозревал, что Москве была нужна только видимость укрепления отношений с Берлином для того, чтобы шантажировать этой угрозой Великобританию и, тем самым, побудить ее скорее присоединиться к советско-французскому союзу. Лидирующая роль Литвинова как архитектора пан – европейской системы коллективной безопасности, казалось, не оставляла места для иных интерпретаций политики Москвы. На совет-

¹⁴ Стальное кольцо удушения – так в Германии называли систему ее военно-политического окружения.

¹⁵ Насколько серьезно в Берлине относились к советско-французскому договору видно из такого факта: через четыре года, при подписании в Москве пакта о ненападении, Риббентропа очень волновал вопрос о взаимоисключающем характере обязательств СССР, вытекающих из этих двух документов; ему, однако, посоветовали не волноваться по поводу такого «пустяка».

ско-французское сближение нацистский режим отреагировал, в частности, потоком враждебных и оскорбительных выпадов в адрес СССР и его лидеров на Нюрнбергском партийном съезде осенью 1936 г. Однако ради достижения желанной договоренности с Германией Кремль проглотил эту обиду и отверг предложение НКВД об ответных действиях на правительственном уровне, поручив это газетам. [35, с. 762; 10, с. 341].

Обозначившиеся различие в понимании Кремлем и НКВД конечной цели в германском вопросе побудило Сталина замкнуть его на себя. Его доверенным лицом в Берлине стал Д. В. Канделаки, специально для этого назначенный на должность торгпреда. (По личным указаниям вождя действовали также главный специалист партии по Германии К. Б. Радек и назначенный на должность советника полпредства С. А. Бессонов). Ввиду запрета, наложенного фюрером на политические заигрывания с Москвой, формально неполитический характер должности Канделаки был весьма кстати. Перед ним как торгпредом открывались двери высоких кабинетов, в том числе директора Имперского банка Я. Шахта. Встречи сторон проходили в 1935–1937 гг. В ходе беседы с Шахтом в декабре 1936 г. Канделаки сделал заявление от имени Сталина и Молотова о желании СССР улучшить двусторонние отношения и провести официальные переговоры на этот счет. Торгпреду поручалось подчеркнуть, что в глазах Москвы отношения с Германией имеют приоритет перед

отношениями с Парижем: «Мы пытались получить гарантию от самого германского правительства,¹⁶ но это не удалось. Отсюда и заключение советско – французского пакта о взаимной помощи...» [цит. по: 121, с. 97].

Канделаки не сумел выполнить поручение вождя навязать своим берлинским визави политическую повестку. В середине декабря 1936 г. Г. Геринг пригласил для беседы советского полпреда в Германии Я. З. Сурица и по распоряжению фюрера фактически сделал представление, хотя и в мягкой форме, по поводу активности торгпреда. Вместе с тем, он заявил, что является сторонником развития экономических отношений с СССР «независимо от состояния политических отношений между двумя странами» и «понимает их значение». «Говоря о своем искреннем желании развивать хозяйственные отношения с СССР, он сказал, – отмечается в записи беседы полпреда, – что это отвечает и его взгляду на желательность нормализации и политических отношений, и при этом припомнил заветы Бисмарка». Явно предлагая себя на роль «человека Москвы в Берлине», Геринг обратил внимание дипломата на то, что сам он никогда не допускал никаких выпадов против СССР и его руководителей после прихода нацистов к власти [10, с. 347]. В январе 1937 г. Сталин тайно от Литвинова предпринял через «своего» торгпреда попытку обналичить выданный Герингом политический вексель, но по распоряжению фюрера контакты были прерваны,

¹⁶ Имелось в виду предложение о заключении договора о ненападении.

правда, с намеком на возможное их продолжение в будущем. Вскоре Канделаки будет отозван из Берлина и репрессирован (расстрелян).

Тем временем, отношения продолжали ухудшаться, и в 1937–1938 гг. по вине Берлина разразился «консульский кризис», в результате которого были закрыты все советские консульства на территории Германии и германские консульства в СССР. Ввиду этих неудач в Москве решили пойти ва-банк и поставить на кон беспроигрышный в политической игре с Берлином «польский вопрос». В советской печати на протяжении 1938 г. появились статьи – сначала заместителя наркома В. П. Потемкина, а затем и М. М. Литвинова, в которых Польше в слегка завуалированном виде «предсказывалась», в наказание за ее нехорошее антисоветское поведение, возможность четвертого раздела. Начиная с осени 1938 г. польская тема также постоянно поднималась руководителями НКВД в беседах с европейскими дипломатами.

Берлин отреагировал далеко не сразу. Там правильно рассчитали, что пожали еще не все плоды англо-французской политики умиротворения – и в сентябре 1938 г. сорвали мюнхенский приз! После этого триумфа рассчитывать на новые уступки стратегического порядка от Парижа и Лондона не приходилось: кроме Польши уступать уже было нечего, но пасть так низко эти державы все же не решались. Только получив от западной коалиции путем шантажа и обмана все, что было политически возможно: отмену ограничений

на вооружения для Германии, присоединение Саара, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и Клайпедского края Литвы, – только тогда фюрер достал из рукава кремлевский козырь и пустил его в дипломатическую игру. По его признанию, он понял, что наступил момент переориентировать свою внешнюю политику на Москву [11, с. 27].

Первой ласточкой новой «весны» советско-германских отношений стало достигнутое в октябре 1938 г. соглашение о взаимном прекращении нападков по радио и в печати на руководящих деятелей обеих стран. В декабре было достигнуто соглашение о продлении на 1939 г. советско-германского торгового договора. Тогда же Берлин предложил обсудить вопросы о предоставлении СССР 200-миллионного кредита и об общей нормализации двусторонних отношений.

Драматически зримо новая политика в отношении СССР была продемонстрирована Берлином 12 января 1939 г. на новогоднем правительственном приеме для дипломатического корпуса: Гитлер необычайно долго (целых 7 минут!) и любезно беседовал с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым, которого до того демонстративно игнорировал. Ответной любезностью советского вождя стала его речь на XVIII съезде ВКП (б) в марте 1939 г., в которой он обвинил Великобританию и Францию в провоцировании войны между Германией и СССР, у которых, по его словам, были все шансы на бесконфликтное сосуществование [144, с. 13–14]. Как

позднее признался И. Риббентропу сам Сталин, это заявление предназначалось для германских ушей и должно было стать приглашением Берлину приступить к нормализации отношений между двумя странами [12, с. 141]. Риббентроп доложил о речи Сталина Гитлеру, однако тот «занял выжидательную позицию и колебался», сомневаясь в искренности Москвы [12, с.134].

1939 год вообще можно назвать «годом СССР в Германии». С января полностью прекращается критика в адрес советского режима в немецких средствах массовой информации и выступлениях официальных деятелей Третьего Рейха. В начале мая германское правительство удовлетворяет просьбу Москвы о признании действующими заключенных ею ранее, – до поглощения Чехии Германией, – контрактов с чешскими заводами «Шкода» на поставку продукции оборонного назначения [13, с. 31]. В июне, принимая во внимание советскую озабоченность положением на Балтике, Германия по собственной инициативе идет на подписание договоров о ненападении с Латвией и Эстонией и предлагает аналогичный договор Финляндии. Германский посол в Москве В. фон Шуленбург назвал этот шаг «первым политическим взносом» Германии в дело улучшения отношений с СССР [13, с. 35]. В апреле начались, а в июле-августе были максимально ускорены переговоры на уровне посольств по всему комплексу отношений между двумя странами. Далее мы приведем их хронологию.

С учетом сказанного повторимся: дипломатическим сальто-мортале, т. е. драматическим отступлением от генеральной линии внешней политики СССР, выглядит как раз не заключение пакта Молотова-Риббентропа, а, напротив, недолгое вынужденное участие Москвы в переговорах о создании европейской системы коллективной безопасности в 1935 и 1939 гг.

Дело в том, что Сталин считал стратегический союз СССР с западными демократиями ложным шагом, уводящим слишком далеко в сторону от решения настоящих программных задач его режима на международной арене, заключавшихся в экспорте революции как по старым каналам Коминтерна, так и все в большей мере методами военно-политического насаждения социализма. В условиях европейского мира последнее было совершено невозможно. Кремлю нужна была «вторая империалистическая война».¹⁷ Поэтому Сталин не испытывал ни малейшего желания становиться соавтором Лондона и Парижа в подготовке нового, улучшенного за счет советского участия издания Версаля, на сей раз под названием «система коллективной безопасности в Евро-

¹⁷ Так грядущая война была названа в статье заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина, опубликованной в апреле 1939 г. в органе ЦК ВКП (б) журнале «Большевик». Автор, выступивший под псевдонимом «В. Гальянов», писал: «Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию. [...] Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира». Угодив между жерновами, – СССР и европейской социальной революции, предсказывал автор, «в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы» [138, с. 49–65].

пе». Об этом Молотов заявил публично на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., а именно что советская внешняя политика строилась на основе, «не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы» [Известия.-1939. – 1 сентября]. В беседе с британским послом в Советском Союзе С. Криппсом летом 1940 г. Сталин прямо скажет, что СССР является противником восстановления существовавшего до войны европейского равновесия, потому что оно противоречило его интересам [14, с. 395].

В чем состояли эти интересы доподлинно известно: дождаться войны между Германией и западной коалицией или спровоцировать ее (для того Москва и содействовала возрождению германской армии), затем, воспользовавшись тяготами и хаосом военного времени, через подконтрольные Кремлю партии поднять народы воюющих стран на социально-политический протест. Заключительным аккордом должен был стать «освободительный» поход на Европу Красной Армии, несущей на своих штыках идею государственного социализма по образцу и подобию советского. В 1925 г. Сталин заявил, что если начнется межимпериалистическая война «то нам не придется сидеть, сложа руки – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить» [15, с. 14].

Он повторил эту мысль на заседании Политбюро ЦК ВКП

(б) 19 августа 1939 г. Оценивая сложившуюся ситуацию, Сталин заявил, что "вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. [...] Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну". Возникновение войны в Европе, продолжил вождь, откроет перед СССР "широкое поле деятельности для развития мировой революции". Поэтому "в интересах СССР – Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени"¹⁸ [цит.

¹⁸ Официозная пропаганда ставит под сомнение подлинность этого высказывания Сталина, ссылаясь на отсутствие (кстати, исключительно по причине закрытости архивов!) «железобетонных» письменных доказательств. Однако имеется множество свидетельств, что нехитрая идея провоцирования «межимпериалистических противоречий» с целью воспользоваться ими «в интересах советской власти» была краеугольным камнем внешнеполитической стратегии Сталина. Вот, к примеру, его телеграмма Кагановичу и Молотову от 2 сентября 1935 г., т. е. отправленная в самый «разгар борьбы» за коллективную безопасность на континенте: «Чем сильнее будет драка между ними (европейскими великими державами. – *Авт.*), тем лучше для СССР. ...Нам выгодно, чтобы драка у них

по: 16, с. 79].

Весьма примечательны сказанные Сталиным на Политбюро слова о том, что затяжной вооруженный конфликт на Западе создаст условия для «нашего выгодного вступления в войну». Вопрос: против кого? В союзе с западной коалицией против Германии? Нет, конечно. Для этого не стоило городить огород с пактом-39. В союзе с Германией против западной коалиции? Исключается даже по чисто географическим причинам. Правильный ответ – против всей капиталистической Европы, по крайней мере, континентальной.

В Москве не собирались ждать окончания войны на западе, а намеревались, как указывалось выше, выступить как самостоятельная третья сила и, имея союзником измученные войной народные массы континента, превратить ее в общеевропейскую гражданскую войну. В начале июля 1940 г. в одной из бесед Молотов нарисовал воистину эпическую картину грядущих классовых битв. «Сейчас мы убеждены более чем когда-либо еще, – заявил нарком, – что гениальный Ленин не ошибался, убеждая нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех

была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой» [37, док. 620, с. 545]. Как видим, 19 августа Сталин просто процитировал сам себя. На этом спор об аутентичности сталинской высказывания, полагаем, можно считать законченным.

пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со своим врагом, – буржуазией союзных государств, с тем, чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь; мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной Европы, как я думаю, где-нибудь около Рейна, произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы. Мы уверены, что победа в этой битве будет именно за нами, а не буржуазией» [17, с. 40].

Речь шла, таким образом, не о превентивной войне против Германии в интересах национальной безопасности, а о классовой атаке на всю капиталистическую Европу, что с этими интересами не имело, конечно, ничего общего.

Деятельность Литвинова по созданию системы коллективной безопасности никоим образом не вписывалась в эти грандиозные планы. Поэтому, как только обозначилась перспектива установления «особых» советско – германских отношений, его энтузиазм по поводу коллективной безопасности стал неуместен, как и он сам: Литвинова сняли с поста наркома, обвинив в англо- и франкофильстве и «непроведении партийной линии» во внешней политике, т. е. линии Рапалло. Учли в Москве и то обстоятельство, что для берлинского режима нарком-еврей был наихудшим выбором

на роль партнера по предстоявшим деликатным переговорам. Отставка наркома, который, сожалел Молотов, «случайно жив остался» [18, с. 116], дала сигнал к тотальному кадровому разгрому чичеринско – литвиновского НКВД.¹⁹

Четырехмесячное изучение всего комплекса советско-германских отношений завершилось 11 августа 1939 г. принятием Политбюро решения «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов». Дорога ко «второму Рапалло», как часто называют договор 1939 г., была открыта. В политическом отношении данный термин представляется уместным. С международно – правовой точки зрения, однако, пакт Молотова – Риббентропа стал третьим по счету в рапальской линейке документов. Первыми двумя были соглашения 1922 г. и Берлинский договор о ней-

¹⁹ Из менее 500 кадровых сотрудников НКВД подверглись репрессиям 5 заместителей наркома, 48 полпредов, 28 глав консульских представительств и 113 других ответственных работников наркомата. «Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел», – обличал Сталина в открытом письме к нему старый большевик и дипломат Ф. Ф. Раскольников [142]. С профессиональной дипломатией было покончено; пришло время безраздельного господства кремлевских дилетантов, а на важнейшие дипломатические посты ставятся вчерашние агрономы, инженеры – хладобойщики, редактора заводских многотиражек и т. п. Что касается лично Литвинова, то в 1940 г. Сталин, действительно, планировал его устранение под видом несчастного случая. Стране (и Сталину тоже!) повезло, что убийство не состоялось: когда в 1941 г. судьба СССР повисла на волоске, Литвинов очень пригодился в качестве замнаркома и по совместительству – что еще важнее – посла в США.

тралитете 1926 г. Все три документа ведут свою родословную из общего – рапалльского, гнезда. Это видно из содержащихся в них перекрестных ссылок друг на друга: пакт Молотова-Риббентропа признает свое прямое родство с договором 1926 г., а последний – с договором 1922 г. Никак не получается назвать договор о ненападении 1939 г. дитём случайной политической связи! Поезд с германскими реваншистами и кремлевскими ниспровергателями мирового социального порядка, отошедший от рапалльской политической платформы в 1922 г., после двух промежуточных остановок в Берлине в 1926 и 1933 годах благополучно прибыл 23 августа в пункт назначения.

Это был закономерный результат. В силу объективных причин каждая из сторон рапалльского процесса – и советская, и германская – могла реализовать свою собственную внешнеполитическую программу *только и исключительно* в связке с другой стороной, замены которой не существовало. Германский посол в СССР в 1922–1928 гг. Ульрих фон Брокдорф-Ранцау называл это «общностью судеб». В национал-социалистическом Берлине и коммунистической Москве прекрасно сознавали взаимную обреченность на сотрудничество в решающий момент перехода из версальского миропорядка в какой-то иной в результате новой европейской войны. В августе 1939 г. Европа стояла на пороге этих перемен, и «возвращение в Рапалло» стало неизбежным. Как писал Л. Д. Троцкий: «Сталин дождался, наконец, рукопо-

жания (А. Гитлера. — *Ред.*), о котором не переставал мечтать в течение шести лет» [19, с. 553].

Между тем, официальная историография не оставляет попыток представить сближение с Берлином как спонтанную реакцию Москвы на неуспех плана по созданию системы коллективной безопасности. По этой версии, последним усилием в данном направлении стали трехсторонние англо-франко-советские переговоры в Москве летом 1939 г., вся ответственность за срыв которых возлагается на западных участников. Поскольку о «спонтанности» нами было сказано достаточно, поговорим теперь об ответственности.

Запрограммированный провал

Как отмечалось выше, идея этих переговоров оформилась к середине апреля 1939 г. То был период наименьшей определенности в отношениях между европейскими центрами силы; поэтому в Лондоне, Париже и Москве сочли разумным «подстелить соломки», т. е. заручиться взаимной поддержкой на тот случай, если договориться с Германией им так и не удастся. Условия оказания такой взаимопомощи и предстояло согласовать в Москве. В то же время обе стороны, — советская и западная, — усаженные за стол переговоров общей для них германской угрозой, мечтали об их срыве в результате достижения собственной сепаратной договоренности с Берлином: столь тяжелым, на грани неприемлемого,

был для них успешный, – с формальной точки зрения, – исход переговоров.

Для Москвы военно-политическое окружение Третьего Рейха ставило крест на планах завоевания Европы, поскольку зажатая в эти тиски Германия не рискнет начать большую войну. Если все же Берлин решился бы на войну и проиграл ее объединенной коалиции с участием СССР, то советская зона доминирования ограничивалась Восточной и частью Центральной Европы по образцу 1945 г. После колоссальных жертв, которые страна понесла в годы коллективизации и индустриализации ради подготовки к войне за единоличное господство на континенте, столь невнятный итог неизбежно ставил под сомнение правильность всего внутри – и внешнеполитического курса сталинского руководства.

Еще более весомым аргументом против вхождения в союз с англо-французской коалицией было шаткое внутривнутриполитическое положение Кремля. Вследствие этого, единственным устраивавшим его сценарием предстоявшей войны был такой, который исключал вероятность даже кратковременного вступления иностранных войск на советскую территорию.²⁰ Военный союз с Великобританией и Францией *по определе-*

²⁰ По требованию политического руководства страны обеспечение данного условия было положено в основание всей работы Наркомата обороны и генштаба РККА по разработке стратегии в вероятной войне с европейскими великими державами. Пропагандистским отражением этой стратегии стал *официально утвержденный* лозунг «бить врага на его собственной территории». Об этом см.: гл. 3.

нию не мог это гарантировать уже хотя бы ввиду географического положения Германии относительно СССР, а потому имел в глазах кремлевского руководства мало смысла. **2 августа 1939 г.** Троцкий писал: «Прежде чем гогенцоллернская Германия пала под ударами мировой коалиции, она нанесла смертельный удар царскому режиму [...] Не повторится ли в преобразованном виде этот исторический эпизод? – спрашивали себя с тревогой обитатели Кремля. Они не сомневаются, что коалиция из Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии при несомненной в дальнейшем поддержке Соединенных Штатов в конце концов сломила бы Германию и ее союзников. Но прежде чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлевской олигархии стоило бы головы» [135, с. 143].

Противостоять этой угрозе в Кремле рассчитывали, развернув германскую агрессию на запад (данная задача будет решена подписанием пакта-39) и оставаясь возможно дольше нужными Берлину в политическом и экономическом отношениях, что стало основным содержанием международной деятельности Кремля в 1939 – первой половине 1941 гг. Нейтрализация германской угрозы указанным выше способом имела, однако, тот недостаток, что давала Лондону и Парижу основания рассматривать СССР как фактического союзника Германии, т. е. воспроизводилась ситуация весны 1918 г. – кануна прибытия антантовских войск в Совет-

скую Россию. Поэтому наряду с широкоформатной германской интервенцией в Москве рассматривали возможность осуществления ее точечного варианта силами англо – французской коалиции по примеру 1918–1919 гг., т. е. путем высадки экспедиционных сил все в тех же Мурманске и Архангельске – на севере, и Крыму, Одессе и Новороссийске – на юге. Однако эта угроза была несопоставима по масштабу с германской.

В Кремле также учитывали, что самостоятельно угроза англо – французской интервенции не существовала, и могла возникнуть, да и то необязательно, только как реакция западной коалиции на квазисоюзнические отношения Москвы с Берлином. Таким образом, летом – осенью 1939 г. единственным объектом советской политики умиротворения неминуемо должен был стать именно Берлин. 14 августа 1939 г. Риббентроп поручает Шуленбургу укрепить Сталина в этом мнении. «...Капиталистические демократии Запада, – говорилось в телеграмме рейхсминистра, предназначенной для передачи в Кремль, – являются неумолимыми врагами, как Национал – Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия» [36, с. 582]. Ранее в беседе с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым 2 августа Риббентроп выразился проще: «Русский царь пошел вме-

сте с Англией и в результате поплатился троном». Сталину предлагалось задуматься о своем пребывании в Кремле.

Вождь вряд ли нуждался в риббентроповском напоминании. Неплохо знавший его Троцкий писал: «Международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней. Внутренняя политика означает для него, прежде всего, борьбу за самосохранение. Политические проблемы подчинены, таким образом, полицейским» [135, с. 138]. **Взятая во всей полноте действительность решительно сдвигала проблематику советского выбора между двумя европейскими центрами силы в сторону учета его последствий для внутривнутриполитического положения в СССР.**

В те же дни в западных столицах мучительно решали вопрос о том, что им обойдется дороже: немецкая болезнь или московское лекарство. Было ясно, что за советскую помощь придется заплатить согласием на установление контроля Кремля над значительной частью Европы. Даже если бы войны удалось избежать путем принуждения Германии к миру, то и в этом случае Восточная Европа попадала под сильнейшее влияние Москвы. Дело в том, что в качестве непременного условия своего участия в трехстороннем соглашении СССР выдвинул требование о признании за ним права вводить войска на территорию соседних восточноевропейских стран всякий раз, когда, по его мнению, для них возникнет угроза прямой и даже т. н. «косвенной» агрессии со стороны Германии. Последний термин, до тех пор практиче-

ски не применявшийся в международном праве, трактовался Москвой столь расширительно (включая в себя и чрезмерную экономическую зависимость, и усиление влияния «прогерманских элементов» внутри этих стран и пр.), что ставил их в сильнейшую зависимость от возможного произвола Кремля.

Вот почему вступая в переговоры, каждая из сторон поспешила дать Берлину понять, что ее участие в них – это всего лишь подготовка «запасного аэродрома» и что она предпочла бы договориться обо всем с самой Германией. (Здесь необходимо оговориться, что в то время в трех столицах не могли себе и представить, с *какой* Германией они имеют дело). Впрочем, по – настоящему свободным в выборе образа дальнейших действий был только СССР, не имевший никаких обязательств перед остальными участниками комбинации, тогда как гарантии безопасности, данные 31 марта 1939 г. Великобританией и Францией²¹ Варшаве, заметно сужали пространство для их политического маневра. Западная граница Польши являлась той «красной линией», до которой англо – французская коалиция была готова *политически* отступить, пытаясь умиротворить Германию ценой уступок в разного рода частных вопросах, и надеясь, таким образом, обойтись без дорогостоящей помощи Москвы. Послед-

²¹ Еще раньше, 12 февраля 1921 г. между Францией и Польшей был заключен договор о взаимопомощи. 17 мая 1939 г. военные министры Франции и Польши подписали соглашение, по которому Франция обязалась начать наступательные действия против Германии в случае ее нападения на Польшу.

ней реализованной попыткой остановить Германию на этом рубеже стало заключение 25 августа, т. е. уже после подписания пакта-39, англо – польского договора о военной взаимопомощи.

Официозная пропаганда, как раньше советская, возлагает ответственность за срыв переговоров на западных партнеров, обвиняя их в грехе «закулисных» контактов с Берлином, имевших целью достичь с ним модус вивенди без участия СССР. И это правда. Действительно, Лондон и Париж надеялись откупиться от Гитлера и остановить его ценой разного рода мелких уступок, главным образом, за счет Польши. Мюнхенский хмель еще не выветрился из голов английских и французских руководящих деятелей. Однако Москва отнюдь не уступала в «закулисной активности» партнерам по переговорам, а, пожалуй, и далеко превосходила их. Поскольку о параллельных советско – германских попытках договориться зачастую умалчивается, приведем хронологию наиболее значимых из них:

– **17 апреля:** беседа полпреда А. Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. фон Вайцеккером о возможности кардинального улучшения отношений между двумя странами. Собеседники согласились, что идеологические разногласия не должны стать камнем преткновения на этом пути [13, с. 28–29]. Беседа состоялась, конечно, не случайно, в тот самый день, когда в Москве заявили о согласии вступить в трехсторонние переговоры с Великобританией и

Францией. Причем это был первый деловой визит полпреда за почти год его пребывания в должности. Визит Мерекалова, состоявшийся сразу после начала англо – франко – советских контактов, должен был продемонстрировать Берлину, что соглашение с западной коалицией не является пределом мечтаний СССР. Тогда же военный атташе СССР в Берлине комкор М. А. Пуркаев имел беседу с представителями верховного командования Вермахта.

Здесь необходимо упомянуть о совещании по вопросам европейской политики СССР, созванном в Кремле 21 апреля. Его материалы до сих пор засекречены; известно только, что под председательством Сталина в нем приняли участие члены комиссии Политбюро по вопросам внешней политики Молотов, Ворошилов, Микоян и Каганович, а от НКВД – Литвинов, замнаркома Потемкин, полпреды Майский и Мерекалов и от полпредства в Париже советник представительства Крапивенцев. Персональный состав совещания однозначно указывает, что решался вопрос о том, с ориентацией на кого – союзников или Германию – СССР встретит новую мировую войну. На появившуюся возможность выбора указывала обнадеживающая беседа полпреда Мерекалова с Вайцзеккером. «Партийную» линию ориентации на Германию отстаивали Молотов и Мерекалов; за «государственную» политику союза с Францией и Великобританией ратовали Литвинов и Майский. Насколько можно судить по косвенным признакам, в итоге совещания Кремль

все же дал наркому шанс доказать на деле возможность договориться с западной коалицией. Однако результаты переговоров полпредов в Форин Офис и на Кэ д'Орсэ,²² показали Москве неудовлетворительными, и выбор ориентации на Берлин стал неизбежным.

– **5 мая:** беседа заведующего восточноевропейским сектором отдела экономической политики МИД Германии К. Ю. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым. Шнурре сообщает о положительном решении поставленного ранее полпредством вопроса относительно выполнения советских заказов, размещенных на заводах «Шкода» еще до поглощения Чехии Германией. Астахов заявляет, что усматривает в этом указание на возможность позитивного развития советско-германских отношений, и, в свою очередь, фактически предлагает так же оценивать факты смещения Литвинова и назначения Молотова на пост наркома иностранных дел. [13, с.31].

– **15 мая:** статс – секретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер просит посланника Болгарии в Берлине П. Драганова быть посредником и передать Астахову, что Германия готова к широким экономическим и политическим переговорам с СССР [104, с. 366].

– **17 мая:** беседа Шнурре с Астаховым об удовлетворении советской просьбы о сохранении торгпредства СССР в Праге и о продолжении действия заключенных ранее с Чехослова-

²² Набережная р. Сены в Париже, где находится МИД Франции.

кий торговых соглашений. Обсуждение общих перспектив советско-германских отношений. Астахов ссылается на Рапалльский договор и ставит под сомнение успех трехсторонних переговоров. Астахов не мог самостоятельно выступить со столь важными политическими заявлениями, тем более противоречащими официальной позиции Кремля. Это было сделано явно по прямому указанию из Москвы в качестве аванса Берлину [13, с.31–33].

– **20 мая:** в ходе беседы с Шуленбургом Молотов заявляет, что для успешного завершения ведущихся экономических переговоров «должна быть создана соответствующая политическая база» [13, с.34].

– **28 мая:** беседа Шуленбурга с Молотовым. Молотов высказывает мнение, что нормализация отношений между двумя странами желательна и возможна. Посол сообщает в Берлин: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его» [13, с.34].

– **14 июня:** выполняя просьбу Э. Вайцзеккера, П. Драганов в беседе с Астаховым посоветовал затягивать трехсторонние переговоры и выжидать. «Если вас беспокоит появление немцев в Прибалтике, Бессарабии и т. п., – передал посланник сделанные Вайцзеккером авансы, – то по этим вопросам вы сможете с немцами договориться, они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями». Разумеется, Астахов понял, что это «намек на возможность договорить-

ся о разделе «сфер влияния» [22, док. № 403]. Уже на следующий день Драганов передал в МИД Германии советский ответ: *если Германия сделает заявление, что не будет нападать на СССР или заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз не станет подписывать соглашение с Великобританией и Францией* [104, с. 366].

– **29 июня:** раздосадованный медленным прогрессом торгово – экономических и политических переговоров, Гитлер приказывает притормозить их с целью шантажа Москвы.

– **1 июля:** в беседе замнаркома В. П. Потемкина с Шуленбургом последний настойчиво утверждал о желании Берлина наладить отношения с СССР. В ответ Потемкин призывает Германию продемонстрировать «серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР» [21, с. 516].

– **22 июля:** возобновление переговоров о торговле и кредите.

– **ночь с 26 на 27 июля:** беседа Шнурре с Астаховым относительно скорейшего достижения советско-германского стратегического согласия. Беседа стала генеральной репетицией начавшихся вскоре переговоров о пакте. Шнурре: «Что может Англия предложить России? Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт, и, если Москва пожелает, гер-

мано-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена (благословенные времена польских разделов. – *Авт.*), обе страны получают выгоду» [13, с. 38–43]. В Берлине знали, на какую приманку ловить Кремль! Еще 6 октября 1934 г. Политбюро записало в своем решении: «В интересах Советского Союза лежит такой, в конечном счете, неизбежный для «умиротворения», передел Европы, при котором предметом раздела явилась бы Польша»²³ [50, с. 442]. После того, как взаимный зондаж достиг этой стадии и показал, что учет взаимных интересов возможен, «события, – по выражению их участника советника посольства Германии в Москве Г. Хильгера, – обрушились с драматической быстротой и в течение всего нескольких дней привели к заключению договоров, чреватых серьезными последствиями».

– **2 августа:** беседа Риббентропа с Астаховым о судьбе Польши и Балтии в контексте советско – германского сближения [13, с. 44–46].

– **3 августа:** беседа Молотова с Шуленбургом. Посол подтверждает, что все заявленное Шнурре Астахову соответствует взглядам имперского правительства, говорит об уважении Германией интересов СССР в Балтийском регионе, в Польше и Румынии и высказывает мнение, что «между

²³ Следует оговориться, что эта резолюция стала известна в результате «утечки», и ее подлинность на сегодняшний день документально не подтверждена ввиду закрытости архивов.

СССР и Германией не имеется политических противоречий». Молотов приветствует процесс нормализации советско – германских отношений [22, док. № 525].

– **11 августа:** принятие Политбюро решения о вступлении в официальные переговоры с немцами.

– **13 августа:** состоялась очередная беседа Астахова со Шнурре. Астахов подтверждает заинтересованность СССР в обсуждении поднятых немцами вопросов [13, с. 46–47].

– **14 августа:** послание Риббентропа Молотову с предложением о широкоформатных переговорах в ходе его предполагаемого визита в Москву. Молотов предлагает заключить пакт о ненападении или подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. «с одновременным подписанием специального протокола», фиксирующего условия советско – германского территориально – политического размежевания в Восточной Европе [13, с. 47–56].

– **16 августа:** послание Риббентропа Молотову о согласии имперского правительства на советские предложения, в частности о пакте. Молотов заявляет Шуленбургу о готовности Москвы заключить торгово-экономическое и политическое соглашения с Германией. Дается принципиальное согласие на визит Риббентропа [13, с. 57–61].

– **19 августа:** состоялись две беседы Шуленбурга с Молотовым о заключении пакта и сроках визита Риббентропа в Москву [13, с. 64–66].

– **19 августа:** подписано торгово – кредитное соглашение

между СССР и Германией.

– **21 августа:** послание Гитлера Сталину с выражением согласия на советское предложение о пакте: «Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам». Также содержится просьба ускорить прием Риббентропа в Москве [13, с. 70–71].

– **21 августа (спустя 2 часа):** ответ Сталина Гитлеру с согласием на приезд Риббентропа 23 августа [13, с. 72–74].

Как видим, «закулисная» активность советской дипломатии по интенсивности и содержательности была исключительной.

Следует иметь в виду, что еще прежде из Москвы в Берлин был послан мощный сигнал об ее истинном отношении к предстоящим переговорам с Лондоном и Парижем. Им стала отставка европейски признанного архитектора системы коллективной безопасности М. М. Литвинова с поста наркома буквально накануне начала переговоров о создании этой самой системы! Москва демонстративно давала Берлину понять, что рассматривает, как более предпочтительный, вариант советско-германского сближения. Там, конечно, это так и расценили. «Отставка Литвинова явилась решающим шагом, – докладывал Гитлер высшим военным чинам Рейха на совещании 22 августа 1939 г. – После этого я моментально

понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось» [7, с. 95]. Об этом же говорилось в письме фюрера Б. Муссолини от 25 августа с изложением результатов переговоров в Москве [23, док. № 35].

Надо сказать, что в течение весны в пользу соглашения с СССР за спиной фюрера интриговала целая «промосковская партия». В нее входили второй после Гитлера человек в Рейхе Г. Геринг, глава и статс-секретарь МИД Германии И. Риббентроп и Э. Вайцзеккер, начальник внешней разведки службы безопасности В. Шелленберг, посол В. Шуленбург, высшее командование сухопутных сил Вермахта и военно-морского флота (Кригсмарине), руководство ряда экономических ведомств, промышленники и др. За союз с СССР выступала также значительная часть партийного аппарата, в том числе многие гаулейтеры.²⁴

Всех этих людей объединяло опасение, как бы осторожничавший в отношении сталинских реверансов Гитлер не втянул Германию в войну на два фронта, начав боевые действия против Польши и ее западных союзников, не заручившись предварительно обещанием советского нейтралитета. Экономический блок сторонников «промосковской линии» интересовали, в первую очередь, поставки советского сырья, особенно в случае установления Англией блокады после на-

²⁴ Гаулейтер – руководитель областной партийной организации с широчайшими политическими и административными полномочиями. В разное время их было от 33 до 43 человек.

чала войны на Западе. «Промосковской партией» был разработан т. н. «план Шуленбурга». Он предусматривал планомерное улучшение советско – германских отношений путем отказа от враждебной пропаганды друг против друга, развития экономических и культурных связей и, в итоге, заключение широкого политического соглашения. (Как видим, этот план целенаправленно и методично претворялся в жизнь). Дело дошло до того, что Геринг в апреле специально выезжал в Рим с целью уговорить Б. Муссолини повлиять на Гитлера в «промосковском» духе. Миссия оказалась успешной, и в мае дуче сообщил Гитлеру, что поддерживает идею достижения договоренности с СССР.

Если в Берлине ликовали по поводу отставки наркома, то в Лондоне и Париже новость произвела тяжелое впечатление. «Смещение Литвинова ознаменовало конец целой эпохи, – писал У. Черчилль. – Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии» [141, с. 166]. И. М. Майский сообщал из Лондона в НКВД: «4 мая, т. е. на другой день после того, как уход т. Литвинова стал известен в Англии, в Форин офисе царила настоящая паника... 6-го утром Галифакс счел необходимым совершенно официально меня спросить, остается ли в силе та внешняя политика, которую СССР вел до сих пор» [22, док. № 333]. Определенно, это подталкивало союзников к более активному поиску компромисса с Германией.

Еще одной причиной недостаточного энтузиазма Лондона и Парижа по поводу московских переговоров стали их сомнения в способности СССР оказать им эффективную военную помощь и в том, стоила ли она тех территориально – политических уступок, которыми пришлось бы за нее заплатить. В одном из личных писем, написанном в марте 1939 г., тогдашний премьер – министр Великобритании Н. Чемберлен высказался на этот счет так: «Я не верю, что она (Россия. – *Ред.*) сможет вести эффективные наступательные действия, даже если захочет» [цит. по: 25, р. 403]. На Западе это было общей и, как показал опыт финской войны, не столь уж далекой от истины точкой зрения на тогдашнюю боеспособность Красной Армии. Однако в данном случае значение имело даже не действительное положение дел, а его восприятие лицами, принимавшими политическое решение.

Если в начале переговоров намерения обеих сторон выглядели схожими, то при рассмотрении их в динамике обнаруживаются прямо противоположные тенденции: заинтересованность Москвы в успехе предприятия постоянно падает, а Великобритании и, особенно, Франции – только растет.²⁵ Причина ясна: советской дипломатии удалось нащупать почву для сепаратной договоренности с Берлином, а англо-французской – нет. И дело заключалось не в ловкости

²⁵ Это явствует из поведения сторон на переговорах: если англо-французская дипломатия идет навстречу советским предложениям практически по всем спорным вопросам, то Москва продолжает выдвигать новые и все более трудно приемлемые требования.

одной и нерасторопности другой, а в том, что этой «почвой» была Польша. Купить для себя сепаратный «мир» с Германией ценой согласия на уничтожение ею Польского государства мог только СССР.

Таким образом, создание системы коллективной безопасности отнюдь не являлось изначальной целью участников трехсторонних переговоров, а было последним, в смысле желательности, вынужденным средством сдерживания Германии. Коалиции видела оптимальный выход из европейского кризиса 1939 г. в сохранении мира ценой сравнительно малых жертв, вроде удовлетворения требований Гитлера в отношении Данцига (Гданьска), и только если это окажется невозможным, – путем достижения договоренности с СССР. Промежуточным решением было, шантажируя Германию перспективой создания англо – франко – советского альянса, дать ей увязнуть в переговорах с Лондоном и Парижем по польской проблематике до поздней осени, когда по погодным условиям Берлину придется отсрочить нападение на Польшу до следующего года.²⁶

Кремлю же был нужен мир на своих границах и война на западе Европы, что достигалось сепаратным соглашением с Германией; и только если оно окажется невозможным, – собственная безопасность, обеспеченная союзом с англо –

²⁶ По этому поводу Гитлер однажды высказался так: «С сентября по май Польша представляет собой одно большое болото, и никакие военные действия там невозможны».

французской коалицией. К 20-м числам августа модель советско-германских отношений в условиях грядущей мировой войны была выстроена. Для согласования последних деталей и утверждения всего проекта 23 августа в Москве ждали прибытия министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа.

Пока сохранялась опасность «сесть между двух стульев», т. е. не было твердой уверенности в достижении договоренности с Германией, Кремль продолжал трехсторонние переговоры, тем более что каждый их день удорожал для Гитлера стоимость советского нейтралитета. После того как *политическое* соглашение было практически подготовлено к подписанию, 12 августа начались переговоры *военных* миссий. Ведший их Ворошилов действовал на основании инструкции, данной ему Сталиным еще 7 августа, *т. е. за пять дней до приезда* союзных военных переговорщиков в Москву, *но сразу после того*, как стало понятно, что договор с Германией гарантированно состоится. Инструкция предписывала свести военные переговоры к «тупиковому» вопросу о прохождении советских войск через территорию Польши и Румынии и на этом основании обречь их на провал [21, с. 584]. А без заключения военной конвенции Москва отказывалась подписывать уже согласованное политическое соглашение о взаимной помощи.

Набивая цену перед Берлином и страхуясь на случай всяких «германских неожиданностей», Кремль имитировал

свое заинтересованное участие в переговорах военных миссий до последней возможности – кануна приезда Риббентропа. Теперь же с ними следовало быстро заканчивать, объявив неуспешными ввиду отказа Польши пропускать советские войска, что и было сделано Ворошиловым 22 августа. Сигнал действовать поступил ему в виде записки от заведовавшего секретариатом вождя А. Поскребышева: «Клим, Коба (дореволюционная подпольная кличка Сталина. – *Ред.*) сказал, чтобы ты сворачивал шарманку».

Начиная с августа 1939 г. вот уже более 80 лет ссылка на польский отказ в военном транзите для РККА бездумно воспроизводится как бесспорный и достаточный аргумент в пользу прекращения переговоров с западными державами. За своей давностью он встал в ряд с утверждением, что Волга впадает в Каспийское море. Зададимся, однако, нехитрым вопросом, *что* в создаваемом таким образом положении могло не устраивать Кремль? Выходило, что СССР фактически в одностороннем порядке получал от Великобритании и Франции союзнические гарантии в случае германской агрессии на восток, будучи в то же время освобожденным польским отказом пропустить войска от выполнения встречных обязательств перед Лондоном и Парижем в случае войны на западе. Мол, мы бы и рады повоевать за союзников, да вот Польша не велит!²⁷ При этом надо понимать,

²⁷ Из беседы Ворошилова с главой французской военной миссии ген. Ж. Думенком 22 августа: «Нам ничего не дает... кроме тяжелых обязанностей – подве-

что до войны дело, скорее всего, и не дошло бы в результате отрезвляющего воздействия на Гитлера самого факта заключения трехстороннего соглашения о взаимопомощи. Тем самым достигалась главная и первоочередная цель – предотвращение войны, во имя которой, якобы, Кремлем и велись переговоры.

Сожалеть о польском отказе пропустить советские войска для оказания им помощи должны были бы западные союзники. Они, однако, соглашались на такой формально неэквивалентный обмен гарантиями с СССР, признавая достаточной помощь с его стороны в виде ударов по сухопутным и морским коммуникациям противника, авиационных (против полетов советской авиации Польша не возражала) и морских бомбардировок военных и иных целей, а также поставок вооружений Польше и Румынии. Генштаб РККА еще в 1937 г. называл действия авиации и флота и посылку советских экспедиционных сил для участия в боях на Западном фронте в качестве возможных мер по выполнению Советским Союзом обязательств, вытекавших из его договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией 1935 г., в случае отказа Польши пропустить части Красной Армии через свою территорию²⁸ [36, с. 537]. В конкретных условиях августа 1939 г. все

сти наши войска и драться с общим противником (на западном фронте. – *Ред.*). Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом!» [22, док. № 591]. Действительно, зачем было его выпрашивать себе в убыток? Это уже какой-то политический мазохизм.

²⁸ Было заявлено, что для выполнения своих обязательств «СССР сможет на-

это, однако, было не более чем «играми разума». Все понимали, что после начала войны правительство Польши само запросит советскую помощь, либо еще из Варшавы, либо уже «из Лондона», т. е. будучи правительством в эмиграции. Такого мнения придерживалось, например, британское правительство, рекомендовавшее своей делегации на трехсторонних переговорах действовать так, как если бы польское согласие было уже получено.

Сказанное выше относилось к варианту германского нападения на Францию. Отечественного же читателя больше интересуют последствия польского отказа в случае первоначального наступления Германии на Восточном фронте. В этом случае, надо полагать, польская просьба о помощи поступила бы в Москву еще быстрее, а ввод советских войск на территорию Польши, как санкционированный ею, так и несанкционированный, стал намного проще *политически*. Французское правительство официально заверило СССР, что не будет возражать, если после нападения Германии на Польшу РККА войдет на территорию этой страны, не испрашивая согласия ее правительства. Через 25 дней после разрыва переговоров, в сентябре 1939 г., советская армия так и сделала, даже не будучи союзником Польши. Переступили – и не заметили, через «непреодолимое препятствие»,

править войска морским путем на территорию Франции и военно-воздушные силы в Чехословакию и Францию, Размеры этой помощи должны быть определены специальным соглашением между заинтересованными государствами. В этих обоих случаях СССР предоставит помощь военно-морскими силами».

от которого 24 днями ранее якобы зависело исторического масштаба решение о месте СССР в мировой войне.

Впрочем, само польское правительство не делало секрета из того, что пока сохранялся мир, его возражения против пропуска советских, равно как иных иностранных войск, были данью общественному мнению и соображениям государственного престижа. Война же неминуемо создавала совершенно новую политическую реальность. 4 апреля польский посол в Москве В. Гжибовский заверил М. М. Литвинова, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР» [65, док. № 251]. В беседе с заместителем наркома В. П. Потемкиным 10 мая министр иностранных дел Польши Ю. Бек «констатировал необходимость для Польши опереться на СССР в случае нападения на нее Германии» [21, с. 367]. Эту мысль министр повторил 15 июля в беседе с послом Франции Л. Ноэлем. «Он (Бек. – *Ред.*), – сообщал из Варшавы в МИД французский дипломат – дал мне понять, что в тот день, когда разразится война, Польша [...] будет занимать лучшую позицию, чем кто бы то ни был, чтобы получить от Москвы согласие на сотрудничество в плане совместных действий» [36, с. 565–566].²⁹ 19 августа министр обещал Ноэлю свое молчаливое согласие на то, чтобы военные миссии союзников действовала на переговорах в Москве «так, как если бы перед поляками не ставилось

²⁹ После заключения советско-германского пакта такое обращение стало, разумеется, невозможным.

никакого вопроса», т. е. не было заявлено польских возражений против пропуска войск. В тот самый день начальник польского генерального штаба генерал В. Стахевич уверил Л. Ноэля, что «принцип Пилсудского»³⁰ имел в виду немцев и потеряет значение сразу, как только начнутся боевые действия [22, док. № 573, 574]. Следует также упомянуть, что, в конечном счете, французам удалось-таки вырвать у польского министра иностранных дел подобие заявления о согласии Польши на военно-техническое сотрудничество с СССР в случае германской агрессии³¹ [22, док. № 597].

Москва же фактически самоустранилась от переговоров с Варшавой о пропуске **своих** войск, перепоручив дело англо-французской дипломатии.³² Между тем, официальное предупреждение Польши, или даже организованная «утечка информации» о том, какая судьба ей уготована в случае, если своим отказом пропускать войска она вынудит СССР пойти на соглашение с Германией на базе ее 4-го раздела, могли бы стать для польского руководства убедительным аргументом, чтобы изменить свою позицию. В высшей степени странно,

³⁰ Принцип был выдвинут начальником Польского государства маршалом Ю. Пилсудским и запрещал приглашение иностранных войск на территорию страны.

³¹ В результате этих контактов Варшава позволяла западным участникам трехсторонних переговоров сделать следующее заявление: «Английский и французский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается».

³² В Варшаве это воспринимали как оскорбление. [22, док 598].

что советское руководство «не догадалось» до этого. Конечно, Варшава оставалась крайне трудным партнером и давала повод для критики ее политики – двусмысленной и фанфаронской. Но это не отменяет фальшивый характер ссылки на польский отказ пропускать войска в качестве аргумента, приводимого в оправдание срыва переговоров в той мере, в которой он произошел по инициативе СССР. В конечном счете, стоило ли придавать варшавским дипломатическим пируэтам столь серьезное значение?

Надуманый характер «польского аргумента» Москвы доказывается также совершенно очевидным фактом: вследствие всеми ожидавшегося быстрого разгрома Польши РККА просто не успевала своевременно вмешаться в польско – германскую войну. Такое вмешательство подразумевало продолжительную подготовку штабов и всех уровней армейского командования, а также концентрацию колоссальных сил и средств, как людских, так и материальных. Ничего подобного сделано не было, тогда, как германское нападение планировалось буквально через несколько дней – на конец августа, в крайнем случае, начало сентября. 22 августа глава французской военной миссии ген. Думенк поинтересовался у Ворошилова: «Если немцы нападут на Польшу, я не думаю, что советские силы могут принять участие в борьбе прежде, чем они закончат свое сосредоточение. Позволяю себе задать маршалу вопрос: в этот момент сможет ли он оказать помощь Польше, в момент, когда нападение случит-

ся?»». Нарком не нашел, что ответить, и перешел к следующему пункту повестки дня.

Наконец, обходится молчанием факт, что вступить в соприкосновение с Вермахтом РККА могла, пройдя не только польским, но и румынским коридором. В отличие от Польши Румыния была готова его предоставить, о чем ее министр иностранных дел Григоре Гафенку сообщил лидерам Великобритании в ходе бесед весной 1939 г. и о чем полпред Майский сразу же информировал НКВД [21, с. 324; 22, док. № 303]. Это были не просто слова: годом ранее, в преддверье Судетского кризиса, правительство Румынии заявило о согласии предоставить свои железные дороги и воздушное пространство для транзита советских войск в Чехословакию.³³ Правительство СССР приняло к сведению заявление, однако от дальнейших переговоров воздержалось. Несмотря на это, уже в дни кризиса румыны молчаливо согласились на высотный перелет через свое воздушное пространство порядка 300 советских военных самолетов, перегоняемых в Чехословакию, и оказывали им техническое содействие в случае вынужденных посадок на их аэродромы. Летом 1939 г. румынское правительство советовало польскому еще раз изучить его позицию по вопросу о допуске советских войск на территорию страны. Даже после заключения пакта

³³ На самом деле, Бухарест был готов к проходу советских войск через румынскую территорию без его формального согласия, т. к. речь шла о помощи союзной ему Чехословакии.

Молотова – Риббентропа Румыния дала согласие на транзит англо-французских военных материалов в помощь Польше, а также приняла на своей территории около 100 тысяч отступивших польских военных и гражданских лиц.

Ни малейшего желания разговаривать со страной, неоднократно, ясно и до последней возможности демонстрировавшей, несмотря на германскую угрозу, готовность принять участие в коллективных усилиях по обузданию Берлина, Кремль и уже молотовский НКВД, *почему-то*, не проявили.

В конечном счете, насколько уместна вообще постановка вопроса в жанре «или-или»? Или скорое всех устраивавшее трехстороннее соглашение, или советско-германские договоренности, причем в соответствии с графиком – обязательно до 23 августа! – установленным Гитлером. Разве не стало бы большим вкладом в дело сохранения европейского мира, – следовательно, и обеспечения безопасности СССР, – простое продолжение англо-франко-советских переговоров с сохранением перспективы создания единого антигитлеровского фронта? Еще месяц – полтора переговоров, – и осенняя распутица обеспечила бы как минимум на полгода Польше гарантию от германского нападения,³⁴ а Европе – сохра-

³⁴ В отличие от политически дорогостоящей советской, «небесная помощь» обходилась Варшаве бесплатно, что могло быть одним из объяснений ее выжидательной позиции. Также имеются сведения, что в Польше рассчитывали на скорое покушение на жизнь фюрера. Его успех кардинальным образом менял ситуацию. Однако было авантюрой поставить судьбу страны на две столь неверные

нения мира, лучше всех международных коалиций. Если все же Германия рискнула бы напасть на Польшу, то поскольку трехстороннее политическое соглашение было подготовлено, его официальное подписание могло состояться незамедлительно. Тогда становилось вероятным желательное, но вовсе необязательное обращение Варшавы за помощью к СССР и, ввиду создания *реального* Восточного фронта, переход англо-французской коалиции в наступление на Западном фронте.

Это умозрительный вариант *modus operandi*³⁵ хорош всем, кроме одного: он не соответствовал, точнее, противоречил, истинным намерениям Сталина.

Так закончился предвоенный турнир по международно-политическим шахматам с участием СССР, англо-французской коалиции и Германии, на котором каждый из участников давал сеанс одновременной игры на двух досках. Как показала История, победителей в турнире не было – по большому счету проиграли все. Однако и Берлин, и Кремль, каждый из них считал, что именно он одержали крупнейшую внешнеполитическую победу, и готовился получить главный приз.

карты.

³⁵ «образ действий» (лат)

Глава 2. Договор

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

«Правительство СССР и Правительство Германии

Руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья I. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III. Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой Договаривающейся Стороны.

Статья V. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI. Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания».

Убаюкивающий пацифизм, источаемый названием договора – «о ненападении», не должен настраивать на благостный лад. Достаточно вчитаться в преамбулу, чтобы возникло сомнение в миролюбии участников пакта. Они мотивировали его подписание «желанием укрепления дела мира между СССР и Германией». И только! Эта цель никак не вписа-

на в задачу сохранения общеевропейского мира. Как раз наоборот. Стороны авансом давали друг другу индульгенцию и обещали безопасный тыл и, самое малое, благожелательный нейтралитет даже в случае нападения одной из них на третьи страны. Этот случай в слегка завуалированном виде прописан в статье 2: ведь напав на Польшу, Германия, разумеется, **в ответ** стала «объектом военных действий» с ее стороны.

Понятен, поэтому, отказ авторов текста договора от классических для подобного рода документов терминов «агрессор» и «жертва агрессии». Сотрудники договорно-правового отдела НКВД, видимо, хорошо изучили теоретическое наследие своего недавнего шефа М. М. Литвинова. Выступая в сентябре 1935 г. на Ассамблее Лиги наций он заявил: «Не всякий договор о ненападении имеет цель укрепление всеобщего мира. В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишённые. *Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства. Теории подобных пактов сопутствует другая – о локализации войны. Но кто говорит – локализация войны, имеет в виду свободу войны, легализацию войны. Двусторонний пакт должен обеспечить этим*

людям безопасность и легализацию агрессии. Мы имеем, таким образом, две точно очерченные концепции: с одной стороны – безопасность народов, с другой – безопасность агрессии» (курсив автора. – Ред.) [26, с. 510–511]. Сказано как будто о пакте от 23 августа!

Политические наблюдатели обратили внимание и на ст. 3 договора, явно избыточную для соглашения о ненападении и наделяющую его чертами договора о военно – политическом союзе. В Лондоне и Париже это породило серьезные подозрения в фактическом создании такого союза.

Неотъемлемой частью Договора был секретный протокол.

«Секретный дополнительный протокол

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской

области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.³⁶ Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Впервые рецепт избавления Германии от проклятия войны на два фронта, наложенного на нее географией и русско-французским военно-политическим союзом декабря 1893 г., предложил в 1905 г. начальник германского генерального штаба генерал Альфред фон Шлиффен. Возможность возникала в связи с тем, что на осуществление всеоб-

³⁶ Эта граница относилась к СССР всю восточную Польшу, включая не только западную Украину и западную Белоруссию, но также Люблинское (целиком) и Варшавское (частично) воеводства.

щей мобилизации России требовалось 105–120 дней,³⁷ тогда как Германии – всего 15. Полученную фору в 90–105 дней Берлин рассчитывал использовать для скорейшего сокрушения Франции. *На время войны с Францией германское военное командование было готово полностью оголить свой восточный фланг ради усиления западной группировки войск и отвести армии за Вислу, сдав, – временно! – русским всю восточную Пруссию с Кенигсбергом, а также прочие территории.* Предполагалось, что разгромив Францию, войска успеют вернуться на восток еще прежде, чем Россия завершит мобилизацию. Реализованный в ходе Великой войны, этот замысел был в миллиметре от успеха. Только преждевременное – в смысле не проведенных до конца мобилизационных приготовлений – наступление русской армии, спровоцировавшее кайзера на переброску части войск обратно на Восточный фронт, т. е. фактически на отказ от плана Шлиффена, спасло тогда союзников от разгрома.

Сделанное немцами в 1939 г. предложение являлось, по существу, близнецом этого плана, его дипломатической реинкарнацией. Прежней оставалась цель: избежать войны на два фронта и бить своих противников поодиночке. «Впервые за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие усло-

³⁷ К 1914 г. благодаря развитию железнодорожной сети и ряду организационно-технических мероприятий эти сроки были сокращены до 45 дней (90 дней для дальневосточных корпусов).

вия, о которых мечтали с 1870 года», – заявил Гитлер на военном совещании 23 ноября 1939 г. [34, с. 77–78]. Прежней оставалась и цена, которую Берлин был готов заплатить за осуществление этих планов: временный, – и только временный! – уход Германии из восточной Европы и сдача ее Кремлю. Однако по сравнению с взятым им за основу «планом Шлиффена», «план Гитлера» имел два важных преимущества. Во-первых, из противника Германии восточная держава была обращена в нейтральное государство со всеми вытекавшими из этого благоприятными для Рейха военными, политическими и экономическими последствиями.³⁸ Во-вторых, территориальные уступки, на которые Берлину пришлось пойти, не затрагивали собственно германских земель. «Гитлер начал борьбу мирового масштаба, – писал Троцкий в 1940 г. – [...] Обеспечить свою восточную границу накануне такой войны являлось для Гитлера вопросом жизни и смерти. Он заплатил за это Кремлю частями бывшей царской империи». «Неужели это дорогая плата?» – вопрошал Троцкий, комментируя советско-германский пакт [135, с. 153]. Действительно, Сталин **сильно продешевил**: в директивах фюрера на переговоры Риббентроп уполномочивался заявить «о германской незаинтересованности в территориях Юго-Восточной Европы – вплоть до Константинопо-

³⁸ На деле статус СССР в начавшейся вскоре войне был даже ближе к статусу «невоюющий союзник» Германии, поскольку им не соблюдались требования к поведению нейтральных стран на суше и на море, предъявляемые Гаагскими конвенциями о нейтралитете 1907 г.

ля и Проливов, если бы это было необходимо». «Последнее, однако, не обсуждалось», – напоминал рейхсминистр в подготовленной для фюрера записке [23, док. № 109].

Впрочем, для Гитлера и, в несколько меньшей мере, для Сталина вся эта территориальная «мелочевка» мало что значила в сравнении с решаемой **стратегической задачей по созданию условий для нападения Германии на Польшу и, следом, начала войны на западе Европы.** Договорившись о визите Риббентропа в СССР, Москва и Берлин по существу авансом поставили свои «виртуальные подписи» под еще не изложенным на бумаге и согласованным только в этом главном пункте договором. По воспоминаниям рейхсминистра, он впервые набросал проект судьбоносного соглашения, подписывать которое летел в Москву, уже находясь в самолете. «Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, – вспоминал Риббентроп, – поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили»³⁹ [12, с. 140]. Гитлер же, даже не дожидаясь приземления самолета Риббентропа на аэродроме в Тушино, отдал приказ о нападении на Польшу через четыре дня, в 4.30 утра 26 августа.

Имея приоритетный интерес к стратегической составляющей пакта, Сталин и не думал упускать случая взять с Гитлера отступного за даруемый ему советский нейтралитет в виде

³⁹ Вероятно, Риббентроп говорит о тексте секретного протокола. Степень пренебрежения к формальной стороне вопроса была просто изумительной: когда и в русском, и в немецком текстах уже официально подписанного договора обнаружили орфографические ошибки и пропуск слова, их просто исправили от руки!

согласия Берлина на территориально-политические уступки Кремлю в Восточной Европе и Балтии. На Нюрнбергском процессе Риббентроп свидетельствовал, что по приезде в Москву ему с порога было заявлено, что если размер отступного окажется недостаточным, он может сразу вылетать назад в Берлин [32, с. 137]. Шантажируя Гитлера угрозой отправить рейхсминистра из Москвы с пустыми руками, Сталин, конечно, блефовал, чтобы выдрать с берлинской овцы лишний клочок шерсти. Ему самому пакт был нужен не меньше, чем фюреру. Договорившись о главном, Сталин и Гитлер исключали возможность срыва переговоров из-за разногласий по «мелким» территориальным вопросам. Допустить провал переговоров и предстать перед западной коалицией стратегическими банкротами ни Москва, ни Берлин просто не могли себе позволить.

Более того, по существу решался вопрос о *raison d'être*⁴⁰ обоих режимов. Гитлеровского – поскольку идеи реванша и завоевания «жизненного пространства» для германской нации, под знаменем которых он пришел к власти, могли быть реализованы исключительно на путях агрессии. Пока же Германия, половина государственного бюджета которой тратилось на армию, стояла на пороге финансово-экономического коллапса, и избежать его, по мнению Гитлера, было невозможно «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества» [цит. по: 22,

⁴⁰ Смысл, оправдание существования (фр).

док. № 371]. Сталинского режима – поскольку поставленная им на дыбы страна не могла находиться в таком положении неопределенно долгое время, а политическая и идеологическая демобилизация была чревата для него серьезными угрозами. Ведь именно подготовкой к войне оправдывались ужасы «первоначального социалистического накопления» в форме ограбления крестьянства, низведения до нищенского уровня жизни городского населения и эксплуатации рабского труда многомиллионной армии заключенных.

Наряду с перечисленными выше практическими интересами, которыми руководствовались лидеры Москвы и Берлина, заключая августовский договор, в его основу легли и их более общие мировоззренческие ценности. Пакту-39 от его «дедушки» – Рапалльского договора, похоже, передались некоторые присущие тому наследственные признаки, в том числе, по выражению немецкого историка Х. Таммермана, «и определенная *основополагающая*, имевшая социокультурную подоплеку антизападная направленность» [цит. по: 28, с. 41]. Для Гитлера политический Запад был олицетворением плутократии; Сталин видел там только «зажравшихся господ» [36, с. 616]. Психотипические особенности двух диктаторов, действительно, не могли не наложить личную печать на политику находившихся в их подчинении стран.

В советском случае, к сказанному выше можно добавить, что речь шла даже не столько о Сталине лично, сколько о *коллективном сталине* – режиме, который самоидентифи-

цировался путем противостояния окружающему капиталистическому миру. Это противостояние было его важнейшей идеологической опорой, под которую сама мысль о братстве по оружию с буржуазно-демократическим классовым врагом закладывала мину замедленного действия. Именно поэтому одной из главных идеологических задач режима после 1945 г. было вытравить те чувства дружбы и благодарности по отношению к союзным странам и их народам, которые возникли у советских людей в ходе совместной с ними борьбы против фашизма.

Четыре часа, которых сторонам хватило, чтобы решить судьбу Восточной Европы, Балтии и Румынии, говорят о том, сколь малое значение, на фоне решаемых стратегических задач, они придавали территориальному вопросу.⁴¹ «Риббентропу дано указание, – докладывал Гитлер на совещании с командованием Вермахта 22 августа, – делать любое предложение и принимать любое требование русских» [7, с. 96]. В результате темп переговоров поразил самого рейхсминистра: «За немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о каком я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог...» [12, с. 142–143]. По исчис-

⁴¹ Для сравнения можно напомнить, что позднее, когда первоочередные стратегические задачи сторон уже были решены, потребовались семь месяцев трудных переговоров для того, чтобы договориться об оставлении за СССР занятого его войсками, но «принадлежавшего», согласно пакта-39, Германии, небольшого кусочка пограничной территории в районе литовского г. Сувалки, причем на условиях его выкупа Советским Союзом за значительную сумму золотом.

лению Молотова, судьбы целых стран и народов решались на этих переговорах с рекордной для того времени скоростью передвижения 650 км/час [36, с. 615]. Едва успел рейхсминистр вернуться домой, как из Москвы поступила просьба скорректировать в пользу СССР линию размежевания в районе г. Белосток. Гитлер моментально соглашается, и 28 августа соответствующее разъяснение к секретному протоколу было подписано.

Однако вскоре Кремль обнаружил, что второпях допустил куда более серьезную, стратегического характера ошибку в части советско – германского размежевания на территории Польши. В Москве пришли к заключению, что политически неудобно и даже опасно передвигать границу так далеко на запад, оставляя на советской стороне исконно польские земли. Было ясно, что Великобритания и Франция никогда не признают этого захвата. А они ведь могли оказаться победителями в предстоявшей войне на Западе и, следовательно, доминирующими державами в послевоенной Европе, сосуществовать с которыми Москве было просто опасно. Кроме того, она получала постоянный источник польского сопротивления. Да и с международно – правовой и пропагандистской точек зрения оправдать эту аннексию было бы невозможно.

В силу названных причин в Кремле решили (и это стало единственным разумным действием во всей истории с пактом) отказаться в пользу Германии от этнически польских территорий Люблинского и Варшавского воеводств, прав-

да, потребовав взамен Литву. Соответствующее предложение было сделано Сталиным и Молотовым через посла Шуленбурга 25 сентября. Берлин не обрадовался такому предложению, но не возражал. Новый договор, получивший название «О дружбе и границе», был подписан в Москве 28 сентября 1939 г. Во изменение августовских договоренностей линия советско – германского территориального размежевания в Польше отодвигалась на восток, приблизительно до т. н. «линии Керзона».⁴² Взамен Литва стала считаться входящей в сферу интересов СССР.

Договор о дружбе и границе

Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными

⁴² О «линии Керзона» см. ниже.

государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устроят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

За Правительство Германии И. Риббентрон

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К «ГЕРМАНО – СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ»

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права

переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

Москва 28 сентября, 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР

В. Молотов

За Германское Правительство

И. Риббентрон

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе, констатировали своё согласие в следующем:

Обе Стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР

В. Молотов

За Германское Правительство

И. Риббентрон

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в пункте I таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет /на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью простого и естественного проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

Необходимо отметить, что помимо публично-правового и секретного существовал еще один уровень советско-германских соглашений – устный. На этом уровне были решены вопросы о темпе и международных условиях реализации Советским Союзом его «прав» в отношении стран Балтии и Бессарабии, указанных в секретных протоколах. Инициатором соглашений, которые в иных, более уместных случаях называются «джентльменскими», был И. Риббентроп. Рейхсминистр обратился к Сталину со слегка завуалированной просьбой повременить с советизацией балтийских стран и акцией по возвращению Бессарабии, сославшись на то, что это нарушит торгово-экономические отношения Рейха с указанными странами и Румынией [36, с. 608, 611, 614].

В качестве ответа Сталин поделился с Риббетропом планами советского правительства в отношении Прибалтики и Бессарабии, из чего стало видно, что германские пожелания будут учтены. Конкретно, советизация государств Балтии откладывалась на потом; пока же их внутреннее устройство сохранялось без изменений. В отношении Бессарабии стороны сошлись на том, что «в настоящее время советское правительство не располагает намерением трогать Румынию», однако оно заявит о своих интересах в случае изменения ситуации на Балканах из-за каких-либо действий Венгрии против Румынии [там же]. Хотя с формально – правовой точки зрения изложение собственных намерений нельзя считать принятием на себя обязательств, рассуждая *политически*, в

какой-то мере обязывающим сталинский ответ все же был. В дальнейшем это отразилось на поведении СССР в Прибалтике и его отношениях с Румынией и Венгрией.

«Решающая игра»

И Сталин, и Гитлер понимали, в сколь рискованную игру они ввязываются. Однако каждый из них надеялся перехитрить партнера. «Кажется, нам удалось провести их», – заявил Сталин соратникам после подписания пакта. Гитлер в радостном исступлении стучал кулаком по стене и кричал, что «теперь весь мир – у меня в кармане!» [цит. по: 7, с. 60]. Разумеется, ни для Гитлера, ни для Сталина истинные цели «партнера» не представляли никакой тайны. Эта игра в политический покер велась с открытыми картами.

В итоге, как того и опасался М. М. Литвинов, фюрер переиграл Сталина по всем статьям, начиная с самого решения заключить договор. Гитлер рассчитывал с его помощью добиться ликвидации польского государства и быстрой победы над западной коалицией, в результате чего Германия неизмеримо улучшит свое стратегическое положение, а также экономически обогатится за счет военной добычи – и оказался прав. Сталин же, напротив, строил расчет на затяжную кампанию, которая истощит человеческий, экономический и политический ресурсы Германии – и катастрофически ошибся. В Кремле не сумели по-настоящему отрешиться от опыта

сугубо позиционной первой мировой войны, которая велась ее участниками главным образом на истощение сил противника. То, чего кайзеровской армии не удалось достичь за четыре года непрерывных боев, потеряв два с половиной миллиона солдат убитыми и ранеными и разорив до нитки страну, Вермахт добился за полтора месяца ценой относительно малой крови. Столь блестящей победы мир еще не видел.

В итоге ставка, сделанная Кремлем на этот замысел, оказалась битой. Вместо истощения ресурсов Германия значительно нарастила их объем, заполучив в качестве военной добычи людской, промышленный, финансовый и военный потенциал сразу нескольких развитых европейских стран. Вместо ожидавшегося Москвой социального взрыва на почве трудностей военного времени в результате побед германского оружия произошла небывалая консолидация режима, а авторитет Гитлера в народе и армии вознесся до небес. Последнее имело для СССР особо печальные последствия, поскольку положило конец «генеральской фронде» Гитлеру и превратило Вермахт в послушное орудие реализации нацистской партийной программы во внешней политике. По свидетельству помощника (заместителя) германского военного атташе в Москве полковника Г. Кребса, после победы Гитлера в споре с осторожничающим генералитетом относительно возможности быстрого успеха западной кампании не осталось желающих отговаривать его от нападения на СССР [56, с. 398–399]. Традиционный для военной касты

сверхосторожный бисмарковский подход к вопросу о войне с Россией оказался отброшенным в сторону. В международном плане головокружительный военно-политический триумф Германии вознес ее на пьедестал вершителя судеб Европы и позволил принять на себя роль покровителя малых стран и арбитра в их многочисленных спорах друг с другом.

После заключения пакта политическое искусство состояло в том, чтобы выжать из международной ситуации, создаваемой им, максимум выгод, а затем в подходящий момент первым ударить по «заклятому партнеру». И здесь Гитлер полностью обставил Сталина. Во-первых, главной жертвой blitzkriega на западе стала Франция – наиболее склонная к союзу с СССР держава. Во-вторых, свобода рук в отношении стран Восточной Европы и Балтии, которой «берлинский да-naец» одарил Сталина за советский нейтралитет, оказалась, по сути, коварной провокацией, поспорившей СССР практически со всеми соседями, от Финляндии до Ирана, и вынудившей их искать защиты все у того же Берлина. И, наконец, завершающий акт, – нанесение опережающего удара по рапальскому партнеру, – также остался за Гитлером.

В том – то и была «беда» пакта, что положенный Кремлем в его основу стратегический расчет оказался в корне неверным, а предпринятые им, исходя из этого расчета, практические мероприятия 1939 – первой половины 1941 гг. – строго контрпродуктивными. Стремление официальной историографии скрыть неудобную правду об истинной цели

этого провалившегося проекта и, одновременно, представить успешными его промежуточные результаты, делают эту миссию в принципе невыполнимой.

Мнимое величие

Между тем, многим авторам, пишущим о пакте, удается усмотреть какой-то «рост международного авторитета» СССР в результате этой сделки, вызвавшийся, якобы, в признании его прав и интересов в Восточной Европе. Вопрос только в том, признание кем? Третьим Рейхом – преступным государством, преступные руководители которого будут преданы позорной казни через повешение, если только не успеют покончить жизнь самоубийством? Государством, которое всего через несколько лет само будет стерто с политической карты Европы? Невелико достижение! Да и это «признание» продлилось не очень долго – один год и десять месяцев. Чтобы выкупить у Сталина право на агрессию, Берлин позволил ему потешиться ролью военно – политического Калифа всея Восточной Европы на час, точнее, на год и девять месяцев. «Эти «выгоды», – писал по горячим следам пакта-39 Троцкий о территориальных и политических уступках Германии, – имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под "клочком бумаги"» [141, с. 145]. Так и случилось. 22 июня «великая держава» Гитлера отказала СССР в праве не

только на присоединенные территории, но даже на само его существование.

С учетом исхода второй мировой войны единственно значимым стал бы акт признания произошедших территориально – политических изменений будущими союзными СССР державами – победительницами – Великобританией и США и ведомой ими мировой антигитлеровской коалицией. Однако они провозгласили, как общий, принцип непризнания любых таких изменений, если они имели место уже после начала войны, т. е. после 1 сентября 1939 г. Все советские приобретения, подаренные пактом Молотова – Риббентропа, попали в этот разряд. Историк Д. Г. Наджаров справедливо замечает, что «груз нелегитимности» соглашений с фашистской Германией постоянно довлел над Кремлем [28, с. 53]. Когда возникла необходимость заручиться англо-американской поддержкой в войне против Гитлера, чтобы получить ее Сталину пришлось высечь самого себя, присоединившись к Атлантической хартии Рузвельта и Черчилля, отвергавшей насильственные территориальные изменения и провозглашавшей право народов на свободное определение своей судьбы.⁴³

Прежде всего, ничтожными с международно – правовой точки зрения были договоренности между СССР и Герма-

⁴³ Провозглашена британским премьер-министром У. Черчиллем и президентом США Ф. Д. Рузвельтом 14 августа 1941 г. Излагала принципы послевоенного устройства мира. СССР присоединился к Хартии 24 сентября 1941 г.

нией по вопросу о линии размежевания двух государств на польской территории. Советское правительство само признало этот факт уже 30 июля 1941 г. в т. н. «соглашении Сикорского – Майского».⁴⁴ Собственно, против самой этой линии, весьма предусмотрительно, как отмечалось выше, срисованной Кремлем с «линии Керзона», ни в Лондоне, ни в Париже в 1939–1940 гг. отнюдь не возражали, поскольку сами предлагали ее Польше и Советской России еще в 1919 г. и хотели бы к ней вернуться сейчас. Еще даже до присоединения СССР к англо – американскому антигитлеровскому альянсу польское эмигрантское правительство ставилось союзниками в известность, что о включении в будущую восстановленную Польшу областей, отошедших к СССР, и речи быть не может. Как съязвил в одном из донесений в НКВД И. Майский, министром иностранных дел Великобритании Галифаксом в этой связи Сикорскому была прочитана «длинная лекция о прелестях «линии Керзона» [36, с. 329, 335]. Из Парижа Суриц писал в НКВД 30 сентября 1939 г.: «О восстановлении прежней (в смысле границ. – *Ред.*) Польши никто серьезно, по-видимому, уже не думает». Также он передал мнение одного видного эксперта по международному праву,

⁴⁴ «Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в изгнании» – подписано премьер – министром этого правительства В. Сикорским и послом СССР в Великобритании И. М. Майским. Ст. 1 Соглашения гласила: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу» [31, с. 200].

что «если подходить под углом этническим [...] то СССР ни в каком разделе Польши не участвовал» [36, с. 143]. Отказ в признании советско – германских договоренностей был вызван исключительно насильственным неправовым способом решения вопроса. Настоящее международное признание новая советско – польская граница, – фактически присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, – получит на Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в феврале 1945 г., в ходе которой Советское правительство заявило о согласии установить послевоенную границу с Польшей по «линии Керзона» с небольшими отклонениями местами в пользу СССР, местами – Польши.⁴⁵

Признание Европой и США изменений в Прибалтике де-факто стало платой Советскому Союзу не за пакт Молотова – Риббентропа, а за его огромный вклад в разгром Третьего Рейха, однако в признании де-юре было отказано. Признание де – юре территориальных изменений в пользу СССР, про-

⁴⁵ «Линия Керзона» – линия советско – польского размежевания, рекомендованная Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. Базировалась на принципе нераздельного проживания народа в рамках одного государства. 11 июля 1920 г. линия была предложена британским министром иностранных дел лордом Керзоном советскому и польскому правительствам. В ситуации наступления Красной Армии на Варшаву предложением не воспользовались. Существовавшая в 1939 г. граница была установлена после окончания советско-польской войны мирным договором 1921 г. и оставляла за Польшей западные части Украины и Белоруссии. Через 24 года в Ялте У. Черчилль возобновил предложение Керзона, и на сей раз оно было принято.

изошедших в Румынии и Финляндии, стало их наказанием: Румынии – за участие в войне на стороне Германии; Финляндии – за пособничество Германии в войне против стран антигитлеровской коалиции, в том числе за продолжение боевых действий против СССР и оккупацию советских территорий за пределами границы 1939 г.⁴⁶ Эти изменения были зафиксированы в мирных договорах, заключенных странами – победительницами с поверженными противниками после окончания войны.

Накачанный ядовитым нацистским газом, раздувшийся было пузырь мнимого авторитета СССР взорвется 22 июня, оставив по себе одни лохмотья, которые, однако, продолжают отравлять международные отношения в Восточной Европе и Балтийском регионе вплоть до нынешнего дня.

«Слагаемые Победы»?

История трехсторонних переговоров и заключения пакта-39 позволяет утверждать, что летом 1939 г. Сталин был меньше всего озабочен обеспечением безопасности СССР традиционными методами вроде поиска союзников для совместного противодействия германской агрессии. Подмена

⁴⁶ Действия Финляндии лета – осени 1941 г. по возвращению территорий, уступленных ею Советскому Союзу по итогам Зимней войны, до границы 1939 г., в Лондоне и Вашингтоне не считали агрессией в силу упомянутого выше принципа непризнания насильственного изменения границ. Подробнее об этом см. Гл. 5.

Кремлем государственных интересов СССР в области внешней безопасности эгоистическими интересами режима, им противоречащими, имела результатом немыслимое извращение самих основ международных отношений и внешней политики: естественные, хотя и неудобные, союзники фактически низводятся до статуса противников, а единственный реальный враг возводится в ранг квазисоюзника! Заведующий отделом печати НКВД Е. А. Гнедин много позже назовет советско-германский договор с замечательной глубиной и меткостью «*нереальным*», указав тем самым на его фантазмагорический характер.

Некоторые же комментаторы истории, напротив, находят повод для особой национальной гордости как раз в циничном практицизме, как им кажется, действий Кремля. Однако воинствующий цинизм, с которым был заключен договор 23 августа, еще не есть достаточное условие, чтобы относить его к великой традиции *Realpolitik*. Эта политика подразумевает, прежде всего, трезвую оценку собственных интересов и возможностей и тщательный расчет сальдо между получаемыми выгодами и ожидаемыми издержками, причем не только сиюминутными и материальными. С учетом этих критериев пакт – 39 к *реалполитик* не имеет ни малейшего отношения. Геополитический мезальянс 23 августа обернулся для обоих участников после очень короткого «медового месяца» стратегической западней, выбраться из которой, в военном отно-

шении, СССР смог только ценой ужасающих жертв,⁴⁷ а Германии это так и не удалось.

Официальная пропаганда и апологетическая историография, между тем, прилагают титанические усилия, чтобы убедить нас в правильности решения о заключении пакта, создавшего, якобы, предпосылки победы СССР над Германией. Главный довод состоит в том, что благодаря ему удалось отсрочить германское нападение на полтора года и, таким образом, лучше подготовиться к войне.

Если отвлечься от вопроса, почему такое нападение вообще стало возможно (иначе нам пришлось бы повторить все сказанное ранее), и ограничиться ситуацией осени 1939 г., то совершенно очевидно, что нападать на СССР у Германии тогда не было ни малейшего намерения,⁴⁸ да и ни малейшей возможности. Достаточно указать на отсутствие общей границы между двумя странами. (Согласно известному историческому анекдоту Наполеону, в подобных случаях, никаких

⁴⁷ В морально – политическом отношении сделать это в обозримом будущем не удастся.

⁴⁸ Все планы, разрабатывавшиеся германским генеральным штабом в 1935–1939 гг., начиная с первого «Плана Рот», предусматривали нанесение основного удара по Франции, хотя постепенно на место главной политической цели этой войны все больше выдвигалась задача поражения Великобритании. «Проблему Польши нельзя отделить от войны против Запада [...] Англия – наш враг, и борьба с ней будет вестись не на жизнь, а на смерть [...] Нашей целью есть и будет поставить Англию на колени», – заявил Гитлер на совещании с командованием Вермахта 23 мая 1939 г. [цит. по: 27, с. 520, 522]. Как видим, СССР им даже не упоминался.

дополнительных аргументов не требовалось). Попытка нападения через польскую территорию ввергло бы Германию в войну на двух фронтах – западном и восточном, одновременно против трех великих держав, а также Польши и Румынии (с последней в силу франко – румынского и польско – румынского договоров о взаимопомощи). Возможность осознанного выбора Германией этого самоубийственного пути никем в Европе, включая самого Гитлера, даже не рассматривалась, иначе в августе он не ползал бы перед Кремлем на коленях, вымаливая у него безопасность восточного фланга Рейха. Для Сталина это тоже было прописной истиной, и именно поэтому он с видом хозяина положения диктовал немцам условия в августе 39 – го. Так что «бороться за отсрочку» даже не планировавшегося нападения вряд ли имело смысл.

Не предполагало германскую агрессию и соотношение сил: 126 дивизий у СССР и только 51 – у Германии; 21 тыс. танков у СССР (14544, не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) и только 3,4 тысяч – у Германии; 12,5 тысяч самолетов у СССР и только 4,3 тысяч – у Германии, 56 тысяч орудий и минометов у СССР и только 30 тысяч – у Германии и т. д. [16, с.83]. По оценке одного из руководителей Вермахта генерала В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г., ввиду нехватки вооружения и отсутствия необходимых резервов личного состава [11, с. 55]. «Никакой дли-

тельной войны мы вести не можем», – признал Гитлер в ходе совещания с генералитетом 22 августа 1939 г. [7, с. 95]. Действительно, боеприпасов у Вермахта едва хватило, чтобы довести до конца быстротечную польскую кампанию. А война с Советским Союзом *по определению* грозила стать длительной, с учетом размеров театра военных действий и призывного контингента, масштабов военного производства и т. д. С другой стороны, превосходство СССР в численности войск и количестве боевой техники над Германией, Францией, Великобританией и США, даже вместе взятыми, никогда не было так велико, как в 1939 г.

Наконец, ожидать нападения Германии на СССР поздней осенью 1939 г. после победы над Польшей не приходилось даже просто по погодным условиям: стратегия *блицкрига* сразу бы забуксовала на раскисших дорогах и занесенных снегом полях, а другой стратегии у Вермахта для СССР не было, и быть не могло! В неизмеримо более комфортных с точки зрения погоды и транспортной инфраструктуры условиях Западной Европы Гитлер 29 раз переносил дату начала кампании против Франции ввиду неблагоприятных для наступления метеосводок. Про эти реальные практические обстоятельства дела могут не знать доверчивые читатели исторических опусов невежд и пропагандистов, но Кремлю и в Генштабе они были хорошо известны.

Рассуждения о судьбоносном значении пакта как документа, якобы притормозившего германскую агрессию на

восток, вообще лишены смысла, поскольку на 23 августа 1939 г. между СССР и Германией **уже действовал Договор о нейтралитете**. Как указывалось выше, подписанный в Берлине в 1926 г. договор в апреле 1933 г. с согласия А. Гитлера был продлен на неопределенно долгий срок с правом денонсации при условии предупреждения за один год. Кроме того, вплоть до 22 июня 1941 г. сохраняла силу советско-германская Конвенция о согласительной процедуре, обязывавшая стороны прибегать исключительно к ненасильственным способам урегулирования спорных вопросов между ними. Таким образом, договорные гарантии ненападения от Гитлера у Сталина имелись и до визита Риббентропа.

Напротив, заключение пакта-39 разрушило всю систему договоров в сфере безопасности, создававшуюся советской дипломатией в течение двух десятилетий. Приведем список нарушенных СССР, т. е. фактически разорванных в одностороннем порядке, договоров и соглашений:

1. Советско – французский договор о ненападении 1932 г.
2. Советско – французский договор о взаимной помощи 1935 г.
3. Советско-польский (Рижский) мирный договор 1921 г.
4. Советско – польский договор о ненападении 1932 г.
5. Советско – финляндский (Тартуский) мирный договор 1920 г.

6. Советско – финляндский договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов 1932 г.

7. Советско – литовский мирный договор 1920 г.

8. Советско – литовский договор о взаимном ненападении и нейтралитете 1926 г. и его пролонгации 1931 и 1934 гг.

9. Советско – эстонский Тартуский (Юрьевский) мирный договор 1920 г.

10. Советско – эстонский договор о ненападении 1932 г.

11. Советско – латвийский мирный договор 1920 г.

12. Советско – латвийский договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов 1932 г.

Кроме того, были нарушены соглашения, подписанные в развитие и уточнение отдельных положений перечисленных договоров, и мирные обязательства, взятые на себя СССР в силу решений Лиги наций. Заключенный пакт выхолостил смысл из советско – турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г. Советско – германские договоренности августа – сентября 1939 г. также означали, что СССР не собирался честно выполнять пакты о взаимопомощи, заключенные им позже с Литвой, Латвией и Эстонией, в центральном их пункте об уважении независимости и территориальной целостности трех стран. Весь наработанный советской дипломатией за десятилетия корпус договоров в сфере внешней безопасности был выкинут на помойку ради договоренности Сталин – Гитлер.

Вообще говоря, историю вопроса, перевернутую сталинскими фальсификациями с ног на голову, пора вернуть в нормальное положение и сказать, что не Сталину, а Гитлеру надо было опасаться нападения партнера по Рапалло. На 23 августа роли распределялись именно таким образом. Неслучайно Гитлер отказался от первоначально витавшей идеи зафиксировать новое советско-германское взаимопонимание путем простого «омоложения» Договора 1926 г. [13, с. 38, 55, 60]. Дело в том, что по нему советская гарантия нейтралитета могла быть отозвана в самый день нападения Германии на Польшу, поскольку ее предоставление одной из сторон обуславливалось в статье 2 договора «миролюбивым образом действий» другой.⁴⁹ Чтобы воодушевить Германию на агрессию, пришлось подписать новый договор, не содержащий этой «досадной» оговорки. И все последующие 22 месяца, вплоть до дня 22 июня, «меня, – признавался Гитлер, – вечно терзал кошмар, что Сталин может проявить инициативу раньше меня» [цит. по: 18, с. 49]. Борьба за «отсрочку» неминуемого советско-германского столкновения должна была стать – и на деле стала! – уделом Берлина, а не Москвы.⁵⁰

В действительности вместо «спасения отечества» от мифической в то время германской угрозы заключение пакта,

⁴⁹ Кстати, включенной в 1926 г. в документ по настоянию советской стороны вопреки возражениям немецкой.

⁵⁰ Подробнее об этом см. Гл. 7.

точнее, вновь расцветшее на его рапалльском фундаменте сотрудничество Берлина и Москвы, имело для СССР смертельно опасный побочный эффект. Теснейшая координация действий двух стран на международной арене, а также поставки стратегического сырья из СССР и через его территорию в Германию дали Лондону и Парижу веские основания рассматривать Советский Союз как **невоюющего союзника** Берлина. На протяжении зимы – весны 1940 г. отношения СССР с упомянутыми державами приблизились к критической черте, чреватой возникновением вооруженного конфликта.⁵¹ Случись такое, и вступление СССР в войну на стороне «сил Зла» было бы неизбежным.

Другой аспект вопроса об «отсрочке»: кто лучше сумел воспользоваться ее временем для наращивания своего военного, экономического и внешнеполитического потенциала – СССР или Германия? Однако для официозной историографии такого вопроса просто не существует, как будто эти полтора года к войне готовился один Советский Союз, а чем занималась Германия – непонятно. Между тем, для начала достаточно напомнить, что в качестве военной добычи Германии достались трудовые ресурсы, финансово – промышленные активы, запасы сырья и продовольствия, а также вооружения 11 развитых европейских государств. В речи, произнесенной на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г., Сталин назвал эти трофеи и обретенный Вермахтом опыт ве-

⁵¹ Об этом см. ниже.

дения современной войны главными причинами побед германского оружия летом – осенью 1941 г. Конечно, таким образом он пытался скрыть истинную главную причину разгрома Красной Армии, но доля правды в его утверждении все же имелась. Успешными оказались и собственные мероприятия имперского правительства по созданию боеспособной армии и развитию военной промышленности.

В результате за время пресловутой «отсрочки» **Германии удалось сократить свое отставание от СССР** в военной области. Если летом 1939 г. соотношение численности сухопутных войск Германии и СССР составляло приблизительно 1:3, то к 22 июня 1941 г. оно уменьшилось до показателя 1:1,5, т. е. в два раза! В наиглавнейших для германской военной промышленности вопросах обеспеченности сырьем и рабочей силой результаты 1939–1941 гг. таковы: за счет ограбления оккупированных стран и прорыва с советской помощью экономической блокады запасы угля увеличились в 2 раза, железной руды – в 7,7 раз, медной руды – в 3,2 раза, зерна – в 4 раза, а нефти – в 20 раз. За счет использования рабочей силы оккупированных стран удалось в основном решить острейшую для германского народного хозяйства проблему нехватки рабочих рук при одновременном увеличении числа призванных в армию. «Неоспоримым является и то, – пишет историк Р. Медведев, – что Германия лучше использовала эту отсрочку, чем Советский Союз. Она наращивала свою военную мощь и военно-промышленный потенци-

ал в 1939–1940 гг. быстрее, чем СССР» [107, с. 151]. Действительно, с этим не поспоришь.

Общий итог таков: если в 1939 г. Вермахту едва хватило ресурсов довести до победного конца войну против Польши, то после окончания «отсрочки» Рейх четыре года воевал со всем миром. Кроме того, в 1940–1941 гг. методами умелой дипломатии Германии удалось подключить к нападению на Советский Союз Финляндию, Венгрию и Румынию, что еще больше изменило соотношение сил в ее пользу.

Стоит помнить, что термин «отсрочка» был изобретен сторонниками Мюнхена и должен был доказать правильность решения о капитуляции перед Гитлером. В результате той «отсрочки» Германия, для которой армия небольшой Чехословакии представляла тогда серьезную проблему, а «танковые лавины» которой не смогли доехать до Вены по шоссе в результате многочисленных поломок, превратилась в 1940 г. в триумфатора, поставившего на колени Францию и изгнавшего с континента Британию. Вторая «отсрочка» закончилась тем, что стоит за цифрами 22.06.41.

В числе «слагаемых Победы» называют также увеличение глубины стратегической обороны за счет присоединения Прибалтики и переноса государственных рубежей СССР на пару сотен километров дальше на запад в Польше. Однако это просто не могло быть целью заключения пакта, т. к. ни советская военная доктрина, ни уставы Красной Армии, ни директивы Наркомата обороны и генштаба РККА 1939–

1941 г. вообще не рассматривали стратегическую оборону, не говоря уже о стратегическом отступлении, в качестве возможного вида боевых действий.⁵² Нам могут возразить: пускай стратегическая оборона, а тем более отступление не планировались, но стали фактом; так что увеличение глубины обороны на пару сотен километров очень даже пригодилось в 1941 г. А в действительности? Посмотрим на результаты операции по переносу границ и сравним с заплаченной за это ценой.

Выдвижение советских войск на неосвоенные в инженерном отношении и политически негостеприимные присоединенные территории соседних государств повлекло за собой значительное снижение их боеготовности. Обычным делом было отсутствие в новых местах дислокации частей РККА казарм, бань, медпунктов, стрельбищ, танкодромов и т. д., что серьезно затрудняло организацию боевой учебы и отдыха личного состава. Тяжелыми были и морально – политические последствия. Красноармейская масса не отождествляла оборону занятых рубежей и территорий с защитой Родины и после начала войны под германским ударом быстро покатила назад, создавая обстановку всеобщей паники и неразберихи. В результате Вермахт прошел присоединенную территорию Белоруссии и вышел на старую границу **на тре-**

⁵² «Необходимейшим условием для успешного отражения нападения и последующего перехода в наступление была организация стратегической обороны на Западном театре. Однако такой вариант действий, к сожалению, не предусматривался», – отмечает военный историк И. П. Макар [138, с. 5].

тий (!) из 1418 дней Великой Отечественной войны. **Совершенно бесполезными** в войне с Германией оказались советские завоевания в Финляндии.⁵³ Фактически превратились в ловушки для базировавшихся там кораблей Балтийского флота порты Эстонии. На оккупацию Литвы и Латвии у немцев ушла **неделя**. О каких «слагаемых Победы» можно говорить?!

Чем сомнительнее с точки зрения укрепления обороноспособности выглядят советские приобретения 1939–1940 гг. в Польше, Румынии и на Балтике, тем чудовищнее представляется заплаченная за них цена. Бессарабия и Северная Буковина стоили Советскому Союзу нападения Румынии, в котором в 1941–1944 гг. приняло участие порядка миллиона ее солдат. Приблизительно столько же солдат на фронт выставила и Венгрия, что было побочным эффектом все той же бессарабской истории. В ответ на советизацию Латвии, Литвы и Эстонии Кремль лишился поддержки 400 – тысячной армии военного времени прибалтийских стран и получил участие 200 тысяч их граждан в вооруженных формированиях Германии. Платой за попытку «обеспечить безопасность северо – западного региона СССР» путем завоеваний в Финляндии стали две кровопролитные войны с ней (1939–1940 и 1941–1944 гг.). В целом, из 2000 км Восточного фронта летом 1941 г. 1200 км удерживались Финляндией, Румынией и Венгрией. Это позволило Вермахту сконцен-

⁵³ См.: наст. работа, гл. 5.

трировать свои силы на центральном московском направлении и, создав тем самым превосходство в силах и средствах, добиться здесь феноменальных побед.

Относительно утверждения о том, что заключение пакта-39 привело к отказу Японии от одновременного с немецким нападения на СССР, можно сказать следующее. Конечно, конъюнктурное примирение Берлина с Москвой нанесло тяжелый удар по военно – политическому сотрудничеству Германии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта». Однако к 22 июня 1941 г. Токио мог бы утешиться заключенным 27 сентября 1940 г. Берлинским договором о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. То, что второй дальневосточный фронт так и не был открыт, стало результатом замены восточного вектора японской экспансии на южный, в сторону Филиппин, Сингапура, Бирмы и пр. Остается гадать, в какой мере эта замена объясняется «предательством» Германии, в какой – победой японского флота в политической борьбе с сухопутной армией, а в какой – поражением японских войск на Халхин – Голе в ходе операции, запланированной задолго и начатой за несколько дней до подписания советско – германского договора. Также необходимо учитывать факт появления после образования антигитлеровской коалиции у СССР на Дальнем Востоке мощного союзника в лице США.

Итак, никаких видимых следов практического укрепления обороноспособности СССР перед лицом ожидавшейся

германской агрессии не обнаруживается. Более того, результат оказался прямо противоположным. А иначе не могло и быть, поскольку пакт Молотова – Риббентропа подписывался не под оборону от германского нападения, а под поход РККА в Европу. И если взглянуть на ситуацию под этим углом, то тогда основные военно – политические мероприятия СССР 1939 – первой половины 1941 гг., оказавшиеся в действительности абсолютно контрпродуктивными, обретают смысл. Так, ликвидация польского буфера между Германией и СССР из величайшей геополитической ошибки превращается в удачно выполненную операцию по устранению главного препятствия на пути Красной Армии в Европу, причем чужими, – германскими, руками. В 1920 г. это препятствие оказалось непреодолимым для РККА. Теперь же Германия бралась сама разрубить «польский узел», причем ценой столь желаемого Москвой вступления в войну с западной коалицией!

Становится понятным и значение переноса границ, а, вернее, выдвижения советских войск на запад на 150–250 км. Во-первых, в масштабах Восточной и Центральной Европы эти километры являлись значительной частью пути на Бухарест, Будапешт, Краков и далее – на Вену и Берлин. Во-вторых, в тылу советских войск, т. е. уже преодоленными, оказывались приграничные укрепления Польши и Румынии, например, тогда еще польская Брестская крепость. Этим создавались особо благоприятные условия для быстрого раз-

вертывания советского стратегического наступления на запад. Контроль над Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией выводил Красную Армию на границу Восточной Пруссии и превращал восточную Балтику во внутреннее море СССР. Присоединение Бессарабии и Буковины означало обретение плацдарма для последующего завоевания Балкан.

Коротко говоря, Сталин все же подготовился к войне, но совершенно другой, им придуманной, а не к той, которая начнется на рассвете 22 июня. Для того чтобы скрыть действительный замысел режима на войну и факт его провала, **адвокаты Кремля пытаются подогнать задним числом пакт Молотова – Риббентропа под ситуацию 22 июня 1941 г.**, на которую он вовсе не был рассчитан, продолжая бубнить что-то невразумительное про отсрочку и километры. На фоне грандиозного кремлевского замысла «похищения Европы» это столь же нелепо, как спорить о том, удобно или нет забивать гвозди микроскопом (что, в принципе, возможно), забывая о его истинном предназначении. Масштаб сталинского замысла на предстоящую войну был таков, что изучать его надо по глобусу, а не по карте – стометровке в лейтенантском планшете...

* * *

На данном рубеже поиски тайных смыслов и скрытых пружин сталинской дипломатии 1939 г. по общему прави-

ду заканчиваются. Грандиозным замыслом установления на всем континенте *paх sovietica* исчерпывались, казалось бы, все возможные цели Кремля в его лихорадочной внешнеполитической деятельности весны-лета 1939 г. Но так ли это?

Глава 3. Народ, армия, пакт

Враг в тылу!

Выше отмечалось, что для кремлевских руководителей насаждение социализма в Европе было, прежде всего, вопросом борьбы за сохранение их власти с точки зрения международных условий ее существования. В этом и состояла одна из целей заключения пакта-39. **Однако перспектива войны в Европе многократно усложнила задачу обеспечения внутренней безопасности режима.** Инструментов, необходимых для ее решения методами внутренней политики, в сталинском арсенале не было. Искать их пришлось опять же на путях политики внешней, и заключение пакта-39 представлялось Кремлю наилучшим выходом из трудного положения.

Поясим. Помимо англо-французской коалиции и Германии у Кремля был еще один враг, который представлял для него бо'льшую потенциальную угрозу, чем обе военно – политические группировки зарубежных стран. Мы говорим об остающейся в тылу режима многомиллионной антибольшевистской России. Неспособная после двух десятилетий властного террора, политического бесправия, полуголодного существования и нескольких волн голодомора на са-

мостоятельное выступление, она была готова при первых же залпах большой войны на рубежах СССР открыть второй фронт – фронт гражданской войны против кремлевской власти. Поражение Белого движения вовсе не означало окончания внутренней междоусобицы в России. В латентной форме она продолжалась как политико – экономическое и идейно – нравственное сопротивление крестьянства насилию коммунистических властей. В области вооруженной борьбы произошла простая смена знамен – белогвардейских штандартов на зеленое знамя крестьянского повстанческого движения и черный флаг индивидуального террора. Как высказался Сталин на заседании Политбюро 3 января 1925 г., мы, коммунисты, «до полной ликвидации гражданской войны далеко еще не дошли, и не скоро, должно быть, дойдем» [40, с. 314–315].

Эта реальность предельно жестко ставила перед советской внешней политикой как ее сверхзадачу **исключить безусловно и полностью из всех возможных сценариев развития событий в Европе вариант иностранного вооруженного вторжения на территорию СССР**. Военная угроза в Европе, с одной стороны, и внутривластное положение, принявшее взрывоопасный характер в результате сталинской практики строительства социализма на народных костях – с другой, стали напоминанием кремлевским вождям о двух страшных родовых травмах, полученных российским государственным большевизмом при появлении на

свет, – гражданской войне и интервенции. По свидетельству внука Молотова В. Никонова «он (Молотов. – *Ред.*) говорил, что шла подготовка к войне, а над страной еще довлел кошмар гражданской войны, когда внешняя интервенция сопровождалась военным расколом в обществе. Руководители страны боялись повторить этот сценарий» [«Московский комсомолец». – 2016. – 10 мая.].

Действительно, политически взрывчатого материала в стране накопилось предостаточно, и Сталин отдавал себе в этом отчет. А за границей сконцентрировалась огромная эмиграция, которая включала нескольких бывших премьер-министров страны и главнокомандующих вооруженными силами России, способных возглавить новую антибольшевистскую войну. Привыкший мыслить исторически аналогиями, Сталин, по аналогии с событиями 1918–1919 гг., был абсолютно убежден, что в случае иностранного нападения на СССР «сценарий повторится». Он даже проигрывал в уме ситуацию за противную сторону. «Прорваться к Ленинграду, – делился Сталин своими опасениями на Главном военном совете РККА 17 апреля 1940 г., – занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти»⁵⁴ [46, док. № 6].

⁵⁴ Данное совещание было посвящено разбору итогов советско – финской войны зимы 1939–1940 гг. Приведенное высказывание стало, по всей вероятности,

Мысль о том, что крестьянство, т. е. 80 % населения, если и не восстанет на большевистский режим, то, как минимум, не станет защищать его в случае нападения извне, была для коммунистической номенклатуры общим местом. Приведем всего несколько фактов и выдержек из подготовленных для партийного начальства сводок ОГПУ о настроениях крестьянства в 1927 г. в дни так называемой «военной тревоги».⁵⁵

Так, в деревне Бельково Владимирской губернии из 1043 жителей на собрание «Недели» пришли 16 человек. В другой деревне из 80 явившихся за резолюцию, предложенную властями, проголосовали 16 человек. Резолюция деревенского схода в Иваново – Вознесенской губернии относительно взносов в «Фонд обороны»: «Воевать не хотим, поэтому от всяких пожертвований отказываемся». В 1927 г. пленум ЦК ВКП (б) признал: «Нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии – крестьяне, не будут добровольно драться за социализм», т. е. за государство сталинской диктатуры. Обитатели Кремля прекрасно помнили, что в 1917 г. отказ армии воевать с внешним врагом за победу

реакцией Сталина на родившуюся тогда в некоторых эмигрантских кругах идею создания на территории Финляндии «русского национального правительства в изгнании» под председательством А. Ф. Керенского.

⁵⁵ «Военная тревога» – волна паники, захлестнувшая правящий режим в связи с разрывом Великобританией дипломатических связей с СССР в 1927 г. В ответ с целью внутренней мобилизации проводилась т. н. «Неделя обороны» и сбор средств (по 10 копеек с крестьянского хозяйства) в «Фонд обороны».

правлящих классов свалил два режима – царский и временный, и стал прологом к гражданской войне в России.

Более того, перспектива иностранной интервенции вселяла в крестьян надежду на избавление от коммунистического засилья: «Скоро будет война, и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев...»; «Война неизбежна, но на нас пускай коммунисты не надеются – воевать не пойдем»; «Как только откроется война, то мы красным войскам будем стрелять в тыл»; «Казачество округа (Вийский округ Астраханской губернии. – *Ред.*) живет надеждой на скорую войну и переворот: «Только бы вспыхнула война, дали бы нам оружие, мы бы знали, что делать». Подобных свидетельств многие и многие тысячи хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Если такими были настроения деревни даже в относительно спокойном и сытном, по советским меркам, 1927 году, то в ответ на кампанию 1928–1932 гг. по насильственному изъятию хлеба и колхозному закреплению крестьян их протест принял форму активных антиправительственных выступлений.⁵⁶ Согласно данным ОГПУ в 1928 г. таковых

⁵⁶ С коллективизацией справедливо связывают обострение отношений между крестьянством и коммунистическими властями. Надо, однако, иметь в виду, что в чисто материальном плане революционный эксперимент 1917 г. обошелся крестьянам очень дорого: по расчетам Троцкого, экономя на отмененных властью арендных платежах за землю ее бывшим собственникам 600 млн. золотых рублей в год, они, скажем, в 1927 г. переплатили за приобретаемые ими промышленные товары 2 млрд. рублей вследствие колоссального удорожания цен на них по сравнению с 1913 г. Дебет, таким образом, составил 1,4 млрд золотых рублей.

было 1027, в 1929 г. – 1307, а в 1930 г. – уже 13754, в которых только в январе-апреле приняло участие порядка 2,5 млн. человек. 176 из этих выступлений характеризовались как «ярко выраженные повстанческие». Отряды повстанцев действовали в Киевской, Воронежской, Орловской и Брянской областях, на Ставрополье, Кубани и Дону, в горном Дагестане и многих областях Казахстана и Средней Азии, в Сибири, Якутии и на Дальнем Востоке. Росло также число терактов: с 9093 в 1929 г. до 13754 в 1930-м. Только в 1930 г. органы ОГПУ привлекли по делам об участии в антиправительственных выступлениях 179620 человек, 20 тысяч из которых были расстреляны (без учета арестованных и расстрелянных по Казахстану и Восточно-Сибирскому краю) [43, с. 787–788]. Мирный протест принял форму почти полного изгнания крестьянами коммунистов из низовых советских органов, включая и уездные, которые находились в пределах их политической досягаемости.⁵⁷

Напуганный размахом этих выступлений, в начале марта 1930 г. Сталин дает коллективизаторскому шабашу «задний ход» публикацией статьи «Головокружение от успехов»,

Кремль пытался оспаривать эти цифры, но меньше, чем 500 млн. рублей, и у него не выходило. Т. о., косвенно размер крестьянского обложения по сравнению с дореволюционным временем удвоился как минимум. Так что крестьянство и до коллективизации ощущало себя ограбленным коммунистическим государством и соответственно к нему относилось.

⁵⁷ С учетом законодательно установленного для них ограничения избирательных прав.

приоткрывшей возможность выхода крестьян из ненавистных колхозов. Объясняя необходимость этого шага, в секретном циркулярном письме в начале апреля 1930 г. ЦК ВКП (б) сообщал: «Если бы не были незамедлительно приняты меры [...] мы бы имели теперь волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение». Продолжение ошибочной политики, говорилось в письме, ведет к превращению антиколхозных выступлений в антисоветские, а широкое применение армии в борьбе с крестьянским протестом сказывается на ее лояльности властям [43, с. 365–370].

Действительно, в 1932 г. особыми отделами ОГПУ в частях Красной Армии было зафиксировано свыше 300 тысяч антисоветских высказываний, в 1933 г. – почти 350 тысяч, из которых 4 тысячи носили характер угроз повстанческой деятельности. В 1932 г. эти угрозы материализуются, например, в ходе очередного восстания на Кубани, к которому присоединяются и красноармейцы. Роптали отнюдь не только «нижние чины»: в 1933 г. в антисоветских высказываниях были уличены свыше 100 тысяч командиров и воинских начальников [2, с. 896]. Картина станет понятней, если учесть, что в то время численный состав армии, флота и авиации составлял 604 тыс. человек. Как отмечал историк

В. П. Попов, «для солдатской массы, вышедшей преимущественно из крестьян, неизгладимой осталась жестокость насильственной коллективизации и раскулачивания. Многие военачальники Красной Армии разделяли подобные настроения...» [44, с. 85]. Не на стороне коммунистического режима были симпатии и другого контингента офицерского корпуса – пошедших по различным причинам на службу к большевикам офицеров императорской армии.

Вообще говоря, мы ничего не поймем в мотивах принятия Кремлем тех или иных внешнеполитических решений, не учитывая внутрисполитического положения в стране и состояния ее вооруженных сил. Между тем, в работах отечественных авторов по истории международной деятельности СССР эти наиважнейшие аспекты проблемы упорно не замечаются и потому остаются неосознанными широким читателем. Это касается и ранее упомянутого нами основополагающего факта: с середины 20-х по середину 30-х годов у Сталина фактически **не было армии**. Не держа этого факта в уме, не понять, например, причин паники, охватившей режим в недели «военной тревоги» 1927 г., и последовавших за этим серьезных корректив в международной деятельности СССР. Как и того, почему именно в 1932 г. Москва в авральном порядке заключает договоры о ненападении с Францией, Польшей, Финляндией, Эстонией и Латвией. В этом ключе надо рассматривать и отношения внутри треугольника СССР-Германия-западная коалиция.

В подтверждение приведем два свидетельства, по времени окаймляющие интересующее нас десятилетие. Первое из них – заключение комиссии ЦК РКП (б), изучавшей в начале 1924 г. состояние РККА. В заключении отмечалось: «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас нет. В настоящем виде Красная Армия небоеспособна» [цит. по: 47, с. 301]. Через десять лет, осенью 1934 г., в резолюции, принятой по докладу наркома обороны Ворошилова, Политбюро признало, что «без радикального устранения объективных причин, создающих непроходимую пропасть между советской властью и многомиллионной массой крестьянства, невозможно положиться не только на мобилизуемую в случае войны РККА, но даже на ее основное кадровое ядро» [Цит. по: 50, с. 458]. В промежутке между двумя этими датами, в конце декабря 1926 г., начальник Штаба РККА М. Тухачевский докладывал высшему руководству государства: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы».⁵⁸

Однако лучше всех комиссий реальное состояние армии выявила война с Финляндией. Насколько неудовлетворительным оно было можно судить по весьма необычному документу – «Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР

⁵⁸ Заметим при этом, что речь шла исключительно о военно-технической и организационной стороне вопроса и не затрагивала проблему перспектив политической мобилизации населения.

тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.», появившемуся в связи с отставкой Ворошилова с поста наркома и назначением на него Тимошенко. Среди десятков направлений военной работы (боевая и политическая подготовка личного состава различных родов войск, вооружение, средства связи и транспорта, медобслуживание и материально-техническое снабжение и т. д.) удовлетворительными были названы только укомплектованность и вооружение конных частей [75, с. 193–209]. Очевидно, что пребывавшая в таком состоянии армия не могла выполнять функцию инструмента наступательной внешней политики и представляла собой угрозу скорее для самого режима,⁵⁹ чем для его вероятных противников из числа великих и не только держав.

Немногим лучше, чем у крестьян, были материальное положение и, следовательно, политические настроения рабочих. Еще не достигнув в 1928 г. в целом показателей 1913 г., их жизненный уровень начал вновь резко падать. Это стало результатом массовой безработицы (до 15 % от числа занятых), применения неквалифицированного и подневольного труда, повышения норм выработки, закрепления рабочих за

⁵⁹ Эта угроза была реальной и отнюдь не сводилась к верхушечному «заговору маршалов». Для ее устранения Сталин уничтожил, помимо самих маршалов, всех командующих войсками военных округов, практически всех командиров дивизий, бригад и корпусов и половину командиров полков. Жертвами этой борьбы за политическую благонадежность командного состава стали его профессиональный уровень и авторитет в войсках, что обнаружилось уже в ходе финской войны.

фабриками, внедрения системы штрафов и принудительных госзаймов, а также возвращения карточной системы распределения из-за хронического товарного голода, достигшего гигантских масштабов. В итоге, в 1940 г. норма среднедушевого потребления в СССР была на 15 % ниже показателя 1913 г.

Конечно, в результате идеологической работы и благодаря сравнительной доступности социальных лифтов в стране постепенно формировалась *советская политическая нация*. По подсчетам Л. Д. Троцкого перед войной она, однако, составляла лишь порядка 8–10 процентов населения [19, с. 565] и не могла кардинально изменить в целом антагонистический характер отношений общества и власти. При этом постоянное ужесточение курса партии в сфере политики, экономики, социальных и религиозных отношений плодил активных противников режима из числа еще вчера аполитичных слоев населения. Эти явления получили такой размах, что вынудили Сталина подвести под них «теоретическое обоснование» в виде тезиса о неизбежности обострения классовой борьбы в период развернутого построения социализма в СССР.

Войну 1928–1933 гг. крестьянство, оставленное без политического и военного руководства и плохо вооруженное, проиграло, потеряв на ней несколько миллионов человек. Теперь его надежды на избавление от ужасов коммунистической деспотии возлагались – и об этом ОГПУ регуляр-

но информировало партийную верхушку в своих обзорах о настроениях среди населения – на помощь извне, главным образом со стороны Англии, Франции, Польши и даже Папы Римского, а на Дальнем Востоке – Японии и США. В обзорной записке Секретно-политического отдела ОГПУ за 1930 г. отмечалось, что в войне крестьян с коммунистическими властями «все отчетливее вырисовывается повстанческая линия борьбы с установкой на решительное выступление к моменту ожидаемой ими интервенции» [43, с. 787]. Советская пропаганда сама способствовала распространению этих настроений, напирая на классовый характер будущих войн империализма с СССР, якобы во имя свержения коммунистической власти. А против этого миллионы Макарычей и Федорычей ничего и не имели, более того, связывали с интервенцией надежды на собственное освобождение.

Крестьянская Вандея и военно-политическое планирование

Следует отметить, что испытывавшийся Кремлем ужас перед крестьянской Вандеей руководил всеми его решениями и действиями в сферах военной и внешнеполитической подготовки к будущей войне. В этой связи, прежде всего, должно упомянуть о советской военной доктрине, квинтэссенцией которой был лозунг «бить врага на его собственной территории». После похмелья 1941 года эту доктрину стали

называть продуктом предвоенных шапкозакидательских настроений «стратегов» уровня Ворошилова и Буденного. Однако утверждали ее отнюдь не названные деятели; истинные же авторы исходили из глубокого и ясного понимания природы руководимого ими государства и его вооруженных сил.

Как легендарный Ахиллес, к началу 1940-х гг. в военном отношении СССР стал трудно уязвимым благодаря немеренной глубине стратегической обороны, значительному потенциалу военного производства и самообеспеченности ресурсами, а также огромному призывному контингенту. В войне на истощение ему не имелось равных в Европе. Советской «ахиллесовой пятой» было шаткое внутривластное положение. В условиях мира правящему режиму еще удавалось удерживать власть в своих руках, пусть даже методами невиданных в истории человечества репрессий. Положение менялось кардинальным образом, как только иностранные войска вступали на территорию СССР. По глубочайшему убеждению Сталина, при таком развитии событий его власти приходил неминуемый конец. Наступающий противник и отступающая Красная Армия несли от границы вглубь страны благую для миллионов ее обитателей весть о скором конце ненавистного режима, и эта весть сама по себе становилась призывом к саботажу военных усилий властей или даже активным действиям против них. Десяти процентов «советской политической нации» было явно недостаточно, чтобы переломить подобный ход событий.

Именно поэтому во всех известных на сегодняшний день документах уровня стратегического планирования, начиная с конца 1940 г., допускалось только кратковременное тактическое проникновение войск наступающего противника на территорию СССР. По-хорошему же от РККА требовалось «упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания», или даже «обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы». Данная задача ставилась из документа в документ, и заключительным аккордом стала Записка наркома обороны К. С. Тимошенко и начальника Генштаба Г. К. Жукова Сталину от 15 мая 1941 г. В ней содержались предложения о нанесении упреждающего удара: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмотобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность упредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» [128, с. 54–55; 143, с. 216]. В масть этой Записке попадает Директива о политработе в войсках, утвержденная Главным военным советом **20 июня 1941 г.**: «Каждый день и час возможно нападение империа-

листов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы **предупредить** (выделено нами. – *Авт.*) своими наступательными действиями». Таким образом, лозунг «бить врага на его собственной территории» был честным переложением на язык ротного «Боевого листка» самой сокровенной военно-политической тайны режима.

Впрочем, сегодня эту тайну изо всех сил хотят вновь «засекретить». Указывают на рабочий, неофициальный статус Записки от 15 мая, поскольку на ней нет подписи Сталина и печати Политбюро. Мол, все это просто досужее мнение одного наркома обороны и одного начальника Генштаба, идущее, правда, в разрез с главной военно-политической установкой вождя – тирана. Обсуждать серьезно эту версию бессмысленно. Спасибо историку М. И. Мельтюхову, который детальнейшим образом рассмотрел данный вопрос, в том числе под углом существовавшего тогда порядка делопроизводства [16, с. 373–376]. Приводят и такой аргумент: зная о слабости Красной Армии, Сталин не осмелился бы начать войну летом 1941 г. К сожалению, вопросы войны и мира решались не им одним, но и Гитлером. А тот сконцентрировал на советской границе огромную армию. Поскольку собственное бездействие ничего изменить не могло, не правильнее ли было в этой ситуации воспользоваться многочисленными преимуществами нападающей стороны и за этот счет компенсировать, хотя бы частично, имевшиеся недостатки?

Если же посмотреть на политическую сторону вопроса,

советское руководство присвоило право на превентивный удар уже давно и прочно. Из цитат Маркса, Энгельса и Ленина о праве пролетариата на превентивные наступательные войны можно составить целый том. Не о том ли говорил и Сталин в 1925 году, рассуждая о гире, которую СССР бросит в подходящий для него момент? Не о таком ли порядке – по собственному выбору – вступления в войну он говорил на заседании Политбюро 19 августа? А что имел в виду начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис, провозгласив на Главном военном совете (см. ниже), что «инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия»? И не является ли стратегия «активной обороны», утвержденная на этом военном совете в качестве основной для РККА, простым эвфемизмом превентивного нападения? Безусловно, является, и чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на однозначно наступательный характер военных действий в отношении, скажем, Финляндии, которые советские документы стратегического планирования обозначают термином «активная оборона».

Эпоха пакта-39 в силу его противоестественного характера не имела шанса завершиться ничем иным, кроме как войной между его участниками, ибо сосуществовать рядом бесконечно долго они не могли ввиду геополитических и идеологических противоречий. (Слава богу, с этим, кажется, никто не спорит!). Уступить безжалостному, нацеленному на

твое уничтожение врагу привилегию выбора времени, направления и всех прочих обстоятельств начала военных действий, – такой куртуазности ожидать не только от Гитлера и Сталина, но от любого здравомыслящего государственно-го деятеля нет причин. Это уже вопрос законного права государства на самозащиту, в том числе в превентивном порядке. Поэтому автору непонятно фанатичное ожесточение, с которым наша «государственническо-патриотическая» историография не признает за Советским Союзом права на упреждающий удар по государству-агрессору, развязавшему новую мировую войну. Если только тем самым она не пытается скрыть тот факт, что при принятии самого важного решения за все время своего нахождения у власти Сталин, а шире – Кремль, однозначно и позорно обос. лись.

Впрочем, ситуацию можно отобразить в несколько иных терминах. Военная наука знает и такой вид боевых действий, как встречный бой. В таком бою нет жертвы нападения – обе стороны являются нападающими; при этом не имеет ни малейшего значения, кто из них первый произведет выстрел. Весь год после разгрома союзников, с июня 1940 года по 22 июня 41-го, СССР и Германия двигались – в смысле политической и военной подготовки – навстречу столкновению; время их столкновения определялось исключительно скоростью этого движения и вынужденными остановками в пути: из-за полета Гесса – для СССР, и югославской кампании – для Германии (см. ниже).

В наступательном характере советской военной доктрины отразился также обретенный в годы гражданской войны опыт руководства крестьянской по составу армией в условиях по-разному складывавшегося положения на фронтах. Было установлено, что сформированные из насильно мобилизованных крестьян воинские части при отступлении быстро выходили из подчинения командованию, проявляли склонность к массовой сдаче в плен и дезертирству, а то и к избиению командиров и переходу на сторону врага. С другой стороны, те же самые части в условиях наступления были управляемыми и вполне стойкими в бою. Эти особенности внутриполитического положения режима и вытекающие из них специфические характеристики его вооруженных сил неизбежно приводили Кремль к заключению, что **отступающая армия была не только не нужна ему по определению, но представляла самостоятельную угрозу.** Соответственно, задачей политического руководства было поставить армию в положение, исключавшее возможность стратегического отступления вглубь страны.

Имелось ли у Кремля решение этой проблемы? Имелось, и весьма остроумное. **Убежать от угрозы интервенции и сопутствующей ей гражданской войны Сталин мог, но не куда-то назад, поскольку глубокого социально-политического тыла у его режима не было, а исключительно – вперед, на запад. Надо только было нанести по внешнему врагу упреждающий удар. Этим**

ударом решались все проблемы Кремля. Прежде всего, устранялась главная угроза – детонации внутривнутриполитического взрыва в результате начала иностранной интервенции. Далее, наступающую Красную Армию, в отличие от отступающей, можно было удержать в подчинении руководству страны. Находясь в европейском походе, она, кроме того, будет изолирована от политически вредного влияния крестьянской массы, а та останется безоружной, т. е. беззащитной и неопасной. Наконец, полностью выводилась из игры так страшившая Сталина антибольшевистская эмиграция. Т. о. для Кремля **нападение было оптимальным способом самозащиты.**

Отсюда становится понятно, почему проходивший в апреле – июне 1940 г. в Кремле с участием высшего политического руководства страны Главный военный совет РККА утвердил в качестве официальной стратегию наступательной войны, в советской терминологии – «активной обороны». Приведем несколько из сонма прозвучавших на нем высказываний на эту тему:

«Мы должны воспитывать свой комсостав в духе активной обороны, включающей в себя и наступление. Надо эти идеи популяризировать под лозунгом безопасности, защиты нашего отечества, наших границ». (И. В. Сталин);

«Наша армия готовится к нападению, и это нападение нужно нам для обороны... Мы должны обеспечить нашу страну не обороной, а наступлением».

(Командующий войсками Ленинградского военного округа, в ближайшем будущем начальник генштаба РККА командарм К. А. Мерецков);

«Мы будем обороняться только наступлением и бить противника и этим самым оборонять свое социалистическое отечество и его границы». (Командующий 1-м стрелковым корпусом комдив Д. Т. Козлов);

«Инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия [...] Всякая наша война, где бы она не происходила, является войной прогрессивной и справедливой». (Начальник Главного Политуправления РККА Л. З. Мехлис) [46, док. № 77].

«Об обороне нельзя было и говорить, так как всем внушалась доктрина громить противника на его же территории», – вспоминал много позже тогда заместитель наркома внутренних дел СССР, а впоследствии председатель КГБ СССР И. А. Серов [151, с. 71].

Возвращение после двадцати лет вынужденного «оборончества» к наступательной концепции советской военной и базирующейся на ней внешней политики стало к концу 30-х годов, с кремлевской точки зрения, необходимым и целесообразным. Необходимым – ввиду дестабилизации положения в Европе, а целесообразным – с учетом открываемых этой дестабилизацией перспектив. После многолетнего терпеливого ожидания начавшаяся война вновь предоставляла

Кремлю возможности, которыми советская Россия не сумела в полной мере воспользоваться в 1918–1923 гг. по причине недостатка сил.

В стратегии *drang nach Westen* задача режима по самосохранению идеально совместилась с тактическими (на ее фоне!) целями провоцирования европейской войны и, следом, социальной революции; причем достижение этих заветных целей всей международной деятельности партии большевиков было одновременно и средством уцелеть в противостоянии внешнему и внутреннему врагу. Заключение договора о ненападении, разработка секретных приложений к нему, подготовка планов военного выступления на запад, наконец, проектирование мировой революции, – все это были, как в сказке о Кощее, только ларец на дубе, заяц из ларца, утка из зайца, яйцо из утки. Иными словами, мероприятиями, имевшими в определенной степени самостоятельное значение, но по существу игравшими подчиненную, служебную роль по отношению к главной задаче – выживанию режима.

Война и армия

Как известно, в яйце находилась еще игла, на кончике которой и таилась Кощеева смерть. 22 июня кремлевский коллективный кощей решил, что кончик сломан. Являвшееся ему в большевистских кошмарах видение о смычки внешне-

го и внутреннего фронтов войны против коммунистического государства с каждым прошедшим днем, с каждым пройденным врагом километром все явственнее обретало реальные очертания в фактах стремительного развала армии и вполне позитивного отношения населения оккупированных территорий к приходу германских войск. Здесь и следует искать объяснение сталинской мольбе о пощаде, обращенной к Гитлеру в конце июня 1941 г. Поскольку последний факт остается для многих неизвестным, остановимся на нем подробнее.

В августе 1953 г. по требованию высшего партийного руководства знаменитый чекист П. А. Судоплатов подготовил пояснительную записку о сталинском поручении, переданном ему в **конце июня 1941** г. через Л. П. Берия. Он должен был выйти на Гитлера через болгарского посланника в Москве И. Стаменова с неофициальным предложением о немедленном заключении мира в обмен на территориальные уступки со стороны СССР – этакого Бреста-2. В качестве уступаемых территорий назывались Украина, Прибалтика, Бессарабия, Буковина. Список оставался открытым для его пополнения по требованию германского правительства [49, ф. 3, оп. 24, д. 465, л. 204–208].⁶⁰ Судоплатов выполнил поручение, однако ответа из Берлина не последовало.

С неизбежностью возникает вопрос о мотивах сталинского поведения. Действительно, что такого непоправимого

⁶⁰ Эта информация подтверждается показаниями Берия, данными им после ареста.

произошло на советско-германском фронте за пять – семь дней боев, что оправдывало бы это позорное унижение и готовность к огромным жертвам территориями и их населением? Погибли двадцать, сорок или шестьдесят тысяч человек? Так что из того: для западной группировки Красной Армии численностью 3 млн. 290 тыс. человек это несущественно, тем более что в стратегическом резерве стоит еще 51 дивизия; также имеются боеспособные сибирская и дальневосточная группировки, а в мобилизационной очереди насчитывается порядка 35 миллионов человек. Враг углубился на пару сотен километров? Так ведь Кутузов и Москву сдавал, а потом русские брали Париж!

Нет, не Гитлера испугался Сталин, а военно – политического взрыва у себя за спиной. Перед растерявшимися обитателями Кремля замаячил самый верный признак материализации этой угрозы – отказ вооруженной до зубов Красной Армии защищать коммунистическую власть. То, что раньше в материалах пленумов было лишь прогнозом, догадкой, стало ужасающей реальностью. В беседе с посланцем президента Ф. Д. Рузвельта А. Гарриманом осенью 1941 г. Сталин признал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть»⁶¹ [50, с. 204].

Это было ему известно из предыдущего опыта. Как докладывали выступавшие на Главном военном совете 1940 г. во-

⁶¹ «Если только за Россию», – поделился своей последней надеждой вождь.

еначальники, красноармейцы – участники боев на Халхин – Голе – открыто выражали недовольство тем, что их заставляют умирать за какую – то строящую социализм Монголию. В финскую кампанию солдатская масса отторгала поставленную армейскими политорганами как цель войны задачу осчастливить финский народ социализмом с доставкой до Хельсинки.⁶² Эти настроения были столь сильны, что вынудили армейские политорганы сместить акценты в пропаганде целей войны: с «социально – освободительного» на «защиту безопасности СССР». Начальник Главного Политуправления РККА Л. Мехлис даже приказал переименовать одну из фронтовых газет, носившую название «За коммунизм!», дабы не задевать чувства беспартийных красноармейцев, коих, конечно, было подавляющее большинство. В целом, он потребовал «прекратить неправильное освещение интернациональных задач Красной Армии и разъяснить личному составу, что наша главная задача – это активная защита Советского Союза» [46, док. № 77].

Нежелание крестьянской РККА воевать за чуждые ей цели режима было столь сильным и всеобщим, что даже в наступательной войне против малочисленной и плохо вооруженной армии Финляндии (многократно уступавшей по всем количественным показателям противостоявшей ей

⁶² Из выступления К. А. Мерещкова на заседании ГВС Красной Армии: «Мы идем освобождать финнов, они сопротивляются, а мы их должны освободить» [46, док. № 77].

группировке РККА) красноармейская масса зачастую удерживалась на позициях и принуждалась идти в атаку с помощью заградительных отрядов войск НКВД. На Главном военном совете весны 1940 г. этот опыт получил высокую оценку и был заранее рекомендован к тиражированию в последующих вооруженных конфликтах. Еще одной реакцией режима на нежелание солдатской массы воевать, выразившееся в массовом дезертирстве и самострелах, стали планы ужесточения административного и уголовного наказания за воинские проступки и преступления, а также репрессирования семей провинившихся военнослужащих.

В своем радиообращении к стране 3 июля Сталин учел этот опыт и апеллировал к патриотическим и даже религиозным чувствам народа. Затем настала очередь прессы расставлять новые акценты. «И коммунизм, и советская власть, и даже намеки на мировую революцию исчезают со столбцов советских газет, как исчезает с них и имя Сталина, – пишет авторитетнейший летописец партийно – советской истории Б. И. Николаевский. – Коммунисты делают все, чтобы народ обрушившуюся на него войну стал ощущать как борьбу «За Родину!», «За Россию!»» [50, с. 204–205]. Народ, однако, реагировал иначе: характерным для 1941 года явлением стало массовое уклонение от призыва, особенно в прифронтовых областях. В результате всего за два летних месяца мобилизационные потери Красной Армии на этой территории составили 5 631 000 человек. Из числа призванных в свои части не

явились 30–45 процентов новобранцев, а на Западной Украине – абсолютное большинство.

Армия также не клюнула на уловки вождя и принялась разбегаться, разваливаясь на ходу невиданными в истории, воистину фантастическими, темпами: за пять летне-осенних месяцев пять миллионов сдавшихся в плен и дезертировавших (3,8 млн. и 1,2 млн. человек соответственно). Из этих 3,8 млн. пленных 200 тысяч были перебежчиками. Еще около 700 тысяч «отставших от своих частей» были остановлены заградотрядами НКВД и часть из них расстреляна. Порядка 320 тысяч красноармейцев – это эквивалент численности трех армий! – немцы взяли в плен, но затем отпустили по домам ввиду невозможности их содержать. Доля такого рода потерь в общем количестве потерь Красной Армии составляла, по советским скорее всего заниженным данным, для Юго – Западного фронта 77,3 процента, для Центрального фронта 71,2 процента, для Брянского – 71,3, для Ленинградского – 77,2 процента и т. д. [51, с. 234–248]. Известны и такие цифры: из 2,4 млн. выживших в немецких лагерях советских военнопленных 950 тысяч, т. е. 40 процентов, поступили на службу в Вермахт и национальные антисоветские формирования.

Следует помнить, что речь идет о кадровой РККА, выпестованной режимом для Великого европейского похода. На этот уровень подготовки личного состава Красная Армия вернется только на завершающем этапе войны. (В промежутке

точное время профессиональному Вермахту будут противостоять вооруженные силы, более похожие на народное ополчение). Замечательно обстояло дело и с вооружением РККА. Многофакторный анализ, проведенный военным историком Г. И. Герасимовым, свидетельствует, что «никогда еще наша армия не была так хорошо укомплектована, обеспечена материальными средствами, как в предвоенный период. [...] По основным видам техники, боеприпасов и запасов материальных средств РККА была обеспечена не хуже, чем в период проведения своих победоносных операций во второй половине войны» [52, с. 9].

Эти горы оружия не могли, однако, компенсировать отсутствие главного компонента боеспособности любой армии – боевого духа, рождающегося из ощущения праведности и неотвратимости общего дела. Приведем только два свидетельства, как эта прекрасно вооруженная и укомплектованная армия воевала летом – осенью 1941 г. Из Постановления Государственного комитета обороны от 16 июля, написанного лично его председателем И. В. Сталиным: «Отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и [...] превращаются в стадо баранов (*sic!*), в панике бегущих перед обнаглевшим противником». Через два месяца, 12 сентября, директива Ставки Верховного Командования указывает на то же состояние дел: «...В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов,

которые [...] начинают кричать «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия (?! – *Авт.*) обращается в бегство, бросает материальную часть [...] Подобные явления имеют место на всех фронтах».

А вот свидетельство с другой стороны. В беседе с Гитлером командующий группой армий «Север» Г. фон Кюхлер докладывал 30 июня 1942 г.: «Солдаты (красноармейцы. – *Ред.*) даже на самом переднем крае русской линии не проявляют никакой заинтересованности в дальнейшем продолжении борьбы, а у них была только одна мечта: «вернуться домой». (Подтверждение этим словам находим в знаменитом дневнике начальника Особого отдела 50-й армии И. С. Шабалина [150]). Вместе с тем, отмечал генерал – фельдмаршал, защищая свою жизнь, они дрались «как звери» [7, с.157].

Справедливости ради надо сказать, что в основе отказа армии воевать летом 1941 г. лежал не только крестьянско-большевистский антагонизм, но и традиционная отчужденность крестьянского сознания от самой идеи государственности. «Большинству русских людей была незнакома идея единства культурного наследия и общности судьбы, что составляет основу всякой гражданственности, – обобщал опыт первой мировой войны ее участник и видный военный теоретик генерал Н. Н. Головин. – Мужичьему сознанию была далека категория «русскости», и себя они воспринимали не столько как русские, а скорее, как вятские, тульские и т. д.,

и пока враг не угрожал их родному углу, они не испытывали истинно враждебного чувства к нему» [53, с. 65]. Именно это, в частности, и произошло в первые недели войны. Она застала крестьянскую Красную Армию в экзотических, а потому безразличных для пензенских и самарских мужичков Буковине, Бессарабии, Латгалии, Курляндии, восточной Польше...

Сталин мог не читать Головина, но, как великий знаток законов массового сознания, сразу же ухватил суть дела. Уже в первом своем выступлении военного времени 3 июля он потребовал, «чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности... Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными...» [54, с. 10–11]. Реальность, однако, была иной. Историк В. В. Черепанов пишет, что «в докладных записках тыловых обкомов партии в Центральный Комитет ВКП (б) сообщалось о многочисленных фактах «нездоровых явлений», о безразличии некоторой части населения к происходящему в стране (т. е. к войне! – *Авт.*), о высказываемых сомнениях в правильности действий политического и военного руководства государства». В октябре 1941 г., когда враг стоял у стен Москвы, по текстильным фабрикам Ивановской области прокатилась мощная волна забастовок экономического и, отчасти, политического характера. Забастовщики несли даже такой, явно исполненный в жанре «черного юмора»,

лозунг: «Долой советскую власть, да здравствует батюшка Гитлер!» [57, с. 395; 41, ф. 17, оп. 88, д. 45].

На отсутствие в широких слоях советского населения враждебности к Германии и ее представителям в начале войны и оккупации указывают и многочисленные немецкие источники. В германских военных сводках первых недель и месяцев войны поведение населения на оккупированных территориях характеризовалось как «безупречное». В одном из служебных документов Министерства по делам Востока указывалось: «Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него». Личный архитектор Гитлера и рейхсминистр вооружений и военного производства А. Шпеер так вспоминал свой первый приезд в Винницу в район строительства ставки фюрера: «На следующее утро – стоял необычайно жаркий сухой день – я с несколькими спутниками отправился осматривать окрестности. Но когда я вошел в одну из убогих лачуг, мне радушно предложили хлеб с солью [...] В тот день я мог ездить по деревням без вооруженной охраны» [55, с. 180].

Руководитель подполья НКВД в Могилеве свидетельствовал: «Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы [...] и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную

помощь [...] Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения». Один из тех, кто приветствовал приход немцев, в свою очередь вспоминал: «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым [...] Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию [...] сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая даже не успела еще хорошенько осмотреться на месте». [60, с. 23–33].

А вот свидетельство советника посольства Германии в СССР Г. Хильгера о долгой эвакуации кружным железнодорожным путем через Кострому и Ленинанкан в Турцию занимавшего целый вагон персонала посольства уже после начала войны: «... В течение всего путешествия я не слышал ни одного недружественного слова и не видел ни одного враждебного жеста. Отсутствие малейшей психологической готовности в русском народе к возможности этой войны с Германией было одной из причин отсутствия боевого духа, проявленного Красной Армией на первом этапе войны» [56, с. 399].

Первые же разрывы германских снарядов и авиационных бомб на советской территории были восприняты Сталиным не только как начало германского нападения на СССР, но и как сигнал к восстанию против режима. Пытаясь пода-

вить его в зародыше, власти обрушили на потенциального внутреннего врага лавину жесточайших репрессий. Уже в первый день войны был готов новый расстрельный список по г. Москве; в последующие несколько дней аналогичные списки составляются по всей стране, включая глубинные тыловые районы. Политическая характеристика репрессиремых (а это были чудом уцелевшие после Большого Террора участники Белого и повстанческих движений, партийные оппозиционеры, эсеры и меньшевики, представители прежних привилегированных классов и т. п.) – не оставляла места сомнениям относительно цели этой кровавой зачистки: обезглавить окончательно, до десятого колена, ожидавшую Сталиным антикоммунистическую революцию. Обобщенные данные, приводимые историком О. В. Будницким, говорят о том, что во второй половине 1941 г., т. е. после начала войны, число смертных приговоров на территории РСФСР, – **исключительно в тылу, без учета репрессалий на фронте и в армии**, – выросло по сравнению с первой половиной года в 11,5 раза! «С чего начинается война? С массовых репрессий, с колоссальной зачистки страны [...] Происходят массовые аресты и расстрелы по всей стране [...] и масштабы сопоставимы с Большим Террором» – утверждает Будницкий. Эту кровавую вакханалию Молотов в одной из бесед с писателем Чуевым оправдывал тем, что иначе «на миллионы было бы больше жертв. Пришлось бы отражать и немецкий удар, и внутри бороться» [18, с. 418].

Если дезертирство, добровольная сдача в плен и уклонение от призыва были относительно пассивными формами борьбы с режимом, то, как опасался Сталин, следующим шагом станет создание в лагерях для военнопленных многомиллионной антибольшевистской армии при германской поддержке и участии белой эмиграции. Эти опасения были порождены, в частности, опытом советско-финской войны, а именно формированием из пленных красноармейцев нескольких добровольческих отрядов антисталинской Русской народной армии, в чем приняли участие офицеры эмигрантского Российского общевойскового союза. В глазах Сталина повторение подобной угрозы выглядело абсолютно реальным.

Неверие Сталина в лояльность РККА было столь велико, что сразу после начала войны у него вызревает решение о создании альтернативной армии – армии народного ополчения. В выступлении 3 июля он требует собирать такое ополчение «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага» [54, с. 14]. Фактически речь шла о замене крестьянской Красной Армии на армию сконцентрированной в городах «советской политической нации», о которой говорилось выше. (Это было повторением большевистской тактики по замене развалившейся русской армии рабочей Красной гвардией зимой 1918 г.). Легко представить, насколько вождю была страшна и ненавистна сама мысль о необходимости делиться своими военно-политиче-

скими полномочиями с руководством многочисленных городов, которым эти местные армии будут подчиняться, однако ситуация вынуждала. Впрочем, полная героики и трагизма история ополчения – отдельная тема.

А еще через полмесяца от отчаяния он принимает все немыслимое решение – пригласить в СССР английский экспедиционный корпус для спасения положения. Первоначально всего одну дивизию и какое-то количество кораблей и авиации для участия в боевых действиях на севере в районе Мурманска.⁶³ Однако прогрессирующий распад РККА вынудил его просить Черчилля уже о масштабном вмешательстве. «Я не сомневаюсь, – говорилось в послании Сталина премьеру от 13 сентября, – что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели [...] Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции» [136, с. 19, 31–32]. (В некотором смысле эту просьбу можно считать частично выполненной в результате совместной советско – британской операции августа 1941 г. по оккупации Ирана, которая обеспечила безопасность советского Закавказья и бакинских нефтепромыслов, а также открытие

⁶³ Уже в сентябре в небе над Мурманском сражались английские летчики 151 авиакрыла.

южного маршрута поставок помощи по ленд-лизу).

Успешное контрнаступление советских войск под Москвой зимой 1941–1942 гг., которое Сталин ошибочно принял за перелом в ходе войны, реабилитировало РККА в его глазах и положило конец лихорадочным кремлевским поискам экзотических альтернатив. Со своей стороны, Гитлер решительно и последовательно пресекал любые попытки военной и политической самоорганизации антибольшевистского движения на оккупированных территориях, не говоря уже об оказании ему поддержки. Ни о каком создании национально-го «буржуазного белогвардейского правительства», ни о каком привлечении сил эмиграции к военной и политической работе, чего так опасался Сталин, и речи не было.

В условиях наложенного Гитлером строжайшего запрета на политическую и военную самодеятельность населения СССР, даже прогерманскую, родилась такая непривычная форма гражданской войны, как переход на сторону внешнего противника. Число советских граждан только на германской военной службе составило 1 млн. 250 тысяч человек, что в четыре раза превышало численность всех белых армий в победном для них 1919 г. Молотов считал, что это еще «мелочь по сравнению с тем, что могло быть» [18, с. 427]. И хотя начиналась 2-ая гражданская точно так же, как 1-ая – с отказа армии защищать режим и контролируемое им государство, ввиду отсутствия сформулированной политической идеи и подчинения народного протеста германским военным целям

сфера распространения этой войны ограничилась временно занятой противником территорией. А оккупационная политика фюрера, ставившая целью уничтожение не просто режима, но самой государственности, культуры и образа жизни обрекаемых на вымирание людей, заставила внутренние противоречия отступить на задний план, а народ – бросить все свои силы на борьбу с бо́льшим из двух зол.

...История выбрала для себя несколько иные пути, нежели те, которые виделись Сталину до войны и в самом ее начале. Но в главном он оказался прав: **во всех внешнеполитических расчетах 1939 г. фактор вероятной гражданской междоусобицы в СССР им учитывался как решающий, и не зря.** То, что чаша сия хотя и не миновала его совсем, но оказалась заполненной на доньшке, рассматривалось вождем как величайшее из спасительных чудес, сотворенное, как он честно признавал, самим Гитлером.⁶⁴

Здесь уместно вспомнить знаменитый сталинский тост «За русский народ!», поднятый им 24 мая 1945 г. на торжественном приеме в Кремле в честь победы в Великой Отечественной войне. Удивительный по своей кажущейся неуместности, но многое объясняющий тост! Среди грома литавр вождь-победитель вдруг вновь заговорил о чудесном

⁶⁴ В приказе по армии от 1 мая 1942 г. Сталин констатировал: «Исчезли благодущие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы отечественной войны. Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни» [54, с. 52].

избавлении от кошмара гражданской войны. По существу весь тост был выражением благодарности народу за то, что тот не воспользовался удобным случаем поквитаться с режимом за содеянное им. «У нашего правительства было немало ошибок, – признал Сталин. [...] – Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой» [«Известия». – 1945. – 25 мая]. И закончим цитату: «Это могло случиться, имейте это в виду» (Последнюю фразу Сталин произнес на приеме, но вычеркнул из переданной в печать стенограммы выступления).

Не случилось. Власть и измордованный ею народ оказались скованными цепью общей судьбы – вместе победить или погибнуть! – и режим получил индульгенцию за совершенные преступления и шанс продлить свое существование еще на 50 лет, до августа 1991 г.

Часть 2. От пакта к войне

Глава 4. Прибалтика

От Мюнхена до пакта

Независимое существование прибалтийских государств в межвоенный период стало возможным благодаря установившемуся в регионе балансу сил великих держав. СССР не хотел уступать его Германии, Германия – СССР, а Великобритания и Франция, заинтересованные в независимом существовании Прибалтики, зорко следили за тем, чтобы патовая ситуация в борьбе за регион сохранялась как можно дольше.

Система, однако, начала рушиться с весны 1938 г., когда обозначилась тенденция к самоустранению англо-французской коалиции от активного участия в восточноевропейских делах. Этапами на этом пути стали аншлюс Австрии и мюнхенское предательство Чехословакии. Политика попустительства в отношении Берлина продолжалась в режиме текущей дипломатической работы и после Мюнхена. На своем излете она увенчалась молчаливым согласием Лондона и Парижа на полное растворение чешского государства в германской империи (15 марта 1939 г.) и на отторжение от Лит-

вы города Мемель с областью (ныне г. Клайпеда и Клайпедский край) 22 марта того же года. Безучастность, с которой западные державы отнеслись к факту германского насилия над Литвой, означал их выход из числа гарантов де-факто прибалтийской независимости. В результате она оказалась подвешенной на тонкой ниточке советско – германского соперничества.

Оставшись один на один, Берлин и Москва втягивались в борьбу за «прибалтийское наследство» русской революции 1917 г. и германского поражения в первой мировой войне. Инициатива была за Берлином: в марте-апреле 1939 г. Германия скрытно зондирует возможность установления протектората над Эстонией и Латвией [см., напр.: 65, док №. 237, 287], а в дни мемельского кризиса открыто угрожала Литве оккупацией и тем, что «сравнивает Ковно (ныне г. Каунас, в то время столица Литвы – *Ред.*) с землей», если та будет ей противиться [21, с. 213, 236; 245–246, 65, док. № 237; 67, с. 13].

Чтобы переломить этот опасный ход событий, правительство СССР решилось на серьезный демарш. 28 марта 1939 г. М. М. Литвинов передал эстонскому посланнику в Москве Аугусту Рею Заявление правительства СССР, в котором говорилось, что Советский Союз не потерпит «политического, экономического или иного господства третьего государства» в Эстонии. "Настоящее заявление, – говорилось в документе, – делается в духе искренней благожелательности к эстонскому народу с целью укрепления в нем чувства без-

опасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Эстонской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости, а также в невозможности для Советского Союза оставаться безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения этой самостоятельности и независимости». В тот же день аналогичное заявление было сделано латвийскому посланнику в Москве Фрицису Коциньшу [21, с. 231–233; 65, док. № 235]. Чтобы усилить впечатление от ноты, в начале апреля были проведены крупномасштабные военные маневры в непосредственной близости от советско-эстонской границы с выходом на нее и имитацией последующего ее перехода.⁶⁵

7 апреля правительства Эстонии и Латвии отклонили литвиновскую ноту, расценив ее как стремление к установлению протектората и угрозу превентивной оккупации [21, с. 260–261]. Поскольку реакция прибалтийских стран была предсказуемой, нота писалась преимущественно не для них. Главный адресат находился совсем по другому адресу – в Берлине! Именно ему предназначались энергичные предупреждения о том, что СССР не останется «безучастным зрителем» и не потерпит никакого дальнейшего проникновения

⁶⁵ Правительству Литвы аналогичная нота не направлялась, т. к. в то время у СССР не было общей границы с этим государством. Однако из текста заявления следует, что оно касалось и ситуации в Литве.

«третьего государства» в регион, для него демонстрировалась советская военная мощь. По существу это означало за-
камуфлированное предъявление ультиматума под названием «Руки прочь от Прибалтики!» Отныне Германия должна была учитывать, что продолжение ее экспансии в этом направлении может привести к тотальному военно-политическому конфликту с СССР.

Литвиновское предупреждение появилось тем более своевременно, что как раз вокруг этого времени Берлин активно изучает вопрос о возможности установления своего протектората над Литвой, Латвией и Эстонией. В директиве от 11 апреля Гитлер идет еще дальше: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий (имелась в виду назревавшая война с Польшей. – *Авт.*) может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии⁶⁶ и включить эти территории в состав империи» [72, с. 37]. Эти планы, однако, вошли в противоречие с вырисовывавшейся стратегией возрождения рапальского альянса с СССР, а потому в Берлине сочли за благо прислушаться к предупреждениям из Москвы, и после мартовского триумфа Германия начала будто бы политически «охладевать» к Прибалтике. В июне Берлин по собственной инициативе пошел на заключение договоров о ненападении с Эстонией и Латвией, основной смысл которых состоял

⁶⁶ Южная область Латвии, пограничная Литве.

в том, чтобы продемонстрировать Москве понимание ее озабоченностей, высказанных в ноте Литвинова, и отсутствие у Германии притязаний на эти два государства.⁶⁷

Мемельский кризис и нота Литвинова, означавшие начало советско – германской схватки за контроль над регионом, должны были продемонстрировать руководству стран Балтии прозрачность надежды переждать в стороне грядущую войну, спрятавшись за декларации о нейтралитете, и необходимость строить свою внешнюю политику на более прочном фундаменте. В этих условиях советское предложение правительствам Латвии и Эстонии о помощи в деле защиты их государственной независимости было отнюдь не худшим из возможных вариантов. Составленное в самых общих выражениях, оно оставляло широкое поле для дипломатических переговоров по существу; сами по себе эти переговоры уже укрепляли позиции прибалтийских стран, включая Литву, *vis-a-vis* Берлина. Соглашение Таллинна и Риги обсуждать поставленный перед ними вопрос привело бы, кроме того, к значительному улучшению их отношений с СССР, следовательно, можно было бы ожидать, к вполне приемлемому для них соглашению. Наконец, Эстония и Латвия были вольны назвать в качестве неперемennого условия своего участия в переговорах привлечение к ним дружественных Франции и Великобритании в роли гарантов, так сказать, ограниченно-характера советских гарантий, что в определенном смыс-

⁶⁷ Такой же договор предлагалось заключить и Финляндии, но она отказалась.

ле воссоздавало в регионе благоприятную для них доминирующую ситуацию.

Последнее предложение упало бы на подготовленную почву. Выше говорилось, что в это время из Лондона и Парижа в Москву стали поступать запросы о готовности СССР участвовать в новой попытке создания системы сдерживания Германии. 17 апреля последовало официальное советское предложение о совместном предоставлении Великобританией, Францией и СССР гарантий безопасности прибалтийским государствам, а также Финляндии, Польше и Румынии [21, с. 283–285]. Подчеркнем, что интернационализация советского предложения о гарантиях за счет подключения к его обсуждению стран, с пониманием относившихся к прибалтийским страхам и опасениям, произошла без участия самих прибалтийских государств.

Остались глухи Рига и Таллинн и к доводам дружественной им англо-французской дипломатии в пользу соглашения о гарантиях. Их убеждали, что простое достижение такого соглашения остановит германское давление на Прибалтику, снимет тем самым советские озабоченности и в итоге сделает ненужным фактическое предоставление гарантий; что срыв переговоров будет неизбежно подталкивать СССР в сторону соглашения с Германией, и тогда прибалтийские страны окажутся в худшей из возможных ситуаций. Указывалось, что у Франции и Великобритании имеются собственные национальные интересы, главным из которых является предотвра-

щение войны, при необходимости, путем достижения соглашения с СССР, и что обструкция со стороны Таллинна и Риги является, по существу, недружественным шагом.

Неприемлемость идеи гарантий Латвия, Эстония и Литва мотивировали ее несовместимостью с их нейтральным статусом и желанием, – очень понятным, законным, но нерепальным, – держаться подальше от большой мировой политики, увлекавшей Европу в пучину глобального конфликта. «Гарантии малым независимым странам, – говорилось, например, в одной из газетных статей, инспирированных МИД Латвии летом 1939 г., – очень невыгодная и унижительная вещь [...] Великие державы стали до бесстыдства навязчивыми и навязывают свои гарантии там, где их никто не просит [...] Раздачей гарантий великие державы хотят привлечь малые страны к возу чужой политики и в худшем случае использовать их как заградительный мешок в возможной войне [...] Дающему гарантии мы кричим: нет, спасибо!» [63, с. 12].

Следует иметь в виду, что ни первоначальное советское, ни более позднее тройственное предложения о гарантиях не предусматривали ни заключения военной конвенции, ни размещения войск или баз на территории стран Балтии. От последних требовалось только согласие принять помощь государств – гарантов в случае возникновения угрозы их независимости, территориальной целостности и именно нейтральному статусу. Надо, впрочем, признать, что выдвину-

тое позже советское требование распространить действие гарантии на случай т. н. «косвенной агрессии» таило в себе угрозу произвола со стороны СССР. Однако это требование появилось ближе к концу трехсторонних англо – франко – советских переговоров, тогда как о принципиальном отказе принять гарантии страны Балтии заявляли еще до их начала.

Итог этого курса известен: под флагом нейтралитета государственные корабли Латвии, Эстонии и Литвы плавно вошли в эпоху «территориально-политического переустройства» региона согласно пакта Молотова-Риббентропа.

Прибалтийская реакция на советско-германское сближение и начало мировой войны

Известие о заключении советско-германского договора о ненападении породило в прибалтийских странах самые серьезные опасения за свою независимость. Поверенный в делах СССР в Литве Н. Г. Поздняков сообщал в НКВД, что пакт вызвал «волну явного беспокойства» в этой стране. Серьезное беспокойство и озабоченность наблюдались также в Риге и Таллинне. Поворот в отношениях между СССР и Германией, проезд Риббентропа в Москву и заключение советско-германского договора, по данным полпреда в Латвии И. С. Зотова, вызвали настороженность «во всех слоях латвийского общества, чувствовались нотки боязни существования

сделки СССР и Германии» [63, с. 24]. В Таллинне, по наблюдениям советского полпреда К. Н. Никитина, происходящие события произвели на эстонское правительство «настолько ошеломляющее впечатление, что оно буквально растерялось и чувствовало себя в первое время совершенно дезориентированным» [64, Ф. 059, оп. 1, п. 305, д... 2111, л. 99].

Не успела улечься первая волна паники, как накатилась вторая, вызванная началом польско-германской **войны**... Боевые действия приближались к границам региона и угрожали перевалить через них. Новая, третья, волна беспокойства относительно своей политической судьбы захлестнула столицы балтийских государств в середине сентября, когда в результате всевозможных утечек стал очевиден истинный характер советско – германских тайных договоренностей.

Из трех стран в наиболее сложной ситуации оказалась Литва в силу своей близости к польскому театру военных действий. У литовского правительства был еще один повод для серьезного беспокойства: будущее города Вильно (Вильнюса) и Виленской области в контексте судьбы самой Польши, в состав которой они входили на тот момент времени. Государственная принадлежность данной территории была предметом спора между Польшей и Литвой, который возник сразу после вычленения их из состава Российской империи и с тех пор оставался неурегулированным. Правительство Советской России с самого начала поддержало литовскую сторону. Поэтому когда в октябре 1920 г. Виленщина была ок-

купирована поляками, Москва официально не признала этого захвата и фактически высказывалась за государственную принадлежность края Литве [68, с. 228–230, 241–242; 69, с. 318–319]. Секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа также признал «интересы Литвы по отношению Виленской области».

Поначалу литовцы не знали о советско-германских договоренностях и опасались, что область, как и вся территория Польши, будет оккупирована Германией и, таким образом, потеряна для них. Поэтому Каунас всячески стремился втянуть Советский Союз в обсуждение виленской проблемы, надеясь, что прежние пролитовские заявления СССР на этот счет заставят его и в новой ситуации высказаться за право Литвы на Вильно. Но все их попытки выяснить что-либо оставались безрезультатными. Москвы отмалчивалась, поскольку на тот момент Литва была отнесена к германской «сфере интересов». Однако и после того, как между СССР и Германией состоялся обмен части советских приобретений в Польше на Литву, Москва продолжала придерживаться «виленский козырь», чтобы разыграть его на запланированных ею переговорах с Каунасом о заключении договора о взаимопомощи.

Заключение договоров о взаимопомощи

После того, как в сентябре вводом войск на террито-

рии Западной Украины и Западной Белоруссии был решен «польский вопрос», настало время «прибалтийского». В беседе с германским послом В. фон Шуленбургом 17 сентября Сталин недвусмысленно высказался на этот счет. «Если мы согласны, – излагал посол резюме беседы в телеграмме в Берлин, – Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с Протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства» [8, р. 130]. Такое согласие было дано, и СССР приступил к реализации своих планов, поочередно предложив заключить договоры о взаимопомощи Эстонии, затем Латвии и, наконец, Литве.

Впрочем, имеются сведения, что инициативу переговоров перехватил эстонский министр иностранных дел Карл Сельтер, который быстро разузнал о существовании и содержании секретных протоколов и решил сыграть с Молотовым и Сталиным на опережение, чтобы добиться для своей страны возможно лучших условий соглашения. Наряду с тактическими соображениями за решением министра стояло ощущение реальной германской угрозы, опасно приблизившейся к региону в результате разгрома Польши. 24 сентября К. Сельтер выехал в Москву, якобы для подписания ежегодного торгового соглашения, которое до этого всегда подписывалось эстонским представителем в СССР.

Драматические перемены в европейском политическом пейзаже, произошедшие с марта по октябрь 1939 г., превра-

тили ноту Литвинова из «черной метки» в охранную грамоту для Прибалтики. Накануне отъезда в советскую Каноссу за гарантией безопасности, 23 сентября, в беседе с латвийским посланником в Таллинне В. Шуманисом Сельтер сказал, что эта гарантия «носит такой характер, что другие могли бы даже себе пожелать. В наших интересах, особенно сейчас, поддерживать хорошие отношения с Россией» [66, с. 132–133]. В одном министр ошибся: если он ожидал, что при встрече с ним Молотов извлечет из архивной папки мартовскую ноту Литвинова и попробует вновь предложить ее эстонцам, то этим ожиданиям не суждено было оправдаться. Слишком многое изменилось с тех пор в Европе и международном положении СССР. Теперь, 24 сентября, Москва потребовала от эстонцев не просто согласия принять гарантию безопасности, а предоставления Советскому Союзу под эту договоренность военных баз. Указав на отсутствие полномочий вести переговоры по данному вопросу и на необходимость консультаций с правительством, министр выехал в Таллинн.

В Москве считали размещение советских баз в Прибалтике императивом того сложного времени. Поэтому на случай отклонения прибалтийскими государствами предложения о заключении пактов имелась военная альтернатива. На границах с Эстонией и Латвией была создана ударная группировка частей Красной Армии: 160 тысяч человек, 600 танков и столько же самолетов, 700 орудий. 26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов отдал приказ о под-

готовке боевых действий против Эстонии, а также и Латвии, если бы последняя решила оказать Эстонии помощь в силу имевшегося между двумя странами договора. В задачу Ленинградского военного округа, в частности, входило «нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам», а в случае выступления латвийских воинских частей на помощь эстонской армии, выделить «одну танковую бригаду и 25 кавдивизию в направлении Валк – Рига»; кроме того «7-й армии быстрым и решительным ударом по обоим берегам реки Двины наступать в общем направлении на Ригу» [95, ф. 25888, оп. 11, д. 14, л. 6–7].

Озаботились в Москве и созданием предлога для демонстрации угрозы применения силы в отношении Эстонии и, в случае необходимости, оправдания этой силовой акции. Им стало потопление в Нарвском заливе судна «Металлист» неизвестной подводной лодкой, о чем сообщил ТАСС [Правда. – 1939. – 28 сентября]. На самом деле судно было расстреляно торпедами советской подлодки, а затем потоплено тараном миноносца. А саму эту провокацию запланировали двумя месяцами раньше в качестве элемента легенды на штабную игру Балтийского флота, о чем будет подробнее сказано ниже.

В ответ на советские приготовления 27 сентября главнокомандующий вооруженными силами Эстонии генерал Й. Лайдонер объявил по войскам оперативный приказ № 1 с указанием на высокую вероятность начала войны с СССР.

В приказе содержался ряд соответствующих распоряжений для приведения вооруженных сил Эстонии в наивысшую степень боеготовности.

Не менее важным делом было заручиться поддержкой дружественных стран, поскольку выстоять в одиночку в Таллинне и не рассчитывали. К числу потенциальных союзников там относили Финляндию, Латвию, Германию и Великобританию. Что касается последней, то никакой реальной помощи Эстонии она оказать не могла ввиду закрытия восточной части Балтийского моря для английских кораблей силами военно-морского флота Германии. И в трех других случаях Эстонию ожидало разочарование. В Хельсинки министр иностранных дел Финляндии даже не принял эстонского посланника для обсуждения вопроса об оказании Эстонии помощи в войне с СССР. Ответила отказом и Латвия, формально военный союзник Таллинна. Германия заявила, что «в силу советско-германского пакта о ненападении в случае войны между Эстонией и Советской Россией Германия займет позицию, враждебную Эстонии» [66, с. 146–147].

В результате Таллинн принял решение вступить в переговоры на основе предложения, сделанного Советским Союзом, и заключить договор по возможности на приемлемых для Эстонии условиях. Это решение имело тем большее значение, что оно фактически предопределило согласие Латвии, затем и Литвы, на сделанные им вслед за Эстонией советские предложения провести переговоры о заключе-

нии пактов. В Риге латвийский кабинет констатировал, что, принимая во внимание новую политическую ситуацию, создавшуюся в Восточной Европе в результате заключения договоров СССР с Эстонией и Германией, Латвия также могла бы приступить к пересмотру своих отношений с другими странами и, в первую очередь, с Советским Союзом [«Известия». – 1939. – 3 октября]. Наконец, 30 сентября, через два дня после «перехода» Литвы в сферу советских государственных интересов, соответствующее предложение было сделано и ей. 2 октября в Москву прибыл министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс, а на следующий день – его литовский коллега Ю. Урбшис.

Переговоры с делегациями балтийских стран продолжались с 24 сентября по 10 октября. С советской стороны в них приняли участие Молотов и, в наиболее ответственные моменты, Сталин; со стороны прибалтийских государств – их министры иностранных дел Карл Сельтер, Вильгельмс Мунтерс и Юозас Урбшис. Переговоры традиционно начинались с предложения о заключении пакта о взаимопомощи. Стремясь сразу лишить прибалтийских «партнеров поневоле» иллюзий относительно возможности защиты со стороны Берлина, советские руководители информировали их, что Германия признала за СССР преимущественное право решать судьбу этих стран. Необходимость заключения договоров обосновывалась ростом политической неопределенности и военной угрозы в условиях начавшейся европейской

войны.

Попытки прибалтийских дипломатов возражать против навязываемых пактов на том основании, что они означают ущемление национального суверенитета и компрометируют их нейтралитет, отвергались сразу и безо всяких правовых изысков. Им, однако, гарантировалось советское невмешательство во внутренние дела. Эстонскому министру, например, Молотовым было обещано: «Мы не намереваемся затрагивать ни ваш суверенитет, ни государственное устройство. Мы не собираемся навязывать Эстонии коммунизм. Мы не хотим затрагивать ее экономическую систему. Эстония сохранит свою независимость, свое правительство, парламент, внешнюю и внутреннюю политику, армию и экономический строй. Мы не затронем всего этого» [66, с. 142–143].

Одной из причин поразительной деликатности Кремля было упомянутое нами выше обещание не торопить события, данное Сталиным Риббентропу 28 сентября [36, с. 606–611]. Существовала, однако, еще и первопричина, названная им секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову 25 октября 1939 г. «Мы думаем, – сказал Сталин, – что в пактах о взаимопомощи нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации» [цит. по: 143 прил., док. № 25]. В ряду

этих стран, помимо прибалтийских, Сталин видел Финляндию, Турцию и Болгарию, подчинение которых методом советизации стало бы трудным и политически дорогостоящим предприятием.

С другой стороны, руководителям прибалтийской дипломатии давали понять, что вопрос о размещении советских войск на территории их стран является решенным, и советовали не осложнять дело. В противном случае, предупредил Сельтера Молотов, «нам придется использовать для обеспечения своей безопасности другие пути, может быть, более крутые и сложные. Прошу Вас, не вынуждайте нас применять по отношению к Эстонии силу» [66, с. 139]. А после успешного завершения советско – эстонских переговоров довольный Сталин «похвалил» министра: «Правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С вами могло бы получиться, как с Польшей» [цит. по: 16, с. 182].

Насильно усаженные за стол переговоров, три прибалтийские страны отчаянно боролись, – в пределах оставленной им свободы дипломатического маневра, – за минимизацию ущерба их суверенитету в результате заключения соглашений с СССР. Линией борьбы было ограничение численности вводимых контингентов, а также времени и мест их пребывания. Прибалтийские страны предлагали, в частности, ограничить срок действия договоров фактическим временем войны в Европе, а когда это не удалось – минимальными

договорными сроками, в чем они частично преуспели. Также они настояли на отказе от размещения советских войск в столицах своих стран и вообще в их крупных городах и центральных районах, предлагая вынести базы на периферию. Отчаянная, по выражению В. Мунтерса, «чисто азиатская торговля» шла и по вопросу о численности советских войск; в результате она была несколько сокращена по сравнению с первоначальными советскими предложениями. Кроме того, по настоянию Таллинна советская сторона отказалась от требования расторжения эстонско-латвийского союзного договора (т. н. Балтийская Антанта).

Эти несомненные успехи прибалтийской дипломатии стали возможными благодаря победе, одержанной эстонской делегацией в главном вопросе – убедить советское руководство отказаться от идеи установления протектората над странами Балтии в пользу заключения с ними пактов о взаимопомощи как с суверенными государствами. Первоначальные советские предложения, сделанные Эстонии, предусматривали контроль над ее внешней политикой в форме «оказания дипломатической помощи», а также использование размещаемых войск для поддержания внутренней безопасности страны. Иными словами, речь шла о превращении Эстонии в советский протекторат. (Эти условия Молотов явно списал с проекта договора об установлении германского протектората над Литвой, подготовленного Берлином до ее обмена на «советские» территории в Польше). Однако в результате ис-

ключительно твердой позиции, занятой ее делегацией, идею протектората удалось похоронить не только в отношении Эстонии, но также Латвии и Литвы, поскольку советско – эстонский договор, будучи первым, послужил образцом для пактов и с этими двумя странами.

За эстонской дипломатией следует признать авторство не только на избранный формат соглашения, но и на внутреннюю логику документа, его структуру и ключевые понятия. Молотов вышел на переговоры абсолютно неподготовленным, с голой идеей ввода войск. Не были определены ни сфера и время действия договора, ни взаимные обязательства сторон и условия вступления их в силу, ни количество и места расположения баз, ни условия присутствия на них воинских контингентов и их численность и т. д. Более того, намереваясь заключить договор о взаимопомощи, Молотов, как было указано выше, фактически предложил Эстонии протекторат, видимо не вполне понимая разницу.⁶⁸ Очевидно, что такой «проект» договора писался «на коленке», за несколько минут до приема эстонского министра, что говорит в пользу предположения, что нарком был захвачен врасплох инициативой Сельтера. Поэтому обсуждение советского проекта договора выглядело как диалог между профессором международного права Сельтером и не подготовившимся студентом Молотовым. «Да, Ваш текст лучше, и может стать основой», – признал в итоге нарком [66, с. 184].

⁶⁸ Похожую путаницу он допустит через год в переговорах с болгарями.

Согласно подписанным пактам договаривающиеся стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе военную, в случае нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы на их морские границы или на них самих через территорию соседних стран. Предусматривалось, что в случае возникновения войны между одной стороной договора и третьей державой, другая сторона, по обоюдному согласию, могла сохранять нейтралитет. Это означало, что у прибалтийских государств оставалась возможность придерживаться нейтралитета по отношению к советско – германской войне. В случае агрессии Рейха эта возможность была, конечно, чисто теоретической, но в случае западного похода РККА – вполне реальной.

Договоры признавали за Советским Союзом право аренды военных и военно-морских баз и аэродромов в ряде населенных пунктов и местностей Эстонии, Латвии и Литвы. Для охраны указанных объектов СССР мог разместить на них за свой счет определенное количество наземных и воздушных вооруженных сил. Со своей стороны, СССР обязался оказывать на льготных условиях помощь армиям прибалтийских союзников вооружением и другими военными материалами. Стороны договорились не заключать какие-либо союзы и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них. В процессе реализации пактов ни в коей мере не должны были затрагиваться суверенные права участни-

ков, их экономические системы или государственное устройство. Срок действия договоров с Эстонией и Латвией устанавливался в 10 лет, с Литвой – 15 лет.

Отличительной особенностью договора с Литвой было то, что его Статья 1 предусматривала передачу г. Вильнюса с областью под литовский суверенитет.⁶⁹

Конфиденциальные протоколы к подписанным договорам предусматривали, что общая численность советских гарнизонов в Латвии и Эстонии на время войны не будет превышать 25 тысяч человек, и в Литве – 20 тысяч человек [36, с.138–141; 161–164; 173–176].

Заключение пактов происходило с соблюдением всех норм национального государственного права стран-участниц. Договоры были подписаны и ратифицированы правоспособными лицами и органами, наделенными соответствующими конституционными полномочиями. Содержание самих пактов соответствовало обычным для подобных документов критериям. Разумеется, следует помнить, что заключение этих безупречных с формальной точки зрения соглашений стало результатом противоправного военно-политического принуждения слабого сильным. И все же рискнем высказать мнение, что если бы СССР сумел остановиться на обозначенном договорами о взаимопомощи рубеже, то *такая* его прибалтийская акция могла претендовать на оправ-

⁶⁹ Данная территория была занята Красной Армией в результате ее сентябрьского похода в Польшу.

дание историей. К сожалению, не сумел.

Стремясь сохранить лицо и доказать, что не произошло ничего из ряда вон выходящее, правительства Латвии, Литвы и Эстонии не скупились на высокие оценки подписанных документов. На самом деле никакого доверия к сталинскому СССР у них не было. В. Мунтерс вспоминал: «Признаюсь, выбор был не из легких, и он был продиктован тогдашней ситуацией, когда иного пути не было [...] Мы понимали, что это означает поворотный пункт в истории Латвии, но в то же время сознавали, что только таким образом можно сохранить латышский народ» [Циня. – 1989. – 20 июля.]. О том, с каким тяжелым сердцем заключали пакт литовцы, говорил Ю. Урбшис [67, с. 34–35]. В Эстонии правительство, подписав пакт, подало в отставку.

Столь мрачной ситуация выглядела, однако, только по сравнению с «золотым» двадцатилетием прибалтийской независимости. В реальных условиях начавшейся мировой войны приходилось решать, быть ли под Советами или под нацистской Германией. Сравнивая угрозу, исходившую для их стран и народов с запада и востока, правящие круги Литвы и Латвии считали выбор в пользу СССР меньшим злом (в Эстонии ситуация была более сложной). Во-первых, перед их глазами стояли свежие примеры Австрии, Чехословакии и Польши – трех государств, запросто стертых Германией с политической карты Европы, тогда как пакты с СССР, по крайней мере, предусматривали продолжение существо-

вания их стран. В прибалтийских столицах полагали, конечно, с вариациями, что даже если в конце пути их ждет полная советизация, это все равно предпочтительней, чем оказаться под германским владычеством. Считалось, что, будучи включенными в состав СССР, три народа сумеют сохраниться и выжить, тогда как «освоение» Прибалтики германской военно-политической машиной таких надежд им не оставляет.

Наконец, война в Европе могла закончиться победой демократических стран (в то время участие СССР в антигитлеровской коалиции казалось немыслимым), что имело бы следствием ликвидацию политического наследия эпохи советско – германского альянса, в том числе в Прибалтике.

О реакции на пакты населения трех стран с полной уверенностью судить весьма затруднительно из-за существовавших в них весьма жестких ограничений прав на свободу слова и политическую деятельность. В среде левой интеллигенции и рабочих активистов договоры вызвали прилив энтузиазма. В конце сентября 1939 г. заместитель главы французской миссии в Риге Ж. де Босс отметил в дневнике примеры роста левых настроений: «Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии»; в Московском предместье Риги «рабочие требуют прихода русских и смены государственного строя». В свою очередь, в бюллетене Департамента госбезопасности МВД Литвы от 16 октября 1939 г. отмечалось: «События этих дней показали, что среди наших ра-

бочих коммунистическая агитация находит себе неплохую почву. Влиянию коммунистов поддается немало и тех рабочих, которые раньше с коммунистической деятельностью ничего общего не имели» [63, с. 131].

И в более широких слоях населения сделанный правительствами выбор между Германией и СССР в пользу последнего находил понимание, по крайней мере, как меньшее из двух зол. Например, латвийское крестьянство, получившее 2,5 млн. га сельскохозяйственных земель в результате национализации поместий немецких баронов, задаваясь вопросом-поговоркой: «что лучше – или под кнутом немца, или под бородой русского?», – разделяло в своей массе мнение, что «лучше оказаться в колхозе, чем под бароном». Такое же отношение к немецкому баронству было и в Эстонии. Латвийский посланник в этой стране В. Шуманис сообщал в МИД 17 апреля 1939 г.: «В народе по-прежнему наибольшим врагом считают немцев. [...] В народе нередко проявляется мнение, что русские были бы меньшим злом» [137, с. 186–187]. Вернувшийся в начале июля 1939 г. в Москву из поездки на родину посланник Л. Наткевичус поделился со своими прибалтийскими коллегами наблюдением, что «литовское общество [...] допускает, что Советский Союз может быть тем, кто спасет Литву от германской агрессии» [78, док. № 1]. Примирению страны с пактом сильно посодействовало возвращение ей исторической столицы – города Вильнюс, и области. Следующий после подписания договора день 11

октября стал по существу днем национального праздника в республике.

Пророссийские настроения были в целом характерны для офицерского корпуса прибалтийских государств, поскольку очень многие его представители вышли из рядов русской императорской армии и воевали против немцев в 1914–1918 гг. Видный латвийский политический и государственный деятель Б. Калниньш свидетельствовал: «Приходилось выбирать между Гитлером и Сталиным. В основном все офицеры армии считали, что если уж приходится с кем-то идти, то лучше с русскими» [цит. по: 11, с. 242].

Заключение договоров также приветствовалось проживавшими в странах Балтии национальными меньшинствами: русскими, белорусами, евреями.

Одним из факторов, склонивших общественное мнение стран Балтии в пользу ориентации на СССР, был углубляющийся хозяйственный кризис, вызванный фактическим прекращением товарообмена с их основными контрагентами в Западной Европе, прежде всего с Великобританией. В этих условиях торговые соглашения, заключенные Эстонией, Латвией и Литвой с СССР практически одновременно с пактами о взаимопомощи и как бы в рамках пакетных соглашений, в глазах жителей этих стран выглядели спасительными. В резолюции общегородского собрания старост рабочих и представителей профсоюзов Таллинна от 9 октября 1939 г., к примеру, говорилось: «Старосты рабочих и пред-

ставители профсоюзов г. Таллинна констатируют, что таллинские рабочие восприняли с большой радостью сообщения о заключении обширного торгового соглашения и пакта о взаимопомощи между Эстонией и Советским Союзом. Рабочие уверены, что эти соглашения обеспечат эстонских рабочих постоянной работой, что в связи с этим будет ликвидирована безработица и улучшится экономическое положение трудящихся» [63, с. 91].

В целом же основная масса населения восприняла пакты о взаимопомощи с пониманием, не веря в возможность абсолютно независимого и нейтрального существования своих стран в условиях мировой войны. В октябре 1939 г. уже мало кто сомневался, что принятые решения были хотя и трудной, но политически разумной уступкой обстоятельствам непреодолимой силы.

Отношения СССР с государствами Балтии (октябрь 1939 – май 1940 гг.)

Политика невмешательства

К немалому удивлению наблюдателей после заключения пактов и начала ввода войск на территорию трех стран советское руководство твердо держалось политики невмешательства в их внутренние дела. Это отнюдь не означало его отказ

от плана насаждения «социализма» в Европе, частью которого была советизация Прибалтики. Однако в условиях европейской войны первоочередной заботой Кремля было создание на территории прибалтийских государств передового рубежа обороны, он же плацдарм для будущего прыжка в Европу. Советизация стран региона была задачей второй очереди. Поэтому Сталин с легким сердцем и пообещал Риббентропу в ходе беседы 28 сентября 1939 г., что этот процесс будет постепенным и растянется на продолжительное время [36, с. 611].

Следует также иметь в виду, что СССР был отнюдь не волен в своих действиях, и ему постоянно приходилось соотносить их с меняющейся международной обстановкой. При принятии решений по прибалтийскому вопросу определяющее значение имела комбинаторика его отношений с обеими воюющими коалициями. Обстановка осени 1939 г. определенно позволяла выполнить первую – военную – часть общего плана. Попытка незамедлительно перейти к выполнению второй – советизаторской – части программы несла в себе угрозу возникновения различного рода конфликтов с Берлином, у которого в регионе имелся огромный политический и, особенно, экономический интерес, и оставались «в заложниках» у СССР проживавшие там многочисленные граждане Рейха и фольксдойче. Это вынуждало Москву быть осмотрительной и не форсировать события, тем более что приходилось также учитывать возможную реакцию на них

Лондона и Парижа. Чтобы заручиться «нейтралитетом» последних, обязательство о невмешательстве во внутреннюю жизнь прибалтийских стран было дано публично и на государственном уровне в выступлениях В. М. Молотова на 5-й сессии Верховного Совета СССР 31 октября и К. Е. Ворошилова на традиционном параде в Москве 7 ноября 1939 г.

Западная коалиция в целом не возражала против советской превентивной оккупации Прибалтики уже хотя бы потому, что этим ограничивалась сфера германской военно-политической экспансии на континенте и создавалась почва для будущего советско-германского конфликта. В беседе с И. М. Майским 6 октября первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль изложил свое понимание ситуации следующим образом: «СССР становится хозяином восточной части Балтийского моря. Хорошо это или плохо с точки зрения британских интересов? Хорошо. [...] По существу же последние действия советского правительства в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный «лебенсraum» Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включались в советскую, а не германскую государственную систему». «Англия не имеет оснований возражать против действий СССР в Прибалтике», – подытожил Черчилль [36, с. 168, 619; 76, с. 30].

Сыграла свою роль и юридическая чистота, с которой был решен вопрос, не дававшая формальных оснований для про-

теста и противодействия. «Советско – эстонское соглашение, – докладывал в НКВД из Парижа Я. З. Суриц 30 сентября, – не вызывает критики. Признается, что законное ограждение наших интересов в Балтийском море проведено в рамках соблюдения суверенитета Эстонии и что у СССР нет намерения изменять статус – кво балтийских стран» [36, с.143].

Действительно, «переварить» советизацию стран Балтии западным державам было трудно даже тогда, когда СССР стал их союзником в войне с Германией. Позволить же такое невоюющему союзнику Берлина, коим являлся Советский Союз до 22 июня 1941 г., они не могли. Поэтому нельзя было полностью исключить вероятность незамедлительных ответных действий западной коалиции, вплоть до применения вооруженной силы за пределами региона (например, бомбардировка бакинских нефтепромыслов). Принять на себя стратегического масштаба риски ради достижения цели второй или третьей очереди в Кремле справедливо считали непозволительной глупостью. Учитывалось также, что в советских внешнеполитических планах значилось заключение пактов о взаимопомощи еще с тремя странами – Финляндией, Болгарией и Турцией. Пример Прибалтики должен был продемонстрировать их властям, что с этой стороны не исходит никакой угрозы их внутривнутриполитическому положению.

В пользу сохранения существующих порядков в Литве, Эстонии и Латвии говорило, наконец, и то обстоятельство,

что только в условиях политической стабильности и при доброжелательном содействии местных правительств могла быть решена главная задача дня: скорейшее обустройство прибывающих советских войск и восстановление их боеготовности. Таким образом, с какой бы стороны руководство СССР ни рассматривало «прибалтийскую проблему» осенью 1939 г., оптимальным курсом оказывалось честное выполнение договорных обязательств, прежде всего о невмешательстве во внутренние дела принимающих стран.

Учитывая важность вопроса, Кремль в превентивном порядке постарался пресечь возможные попытки проявления неуместного революционного энтузиазма со стороны полпредств и военных. Доведенные до их сведения директивы о невмешательстве были сформулированы в предельно жестких выражениях и грозили карой за неисполнение. Уже в приказе наркома обороны К. Е. Ворошилова от 25 октября 1939 г., отданном в связи с вступлением частей РККА в Прибалтику, от личного состава требовалось «ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела» Эстонии, Латвии и Литвы. «Разговоры о «советизации» прибалтийских республик, – говорилось в приказе, – в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются, безусловно, провокаторскими [...] Настроения и разговоры о «советизации», если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом» [95, ф. 4, оп. 15, д. 22, л. 250–257].

Дело осложнялось тем, что «советизаторскую» волну стали поднимать местные левые, причем уже на стадии переговоров о пактах. Поверенный в делах СССР в Литве В. С. Семенов телеграфировал 5 октября в НКВД: «Журналист Палецкис сообщил сегодня следующее. В Литве образовался комитет, объединяющий коммунистов, ляудининков⁷⁰ и социал-демократов. Учитывая настроения масс, комитет решил выступить с требованием литовской народной республики. [...] Палецкис интересовался, могу ли помочь их выступлению советом» [64, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2063, л. 101]. Из Таллинна К. Н. Никитин сообщал, что подписание пакта и ввод советских воинских частей «расценили здесь по аналогии с Западной Белоруссией и Украиной. Отсюда различного рода делегации рабочих союзов [...] с просьбами о смычке с советскими профсоюзами, Красной Армией, с жалобами на притеснение профсоюзов эстонским правительством, на усиление режима Пятса-Лайдонера» [64, ф. 0154, оп. 32, п. 48, д. 2063, л. 101].

В условиях подъема левого энтузиазма в «своих» странах полпреды и иные представители СССР, еще не до конца свыкшиеся с новой для них ролью лояльных партнеров существующих режимов, совершали иногда, на взгляд осторожничающей Москвы, отступления от данной ею директивы о невмешательстве. В ответ на сообщение полпредства из

⁷⁰ Партия ляудининков – официальное название: «Партия крестьян – ляудининков».

Каунаса о контактах с представителями просоветски настроенной части литовской интеллигенции, Молотов телеграфировал 14 октября: «Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите. Осуществляйте связь только с правительственными, официальными кругами, постоянно помня, что полпредство аккредитовано при правительстве и ни при ком другом». Неделю спустя Позднякову было дано еще более строгое указание наркома: «...Категорически воспрещаю вмешиваться в межпартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т. д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного [...] Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы» [64, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2064, л. 55, 61]. Полпред К. Н. Никитин, намеревавшийся всего лишь отметить национальный праздник СССР 7 ноября торжественным концертом, получил от Молотова 23 октября телеграмму следующего содержания: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи Вы не поняли [...] Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет советизации Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам [...] Главное, о чем Вы должны помнить, – это не допускать никакого вмешательства в

дела Эстонии» [63, с. 139, 144].

Фактически речь шла уже не столько о политике невмешательства в дела прибалтийских государств на стороне левых сил, сколько о поддержке официальных властей против оппозиции. 1 ноября 1939 г. американский посланник в Эстонии и Латвии Д. К. Уайли сообщал об этой метаморфозе в Государственный департамент: «Какой-то странной до смешного выглядит новая советская позиция в отношении деятельности левого крыла в этих приграничных государствах. На местах, где она проявлялась, советские представители реагировали на это нерасположением. Правительства прибалтийских стран, по крайней мере, косвенно, поощрялись на твердые репрессивные меры против любых беспокоящих акций со стороны левых...» [71, с. 47].

В свете этого свидетельства уже не выглядит шуточным обещание, данное Сталиным Ю. Урбшису во время переговоров в Москве, что в случае коммунистического восстания в Литве советские войска подавят его [79, с. 16–17]. По информации латвийской разведки в октябре-ноябре 1939 г. «были случаи, когда местные коммунисты обращались к большевикам в Ново-Вильне с жалобами против литовских учреждений. Большевики их арестовывали и передавали литовской полиции». Арест в декабре 1939 г. лидеров литовской компартии во главе с первым секретарем А. Снечкусом также не вызвал какого-либо протеста Москвы.

Не без оглядки на СССР, но страны Балтии сохраняли

также известную свободу внешнеполитической деятельности. Яркой демонстрацией этого стало декабрьское 1939 г. голосование в Лиге наций по вопросу об исключении Советского Союза из членов организации за отказ подчиниться требованию резолюции о прекращении боевых действий против Финляндии. Балтия «воздержалась», хотя в Москве явно хотели видеть ее в числе проголосовавших «против». Однако реакция Кремля оказалась очень сдержанной: встречаясь с латвийским посланником, Молотов ограничился тем, что сделал недовольное лицо.

Военные вопросы

После заключения пактов настала очередь решения многочисленных проблем, связанных с вводом и обустройством советских войск на новом месте. Предстояло детализировать договорную базу их пребывания в прибалтийских государствах, т. е. заключить соглашения по конкретным вопросам: о местах дислокации частей; о порядке их перемещения через границу; об освобождении воинских грузов от таможенного досмотра и обложения; о материальном и продовольственном снабжении гарнизонов; о строительстве и аренде помещений для воинских подразделений и т. п. В этих целях в подписанных пактах о взаимопомощи предусматривалось создание смешанных комиссий в составе военных представителей СССР и соответствующего прибалтийского го-

сударства. Комиссии наделялись широкими полномочиями при рассмотрении отнесенных к их компетенции вопросов и имели право создавать, в свою очередь, комиссии для решения отдельных специфических или частных задач.

2–5 октября 1939 г. в Таллинне состоялось первое заседание советско – эстонской Смешанной комиссии, на котором речь шла о местах дислокации советских войск на территории Эстонии. Переговоры проходили, по словам генерала Й. Лайдонера, «в атмосфере взаимного доверия и понимания». Так, эстонское правительство согласилось благожелательно рассмотреть заявку советской стороны на размещение войск в районе Хаапсалу, что выходило за рамки договоренностей, закрепленных в пакте. Со своей стороны, идя навстречу пожеланиям эстонцев, Молотов телеграфировал полпреду К. Н. Никитину 4 октября 1939 г.: «От размещения наших войск и аэродромов в Валге и центральных районах Эстонии предлагаем отказаться. Советуем ограничиться как местами размещения наших войск прибрежными районами, островами и районом Балтийского порта (Палдиски)» [63, с. 84].

10 октября Комиссия подписала Протокол, в котором подробно оговаривались вопросы размещения в Эстонии советских наземных и воздушных сил. Были установлены дата начала ввода войск – 18 октября, а также порядок пересечения ими границы и следования к местам дислокации по эстонской территории. Правительство республики брало на

себя обязательства по отводу участков под аэродромы, учебные поля и полигоны, а также помещений для расквартирования вводимых частей; по охране маршрутов их следования; по перевозке войск морем на острова и обратно; по содействию в найме рабочей силы и приобретении строительных материалов и техники для сооружения казарм и аэродромов [63, с. 101–103].

На следующий день, 11 октября, был подписан еще ряд протоколов и соглашений: о базировании советского флота на острова Хийумаа и Сааремаа; о предоставлении СССР в пользование участка и акватории в Палдиски; об обеспечении временной стоянки советских военных кораблей в Таллинне; о постоянных рейсах транспортов под советским военным (портовым) флагом для связи между советскими портами и пунктами базирования советских морских сил в Эстонии; о порядке производства гидрографических работ и обмена материалами между советским и эстонским морским командованием; о порядке посещения военными и торговыми кораблями третьих держав эстонских портов, служащих местами базирования советских военных кораблей; о сохранении военной тайны [63, с.105–112].

Аналогичную работу во второй половине октября – начале ноября проделали советско – латвийская и советско – литовская смешанные комиссии.

Вместе с тем, обозначился круг вопросов, по которым сторонам было трудно прийти к общему мнению. Главным из

них был вопрос о местах и порядке размещения войск. В принципе эти места были определены и распадались на две группы: места временной дислокации (на время шедшей в Европе войны) и места постоянной дислокации (на все время действия пакта). Места, относившиеся к первой группе, обычно находились в обжитых районах страны с развитой инфраструктурой и наличием жилого фонда. Места второй группы – это слабо освоенные участки побережья и островов в Балтийском море. Конфликт интересов состоял в том, что советская сторона стремилась закрепиться в первую очередь в более удобных для быстрого развертывания войск местах временной дислокации (возможно, учитывался и политический фактор присутствия в густонаселенных районах принимающих стран). Однако по этим же соображениям, но также и ввиду многочисленных неудобств, которые развертывание советских войск причиняло населению, прибалтийские правительства настаивали на первоочередном освоении мест постоянной дислокации.

Принципиальные разногласия возникли также по вопросу определения численности вводимых войск. Прибалтийские правительства требовали учета в предоставленных СССР квотах обслуживающего персонала баз, флотских экипажей кораблей, находящихся в их портах, а также военных строителей, занимавшихся созданием необходимой для войск инфраструктуры. Советская сторона оспаривала такой порядок подсчета. Немало споров возникало по хозяйственно – эко-

номическим вопросам, таким, как стоимость передаваемого имущества, арендные ставки, компенсации различного рода и т. д., но тупиковых ситуаций с ними не возникало. Решение ряда вопросов вообще не вызвало никаких сложностей. Так, в целях обеспечения связью советских гарнизонов, дислоцированных в Латвии, 12 ноября 1939 г. в Риге между командованием двух армий было подписано соглашение об использовании телеграфа, телефона, радио и почты вооруженными силами СССР на территории Латвии. В тот же день было достигнуто соглашение о порядке передвижения советских войск по латвийской территории [63, с. 162–165].

Вопросы, связанные с пребыванием советских войск в Прибалтике, находились в центре внимания руководства НКВД СССР. На совещании 19 февраля 1940 г. было решено поручить советским полпредам в Эстонии, Латвии и Литве оказать необходимое содействие торгпредам в заключении договоров на аренду земельных участков и строений. Также полпредам вменялось в обязанность форсировать подписание соглашений о порядке перехода границы воинскими частями, командами и отдельными лицами и предлагалось представить свои соображения по развитию культурных связей со странами пребывания [63, с. 235]. 28 февраля 1940 г., было принято специальное постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях, связанных с размещением советских вооруженных сил на территории Эстонии, Латвии и Литвы». Постановление предусматривало

комплекс мер по ускорению строительства в странах Балтии объектов военной инфраструктуры для введенного контингента.

Следует подчеркнуть, что все подписанные соглашения стали результатом абсолютно свободной договоренности сторон. В ходе переговоров правительства стран Балтии «не стеснялись» твердо отстаивать свои интересы. Так, 3 января 1940 г. эстонцы настояли на том, что ввод советских частей на территорию страны всякий раз должен был осуществляться исключительно после предварительного уведомления об этом военного министерства. В связи с неоднократным появлением советских самолетов в закрытых для полетов зонах Эстонии Смешанная комиссия постановила, что «командование советских сухопутных и морских войск в Эстонии делает распоряжение своим военно-воздушным силам о категорическом запрещении полетов вне зон, указанных эстонским командованием». Также был установлен твердый порядок в вопросе о разъездах автотранспорта советских частей по территории страны [63, с. 216–218].

Лучшим доказательством равноправного отношения сторон в ходе переговоров является тот факт, что обсуждение некоторых вопросов затянулось на месяцы, а решения так и не были найдены. Такая ситуация, например, возникла в работе советско – эстонской Смешанной комиссии, в результате чего к началу апреля 1940 г. в НКВД созрело мнение, что дальнейшее обсуждение спорных вопросов в Таллинне бес-

перспективно и что переговоры надо переносить в Москву. Эти переговоры продолжались еще более полутора месяцев и шли одновременно на нескольких уровнях, от экспертного до наркомовского. (Молотов четырежды включался в работу).

В итоге удалось преодолеть основные разногласия и 8 июня выйти на заключение трех соглашений: «О порядке следования в Эстонию и возвращения в СССР войсковых соединений, частей и команд СССР и отдельных военнослужащих, пребывающих на территории Эстонии согласно Пакту о взаимопомощи от 28 сентября 1939 г., а также групп строительных рабочих и лиц инженерно-технического персонала»; соглашение «Об отводе земельных участков для строительства военно-морских баз, военных городков, базовых и оперативно – учебных аэродромов, для устройства танковых, артиллерийских и авиационных полигонов, учебных полей, стрельбищ, установки береговых батарей и по другим вопросам, связанным с нахождением наземных, воздушных и военно-морских сил СССР в Эстонии» от 15 мая [63, с. 319–325] и, наконец, соглашение «Об общих административных условиях пребывания на территории Эстонии вооруженных сил СССР» [63, с. 355–360].

По установленным в ходе переговоров графикам передовые части РККА вступили в Эстонию 18 октября. На территорию Латвии советские воинские эшелоны начали прибывать 29–30 октября. Неделей раньше в Либавский порт во-

шла военная эскадра Балтфлота. Ввод войск на территорию Литвы был назначен на 3 ноября 1939 г. Порядок и маршруты следования разрабатывались совместно. Вывод советских войск из г. Вильнюса, который передавался Литве, намечался не позднее 15 декабря 1939 г. Размещение войск на территории прибалтийских государств завершилось в основном в течение ноября, после чего наступил этап планомерного осуществления мероприятий во исполнение подписанных договоров о взаимопомощи.

Советская сторона находила состояние дел в целом удовлетворительным. Именно такая оценка содержалась в речи Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. [Известия. – 1940. – 30 марта]. Со своей стороны, официальная Балтия была приятно удивлена последовательным осуществлением Советским Союзом политики невмешательства в ее внутренние дела. Информирова И. С. Зотова о результатах работы X конференции стран Балтийской Антанты, состоявшейся в декабре 1939 г., В. Мунтерс сообщил, что по их общему мнению реализация договоров «протекает удовлетворительно. Масса новых вопросов, поставленных пребыванием советских войск, разрешается без особых затруднений» [63, с. 339]. Факт честного соблюдения Советским Союзом обязательства о невмешательстве многократно признавался президентами и другими руководителями государств Балтии. Например, выполняя поручение Каунаса, посланник Л. Наткевичус заявил в беседе с Молотовым

16 марта 1940 г.: «Литовское правительство довольно поведением советских войск. Литовское правительство не имеет никаких замечаний и довольно, что войска ведут себя корректно» [14, с. 150].

В своих воспоминаниях Ю. Урбшис отмечал, что «в связи с их (гарнизонов. – *Ред.*) устройством каждый день возникало немало вопросов, но обе стороны проявляли добрую волю, и все решалось быстро и ко взаимному удовлетворению» [67, с. 49]. Министр вспоминает, что в середине мая его в Каунасе навеситил генеральный секретарь НКВД А. А. Соболев, совершавший инспекционную поездку по трем странам региона. Московский гость заявил, что «и в Эстонии, и в Латвии все дела в порядке, но *лучше* всего у вас, в Литве» [67, с. 46].

Торгово-экономическое сотрудничество

Выше отмечалось, что с началом войны в Европе Литва, Латвия и Эстония оказались в тяжелом экономическом положении. Народное хозяйство трех стран было в огромной мере экспорто – и импортоориентированным, прежде всего на английский рынок; поэтому установленная Германией морская блокада Великобритании привела к резкому сокращению торговли. Паническая заготовка населением товарных запасов еще больше оголила рынок. В отчете о положении в Эстонии на первую половину сентября 1939 г. полпред

К. Н. Никитин сообщал, что ввиду прекращения поставок импортного сырья одни фабрики начинают закрываться, а другие увольняют до 30 процентов рабочих и переходят на неполную рабочую неделю [63, с. 47]. В Латвии и Литве положение было схожим. Из-за недостатка жидкого топлива и угля в Литве наблюдались перебои в работе железнодорожного, городского и других видов транспорта [64, ф. 0151, оп. 30, п. 56, д. 2, л. 38–43].

Временно отказавшись от политического подчинения Прибалтики, Германия стремилась установить экономическое господство над регионом. Ввиду этого, 20 июля 1939 г. посланник Л. Наткевичус просил Молотова «по возможности увеличить» объем торговли между СССР и Литвой, мотивируя просьбу своего правительства «крайней нежелательностью германской экономической гегемонии в Литве» [64, ф. 06, оп. 1, п. 12, д. 128, л. 15]. Аналогичное положение складывалось и в Эстонии. 2 сентября 1939 г. К. Сельтер заявил полпреду К. Н. Никитину, что поскольку Балтийское море, возможно, будет блокировано и внешняя торговля с Англией затруднена, Эстония хотела бы переключить всю свою торговлю с Великобританией на СССР [64, ф. 154, оп. 25, п. 35, д. 11, л. 38–39]. Из Латвии полпред И. С. Зотов доносил 14 сентября, что затруднения в экономике заставляют правительство «повернуться хозяйственно к СССР». Выход из экономического кризиса Латвия могла найти, по мнению полпреда, только с помощью Советского Союза [63,

с.36–37]. Потребность стран Балтии в экономических связях с СССР была столь велика, что позволила Москве в ходе переговоров по военно – политическим вопросам фактически выдвинуть условие «торговые соглашения в обмен на пакты о взаимопомощи».

За малым исключением подписанные с Эстонией (28 сентября), Литвой (15 октября) и Латвией (18 октября) соглашения были однотипными. В них указывалось намерение сторон «значительно расширить товарооборот» и устанавливались его конкретные параметры для каждой из стран. В соответствии с существовавшей практикой поддержания нетто – баланса, т. е. одинаковой стоимости экспорта и импорта для каждой из сторон, советский экспорт в Эстонию должен был составить 18 млн. эстонских крон, встречный эстонский экспорт – те же 18 млн. крон. По соглашению с Литвой стоимость поставок равнялась 20 млн. лит для каждой из сторон, а с Латвией – 30 млн. лат.

Товарный состав советского экспорта в страны Балтии был весьма разнообразным и включал в себя как промышленное сырье, в том числе горюче-смазочные материалы, сталь, железо, чугун, цемент и т. п., так и продукцию машиностроения, прежде всего сельскохозяйственного, удобрения и различные потребительские товары.

Эстонский экспорт в СССР примерно в равных долях был представлен промышленными товарами (бумага, стекло, целлюлоза, железнодорожные вагоны) и товарами сель-

ского хозяйства (молоко, сливки, сыр, мясо животных, свиньи). Литовский экспорт на 60 процентов состоял из поставок свиней, а оставшиеся 40 процентов приходились на сливочное масло, рогатый скот, крахмал и т. д. Латвийский экспорт по товарному составу и балансу между продукцией промышленности и сельского хозяйства более походил на эстонский. Срок действия всех трех соглашений устанавливался с 1 ноября 1939 г. по 31 декабря 1940 г.

Большое значение для стран Балтии имело предоставленное им Советским Союзом право транзита экспортно-импортных товаров через территорию СССР для восстановления нарушенных германской блокадой связей с традиционными рынками в Западной Европе. Транзит был открыт в обоих возможных направлениях: на север в Мурманск и на юг в черноморские и каспийские порты СССР. Тарифы на такие транзитные перевозки по железным дорогам и по Беломоро – Балтийскому каналу устанавливались весьма льготные.

Конференция Балтийской Антанты, состоявшаяся в Таллинне 8 декабря 1939 г., констатировала «благоприятно развивающиеся торговые отношения с СССР на основе взаимопонимания».

Кризис (25 мая – 16 июня 1940 г.)

Гром среди этого в целом ясного неба прогремел 25 мая:

Молотов вызвал литовского посланника Л. Наткевичуса и от имени правительства сделал представление о случаях «исчезновения» двух советских военнослужащих из частей, расположенных в Литве. «Нам достоверно известно, – заявил нарком, – что исчезновение этих военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов литовского правительства [...] Советское правительство считает подобное поведение литовских органов провокационным в отношении СССР, чреватым тяжелыми последствиями...» [63, с. 331–332]. Делая это представление, Молотов прекрасно знал из донесения полпреда Н. Г. Позднякова от 24 мая, что в действительности речь шла о случаях самовольного временного оставления части упомянутыми красноармейцами и что ко времени молотовского демарша они уже вернулись. «Агенты органов литовского правительства» не имели к этому ни малейшего отношения [63, с. 330–331].

Причина столь внезапной перемены в отношениях СССР со странами Балтии (пока что с Литвой, но затем также с Латвией и Эстонией) заключалась в начавшемся 10 мая наступлении Вермахта на Западном фронте. К 20 мая скорый разгром англо – французской коалиции уже не вызывал сомнения. Страх перед Германией, стремительно шедшей к победе, побудил московское руководство ожидать не просто отказа Берлина от соглашений осени 1939 г. по Прибалтике ввиду новой расстановки военно – политических сил в Ев-

ропе. Опасались худшего: по свидетельству Н. С. Хрущева Сталин был всерьез обеспокоен тем, что после разгрома союзников Вермахт в полном составе окажется на границе с СССР. В мае – июне в Кремле на какое – то время воцарилась паника в ожидании казавшегося неизбежным нападения Германии в самом скором времени.⁷¹ Эта неверная оценка ситуации привела к ложным выводам, а те – к принятию поспешных и, как оказалось, контрпродуктивных военно – политических мер.

На решающее значение германского фактора указывает выбор Литвы в качестве первого объекта новых мероприятий СССР: из трех стран региона только у нее имелась общая граница с Рейхом. Захват Литвы открывал Германии путь ко всей Прибалтике. Поэтому, чтобы не дать Берлину опомниться, было решено максимально быстро заполнить вакуум силы именно здесь. Именно так Молотов и объяснил и. о. премьер-министра Литвы Креве-Мицкевичусу выбор его страны первым объектом новых советских мероприятий [82, р. 126]. Шеф восточноевропейского департамента МИД Великобритании У. Стрэнг так описывал происходящее: «Русские, кажется, дрожа от страха вследствие неожиданного для них успеха немцев, уже исподволь, видимо, начинают придирается к прибалтийским государствам, на этот раз начиная с Литвы, чтобы при необходимости свойственными большевикам методами можно было бы оправдать эвентуальную

⁷¹ Подробнее об этом, см.: гл. 7.

оккупацию Прибалтики» [77, с. 538–539]. Того же мнения придерживался В. Шуленбург, разглядевший еще одну грань проблемы: победы Германии дали повод для надежд в Прибалтике, особенно пограничной Литве, на германское заступничество от Кремля, что могло подвигнуть прибалтов на проявление большей твердости по отношению к СССР. [93, p. 599].

В Москве справедливо решили, что в условиях боевых действий воюющим на западе державам стало не до событий в регионе; следовательно, значительно снизилась угроза их вмешательства на стороне Балтии, а СССР обрел почти полную свободу рук. Главным было успеть создать ситуацию свершившихся фактов до окончания боев на западном фронте. Именно поэтому политические мероприятия Кремля в странах Балтии имели откровенно импровизированный характер, но советизация здесь была ни при чем. Для советизации Прибалтики запланированная Москвой исключительно обширная оккупация не требовалась.

В качестве косвенных доказательств справедливости этой оценки можно привести следующие факты. 23 мая 1940 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об эвакуации на родину, как иностранцев, литовского населения присоединенных в сентябре 1939 г. районов Западной Белоруссии. Подобное решение не имело смысла, если бы к этому времени уже приступили к реализации плана инкорпорации Литвы в СССР. Более того, 26 мая 1940 г. заместитель наркома

иностранных дел В. Г. Деканозов информировал о принятом решении Л. Наткевичюса.

Таким образом, даже после сделанного Заявления от 25 мая решение о присоединении Литвы к СССР еще не было принято. Ни словом эта цель не обозначена и в директиве начальника Политуправления РККА Л. З. Мехлиса, направленной в штабы Ленинградского и Белорусского военных округов в начале июня ввиду подготовки акции по вводу дополнительных войск в Прибалтику [95, ф. 9, оп. 29, д. 504, л. 52–58]. Наконец, уже 8 июня СССР идет на подписание с Эстонией основополагающего документа об административных правилах пребывания советских войск в этой стране, которому предстоявшие события отмерили всего семь дней жизни. Факт подписания этого соглашения, а также ничем не омраченный визит в Москву 2–9 июня военного министра Латвии К. Беркиса, однозначно указывают на то, что даже тогда судьба государств Балтии еще оставалась нерешенной.

Вообще следует подчеркнуть, что вопрос «советизировать или нет Прибалтику?» решался не столько в голове Сталина, сколько на полях сражений во Франции. Если мы говорим не о сокровенных желаниях кремлевских вождей (а они с 1917 г. спали и видели, как бы сделать союз советских республик Земношарным), а о практических мероприятиях в прибалтийском регионе летом 1940 г., то все их планы не дорого стоили, не получив одобрения Берлина. На установление советского протектората такое согласие было дано осе-

ную предыдущего года, хотя находившаяся на пике побед Германия могла и его забрать назад. Но попробовать стоило, а вот планировать что-либо дальше этого рубежа, не выяснив, где находится предел германскому терпению, просто не имело смысла. Выяснить же это можно было, только постепенно продвигаясь в нужном направлении к еще не зафиксированной цели. Вероятно также, что после истории с «правительством Куусинена» в Финляндии⁷² в Москве сочли не лишним посмотреть и на отношение народов трех стран к происходящим переменам.

Вернемся, однако, к изложению хроники событий. В Каунасе, конечно, сразу же оценили всю серьезность положения и демонстрацией доброй воли пытались умиловить большого соседа. Однако урегулирование конфликта никак не входило в планы Москвы. Напротив, она пошла на его эскалацию, опубликовав 30 мая в открытой печати сообщение НКВД под характерным заголовком «О провокационных действиях литовских властей» [63, с.334–335].

Грозовые тучи нависли также над двумя другими странами региона. В середине мая Молотов поручает полпредам в Риге и Таллинне найти компромат на правительства Латвии и Эстонии, который позволил бы обвинить их в нарушении пактов о взаимопомощи и, таким образом, получить повод «наказать» за нелояльность. Вопрос о мере наказания оставался открытым. Полпредам не удалось выполнить поруче-

⁷² См.: Гл. 5.

ние наркома. Все, что сумел обнаружить новый полпред в Риге В. К. Деревянский к началу июня, был устав латвийской армии 1938 г., в котором в качестве иллюстрации мародерства использовались фотографии красноармейцев, «грабящих мирное население», времен освободительной войны 1920 г. Никитину в Таллинне не удалось разыскать даже такого «компромата».

Несмотря на это, 28 мая «Правда» обвинила «некоторые круги эстонской общественности» в потакании антисоветским и проанглийским настроениям. (Антибританская эскапада предназначалась явно для того, чтобы помочь Берлину проглотить горькую московскую пилюлю). Встревоженное правительство Эстонии предприняло ряд шагов с целью урегулирования ситуации. Серьезной демонстрацией доброй воли стало подписание 8 июня упомянутого выше соглашения «Об общих административных условиях пребывания на территории Эстонии Вооруженных Сил СССР». В Риге также были весьма обеспокоены демаршами Москвы. «Политические круги встревожены, – сообщал Деревянский в НКВД. – Распускаются слухи о том, будто имевшие место в Литве случаи исчезновения наших военнослужащих – провокация, начало нового наступления Советского Союза на Балтийские страны». Официальная Рига и местная печать начали упреждающую кампанию, призванную продемонстрировать лояльность Латвии договору о взаимопомощи с СССР.

Между тем, советский политико – пропагандистский натиск на Литву продолжился: 9 июня Молотов выдвинул новое обвинение – участие Литвы в деятельности Балтийской Антанты. Предтечей этой организации был оборонительный союз, созданный Латвией и Эстонией в конце 1923 г. 12 сентября 1934 г. они подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, принять участие в котором была приглашена и Литва. Однако поскольку последняя имела тогда территориальные споры с Германией по вопросу о Мемеле и с Польшей – о Вильно, она не стала участницей военного соглашения, присоединившись к Балтийской Антанте только политически. В то время Советский Союз, провозгласивший курс на коллективную безопасность, благожелательно отнесся к инициативе трех прибалтийских государств [64, ф.012, оп. 2, п. 21, д. 215, л. 60–67]. И при заключении пактов о взаимопомощи осенью 1939 г. Сталин и Молотов, как указывалось выше, не возражали против сохранения этой организации [66, с. 183].

Теперь же Молотов заявил от имени правительства, что деятельность Балтийской Антанты «направлена против Советского Союза». В середине июня он дал в качестве ориентировки полпредам в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии телеграмму с готовым текстом инвективы для использования ее в официальных беседах. «После подписания Эстонией, Латвией и Литвой пактов взаимопомощи с СССР, – говорилось в телеграмме, – Балтийская Антанта, члены которой Латвия и Эстония были еще раньше связаны военным

союзом против СССР, не только не ликвидировалась, но усилила враждебную СССР и заключенным с ним пактам деятельность, включив в военный союз и Литву, а также стала подготавливать включение в него Финляндии» [63, с.370–371]. Можно предположить, не рискуя ошибиться, что единственной причиной вытащить на свет божий политический клуб прибалтийских джентльменов, коим являлась Балтийская Антанта, было отсутствие у Москвы каких-либо реальных оснований для обвинений в адрес Эстонии и Латвии.

Не имеет смысла приводить подробности многодневных и многочасовых «бесед» Молотова с вызванными в Москву дипломатическими и государственными деятелями Балтии. Тщетно те пытались доказать «невиновность» своих стран или хотя бы облегчить неминуемый «приговор». Извергая потоки голословных и нелепых обвинений, нарком твердо вел линию на эскалацию конфликта.

Развязка наступила вечером 14 июня. В 23 часа 50 минут Молотов вручил Ю. Урбшису «Заявление советского правительства правительству Литвы», в котором повторялись выдвинутые ранее обвинения и назывались условия урегулирования кризиса. От Каунаса потребовали, «чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора», а также «чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на террито-

рию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве». Литовский ответ должен был поступить до 10 часов утра следующего дня, т. е. 15 июня; его отсутствие рассматривалось бы «как отказ от выполнения указанных выше требований Советского Союза» [63, с. 372–376].

На этот случай, как и осенью предыдущего года, Москвой было заготовлено военное решение «прибалтийского вопроса». Операция предусматривалась в отношении всех трех стран. Подготовка акции началась еще в последние дни мая. 2 июня погранвойскам Ленинградского военного округа был установлен срок готовности по границе с Эстонией и Латвией к 20.00 часам 12.06. 3 июня нарком обороны С. К. Тимошенко отдал приказ «в целях объединения руководства войсками» исключить части РККА, размещенные в Латвии, Литве и Эстонии, из состава войск Белорусского, Калининского и Ленинградского военных округов и переподчинить их непосредственно наркому обороны [63, с. 339–340]. Были приведены в боевую готовность части, расквартированные в Прибалтике; к границам подтягивались войска. 14 июня в пограничные части поступил приказ выйти к 3 часам утра 15 июня непосредственно на границу, где ожидать особого приказа о начале действий [95, ф. 25888, оп. 13, д. 46, л. 49].

Имелось в виду одновременное вторжение в Латвию, Эстонию и Литву, если бы к 10 часам утра не поступило согласие литовского правительства на условия советского ультиматума.

На своем ночном заседании, однако, литовский кабинет высказался за принятие ультиматума, о чем Ю. Урбшис успел информировать Молотова до истечения установленного срока. В 15 часов 15 июня советские войска уже начали передвижения через границу вглубь Литвы. В этой связи командующий литовской армией генерал В. Виткаускас отдал приказ о порядке их встречи. В приказе, в частности, говорилось: «По отношению к продвигающимся советским войскам соблюдать все правила вежливости и выражать дружественные отношения подобно тому, как они выражались к ранее введенным войскам».

16 июня между 14.00 и 15.00 часами Молотов успел принять поочередно посланников Ф. Коциньша и А. Рея и вручить им ультиматумы с обвинениями Латвии и Эстонии в антисоветской политике в рамках Балтийской Антанты. Ультиматумы содержали требования отставки прежних и создания новых «просоветских» правительств и «свободного пропуска» на территории этих стран частей РККА «в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления» пактов о взаимопомощи. Ответы ожидались до 1 часа ночи 17 июня. В указанное время посланники вновь посетили Молотова и информировали его о согласии своих

правительств выполнить условия ультиматумов. Нарком сообщил, что ввод войск начнется в 5 часов утра.

В ночь с 16 на 17 июня в районе советско – латвийской границы прошли переговоры между представителями командования обеих армий, по итогам которых был подписан Протокол о порядке вхождения, размещения и пребывания дополнительного контингента советских войск в Латвии. Предусматривалось, в частности, занятие городов Риги, Вентспилса, Цесиса, Кулдиги и некоторых других. Аналогичное соглашение с Эстонией было подписано К. А... Мерецковым и Й. Лайдонером в 15 часов 17 июня. Оно также предусматривало занятие советскими войсками важнейших районов страны, включая города Таллинн, Тарту, Нарва, Пярну, Вильянди и другие, а кроме того, ряда островов.

Вхождение частей Красной Армии в Литву и Эстонию осуществлялось спокойно. Германский посланник Э. Цехлин передавал в Берлин 21 июня: «Ввод советских частей в Литву проходил без всяких инцидентов. Все крупные города Литвы заняты, включая Мариямполь и Вилкавишкис южнее Мемеля, вблизи немецкой границы...». Посланник Х. Фройайн докладывал из Таллинна 18 июня: «Продвижение советско-русских войск в Эстонии сегодня проходило также без инцидентов. Заняты Ревель (Таллинн. – *Ред.*), Нарва и прилегающее побережье на запад. В Ревеле четыре тысячи человек, 228 разведывательных броневедомств и грузо-

виков. На (островах – *Ред.*) Эзель и Даго русские ведут срочные окопные работы... Поведение русских военных создает впечатление торопливости, нервозности, как будто опасаются нападения, для чего, разумеется, нет никакого повода».

Несколько иная ситуация сложилась в Латвии. Здесь при приближении советских танков к Риге в городе произошли антиправительственные выступления. В. К. Деревянский доносил в НКВД 18 июня: «Население тепло встречало наши войска. Раздавались возгласы: «Спасибо за освобождение от режима собак, долой поджигателей войны» и так далее, а также крики «ура» в честь СССР, Красной Армии и товарища Сталина [...] Латвийские власти пытались вывести на улицу против демонстрантов войска и танки, но по нашему требованию они были убраны» [63, с. 400–401].

Характер и масштаб советской акции в Прибалтике безошибочно указали иностранным дипломатическим наблюдателям на ее истинную цель. В телеграмме из Таллинна в Берлин от 18 июня Х. Фролайн высказал мнение, что «налицо чисто силовая операция, которая, по всей видимости, должна быть срочно закончена до планируемой немецкой стороной мирной перестройки Европы, чтобы создать свершившиеся факты» [8, р. 600]. Г. фон Котце из Риги сообщал 21 июня: «Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы русских имеют оборонительный характер». Описывая вхождение советских войск в Литву, посланник в

Каунасе Э. Цехлин делился с Берлином таким соображением: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями».

На заседании британского кабинета 22 июня 1940 г. министр иностранных дел лорд Галифакс также высказал мнение, что «насколько он может судить, концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонительного характера» [74, Саб. 65/7, р. 255]. Американский посланник в Литве О. Норем следующим образом интерпретировал происходившие события в информационном письме в Госдепартамент от 20 июля: «Русские заняты подготовкой к отражению надвигающегося германского нападения путем размещения войск в различных пунктах сосредоточения, проводя разведывательные полеты авиации и учения с участием солдат и техники» [71, с. 49].

На всем протяжении судьбоносной для прибалтийских стран недели, с 9 по 16 июня, Берлин хранил гробовое молчание, которое в Москве верно расценили как разрешение двигаться вперед – от выдвижения обвинений в нелояльности к предъявлению ультиматумов, а от ультиматумов – к вводу войск. Внедриться в регион до этого рубежа Москва

«была в своем праве», которое она выкупила у Берлина ценной договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г. За этим рубежом начиналась политическая *terra incognita*, и сверка дальнейших маршрутов с Берлином стала необходимой.

Этой цели была посвящена встреча Молотова с Шуленбургом 17 июня. Для начала, однако, стремясь сгладить неприятное впечатление, которое советская акция должна была произвести на Берлин, нарком заявил, что «основной причиной мероприятий советского правительства явилось то, что Советский Союз не хочет оставлять в прибалтийских странах почву для французских и английских интриг» [64, ф. 06, оп. 2, п. 14, д. 155, л. 206]. Вряд ли Молотов всерьез рассчитывал ввести посла в приятное заблуждение с помощью столь наивного довода. Между тем, германский протест против советского намерения *политически* утвердиться в Прибалтике представлялся весьма вероятным. Однако Германия, как выразился Молотов в одной из бесед, «проглотила – и не поперхнулась», оккупацию прибалтийских стран, не желая раньше времени портить отношения с СССР, которые продолжали представлять определенный политический и огромный экономический интерес. В ходе упомянутой выше беседы с Молотовым фон Шуленбург заверил собеседника в полном безразличии Берлина к происходившим событиям и подтвердил, что «Германия не имеет намерения вмешиваться в политические дела прибалтийских государств» [103, с. 40–42].

Советская версия произошедшего для внешнего мира была изложена в распространенном 23 июня Заявлении ТАСС. В нем говорилось, что в связи с событиями в Прибалтике распространяются слухи «о том, что на литовско-германской границе сконцентрированы не то 100, не то 150 советских дивизий; что это сосредоточение советских войск вызвано недовольством Советского Союза успехами Германии на Западе; что оно отражает ухудшение советско-германских отношений и имеет целью произвести давление на Германию». Разумеется, все это отрицалось. Следовало утверждение, что на территории балтийских стран расквартированы всего 18–20 дивизий⁷³ [Известия. – 1940. – 23 июня].

Из бесед Молотова с послами США, Великобритании и Франции выяснилось, что правительства этих стран тоже не возражают по существу против военных, – но только военных, – планов СССР в регионе, во-первых, угадывая в нем своего будущего союзника и, во-вторых, рассчитывая, по выражению посланника Фровайна, «вогнать таким образом клин между Германией и Россией». И хотя мнением Вашингтона, Лондона и Парижа в тот момент в Москве не очень дорожили, это означало, что у советского правительства был карт-бланш в отношении трех балтийских государств.

⁷³ Что не соответствовало действительности.

Советские и социалистические (17 июня – 6 августа 1940 г.)

Спешный характер советской силовой акции в Прибалтике выдавал отсутствие проработанных планов. Сначала не хватило времени найти ей правдоподобное обоснование, теперь не знали, как политически оформить созданную крупномасштабным вводом войск новую ситуацию. В течение первой половины июня все ограничилось расплывчатым молотовским указанием о формировании новых просоветских правительств и уверениями в адрес Берлина, что СССР не собирается разрушать прибалтийские государства.

Первым рубежом, на котором, по мнению Москвы, могла стабилизироваться ситуация в Латвии, Литве и Эстонии, было формирование в них народно-демократических режимов под московским протекторатом. Данный вариант и был реализован в момент приведения к власти просоветских правительств. Оставался вопрос, рассматривать ли это решение как тактический маневр на пути к скорейшей советизации Прибалтики или как линию поведения на обозримую перспективу.

17 июня заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский направил Молотову записку, в которой наметил план первоочередных мер по государственному переустройству трех стран. Предлагалось в каждой из них осу-

ществить следующие мероприятия: освободить политзаключенных; помочь коммунистическим партиям, комсомолу и профсоюзам развернуть свою деятельность; распустить все организации, сотрудничавшие с прежними режимами; провести чистку госаппарата; провести выборы органов местного управления; объявить о выборах в парламенты. «Мне кажется, – писал Лозовский, – что без этих мероприятий нельзя будет довести до конца начатое дело, нельзя будет обеспечить честное проведение наших директив новыми правительствами Литвы, Латвии и Эстонии» [64, ф. 013а, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 11–12]. Дальнейшие события показали, что план был принят и положен в основу мероприятий по политическому переустройству стран Балтии на первом этапе.

Для скорейшего формирования новой власти советское руководство в помощь полпредам назначило своих специальных уполномоченных: заместителя наркома иностранных дел В. Г. Деканозова – в Литву, члена Политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданова – в Эстонию, и заместителя Председателя Совнаркома А. Я. Вышинского – в Латвию. Сообщая о выезде уполномоченных на места, Молотов в телеграммах полпредам 16–17 июня потребовал срочно подготовить предложения «о надежных просоветских кандидатах» для новых правительств, которые должны будут «безоговорочно выполнять наши директивы» [64, ф. 059, оп. 1, п. 329, д. 2265, л. 47; п. 332, д. 2281, л. 96]. Речь, видимо, шла о кандидатурах на замещение правительственных должностей

второго и третьего ряда, от министров и ниже. Что касается глав новых режимов, то они были подобраны Москвой заранее. Журналист Ю. Палецкис станет премьер-министром, а затем и. о. президента «новой» Литвы. Премьер-министром Эстонии будет назначен И. Варес, а министром-президентом Латвии – А. Кирхенштейн. Формально кандидатуры первых лиц предлагались местными левыми силами: Палецкис, например, был «выдвинут» коммунистической партией Литвы.

Кандидатуры остальных членов кабинета министров и руководящего состава важнейших департаментов выбирались полпредами из числа знакомых им деятелей левого толка, либо предлагались самими лидерами новых режимов; эти кандидатуры обсуждались затем в полпредствах с участием специальных представителей правительства СССР. Составленные таким образом списки членов формируемых правительств направлялись в НКВД на согласование, после чего спецпредставитель и полпред предъявляли их президенту «своей» страны на утверждение.

Впрочем, это была чистая формальность. Вот, например, что сообщали А. Я. Вышинский и В. К. Деревянский в НКВД о своей встрече с президентом Латвии К. Ульманисом 20 июня: «Предъявили свой список нового правительства, дали ему понять, что вопрос предрешен, и заявили, что этот состав полностью обеспечит выполнение пакта о взаимопомощи» [63, с. 410]. Процесс «согласования» с президентом Эстонии К. Пятсом кандидатуры на пост главы правительства в

изложении полпреда Никитина выглядел следующим образом: «Предложенную нами (К. Н. Никитиным и А. А. Ждановым. – *Ред.*) кандидатуру в премьер-министры Йоганнеса Варес (Барбарус) принял без возражений [...] Визит наш окончился не более чем в 8 минут» [63, с. 433]. В тот же день, 21 июня, президент Пятс утвердил полный состав нового правительства Эстонии [63, с. 413]. В Литве, поскольку президент А. Сметона покинул страну, не дожидаясь вступления советских войск, «согласовывать» новый состав правительства пришлось с исполнявшим обязанности президента премьер-министром А. Меркисом. Правда, на тот момент он им уже не являлся, т. к. до своего отъезда президент Сметона принял его прошение об отставке. [63, с. 400].

Чтобы новые правительства не повисли в безвоздушном политическом пространстве, спецпредставители Москвы, полпредства, их выдвиненцы из местных деятелей и наводнившие Прибалтику сотрудники НКВД взялись за осуществление «плана Лозовского». 19–21 июня в Литве, Латвии и Эстонии приступили к освобождению политических заключенных. В конце июня в трех странах развернулась «борьба» за легализацию компартий. В итоге компартии были легализованы: в Литве – 25 июня, в Латвии – 30 июня и в Эстонии – 4 июля, хотя фактически деятельность они возобновили в первые же дни после переворотов. Чуть позже были легализованы организации комсомола.

Параллельно шел процесс разрушения старых государ-

ственных структур. Прежде всего, был вынут их стержень – запрещены правящие партии: 19 июня литовский «Союз таутининков» («Союз литовских националистов»), 26 июня – эстонский «Изамаалийт» («Отечественный союз») и латвийский «Крестьянский союз». Другой важной мишенью стали военизированные формирования типа национальной гвардии: «Шаулисты» («Союз стрелков») в Литве, «Айсарги» («Организации защитников») в Латвии и «Кайтселийт» («Лига самозащиты») в Эстонии. Несмотря на заявленную ими лояльность новым руководителям, они были разоружены и распущены в течение первых двух недель июля. Прекращалась деятельность женских организаций, созданных прежними режимами. Вскоре схожая участь постигла и другие организации, не имевшие никакой политической окраски, например, спортивные общества. Были также пресечены попытки возрождения партий и организаций, находившихся в оппозиции к прежним властям и потому ими запрещенных. Таким образом, с начала июля речь шла уже не просто об уничтожении прежних авторитарных режимов, а о замене их на советский режим, который не терпел альтернативных коммунистическим организаций.

Жертвой чисток стал редакторский корпус. Главный редактор литовского официоза «Лиетувос Айдас» был уволен с должности уже 18 июня, директор литовского телеграфного агентства – 19 июня. Многие газеты были закрыты, другие переданы компартиям или различным органам новых

властей. Решительной чистке подверглись руководящий состав министерств и департаментов, армейское командование и полицейское начальство, руководство районных и городских органов власти. Германский посланник в Каунасе сообщал в МИД Германии 26 июня 1940 г.: «Почти все высшие и средние чиновники в большинстве министерств, за исключением необходимых специалистов, уволены или отстранены, включая органы управления в провинции [...] из государственной полиции уволены все бывшие функционеры [...] в министерстве иностранных дел [...] старые служащие большей частью отстранены, дипломатическим представителям за границей [...] предстоят увольнения. При реорганизации министерства просвещения в Литве также были заменены почти все инспектора начальных школ. Потом приступили к замене их помощников».

Выполнялся и пункт «плана Лозовского» о проведении выборов в местные органы власти. 27 июня «Лиетувос Айдас» сообщила, что по приказу министра внутренних дел Литвы спешно разрабатывается закон о выборах в органы самоуправления. В Латвии 4 июля был принят новый закон о самоуправлении, предусматривавший отстранение бывших членов волостных и городских управ и незамедлительное проведение выборов с целью создания «нового порядка». В крупных городах и волостях предусматривалась система назначений. Для подготовки выборов создавались инициативные группы, в обязанность которых входила организация ми-

тингов и собраний по выдвижению кандидатов. Все они выставлялись от созданного новыми властями Союза трудового народа по заранее утвержденным спискам. Попытки провести кандидатов от других партий были провалены. Одобренные списки кандидатов подлежали передаче в Центральную избирательную комиссию, состоявшую наполовину из коммунистов.

Что касается выборов в национальные парламенты, то решено было с этим не торопиться, чтобы иметь время на соответствующую обработку общественного мнения и изоляцию политических противников. Поэтому на первых порах ограничились роспуском старых парламентов – Сейма Литвы (1 июля), Государственной Думы Эстонии (5 июля). В Латвии 5 июля был отменен закон 1934 г., передавший функции Сейма кабинету министров.

Советское руководство и его дипломатические представители на местах под началом В. Г. Деканозова, А. Я. Вышинского и А. А. Жданова осуществляли каждодневное руководство новыми правительствами, ведя их «на коротком поводке» к намеченной конечной цели. Это сразу же разглядел, к примеру, германский посланник в Литве Э. Цехлин. 21 июня он телеграфировал в Берлин: «Для положения является решающим, что советское правительство направило в прибалтийские государства несколько своих высокопоставленных лиц. Они, несомненно, присланы в Прибалтику не только для формирования правительства, потому что прави-

тельство Палецкиса конституировалось уже в понедельник 17 июня, а г-н Деканозов все еще здесь. Очевидно, цель его пребывания здесь – общее преобразование страны. Сколь далеко и глубоко зайдет это преобразование, сегодня сказать трудно, но все указывает на то, что Советский Союз пойдет быстрыми темпами».

Вот несколько примеров того, как на практике выглядело управление новыми правительствами посредством директив из Москвы, о которых упоминалось в инструкциях Молотова советским представителям в Каунасе, Риге и Таллинне. Так, 17 июня В. Г. Деканозов и Н. Г. Поздняков по заданию Москвы «посоветовали» Ю. Палецкису обратиться к СССР с просьбой об оказании помощи силами погранвойск НКВД в охране литовско-германской границы. 19 июня соответствующая нота правительства Литвы была направлена советскому правительству. Еще через два дня, когда просимая «помощь» уже была оказана, Поздняков высказал министру внутренних дел Литвы мнение, что «литовскую пограничную полицию, видимо, целиком придется снять с охраны литовско-германской границы» [64, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, л. 103–104].

В той же беседе с Палецкисом Деканозов и Поздняков поставили вопрос о разрешении свободного хождения рубля в Литве для оплаты расходов по содержанию большого контингента советских войск. На следующий день Совет министров Литвы рассмотрел это предложение и пришел к вы-

воду, что его принятие дезорганизует литовскую экономику. В Москве согласились оставить одновалютную систему, но Литва должна была беспроцентно кредитовать советский контингент в литах по выгодному для СССР обменному курсу рубля к литу. Вечером того же дня литовскому правительству было предложено открыть 22 июня кредитование и внести первый взнос в размере 4 млн. лит. Действительно, 22 июня взнос был сделан [64, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, л. 111–113].

23 июня по поручению НКВД Поздняков предложил Креве-Мицкевичусу поставить перед Германией вопрос о неприменении «на время особых обстоятельств, существующих в Литве», германо-литовского договора о пограничном сообщении, который устанавливал очень свободный режим пересечения границы между двумя государствами. В тот же день это указание было выполнено [64, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, л. 104–106].

Ситуация в Латвии и Эстонии была схожей. Посланник Х. Фройайн сообщал 2 июля в Берлин: «Судя по развитию событий за последние дни кажется, что правительством (Эстонии. – *Ред.*) действительно руководят из Москвы при посредстве здешней советской миссии». Посланник в Риге Г. фон Котце в сообщении от 5 июля назвал правительство Кирхенштейна «мнимым», призванным исполнять пожелания Москвы [цит. по: 80, с. 151–152].

Несмотря на зависимый характер созданных режимов,

многие их представители выступали против чрезмерно быстрого и радикального решения вопроса. Им больше импонировал вариант трансформации их стран в направлении народно-демократической системы власти при сохранении определенной самостоятельности и ориентации в военной и внешнеполитической областях на СССР. 2 июля 1940 г. Фривайн доносил из Таллинна в Берлин: «Не только в правительстве действуют лица, несогласные с советизацией страны. В профсоюзном руководстве есть также силы, ориентирующиеся больше на социал-демократический путь и являющиеся противниками советско-коммунистического направления. [...] Со стороны правительства в различных речах и интервью отдельных министров не было никаких дальнейших высказываний в направлении советизации. Напротив, это развитие в настоящее время явно тормозится» [цит. по: 80, с. 152].

Это «торможение», возможно, стало результатом переговоров деятелей нового режима со Ждановым, в ходе которых тот, якобы, положительно отнесся к предложению эстонцев ограничиться установлением в стране народно-демократического строя по типу монгольского. Дело дошло до разработки соответствующего варианта эстонской конституции, но дальше не продвинулось [11, с. 235]. В Москве, видимо, возобладало мнение, что какие – либо половинчатые решения были бы, по сути, неуместной игрой в политические поддавки. 23 июля, когда Государственная Дума Эс-

тонии уже приняла декларации об установлении советского строя в стране и вхождении ее в СССР, Х. Фровайн на основании дошедшей до него информации сообщил в Берлин: «По-видимому, действительно до последнего дня, как это и заявляли члены правительства, все еще рассчитывали на сохранение определенной самостоятельности». В беседе с посланником фон Котце 4 июля латвийский премьер А. Кирхенштейн также высказал надежду, что «Советский Союз согласится с левоориентированной самостоятельной Латвией» [цит. по: 80, с. 152]. Даже еще 12 июля он продолжал сохранять оптимизм на этот счет [82, р. 197].

Иной тактики придерживался В. Креве-Мицкевичус. В беседе с полпредом 26 июня он, соглашаясь «с конечной целью в теперешнем развитии Литвы», высказался против излишней поспешности. «Креве-Мицкевичус изложил вкратце свой взгляд на темпы и пути, – сообщал в НКИД Поздняков. – Мне стало совершенно ясно, что его схема продвижения вперед потребовала бы не месяцев, а нескольких лет» [64, ф. 0151, оп. 31, п. 57, д. 5, л. 122–123]. Во время визита в Москву в начале июля литовский политик попытался отговорить Молотова от поспешного поглощения его страны, но нарком отвечал, что это «дело решеное». «Вы должны хорошенько посмотреть на реальности и понять, что в будущем малым государствам придется исчезнуть, – заявил он. – Ваша Литва вместе с другими прибалтийскими государствами, включая Финляндию, вступит в великую семью – Совет-

ский Союз [...] Мы не можем позволить остаться у нас в тылу маленькому островку той социальной системы, которая должна будет исчезнуть во всей Европе» [17, с. 39–40].

Таким образом, несмотря на зависимый характер созданных правительств, советскому руководству требовалось время на овладение ситуацией в политических кругах балтийских стран. Тем более такое время требовалось для соответствующей подготовки широкого общественного мнения. Но как только ситуация прояснилась, в начале июля было объявлено о проведении всего через две недели парламентских выборов, безусловно, для формирования новых депутатских корпусов, через которые станет возможным провести решения конституционного характера. МИД Германии так и ориентировал 9 июля свое посольство в Москве: «Новые выборы в Ковно, Риге, и Ревеле назначены. [...] явно по указанию Москвы. В участвующих странах общее мнение, что вновь избранные парламенты должны провести присоединение к Советскому Союзу». Фон Котце из Риги доносил 4 июля: «Премьер-министр во время сегодняшнего визита [...] упомянул, что имеется сильный нажим по поводу скорейшего проведения выборов» [цит. по: 80, с. 155–156].

Накануне голосования во всех трех странах подверглись аресту видные государственные и общественные деятели с целью их нейтрализации. Так, в Литве в ночь с 11 на 12 июля были схвачены около двух тысяч человек. В каждой из трех стран существовал только один разрешенный спи-

сок кандидатов от левых блоков, объединявших компартии, профсоюзы, многочисленные рабочие союзы и т. д. Предложения о выдвижении иных кандидатов отклонялись избирательными комиссиями, где коммунистическое влияние было подавляющим. Жесткий контроль был установлен и за самим процессом голосования. В Эстонии, например, в целях срыва возможного бойкота выборов и повышения явки в паспортах делалась отметка о приходе на избирательный участок, а бюллетени опускались в урну либо членом избирательной комиссии, либо под его наблюдением. Характерно, что в предвыборных платформах просоветских избирательных блоков о предстоящей советизации и включению в состав СССР не упоминалось.

Когда стало известно, что выборы прошли без каких-либо неприятных неожиданностей,⁷⁴ осуществление планов Кремля в отношении прибалтийских государств вступило в завершающуюся стадию. План действий, рассчитанный на этот этап «народных революций под присмотром советских эмиссаров»⁷⁵ разрабатывался главным теоретиком партии Ждановым. 17 июля, он, Вышинский и Деканозов провели в Таллинне совещание, на котором был определен порядок работы парламентов трех стран.

В телеграмме на имя Сталина и Молотова специальные

⁷⁴ За официальных кандидатов «было подано» в Литве – 99,19 %, а Латвии – 97,8 % и в Эстонии – 92,8 %.

⁷⁵ По выражению историка Е. Ю. Зубковой.

советские эмиссары предложили открыть сессии новых парламентов во всех трех странах 21 июля со следующей повесткой дня: о государственной власти, о вхождении в СССР, о конфискации земель крупных земельных собственников, о национализации банков и крупной промышленности. По всем вопросам повестки дня предлагалось принять декларации, проекты которых Жданов и его коллеги посылали на утверждение в Москву. Затем на сессиях должны были быть избраны комиссии по выработке проектов новых конституций. Перед закрытием сессий намечались выступления премьер-министров с заявлениями о сложении с себя полномочий. Депутаты парламентов должны были одобрить их деятельность, выразить доверие и попросить исполнять обязанности до момента формирования правительств на основе новых конституций. Затем предлагалось избрать делегации для поездки в Москву с миссией передачи Верховному Совету СССР просьб парламентов о принятии их стран в состав СССР [64, ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2280, л. 146–147].

Воплощение этого режиссерского замысла на сессиях сеймов Латвии и Литвы и Государственной Думы Эстонии было осуществлено в жанре откровенного фарса. За время работы парламентов не было ни одного случая, чтобы кто-либо голосовал против или воздержался при решении хотя бы процедурных вопросов. В предлагаемые тексты законов и многостраничных деклараций не было внесено ни одной поправки даже редакционного характера. Обсуждение документов

огромной важности ограничивалось одним-двумя выступлениями, представлявшими собой потоки славословия. Декларация о вхождении Латвии в состав СССР была принята вообще без обсуждения. На это потребовалось всего 20 минут, включая чтение длинного текста декларации, решение ряда организационных вопросов работы Сейма, пение «Интернационала» и довольно продолжительное выражение восторга.

В целом, насколько можно судить по стенограмме заседаний латвийского сейма, едва ли не четверть рабочего времени ушла на аплодисменты, крики «Ура» и провозглашение здравниц в честь «лучшего друга и вождя трудящихся, великого гения прогрессивного человечества товарища Сталина», «отечества всех трудящихся Советского Союза», «Советского правительства во главе с товарищем Молотовым», «нашего друга и помощника товарища Вышинского» и т. д. Информирова Берлин 23 июля о заседании эстонского парламента, германский посланник отмечал: «Все парламентские дебаты носили характер заранее спланированного мероприятия. О каком-либо деловом обсуждении не могло быть и речи. Скорее складывалось впечатление, что выступавшие следуют определенной режиссуре» [цит. по: 80 с. 158].

В последний день работы парламенты трех государств избрали из своего состава полномочные делегации на VII сессию Верховного Совета СССР для передачи просьбы о принятии их стран в состав СССР. 3–6 августа 1940 г. Верховный Совет СССР заслушал выступления глав полномочных

делегаций и утвердил законы «О принятии Литовской Республики в состав СССР» (3 августа); «О принятии Латвийской Республики в состав СССР» (5 августа) и «О принятии Эстонской Республики в состав СССР» (6 августа).

* * *

Трудно было придумать лучший подарок нацистской Германии. В результате предпринятых СССР действий исчез барьер на пути ее агрессии, который представляли три балтийских государства с армией военного времени порядка 400 тысяч человек, союзной советской группировке в Прибалтике. После уничтожения национальной государственности защищать стало нечего, да и некому: армии и иные вооруженные формирования разрушены, а народы дезориентированы и расколоты на тех, кто продолжал придерживаться просоветской ориентации, и тех, кто увидел в наступающих немецких войсках своих освободителей от коммунистической тирании.

В результате гора усилий по созданию прибалтийского рубежа обороны родила стратегическую мышь, если иметь в виду ничтожность роли, которую оборона Прибалтики сыграла в отражении германской агрессии против СССР.

Глава 5. Финляндия

В обстановке взаимной подозрительности

Отношения между СССР и Финляндией в межвоенный период зиждились на заключенном ими в Юрьеве (Тарту) в 1920 г. мирном договоре, подведшим черту под вооруженным конфликтом 1918–1920 годов. Этот конфликт, однако, представлял собой гремучую смесь взаимопроникающих гражданских войн, бушевавших в России и Финляндии, и их встречных интервенций, т. е. был не только межгосударственным, но и социально – политическим, а для Финляндии, кроме того, с элементами национально-освободительной войны. Поэтому межгосударственный по целям, форме и содержанию Юрьевский договор мог урегулировать одну только эту сторону советско – финляндских отношений; процесс социально-политического и национального примирения остановился где-то на уровне соглашения о прекращении огня.

Ни о каком добрососедстве не было и речи. Действуя через Коминтерн, Москва надеялась взять реванш за проигранную «белофиннам» гражданскую войну. В свою очередь, финляндская политика в отношении РСФСР (а затем СССР)

нередко приобретала вызывающий характер. Уже в 1921 г. финскими националистами была предпринята неудачная попытка вооруженным путем «пересмотреть» те статьи Юрьевского договора, которые признавали право России на Восточную (Русскую) Карелию. В 1921–1923 гг. финляндское правительство апеллировало к Лиге наций и Международному суду в Гааге, пытаясь добиться благоприятного для себя решения «карельского вопроса», но безуспешно. Недружественная по отношению к СССР политика официального Хельсинки объективно поощряла экстремистскую деятельность националистов. В 1922 г. ими было образовано «Карельское академическое общество» (АКС), целью которого провозглашалось создание «Суур-Суоми» («Великой Финляндии») путем аннексии ряда советских территорий. На рубеже 1920–1930-х гг. в Финляндии возникло и стало стремительно набирать силу т. н. «лапуаское движение», являвшееся, по сути, финской вариацией фашизма. В 1932 г. движение было запрещено, однако знамя крайнего шовинизма и экспансионизма подхватили другие откровенно реакционные силы.

Советский режим, переживавший колоссальные внутриполитические перегрузки и потому ощущавший себя уязвимым, оценивал эти угрозы как вполне серьезные. В Москве полагали, что финляндское правительство было не прочь «пожизниться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против него во-

обще». Это мнение содержалось в секретном письме НКВД полпредству СССР в Хельсинки от 5 июня 1934 г. и, потому, не может быть отнесено к разряду пропагандистских уловок [70, с. 373]. Правда, в 1932 г. Советскому Союзу удалось подписать с соседкой пакт о ненападении, но первоначально – по требованию финляндской стороны – только на три года. В результате настойчивости московской дипломатии он был продлен в 1934 г. на 10 лет, однако неприятный осадок остался.

В 1935 г. Финляндия провозгласила нейтралитет, но враждебность по отношению к СССР никуда не делась. Вот всего несколько высказываний ведущих финских государственных деятелей того времени. Президент Финляндии П. Э. Свинхувуд: «Россия – единственный постоянный враг Финляндии»; «Гитлер с финляндской точки зрения лучше, чем Штреземан»; «любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Министр иностранных дел Финляндии А. Ханцель заверял германского посланника в Хельсинки В. фон Блюхера, что его страна «будет придерживаться антирусского курса» [цит. по: 83, с. 280]. Первый и единственный в межвоенный период визит министра иностранных дел Финляндии в Москву состоялся только в 1937 г. Усилиями финских правых этому визиту был придан чисто протокольный характер. В беседе с германским посланником президент Свинхувуд заверил его, что визит министра в Москву – это «формальность», «ничто не может изменить внешнепо-

литическую ориентацию Финляндии» [цит. по: 83, с. 285].

Финская пресса, особенно правая, приветствовала желание Германии найти себе жизненное пространство в Восточной Европе, а с СССР разговаривала преимущественно языком оскорблений и угроз. 27 февраля 1935 г. М. М. Литвинов был вынужден обратить на это внимание финляндского посланника в Москве Аарно С. Ирвьё-Коскинена: «Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии» [26, с. 143].

Легко представить себе, как в Москве после этого могли относиться к финляндской декларации о нейтралитете. Не в восторге от такого нейтралитета были и скандинавские соседи Финляндии. В Швеции, например, утвердилось представление, что «Финляндия готовится к войне против Советского Союза», о чем шведский король Густав V заявил тогдашним финским руководителям. Очень Москву беспокоили распространенные в финском обществе стойкие англофильские настроения, а также внешнеполитическая ориентация официального Хельсинки на Великобританию, которая на протяжении 1920–1930 гг. представлялась Кремлю врагом № 1 во всем мире. Между тем, из ответа на вопрос, можно ли полагаться на нейтралитет соседней страны, для Советского Союза вытекали самые серьезные военно-политические последствия.

Здесь следует отметить, что в целях оправдать силовую политику по отношению к соседнему государству, к которой СССР прибегнет в 1939–1941 гг., понятной задачей противодействия фашистской угрозе, наша официальная историография на протяжении десятилетий пыталась создать представление о якобы господствовавших в Финляндии настроениях германофильства. Такие настроения, действительно, имели место в первые годы независимости и проистекали из чувства признательности Германии за помощь, оказанную в освободительной войне 1918–1920 гг. Тогда же ориентация на Берлин была положена и в основу внешнеполитического курса страны. Однако в 30-е годы происходит постепенная переориентация финляндской внешней политики на Великобританию, а в 1935 г., как было сказано выше, страна провозглашает основой своей внешней политики нейтралитет.

После прихода Гитлера к власти прогерманские симпатии все больше становятся маргинальными и наталкиваются на противодействие правительства, которое видело в них угрозу существовавшему в стране демократическому строю. В циркулярном письме МИД Германии германским дипломатическим миссиям от 2 декабря 1939 г., например, отмечалось, что «Финляндия избегала сближения с Германией и даже отклонила как компрометирующее предложение о заключении пакта о ненападении, хотя с Россией такой пакт имела. В Лиге наций Финляндия [...] никогда не защищала германские интересы. Взгляды министра иностранных дел

Холсти, в частности его враждебность к Германии, типичны (для правительства страны. – *Ред.*). Широкие слои населения Финляндии придерживаются экономической и идеологической ориентации в сторону демократической Англии. Соответственно, большая часть прессы настроена по отношению к нам откровенно недружелюбно» [100, с. 14; 23, док. № 85]. По мнению посла В. Шуленбурга, скандинавские страны, в том числе Финляндия, «всегда были против Германии и всячески противодействовали возрождению ее как сильной державы» [36, с. 387]. В беседе со шведским журналистом С. Хединым 16 октября 1939 г. Гитлер так высказался о своем отношении к скандинавским странам: «С тех пор как я пришел к власти, газеты Швеции, Норвегии и Финляндии старались перещеголять друг друга в оскорблениях меня и моих трудов. У меня нет причин для дружественных чувств к странам, чья пресса подвергала меня унижению. Что касается Финляндии, то, принимая во внимание, что Германия в 1918 году оказала Финляндии помощь отправкой экспедиционного корпуса генерала Гольца, мы могли бы рассчитывать на большую благодарность и уважение, чем сейчас [цит. по: 84, с. 118].

Маршал К. Г. Маннергейм в своих мемуарах отмечал, что во второй половине 30-х гг. финляндское правительство «уже несколько лет демонстративно подчеркивало свою антигерманскую позицию» [39, с. 230]. Сам маршал тоже не жаловал фюрера. В одном из личных писем, написанных им

весной 1939 г. после германской оккупации Чехии, читаем: «Мы негодовали и возмущались действиями русских,⁷⁶ но это только детская игра по сравнению с Адольфусом, начальником его Чека Гиммлером и его любимыми помощниками... Они хотят просто превратить народы Европы в белых негров для службы Третьему Рейху... Мы стоим перед концом света...».

Стремительный рост военно-политической мощи Германии во второй половине 1930-х гг. означал в представлениях советского руководства появление еще одного, помимо британского, потенциального претендента на финляндский плацдарм для нападения на СССР. Превращение Финляндии в такой плацдарм могло произойти, полагали в Москве, в результате прямой вооруженной германской интервенции, либо путем профашистского военного переворота, инспирированного Берлином и поддержанного вводом его войск, как это было сделано при аншлюсе Австрии. В июне 1934 г. НКВД ориентирует полпредство в Хельсинки: «Надо считаться, в самом деле, с тем, что после латвийского переворота (1926 г. – *Ред.*) в Финляндии может наступить ликвидация парламентаризма и открытое установление фашистской диктатуры. Полпредству необходимо тщательно следить за внутривнутриполитическим развитием и своевременно нас информировать» [17, с. 374].

⁷⁶ Имелись в виду советские попытки добиться от Финляндии уступок в вопросах обеспечения военной безопасности, о чем речь ниже.

В этой связи с особой тревогой советское правительство воспринимало тесное сотрудничество между финскими и германскими военными, в частности, визиты в Берлин маршала К. Г. Маннергейма, командующего армией генерала Х. Эстермана, начальника Генерального штаба генерала Х. Эквиста, руководителя шюцкора⁷⁷ генерала Л. Малмберга и многих высших офицеров финской армии. Сотрудничество с Германией по военной линии всячески афишировалось; визитам германских военных в Финляндию придавался характер демонстрации «братства по оружию». По свидетельству посланника Германии в Хельсинки В. фон Блюхера, ряд генералов финляндского генерального штаба откровенно выражали одобрение захвату Австрии и восхищение военной стороной этой операции. В случае войны, сообщал посланник в МИД Германии, «симпатии финляндских военных, финляндского шюцкора и финляндских правых кругов будут на стороне Германии [...] Между офицерским корпусом Финляндии и германской армией существуют столь хорошие товарищеские отношения, что правительству придется учитывать это обстоятельство в своих решениях» [цит. по: 85, р. 37].

Приходилось учитывать это и Москве. Более того, участие Финляндии в войне против СССР, даже вопреки желанию правительства, представлялось вероятным в самом Хельсин-

⁷⁷ Шюцкор – добровольческие военизированные формирования, существовавшие в 1917–1944 гг.

ки. Весной 1939 г. одна из правящих партий – социал-демократическая, признала такую возможность, заявив, что будет бороться против планов определенных кругов в вооруженных силах страны «начать при благоприятных международных условиях агрессивную войну» [цит. по: 85, р. 38].

У Финляндии, недавно вышедшей из гражданской междоусобицы и борьбы за независимость, имелись свои веские причины не доверять «царству красной тьмы» на востоке и ожидать от него неприятностей. Ее очень беспокоила подрывная организационно – техническая и пропагандистская деятельность московского Коминтерна и стоявшего за ним могучего восточного соседа, которые угрожали ей скорым социалистическим будущим и вхождением в братскую семью советских республик. Опасались и возрождения традиционного русско – империалистического начала во внешней политике СССР. Ввиду этого, как точно подметил В. В. Похлебкин, антисоветский курс финляндской внешней политики представлялся как продолжение антицаристских традиций освободительной борьбы финского народа против российского самодержавия [83, с. 271].

В конце 1930-х годов соотношение сил между соседями изменилось настолько, что опасались в Москве уже не самой Финляндии, а того, что эта страна, – добровольно или по принуждению, – станет плацдармом для агрессии против СССР со стороны третьей державы. В данной связи проанглийские сантименты официального Хельсинки, с одной сто-

роны, и все возрастающая мощь германского Рейха, с другой, вызывали у Кремля самые нехорошие предчувствия, а особое стратегическое положение Финляндии относительно Ленинграда усиливало их многократно. Вот почему месяц спустя после аншлюса Австрии советское правительство сочло необходимым обратиться к правительству Финляндии с предложением обсудить вопросы безопасности, поставленные угрозой иностранной агрессии.

Ключи от «северной столицы»

Для читателя, мало знакомого с военной стороной вопроса, проблема безопасности Ленинграда обычно сводится к близости государственной границы к городу на Карельском перешейке – всего 32 километра! Гвоздем в общественном сознании засел абсурдный молотовский довод, приведенный им в выступлении на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что потенциальный агрессор мог обстреливать его из пушек прямо с финской территории.⁷⁸ Напрашивалось, казалось бы, естественное решение проблемы: перенести границу подальше от города, на что требовалось согласие финляндского правительства. Это был первый ключ к безопасности северной столицы; и то, что хранился он не в Москве, а в Хельсинки, естественно, вызывало у советского правительства серьезное беспокойство.

⁷⁸ Об этом см. ниже.

Вторым таким ключом было право Финляндии на решающее слово в вопросе создания системы обороны Ленинграда со стороны моря. Могущая исходить оттуда угроза была страшнее карельской и, в отличие от последней, потенциально более реальной. Это застарелая проблема впервые дала о себе знать еще во времена русско – шведских войн XVIII в. Она напомнила о себе в годы Крымской войны середины XIX в., когда англо-французская эскадра прошла Финский залив, приблизилась к петербургскому порту и произвела несколько залпов.

Эта проблема была известна большевистским лидерам из их личного опыта. В мае 1918 г. германские войска высадились на финском полуострове Ханко (читатель!, запомните это название) и беспрепятственно продвинулись к Петрограду на расстояние 35 км. Кроме того, они заняли острова Суурсаари и Лавансари в восточной части Финского залива и остров Валаам на Ладожском озере. В форте Ино были установлены артиллерия, радиостанция и наблюдательный пункт, которые позволили, по выражению командующего германским экспедиционным корпусом в Финляндии генерала Р. фон дер Гольца, «держать в узде русский флот, находящийся в Кронштадте». Генерал Э. Ф. Людендорф так оценивал создавшееся положение: «Мы имели теперь позиции на Нарве и в Выборге, которые позволяли нам в любое время предпринять наступление на Петербург, чтобы свергнуть там большевистское господство» [цит. по: 87, с. 335; 88,

с. 256]. Это вынудило советское правительство, т. е. тех самых людей, которые продолжали руководить СССР в конце 1930-х гг., спешно эвакуироваться из Петрограда в Москву. Позже отряд английских военных кораблей через финские территориальные воды вышел чуть ли не на внешний рейд Петроградского порта и вел бои у Кронштадта.

До 1905 г. задача защиты Петербурга возлагалась на силы Балтийского флота. Однако в мае его лучшие корабли, вошедшие в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, были направлены на Дальний Восток для участия в русско-японской войне и там погибли в бою у Цусимы. Имперская столица осталась беззащитной со стороны моря. Строительство нового флота требовало времени и средств, которых у правительства не было. Паллиативным решением стало создание в Финском заливе нескольких минно-артиллерийских заградительных рубежей, на языке военных «минно-артиллерийских позиций». Они представляли собой вооруженные крупнокалиберными орудиями укрепленные форты, которые располагались попарно на северном (финском) и южном (эстонском и русском) берегах залива один напротив другого. Между ними в случае угрозы нападения в течение всего нескольких часов специальными катерами поперек залива по всей его ширине устанавливались минные заграждения.⁷⁹

⁷⁹ Практическим исполнителем этого замысла стал будущий адмирал и Верховный правитель России А. В. Колчак, являвшийся международно признанным авторитетом в вопросах ведения минной войны. Позже, командуя черноморским флотом, он заминировал устье пролива Босфор, чем прекратил всякое вражеское

Связующим элементом системы была артиллерия фортов, в задачу которой входило ограничение свободы маневра для флота противника, ведение артиллерийских дуэлей с его линейными кораблями и противодействие попыткам разрушения минных заграждений катерами – минными тральщиками. Идеальной считалась ситуация, когда залив перекрывался по всей ширине встречным огнем русских батарей. Там, где для этого не хватало дальности стрельбы, на многочисленных островах дополнительно устанавливались промежуточные батареи. Впрочем, из-за малых глубин залива передвижение больших кораблей с глубокой осадкой было возможно только по двум фарватерам, проходящим вдоль северного и южного берегов, что упрощало задачу контроля.

Строительство фортов началось в 1909 г., и к 1917 г. в акватории залива было установлено порядка 300 орудий и тысячи морских мин. В результате была создана уникальная по глубине система обороны. Она начиналась у входа в Финский залив, который «запирался» совместными действиями двух баз – на о. Найссаар возле Ревеля (Таллинна) на южном побережье и на п-ове Порккала – Удд на северном возле Гельсингфорса (Хельсинки); заканчивалась система Кронштадтской военно-морской базой с приданными ей фортами Ино на северном (финском) и Красная Горка и Се-

судоходство в Черном море. К сожалению, опыт адмирала не был в должной мере учтен при организации системы защиты Ленинграда со стороны моря и при планировании балканской политики Кремля.

рая Лошадь на южном (российском) берегах. В ходе первой мировой войны система доказала свою эффективность: предпринятые германским флотом попытки прорыва окончились для него тяжелейшими потерями. Поэтому в 1938–1939 гг., когда проблема безопасности Ленинграда вновь обрела остроту, этот проверенный опытом способ ее решения представлялся Кремлю наилучшим.

К указанному времени, однако, система была разрушена не только в переносном, но и прямом смысле слова. За исключением Кронштадта, Красной Горки и Серой Лошади, остальные батареи изначально размещались на территории Финляндии и прибалтийских провинций империи и при эвакуации их русскими/советскими войсками в 1917–1918 гг. были демонтированы и взорваны. С учетом обретенной странами Балтии государственной независимости первым шагом к воссозданию системы морской обороны Ленинграда становилось заключение соответствующих договоров между ними и СССР. (В этом состоял главный смысл подписанного с Эстонией договора о взаимопомощи). И хотя северный фарватер был намного менее удобен для судоходства, чем южный, особое значение соглашения с Финляндией определялось тем, что ей безраздельно принадлежали северное побережье и острова залива, в силу чего она контролировала его на всем протяжении, начиная от входа в районе полуострова Ханко вплоть до Кронштадта.

История переговоров

Первый советско – финляндский контакт по указанным выше темам имел место в середине апреля 1938 г. Деликатный характер поднимаемых вопросов и риск натолкнуться на отказ Хельсинки от официального участия в их обсуждении вынудили правительство СССР действовать весьма экстравагантным образом. Работник советского дипломатического представительства в Хельсинки в относительно невысоком ранге второго секретаря Б. А. Ярцев, – в действительности ответственный сотрудник НКВД Борух Аронович (Борис Аркадьевич) Рыбкин, – неожиданно запросил аудиенции у министра иностранных дел Р. Холсти и, получив ее, стал развивать перед министром взгляды своего правительства на ситуацию в регионе.⁸⁰

По свидетельству видного государственного и политического деятеля Финляндии В. А. Таннера, оставившего наиболее обстоятельный отчет об этих переговорах, позиция СССР сводилась к следующему. Советское правительство выражало готовность и дальше уважать суверенитет и территориальную целостность Финляндии, однако было убеждено, что Германия планирует широкое наступление на СССР,

⁸⁰ Ярцев – Рыбкин действовал по прямому указанию Сталина в обход полпреда и НКВД. При этом он потребовал от Холсти держать их разговор в секрете от полпреда. Экзотичность демарша породила у финской стороны сомнения в его серьезности.

а левое крыло германской армии при этом может попытаться высадиться в Финляндии и оттуда продолжить движение в направлении Ленинграда. (Понятно, что это была точная умозрительная реконструкция событий 1918 г.). В таком случае СССР не станет пассивно ожидать выхода войск противника на государственную границу, проходящую всего в трех десятках километров от города, а двинет свои войска навстречу германским силам; Финляндия, таким образом, превратится в поле боя. Если же финское правительство окажет сопротивление германской агрессии, СССР предоставит ему военную и экономическую помощь и примет на себя обязательство вывести войска после окончания войны. На этот счет предлагалось заключить военное соглашение, которое, чтобы не компрометировать финляндский нейтралитет, **должно было оставаться тайным** до момента фактического нападения.

Ситуация, по мнению советского правительства, осложнялась тем, что если бы Финляндия и решила защищаться, финские фашисты могли попытаться осуществить прогерманский переворот внутри страны. В СССР не были уверены в том, что даже если переворота не произойдет, финнам удастся выстоять в войне с Германией⁸¹ [84, с.9–11]. Нечто подобное Холсти уже слышал – от наркома обороны К. Е. Во-

⁸¹ Советское стратегическое планирование на финском направлении в 1936–1939 гг., действительно, исходило из вероятности подобного развития событий. Другое дело, насколько эти страхи были обоснованы, и какие существовали иные варианты решения этой гипотетической проблемы.

рошилова во время своего недавнего визита в Москву. Тогда нарком заявил, что СССР хотел бы получить «хоть какую ни будь гарантию в отношении действий Финляндии на случай, если третье государство, не испрашивая разрешения Финляндии, использует ее территорию против Советского Союза».

Отвечая Ярцеву, Холсти отрицал вероятность подобного развития событий и, следовательно, актуальность предложенных контрмер. Однако переговоры с порученцем Сталина продолжались еще несколько месяцев; с финляндской стороны в них приняли участие премьер-министр А. Я. Каяндер и В. Таннер, тогда член внешнеполитической комиссии правительства страны. В качестве ответа Ярцеву были переданы следующие тезисы: 1. Финляндия не допустит создания на своей территории какой-либо великой державой плацдарма для нападения на СССР; 2. Советский Союз не будет препятствовать вооружению Аландских островов⁸² в интересах обеспечения нерушимости финской территории и нейтралитета Аландских островов [84, с.14].

Поскольку обнаружилось нежелание Хельсинки заключать секретное военное соглашение с СССР, финскому правительству было предложено подписать обязательство оказать сопротивление германской агрессии. СССР выражал готовность предоставить Финляндии помощь в форме поста-

⁸² Острова в Балтийском море, находящиеся при входе в Ботнический залив, омывающий западное побережье Финляндии.

вок вооружений и прикрытия ее с моря силами своего военно-морского флота. В этой связи было запрошено согласие Хельсинки на создание на о. Гогланд (Суурсаари) в Финском заливе советской военно-морской и военно-воздушной базы. СССР также соглашался на ремилитаризацию Аландов, если сможет принять в этом участие, а в дальнейшем скрытно наблюдать за использованием созданной военной инфраструктуры. Взамен финнам были предложены гарантии ее территориальной целостности и неприкосновенности границ, помощь оружием и выгодный торговый договор.

Предложение было отклонено с аргументацией, что оно «направлено на посприятие суверенитета Финляндии и противоречит политике нейтралитета, которой Финляндия следует совместно с государствами Скандинавии» [84, с. 15,18]. В начале октября 1938 г. советское предложение было несколько изменено: финны осуществляют строительство базы на Суурсаари собственными силами, лишь согласовывая его с СССР; задача обороны острова осуществляется Финляндией и переходит к Советскому Союзу только в том случае, если Финляндия не справится с ней. Но в Хельсинки отвергли и это предложение.

Мюнхенское предательство Чехословакии, в результате которого Третий Рейх опасно приблизился к границе СССР, вынудило советское правительство проявлять настойчивость в достижении поставленной цели.⁸³ Ввиду неуспеха

⁸³ Взаимосвязь событий была очевидна для такого эксперта в военно-полити-

миссии Ярцева Кремль вернулся к обычной дипломатической практике. 5 марта 1939 г. Литвинов через финляндского посланника в Москве Ирью-Коскинена внес предложение сдать Советскому Союзу в аренду на 30 лет острова Суурсаари, Лавансаари, Сейсаари, а также Большой и Малый Тютерс в Финском заливе для использования их исключительно в качестве наблюдательных пунктов на морском пути к Ленинграду [65, док. № 171]. 8 марта из Хельсинки последовал отказ, вновь со ссылкой на суверенитет и нейтралитет Финляндии. Во время очередной встречи с Ирью-Коскиненом Литвинов заметил, что «советское правительство не ожидало такого ответа», что его предложение было сделано «именно потому, что Финляндия суверенно владеет островами и может ими распоряжаться, а, следовательно, и переступать и сдавать в аренду, нисколько не нарушая своей политики нейтралитета». Нарком выразил надежду, что финляндское правительство переменит свое мнение по поднятому вопросу, который можно было бы перевести «в плоскость обмена территориями» [65, док. № 174].

Для ведения дальнейших переговоров на базе этого предложения, а именно об обмене островов на любую пригранич-

ческих вопросах, как маршал Маннергейм, который писал: «На мюнхенских переговорах в сентябре 1938 года Германии была отдана Судетская область, то есть зона военных укреплений Чехословакии, а это для Советского Союза означало потерю единственного союзника. Быстрый рост могущества Германии, а также все более прохладное отношение Франции и Англии к Москве увеличивало политическую изоляцию СССР и его недоверие к Финляндии [39, с.222].

ную советскую территорию севернее оз. Ладога, в Хельсинки выехал бывший полпред в Финляндии, действовавший как официальный представитель правительства СССР, Б. Е. Штейн. Он пробыл там большую часть марта и начало апреля и имел целый ряд бесед с премьером А. Я. Каяндером, новым министром иностранных дел Ю. Э. Эркко и В. Таннером. Ему даже удалось заручиться «частным мнением» Эркко о допустимости уступки двух островов на условиях обмена. В. Таннер также признал, указывалось в сообщении Штейна в Москву, что «если бы пришлось обсуждать наше предложение только с деловой стороны, он, не колебаясь,⁸⁴ его принял бы, настолько оно представляется ему выгодным [...] Политическая же обстановка внутри Финляндии такова, что рассчитывать на принятие этого предложения невозможно. Финское правительство не может рассчитывать на то, что общественное мнение страны одобрит какую-либо сделку с финской территорией» [65, док.№ 180, 181].

В итоге и это советское предложение было отклонено по прежним основаниям. «Я же считал, – вспоминает Маннергейм, – что нам тем или иным образом следовало бы согласиться с русскими, если тем самым мы улучшим отношения с нашим мощным соседом. Я разговаривал с министром иностранных дел Эркко о предложении Штейна, но уговорить его мне не удалось. Я также посетил президента и премьер-министра Каяндера, чтобы лично высказать свою точку

⁸⁴ Так в тексте.

зрения. Заметил, что острова не имеют для Финляндии значения, и, поскольку они нейтрализованы, у нас отсутствует возможность их защиты. Авторитет Финляндии, по моему мнению, также не пострадает, если мы согласимся на обмен. Для русских же эти острова, закрывающие доступ к их военно-морской базе (Кронштадту, и, следовательно, Ленинграду. – *Ред.*), имеют огромное значение, и поэтому нам следовало бы попытаться извлечь пользу из тех редких козырей, которые имеются в нашем распоряжении. Моя точка зрения понимания не встретила» [39, с.228].

Выше указывалось, что одним из аргументов против принятия советских предложений служила ссылка на неприемлемость их для финляндского общественного мнения. Так ли это было, остается гадать, поскольку решение вопроса оказалось узурпированным правящей группой из 5–6 человек; в неведении о переговорах оставались не только парламент и народ Финляндии, но даже другие члены правительства. Маршал Маннергейм считал подобную тактику недалёковидной и изъявлял готовность рискнуть собственным политическим авторитетом с тем, чтобы убедить страну в необходимости достижения договоренности с СССР. «Я пошел еще дальше, – пишет Маннергейм, – заметив, что Финляндии было бы выгодно выступить с предложением об отводе от Ленинграда линии границы и получить за это хорошую компенсацию. [...] Я серьезно предупредил, чтобы посол Штейн не уезжал в Москву с пустыми руками» [39, с.

В штейновском портфеле, действительно, имелось и такое предложение. Речь шла о переносе границы на Карельском перешейке на расстояние, которое предстояло согласовать в ходе переговоров, путем обмена уступаемой таким образом финляндской территории на бо'льшую по площади советскую территорию; предусматривалась денежная компенсация расходов по переселению финских граждан, проживавших на уступаемой Советскому Союзу территории. Со своей стороны, Эркко, с учетом предыдущих советских пожеланий, предлагал дать письменную гарантию правительства Финляндии защищать свою территорию от любого агрессора, не заключать никаких соглашений, которые могли бы нарушить нейтралитет страны, и обсуждать с СССР вопросы безопасности Финского залива. В Москве это предложение сочли недостаточным, и 6 апреля Штейн уехал с пустыми руками. Перед отъездом, однако, он предупредил министра, что Советский Союз не принимает отрицательного ответа на свое предложение и не может отказаться от требования островов в Финском заливе, т. к. они имеют огромное стратегическое значение для безопасности СССР [21, с. 224–225, 235–236, 249–251].

Причины финской несговорчивости понятны. Вынесенные Москвой на обсуждение вопросы интересовали исключительно ее саму, создавая при этом для официального Хельсинки ощутимые неудобства внутри- и внешнеполити-

ческого характера. Так, возникала необходимость в трудных объяснениях с финским общественным мнением, почему вообще нужно откликаться на просьбы СССР в таких чувствительных вопросах, как оборона и обмен территориями. Правительство действительно опасалось, что на предстоявших вскоре парламентских выборах правые партии разыграют «патриотическую карту», чтобы свалить его; впрочем, принятие этого соображения в расчет при выборе национальной судьбы пахнет мелким политиканством.

Внешнеполитические неудобства заключались в возможном осложнении отношений с Германией и Великобританией из-за участия страны в советских планах «закрыть» Финский залив для их военно-морских сил и вообще контролировать любое судоходство в Восточной Балтике. Кроме того, согласие Финляндии на усиление советского военно-политического присутствия в регионе могло осложнить отношения Хельсинки с дружественными ему скандинавскими странами. 15 марта министр иностранных дел Швеции Р. Сандлер заявил советскому полпреду в Швеции А. М. Коллонтай о непримиримо отрицательном отношении Швеции к сделкам с какими-либо территориями в Скандинавии [21, с. 189]. Таким образом, самой Финляндии эти переговоры были не нужны и в лучшем случае могли завершиться болезненными уступками в пользу недружественного соседа. Однако оказались отвергнутыми и вполне приемлемые предложения, что было следствием неопытности политического Хельсинки в

трудном искусстве компромисса и недооценки опасностей, создаваемых для страны общеевропейской ситуацией.

Отказ принять советские предложения правительство Финляндии обычно мотивировало ссылками на принципы суверенитета, территориальной целостности и нейтралитета, и в этом не было ничего специфически «антисоветского». Принцип нейтралитета действительно лежал в основе внешнеполитического курса Финляндии. Более того, на этом общем для них принципе строился морально – политический союз трех скандинавских стран, а также Дании и Голландии, в силу чего весной – летом 1939 г. они отказались принять как англо – французские гарантии безопасности, так и германские предложения о заключении пактов о ненападении. Можно, однако, предположить, что с точки зрения международного права не во всех случаях ссылки Хельсинки на неприкосновенность трех «священных коров» его государственной политики были абсолютно корректны.

С другой стороны, на финальной стадии переговоров самую пагубную роль сыграла великодержавная спесь, овладевшая Москвой после заключения пакта Молотова – Риббентропа. Обретенное «благодаря» ему ощущение вседозволенности поощряло Кремль на выдвижение за пределами жестких требований к Финляндии, чем в немалой степени объяснялся срыв переговоров и выбор в пользу военного решения вопроса.

Заключительный раунд переговоров проходил в Москве

в составе уже официальных делегаций с 12 октября по 13 ноября 1939 г. в три тура с перерывами. О характере предстоявших переговоров финны могли судить заранее по тону полученного «приглашения». 5 октября Молотов имел телефонный разговор с посланником А. Ирjö-Коскиненем и предложил начать переговоры, дав финнам на ответ всего несколько часов, а именно «не позднее, чем сегодня вечером или завтра утром». Наркомовский ультиматум не достиг цели. Хельсинки устоял перед этим давлением, в том числе благодаря дипломатической поддержке со стороны Норвегии, Швеции, Дании и США, обратившихся к советскому правительству с просьбой уважать независимость и нейтралитет Финляндии [см., напр., 36, с. 179–180].

Подготовка к переговорам шла на фоне начавшейся еще в середине сентября концентрации советских войск на границе и нарушения военной авиацией воздушного пространства Финляндии; та, в ответ, объявила 12 октября всеобщую мобилизацию. Стороны все же сели за стол переговоров. Советскую делегацию возглавил В. М. Молотов, финляндскую – старейший дипломат Ю. К. Паасикиви.

Когда начался последний раунд переговоров, в Европе уже разразилась большая война. Эта новая реальность, однако, практически никак не отразилась на позиции Финляндии в отношении основных советских требований. Инструкции, которыми должен был руководствоваться Паасикиви, гласили: нет – договору о взаимопомощи, нет – переносу границы

на Карельском перешейке, нет – советской военной базе. И только в одном вопросе – о некоторых островах в восточной части Финского залива – было принято решение пойти навстречу возможным советским предложениям на условиях компенсации [84, с. 35].

Переговоры начались с предложения наркома заключить договор о взаимопомощи, предусматривавший размещение в Финляндии советских войск и военных баз, но финская делегация отвергла его как противоречащее нейтральному статусу страны. После этого Молотов выдвинул другое предложение: отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров и передать СССР ряд островов в Финском заливе, а также западные части полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии; кроме того, сдать в аренду на 30 лет, продать или обменять полуостров Ханко для сооружения там военно – морской базы. Предлагалось также закрепить в договоре взаимное обязательство сторон разоружить свои укрепления на Карельском перешейке. Со своей стороны, СССР обещал не возражать против вооружения Аландских островов собственными силами Финляндии.

В ответ Паасикиви заявил, что Финляндия категорически против заключения договора о взаимопомощи, а принятие решений по территориальным вопросам является прерогативой Сейма. Единственным шагом навстречу Москве стало

высказанное в ходе второй встречи делегаций 14 октября согласие правительства Финляндии уступить на условии компенсации три острова в восточной части залива.

Эта уступка не произвела на советскую сторону особого впечатления, и вечером того же дня финляндской делегации был вручен меморандум с изложением следующих требований правительства СССР:

- сдать в аренду Советскому правительству сроком на 30 лет порт Ханко и территорию вокруг порта для устройства морской базы с береговой артиллерийской обороной;

- предоставить советскому морскому флоту право на якорную стоянку в заливе Лаппвик (Лаппохья);

- передать Советскому Союзу в обмен на соответствующую советскую территорию острова (написание по тексту меморандума) Гогланд (Сур-Сари), Сейскари, Лавансари, Тюторсаари (Малый и Большой), Бьёрке, а также часть Карельского перешейка, равно как западную часть полуостровов Рыбачий и Средний, – всего 2 761 кв. км (согласно прилагаемой карте);

- разоружить обоюдно укрепленные районы на Карельском перешейке, вдоль финляндско-советской границы, оставив на этой границе обычную пограничную охрану.

Со своей стороны, СССР выражал готовность передать Финляндии, в возмещение за уступаемую ею территорию, советскую территорию в размере 5523 кв. км, а также не возражать против вооружения Аландских островов силами са-

мой Финляндии [36, с. 185–186].

Ознакомившись с меморандумом, Ю. К. Паасикиви заявил, что почти все поднятые Советским Союзом вопросы относятся к области конституционного права Финляндии и требуют обсуждения в правительстве страны, после чего отбыл в Хельсинки для консультаций. 22 октября он вернулся в Москву с ответом, который гласил, что, учитывая международную обстановку и свой абсолютный нейтралитет, Финляндия не может уступить Ханко, но готова к определенному изменению линии прохождения границы на Карельском перешейке, хотя и «не сможет обсуждать вопрос о перенесении границы так далеко, как это предлагалось в советском предложении». Конкретно, финляндское правительство было согласно выправить границу на одном ее участке, где она вдавалась в советскую территорию. Это означало бы увеличение минимального расстояния от Ленинграда до границы с 32 до 45 километров. Хельсинки также соглашался передать Советскому Союзу пять островов в восточной части залива (Сескари, Пенисаари, Лавансаари и Большой и Малый Тютерс) и обсуждать условия передачи южной части о. Суурсаари в обмен на снятие требования Ханко. Кроме того, финляндская сторона была готова рассмотреть вопрос о северной части полуострова Рыбачий.

Эти предложения были отвергнуты как недостаточные, хотя они шли намного дальше советских требований 1938 – весны 1939 гг. Принимавший участие в переговорах с

самого начала Сталин назвал предъявленные финнам требования минимальными, являющимися нижним пределом, и их несогласие с ними, по наблюдениям Таннера, удивило Молотова. В Москве, видимо, не ожидали такого упорства от Хельсинки. «Так вы намерены спровоцировать конфликт?», – задал он вопрос Паасикиви [84, с. 62]. Однако почти прерванные переговоры были возобновлены вечером того же дня по инициативе Кремля. Новый советский меморандум, врученный финляндской делегации, гласил:

1. Советское правительство не может отказаться от своего предложения о предоставлении Советскому Союзу военно-морской базы в Ханко;

2. Советское правительство считает невозможным согласиться на предоставление десятиверстной полосы финляндской территории на Карельском перешейке в обмен на территорию СССР. Правительство, идя навстречу Финляндии, считает, однако, возможным, в крайнем случае, несколько изменить свое первоначальное предложение, уменьшив размер территории на Карельском перешейке, отходящей к СССР.

3. Остальные предложения, изложенные в меморандуме Советского правительства от 14 октября, Советское правительство считает необходимым оставить в силе [36, с. 208–209].

Таким образом, Сталин и Молотов свели переговоры к вопросу о Ханко и сооружении там советской военной базы. В

качестве шага навстречу Финляндии советская сторона стремилась придать известную гибкость своей позиции. Так, был снижен срок аренды порта с 30 лет до момента окончания войны в Европе, сокращена запрашиваемая численность советского персонала базы с 5 до 4 тыс. человек. Учитывая, что финляндское правительство считало неприемлемой сдачу в аренду под иностранную военную базу части своей территории, ему было предложено продать или обменять ее. После этого финляндская делегация вновь выехала в Хельсинки для консультаций с правительством.

Последний тур переговоров начался 3 ноября, однако достичь существенного прогресса так и не удалось: незначительные уступки друг другу, на которые шли стороны в отдельных вопросах, положения не спасали. Вопрос о Ханко заводил переговоры в тупик. Поэтому при следующей встрече делегаций Сталин, учитывая, что идея размещения советских войск на материковой части страны вызывала неприятие финляндской стороны, выдвинул альтернативный вариант – сооружение базы на нескольких близлежащих к Ханко островах⁸⁵, а затем, после получения очередного отказа, на о. Руссарё к югу от Ханко. Судя по воспоминаниям Маннергейма⁸⁶ и Таннера, последний вариант они, а также Ю. К. Па-

⁸⁵ «Это была довольно значительная уступка, – писал Маннергейм, – которая и в экономическом смысле была бы менее тяжелой, чем передача Ханко, хотя и были бы потеряны важные батареи береговой артиллерии» [39, с. 248].

⁸⁶ «Компромисса, пожалуй, и добились бы, – вспоминал Маннергейм, – пожертвовав некоторыми островами. В этой связи я назвал в качестве возможно-

асикиви, рассматривали как вполне допустимый [39, с. 247; 84, с. 105], но и он был отвергнут Хельсинки.

Со своей стороны за отказ от Ханко финны предлагали южную часть о. Суурсаари, перенос границы на прибрежном участке Карельского перешейка на 30 километров западнее и в принципе были готовы обсуждать вопрос уступки форта Ино. Эти предложения советская сторона вновь сочла недостаточными, и 10 ноября переговоры были прерваны, как оказалось окончательно. 13 ноября финляндская делегация отбыла на родину.

В Кремле давно уже не исключали возможность подобного исхода дела, ввиду чего в конце июня 1939 г. Сталин, как указывалось выше, поручил командующему войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецкову разработать план силового решения «финляндской проблемы». «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» был готов к 29 октября, и подспудно осуществлявшаяся уже с сентября подготовка к нападению вступила в завершающую фазу.

Несмотря на это ввязываться в войну Кремлю очень не хотелось. С печальной безысходностью констатировав на Военном совете 13 ноября «нам придется воевать с Финляндией», Сталин не терял надежды найти средства, которые окажутся

го объекта переговоров остров Юссаарё, расположение которого предлагало русским хорошие условия к взаимодействию с фортами острова Найссаар, прилегающего к южному побережью Финского залива» [39, с. 247].

достаточными, чтобы заставить финнов подписать нужное соглашение. Но правильно рассчитать сопротивление «финского материала» ему не удалось. Развернутая в СССР кампания по запугиванию Хельсинки (газетные публикации с воинственными призывами, демонстрации советских трудящихся, разгневанных на «белофинскую банду поджигателей войны», и т. п.) успеха не имела. Там ожидали получения какого – то самого последнего и грозного советского предупреждения, после чего можно было бы пойти на некоторые уступки без потери лица, подчиняясь форс-мажору.

Таким предупреждением, по замыслу Москвы, должен был стать имевший место 26 ноября знаменитый «инцидент в Майниле», – на деле советская провокация с обстрелом собственной приграничной территории и возложением вины на финляндскую сторону. В пользу этого вывода говорят сакраментальное *cui prodest*,⁸⁷ удивительная «своевременность» происшествия как раз за несколько дней до запланированного вторжения, а также подозрительный отказ от совместного с финнами расследования.

Впрочем, имеется ряд прямых доказательств советского происхождения «инцидента». К ним следует отнести показания очевидцев события, результаты баллистической экспертизы, а также недвусмысленное свидетельство одного из тогдашних руководителей страны Н. С. Хрущева: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные

⁸⁷ «кому выгодно» – (лат).

требования [...] Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями[...] Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело. [...] Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел.» [цит. по: 11, с. 160–161; 89, с. 251].

Можно добавить, что в ежедневных сводках дислоцированной в том районе 70 – ой стрелковой дивизии за 26 ноября нет никаких упоминаний об инцидентах или потерях личного состава, хотя по советской пропагандистской версии погибли несколько военнослужащих дивизии, чьи имена, впрочем, никогда не назывались. Примечательно также, что штабная игра, проводившаяся еще в середине июля 1939 г. командованием Балтфлота, исходила из гипотетической обстановки, созданной обстрелом финнами советской территории **именно** в районе деревни Майнилы **как раз** за 4 дня до начала условных боевых действий против Финляндии.⁸⁸ Имеются и другие свидетельства советского происхождения провокации. «Ха – ха – ха!», – так Геббельс прокомментировал в своем дневнике советскую попытку возложить на Финляндию ответственность за обстрел [7, с. 177].

В ноте протеста по поводу обстрела, направленной НКВД

⁸⁸ «В районе деревни Майнилы, – говорилось в задании на игру, – имели место ряд крупных пограничных инцидентов с Синими». (Так на советских военных картах традиционно обозначали войска противника. – *Ред.*). Буквально в этом же предложении была прописана еще одна провокация – потопление якобы эстонской подводной лодкой советского транспортного судна, роль которого через пару месяцев сыграло судно «Металлист». Об этом упоминалось в гл. 4.

в тот же день правительству Финляндии, от последнего потребовали отвести войска на 20–25 км от линии границы [«Правда». – 1939. – 27 ноября]. В ответной ноте от 27 ноября Финляндия отрицала свою причастность к обстрелу и предлагала совместное расследование инцидента, как то предусматривала Конвенция о пограничных комиссарах 1928 г. Соглашаясь на отвод своих войск, Хельсинки настаивал на соблюдении принципа взаимности, т. е. на такое же расстояние должны были отойти и советские войска [Правда. – 1939. – 29 ноября]. Требование абсолютной симметрии в отводе войск при явной асимметрии в стратегическом положении сторон – ввиду близости границы к Ленинграду – означало, с точки зрения Советского правительства, продолжение старой линии в отношении СССР. В ноте от 28 ноября НКВД квалифицировал финский ответ как документ, «призванный довести до крайности кризис в отношениях между двумя странами», и от имени правительства СССР заявил, что оно «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении...» [Правда. – 1939. – 29 ноября].

Повременим с изложением дальнейшего хода событий, чтобы оценить место «майнильского инцидента» в кремлевской стратегии переговоров с Финляндией. На этот счет в отечественной историографии существует устойчивое заблуждение: якобы инцидент предназначался для создания *casus belli*, т. е. повода для объявления войны. Однако фор-

мально войну Финляндии объявлять **не собирались**, а потому с позиции международного права *casus belli* был не нужен. Роль инцидента ограничилась созданием повода к выходу СССР из советско – финляндского пакта о ненападении. Но выход из договора – еще не война, а только предпоследний шаг на пути к ней. Отсюда вырисовывается истинная политическая роль Майнилы – роль того самого последнего предупреждения, которого ждали в Хельсинки, и которое на языке дипломатии называется ультиматумом. Предъявление классического ультиматума было невозможно, поскольку смысл подобных документов состоит в предварительном объявлении войны, но с отсрочкой для использования последней возможности мирного урегулирования отношений путем безоговорочного принятия стороной, которой предъявлен ультиматум, требований, выдвинутых другой стороной. Однако повторимся: формально объявлять войну Финляндии не собирались. Более того, делался явный намек на желательность продолжить переговоры с целью мирного урегулирования ситуации. «В намерение Советского правительства, – говорилось в ноте, – не входит преувеличивать последствия акта агрессии, совершенного финскими войсками, возможно, по недосмотру своих командиров...» [Известия. – 1939. – 27 ноября].

Судя по содержанию финляндского ответа от 27 ноября первоначально майнильский «намек» остался непонятым Хельсинки. В Москве же сочли свой «ультиматум» отклю-

ненным, и вечером 29 ноября посланник Ирjö – Коскинен был вызван в НКВД, где заместитель наркома В. П. Потемкин вручил ему ноту о разрыве дипломатических отношений. В ответ посланник заявил, что несколько ранее получил из Хельсинки новую ноту МИД Финляндии для передачи правительству СССР, но что ожидается еще поступление дополнительных инструкций. В этот момент из финского посольства сообщили, что инструкции получены. Посланник спросил, не согласится ли советское правительство принять ноту. Потемкин ответил, что врученная посланнику нота о разрыве дипломатических отношений «исчерпывает все вопросы, которые стояли между Советским правительством и нынешним правительством Финляндии» [36, с. 344].

Ирjö – Коскинен все же переслал в НКВД запоздавшую ноту. В ней говорилось, что правительство Финляндии не имеет враждебных намерений в отношении СССР и вновь предлагает совместное расследование майнильского инцидента, как это предусматривала советско – финляндская конвенция о пограничных комиссарах. Указывалось, что денонсация пакта о ненападении противоречила обязательству о мирном разрешении конфликтов, содержавшемуся в статье V самого пакта, а также Протоколу 1934 г., согласно которому пакт не мог быть денонсирован ранее 1945 г. Вместе с тем, и это было главным, финляндское правительство выразило готовность договориться об одностороннем отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором

нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города» [64, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 188, л. 22–23].

Таким образом, с запозданием, но ответ на «ультиматум» пришел, причем ответ положительный, если помнить, что единственным советским требованием в ноте от 26 ноября был односторонний отвод финляндских войск. Почему же этим не воспользовались в Москве? Формально, потому что ответ как бы не существовал, поскольку был получен после разрыва дипломатических отношений. Фактически, потому что в Москве потеряли надежду добиться от Финляндии значимых уступок мирным путем, тогда как военная кампания против нее представлялась Кремлю легкой разминкой. «Через три дня будем в Хельсинки, там подпишем мир на наших условиях», – пообещал Молотов А. М. Коллонтай [24, с. 489]. (Военные, правда, запросили 8–10 дней).

Завершая тему переговоров осени 1939 г., не избежать вопроса о том, кто несет ответственность за их провал. Один из наших достойнейших историков эту ответственность целиком возлагает на советскую сторону. Его аргументация сводится к следующему. Во – первых, Финляндия отнюдь не была обязана уступать, сдавать в аренду или продавать Советскому Союзу приглянувшиеся ему территории; во – вторых, согласие на требования Москвы означало разрушение системы обороны страны и сдачу ее на милость недружественному соседу. Только в одном пункте – об островах в восточной части Финского залива, с территории которых можно было

контролировать проход судов по главному фарватеру к Ленинграду, – советские требования, действительно, имели касательство к обеспечению безопасности этого города и, потому, могли быть оправданы с моральной точки зрения.

Остальные, считает историк, не имели к этому никакого отношения и выдвигались с целью последующего завоевания Финляндии. Так, база на Ханко, всего в 110 км от столицы, была, как он образно выразился, пистолетом, представленным к виску страны.⁸⁹ Обоюдное разоружение оборонительных укреплений на Карельском перешейке, ничем не угрожая СССР, для Финляндии означало полную незащищенность от возможной агрессии восточного соседа. Западная часть п-ова Рыбачий была нужна, чтобы контролировать порт Петсамо – последнее еще не задренное войной окно Финляндии в Европу, откуда она могла получать какую – то помощь.

Все сказанное выше – правда, и характер советского стратегического планирования в отношении Финляндии, предусматривавшего, начиная с 1936 г., вторжение Красной Армии на территорию соседней страны, как – будто это подтверждает. Но при одном условии: если единственным источником угрозы советскому северо – западу была сама Финляндия, и воевать собирались с ней один на один. Однако такой сценарий в Кремле тогда еще даже не рассматривал-

⁸⁹ Президент Р. Рюти говорил о «пистолете, направленном прямо в сердце Финляндии!»

ся. Речь шла о том, чтобы не позволить третьей державе превратить финскую территорию в плацдарм для нападения на СССР. Полагаться на то, что Финляндии удастся самой успешно противостоять подобным попыткам Германии или англо – французского альянса, у Москвы не было оснований. В этом случае к «финскому виску» был бы приставлен не советский ТТ, а немецкий «Вальтер» или английский «Браунинг».⁹⁰

Появление в Финляндии иностранных войск вынудило бы Красную Армию перейти границу на Карельском перешейке и продвинуться вглубь финской территории, чтобы увеличить глубину обороны Ленинграда; отсюда предложение о разоружении имевшихся там укреплений (чтобы войска вторгшегося в Финляндию противника не могли воспользоваться ими для отражения советского наступления). Контроль над полуостровом Рыбачий имел отношение к безопасности единственного на советском Севере незамерзающего Мурманского порта и стратегически важной, поэтому, Мурманской железной дороги.

В конечном счете, получается, что на переговорах с Финляндией СССР исходил все же из задач обороны, правда, не пассивной, а активной,⁹¹ подразумевающей опережение про-

⁹⁰ В директиве штаба ЛенВО командованию базы Ханко в качестве главной ставилась задача «1. Не допустить на полуостров противника как со стороны сухопутной границы, так и с моря. 2. Не дать возможность высадки морского и воздушного десанта».

⁹¹ Именно так – «вести активную оборону против Финляндии» – и формули-

тивника в занятии стратегически выгодных позиций. Гитлер был того же мнения. Оценивая последовавшие события, он говорил, что советское «нападение на Финляндию зимой 1939 г. не имело никакой другой цели, кроме захвата на Балтике опорных пунктов против нас» [7, с. 167]. Комментарий Троцкого буквально повторял гитлеровскую оценку: «Чтобы застраховать себя от Гитлера, он (Сталин. – *Ред.*) захватил ряд опорных баз на Балтийском побережье» [135, с. 154]. Но историк, а это Марк Солонин, конечно, прав в том смысле, что эти «опорные базы» могли стать, при необходимости, удобными плацдармами для завоевания самой Финляндии.

Нет вопроса, имели ли право Советский Союз – просить Финляндию войти в его положение, а Финляндия – реагировать на эту просьбу так, как считала нужным. Конечно, имели! Но дипломатия для того и существует, чтобы находить приемлемые для обеих сторон решения, что подразумевает взаимный учет интересов. Сталинско – молотовская и финская дипломатия оказались здесь не на высоте. Ошибка советской стороны состояла в фактическом сведении переговоров к вопросу о Ханко. Кремль был готов заплатить за него

рвало задачу советское стратегическое планирование на 1940 г. При этом делалось различие между активной обороной и нападением. Насколько можно понять, к действиям в духе активной обороны прибегали в качестве реакции на создаваемую противником угрозу, с целью лишить его различного рода преимуществ; тогда как решение о нападении принималось не спровоцировано, а исходя из собственных намерений. В случае с Румынией, например, планировали от первой перейти ко второму при возникновении благоприятных условий.

астрономическую, – в политическом, военном, финансовом и моральном отношениях, – цену. Выбирая между отказом от Ханко и войной против Финляндии, Кремль выбрал войну.

Между тем, снятие требования базы на Ханко (которая, как мы покажем ниже, вообще была не нужна Советскому Союзу) выгодно обменивалось на уступку финнов по второму ключевому вопросу переговоров – о переносе границы на Карельском перешейке. В пакете с этой уступкой шли две другие, действительно значимые для создания системы обороны Ленинграда со стороны моря: передача форта Ино и согласие Хельсинки на создание базы на Суурсаари.⁹² Этого было более чем достаточно для организации такой обороны. К сожалению, кремлевская дипломатия, развращенная ощущением вседозволенности и безнаказанности после сделки с Гитлером, не воспользовалась этой возможностью. Фактически, осенью 1939 г. Финляндии выставили общий счет за два десятилетия недружественного отношения к восточному соседу. То была месть, но руководствоваться этим чувством в межгосударственных отношениях опасно и зачастую себе дороже.

Финляндия несет свою долю ответственности за провал переговоров и последовавшую за этим войну. Вариант базы на Руссарё или группе островков возле Ханко следовало

⁹² И не только со стороны моря, поскольку дальнобойная артиллерия форта могла вести огонь по противнику, наступающему на Карельском перешейке.

принять. Напомним, что это мнение высказывалось тремя крупнейшими государственными и политическими деятелями Финляндии – маршалом К. Г. Маннергеймом, социал – демократическим лидером В. Таннером и главой финляндской делегации, будущим президентом страны Ю. К. Паасикиви.⁹³ Также следовало согласиться на советскую просьбу о переносе границы на Карельском перешейке до 70-километрового рубежа от Ленинграда. Мнением маршала Маннергейма, которое он высказал правительству страны, было, что этот перенос не нанесет чрезмерного урона безопасности Финляндии. Принятие такого решения существенно оздоровило бы атмосферу советско – финляндских отношений.

Ощущение неоправданности столь конфронтационного поведения сторон усиливается мыслью, что **фундаментальные** причины спровоцированной им войны лежали за пределами собственно советско – финляндских отношений. Взятые сами по себе, эти отношения не давали никакого актуального повода, вроде территориальных претензий и т. п., для вооруженного конфликта.⁹⁴ Тартуский мирный договор, возможно, и не отвечал всем пожеланиям каждой из сторон,

⁹³ 10 февраля 1940 г. Совет обороны Финляндии единогласно рекомендовал правительству страны предложить СССР о. Юссаарё, уступить целиком о. Суурсаари, а также форт Ино с предпольем шириной 10 км.

⁹⁴ После неудачной попытки оспорить в международно-правовом порядке статус Восточной (Русской) Карелии отдельные праворадикальные организации продолжали будировать этот вопрос, но на межгосударственном уровне он более не поднимался.

однако стал результатом общего согласия на установленный им баланс интересов. Заключенный в его развитие пакт о ненападении гарантировал, что стороны не будут пытаться изменить найденный баланс в свою пользу вооруженным путем. Эти отношения «холодного мира», минимально достаточные в обычной ситуации, оказались слишком непрочными, чтобы выдержать испытание начавшейся в Европе войной. В отсутствии реальных причин для вооруженного конфликта их роль не менее «успешно» сыграли поводы фантомные, порожденные глубочайшим недоверием и взаимными подозрениями.

В дальнейшем, насколько можно судить, Молотов сожалел о курсе, взятом им и Сталиным в отношении Финляндии. Во время переговоров 1944 г. с Ю. К. Паасикиви собеседники повинились друг перед другом за то, что в 1939 г. довели дело до войны [86, с. 56]. Президент У. К. Кекконен вспоминал о еще одном эпизоде: «Я высказал сожаление, что события прошлого приняли такой оборот, и сказал, что не знаю, была ли в этом вина только Финляндии [...] Молотов ответил, что и мы (т. е. СССР. – *Ред.*) были тоже виноваты» [98, с. 233].

Чтобы подготовить общественное мнение страны к грядущим событиям, 29 ноября председатель правительства, нарком иностранных дел В. М. Молотов выступил по радио с заявлением, в котором изложил свою версию истории переговоров с Финляндией. Заканчивалось заявление на весьма

угрожающей ноте: «Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной, накаленной войною международной обстановке, решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решать усилиями самого Советского Союза...» [Известия. – 1939. – 30 ноября; 36, с. 344–346].

Утром 30 ноября без объявления войны советские войска перешли границу и вторглись на территорию соседней страны. Как говорилось в сообщении ТАСС, «по приказу Главного командования Красной Армии, ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины, войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и ряде других районов». [«Правда». – 1939. – 1 декабря].

Описание хода военных действий не является нашей задачей, тем более что он хорошо изучен и многократно изложен в работах других авторов, более нас компетентных в этих вопросах.

«Териокское правительство»

О. Куусинена

Если начало войны стало для Хельсинки полной нежиз-

данностью, то не меньший сюрприз ожидал его на следующий день, 1 декабря. Оказалось, что в этот день на месте Финляндии возникло новое государство – Финляндская Демократическая Республика, возглавляемое своим Народным правительством. По месту создания этого «правительства» в занятом Красной Армией пограничном финском поселении Териоки и по имени возглавившего его финского коммуниста – коминтерновца Отто Вилле Куусинена оно и получило свое название.

Уже на следующий день между СССР и «государством ФДР» был заключен Договор о взаимопомощи и дружбе, подписи под которым поставили Молотов и Куусинен.⁹⁵ Договор учитывал все советские нужды и пожелания. Так, ФДР соглашалась на перенос границы на Карельском перешейке путем уступки Советскому Союзу территории площадью 4 тысячи кв. км в обмен на территорию в Советской Карелии площадью 70 тысяч кв. км. ФДР также сдавала СССР в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко с прилегающей акваторией радиусом 3–4 км для создания там военно – морской базы, и, кроме того, обязалась продать за 300 млн. марок ряд островов в Финском заливе, а также принадлежавшие Финляндии части полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Северного Ледовитого океана [36, с. 355–358].

«Комедия с коммунистическим контрправительством»,

⁹⁵ Несколько правленных рукой Молотова машинописных страниц этого «договора», составленного только на русском языке, хранится в архиве МИД РФ.

как выразился Геббельс [7, с. 178], изрядно запутала вопрос о целях СССР в этой войне. При поверхностном взгляде на предмет может создаться впечатление, что война затевалась ради приведения его к власти, другими словами – ради советизации Финляндии. Сторонники этой версии находят ей подтверждение, указывая в качестве доказательства на события в Литве, Латвии и Эстонии лета 1940 г., где создание промосковских правительств, действительно, стало первым шагом к их скорой советизации и включению в состав СССР. Необходимо, однако, учитывать, что осень 1939 г. и лето 1940 г. – суть две абсолютно разные эпохи в военно – политическом положении Европы, от которого напрямую и предельно жестко зависели все внешнеполитические решения СССР. Проводить аналогию между событиями, принадлежавшими столь разным эпохам, некорректно. Выше мы отмечали, что даже летом 1940 г. советизация Прибалтики стала **результатом развивающегося процесса, а не была его изначальной целью.**

Осенью 1939 г., в отсутствии реальных боевых действий между Германией и англо – французской коалицией, у Москвы сохранялись серьезные сомнения относительно необратимости изменений, произошедших благодаря пакту Молотова – Риббентропа в расстановке военно-политических сил в Европе, а именно в надежности германской «дружбы» с СССР и невозможности какого-то примирения Берлина с

западной коалицией.⁹⁶ Кроме того, было не вполне понятно, кого из них Москве следовало больше опасаться. Отсюда проистекала политика *быть максимально предупредительным в отношении Германии и, с другой стороны, не провоцировать без нужды Лондон и Париж*. Что это означало применительно к советской политике в финляндском вопросе, показал опыт решения аналогичной задачи в Прибалтике всего месяцем ранее. Напомним, что там СССР ограничился подписанием договоров о взаимопомощи. Причины подобной сдержанности Москвы объяснялись выше. Советизаторская мечта Кремля должна была осуществиться на ином – общеевропейском, уровне, но пока было просто не до нее.

К огромному сожалению советского руководства, повторить в Финляндии прибалтийский военно – дипломатический успех не удалось по причине упорства ее властей. А одной – двух недель, которые Москва в своих расчетах отводила на финскую кампанию, было явно недостаточно, чтобы при отсутствии дипломатических каналов связи успеть договориться с Хельсинки о том, о чем не удалось договориться в течение предшествовавших двух лет, и закончить конфликт подписанием устраивавшего Москву договора.

Однако ожидаемый разгром Финляндии с неизбежностью поднимал вопрос, что с ней делать дальше. Установление откровенно оккупационного режима в принципе не соответ-

⁹⁶ «Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено», – заявил Сталин на Главном военном совете РККА весной 1940 г.

ствовало советским практикам, а ликвидация финляндской государственности и присоединение завоеванных территорий к СССР были чреваты осложнением отношений со всеми великими державами Европы. Позволить себе «роскошь» такого колоссального скандала в Москве не могли.

Выходом стало создание «правительства Куусинена». Подписанный с ним «договор» был призван создать видимость правового характера советских действий в Финляндии, и дал возможность избежать политически неудобного варианта объявления войны, с тем, чтобы жонглируя понятиями международного права, попытаться притупить остроту англо-французской реакции на действия СССР. Шедевром жанра являются «разъяснения», данные Молотовым генеральному секретарю Лиги наций Ж. Авенюлю 4 декабря 1939 г. Нарком разъяснил непонятливому дипломату, что СССР не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу; СССР находится в мирных отношениях с ФДР, все вопросы отношений с которой решены договором о взаимопомощи и дружбе; прежнее правительство Финляндии сложило с себя полномочия; в настоящее время Советским Союзом совместно с правительством ФДР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный бывшими правителями Финляндии [«Известия». – 1939. – 5 декабря; 13, с. 364–365]. В ответе шведскому посланнику в Москве О. В. Винтеру, предложившему посреднические услуги своей страны в урегулировании советско –

финляндского конфликта, нарком пошел еще дальше и заявил, что «прежнее» правительство не только сложило с себя полномочия, но и скрылось в неизвестном направлении [«Правда». – 1939. – 5 декабря].⁹⁷

Чтобы успокоить Берлин, Париж и Лондон относительно целей советской акции в Финляндии, 3 декабря было обнародовано Обращение ЦК КПФ, – читай, Кремля,⁹⁸ якобы к общественности этой страны, а на деле к правительствам Германии, Франции и Великобритании. Чревоуеща за финских коммунистов, Кремль фактически давал гарантию отсутствия у него планов советизации Финляндии и ее включения в состав СССР. Невозможность реализации подобного сценария «доказывалась» указанием на несоветский и несоциалистический характера новоявленной Финляндской Демократической Республики. Впрочем, главному партнеру Кремля заверения были даны безо всяких экивоков еще 30 ноября. В беседе с Шуленбургом Молотов успокоил посла, что «советы там никто не будет создавать», и что новое пра-

⁹⁷ Правительство Финляндии организовало прием, чтобы международная пресса засвидетельствовала, что оно пребывает в Хельсинки.

⁹⁸ В архиве МИД РФ сохранился подготовленный Куусиненом проект обращения, правленный рукой Молотова. ЦК КПФ в то время практически не существовал: значительная часть его членов была расстреляна в ходе московских чисток, часть скрывалась в глубоком подполье в Финляндии, а оставшиеся находились в эмиграции в различных странах мира. К последним принадлежал и генеральный секретарь партии А. Туоминен, который решительно отверг сделанное ему в **середине ноября** Коминтерном и Политбюро ЦК ВКП (б) предложение возглавить создававшееся марионеточное правительство.

вительство «будет не советским, а типа демократической республики» и дружественным Германии [36, с. 351].

Возвращаясь к вопросу о том, что первично – война или «териокское правительство» – очевидным ответом будет, что не война затевалась ради приведения к власти марионеточного «правительства», а оно было изобретено, чтобы иметь политически приемлемые для Москвы варианты начала и окончания войны в Финляндии. Это недвусмысленно доказывается и тем, что данный проект возник **только после** срыва советско – финляндских переговоров 13 ноября 1939 г., о чем можно судить по времени сделанного Туоминену предложения.

Создание правительства Куусинена было многоцелевым мероприятием. Помимо прочего, имелось в виду продемонстрировать финскому народу, что намерения СССР ограничены и ни в коем случае не состоят в завоевании Финляндии и присоединении ее к СССР. Об этом развернуто говорилось и в обращении ЦК КПФ, и в декларации «териокского правительства». Об этом должен был свидетельствовать также подписанный с ФДР договор. После этих разъяснений, рассчитывали в Москве, часть финляндского общества перейдет на сторону правительства Куусинена, что облегчило бы Красной Армии выполнение поставленной перед ней задачи. Для внесения раскола в армию Финляндии при «правительстве Куусинена» на территории ЛенВО из граждан СССР по национальности финнов, вепсов, карелов и ингерманланд-

цев был сформирован корпус «Финской народной армии». Его личный состав носил специальную форму и к началу декабря 1939 г. насчитывал около 13500 человек. Корпус был предназначен для того, чтобы продефилировать на параде победы в Хельсинки, а затем стать преторианской гвардией воцарившейся там новой власти; его участие в боевых действиях не планировалось [95, ф. 33987, оп. 3, д. 1380, л. 3; ф. 25888, оп. 13, д. 76, л. 1].

Если действия советского руководства на финляндском направлении преследовали ограниченную цель укрепления безопасности страны, то создание «териокского правительства» придется признать ошибочным шагом как в широком политическом плане, так и с тактической точки зрения. Это «правительство» надолго заблокировало возможность дипломатического общения через посредников между Москвой и Хельсинки и оставило законной власти Финляндии единственный способ доказать свое право на существование – войну. Финские авторы свидетельствуют также, что известие о создании «правительства Куусинена» возбудило в финском народе самые серьезные опасения за независимость своей страны и лишь воодушевило его на сопротивление.

Какова могла быть дальнейшая судьба марионеточного «правительства», если бы его на советских штыках удалось донести до Хельсинки, остается только гадать, но к исходным целям данного проекта это уже не имеет прямого отно-

шения. Чтобы не запутывать ситуацию и не создавать Кремлю лишних проблем в общении с Германией, англо-французской коалицией и, на заключительном этапе советско-финской войны, с Хельсинки, это «правительство» вело тихую незаметную жизнь. В конечном счете, оно так же незаметно ушло в небытие в результате «самороспуска» сразу после подписания мирного договора с законными властями Финляндии, о чем Молотов сообщил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР.

Сказанное выше относится исключительно к ситуации осени 1939 – зимы 1940 гг. После Зимней войны повторение трюка с марионеточным правительством было практически невозможно, что со всей очевидностью продемонстрировало его тотальное отторжение финским обществом. А после разгрома западной коалиции в мае-июне 1940 г. оно стало уже и ненужным. Поэтому когда во второй половине года Москва планировала нанесение нового удара по Финляндии, в качестве отправного варианта послевоенного «урегулирования» она склонялась к бесхитростному плану насильственной советизации этой страны и включения ее в состав СССР. В немецкой записи беседы Молотова с Гитлером в ноябре 1940 г. указывается, что на вопрос последнего, каким Москве видится будущее Финляндии после ее разгрома в новой войне, нарком ответил, что примерно таким же, как прибалтийских государств и Бессарабии. А их «советская судьба» к тому времени уже состоялась.

В данной связи уместно упомянуть о двух документах. Первый из них – принятый 29 марта 1940 г. Верховным Советом СССР закон о выходе Карельской АССР из состава РСФСР и преобразовании ее в союзную Карело-Финскую ССР. Тем самым, создавалась политико-административная структура, которая в будущем могла бы обеспечить наименее болезненное инкорпорирование Финляндии в СССР. Вторым документ – «Письмо финским коммунистам», подписанное московскими финнами Куусиненом и Антикайненом в январе 1941 г. В «Письме», за которым, конечно, опять стоял Кремль, в частности говорилось: «Наша партия, отвергая лозунг «защиты самостоятельности Финляндии», увязывает вопрос об обеспечении самостоятельности Финляндии и финского народа с задачей превращения Финляндии в советскую республику» [41, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 9–10].

Впрочем, «Финляндская Советская Республика» вовсе не обязательно должна была входить в состав СССР. (Вспомним Баварскую советскую республику, Венгерскую советскую республику и др.). Ситуация могла развиваться в ином направлении – создания на основе объединения Финляндии с отпущенной из состава СССР Карело – Финской ССР подобия Великого Княжества Финляндского или протектората по примеру Монгольской Народной Республики. «При этом условии,⁹⁹ – говорилось в радиообращении Молотова 29 но-

⁹⁹ «Это условие» было сформулировано в самом общем виде – проведение Финляндией дружественной политики в отношении СССР; указанные выше об-

ября 1939 г., накануне вторжения в Финляндию, – Советское правительство было бы готово благоприятно обсудить даже такой вопрос, как вопрос о воссоединении карельского народа, населяющего основные районы нынешней Советской Карелии, с родственным ему финским народом **в едином и независимом финляндском государстве»** [36, с. 345]. Конечно, это было сказано в предыдущую эпоху, и вообще могло быть фигурой пропаганды. Устоявшегося мнения о том, «что делать с Финляндией», в Кремле, видимо, не существовало. Маятник представлений раскачивался где-то в амплитуде «поглощение – независимое существование под советским протекторатом». Окончательное решение зависело также от расстановки сил в Европе и внутривосточной ситуации в самой Финляндии.

«Разобраться» с несговорчивой соседкой до нашествия Гитлера на СССР не успели. Условия прекращения второй советско – финской войны 1941–1944 гг. разрабатывались уже совместно с союзниками по антигитлеровской коалиции, а в ходе Тегеранской конференции они настояли на сохранении независимости Финляндии, согласившись лишь на оставление за Советским Союзом территорий, отошедших к нему в результате Зимней войны, плюс присоединение района Петсамо. По имеющимся свидетельствам, после 1945 г.

разцы межгосударственных связей, разумеется, не упоминались. Однако передаваемые ФДР по договору с О. Куусиненом 70 тысяч кв. км составляли половину территории Восточной Карелии, так что кремлевская мысль двигалась примерно в этом направлении.

Сталин счел своей ошибкой, что уступил «американцам» и согласился с финляндской независимостью. Впрочем, три десятилетия спустя Молотов записал это решение уже в советский актив: «Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе, – с гордостью говорил бывший нарком. – Имели бы рану постоянную» [18, с. 21].

Дипломатия военного времени и мирный договор

После начала советско – финской войны нарисовалась крайне противоречивая картина отношения к ней государств, интересы которых были ею затронуты.

Великобритания и Франция не желали, разумеется, усиления позиций советско – германского альянса в Скандинавии в результате неизбежной победы СССР. Но, по принципу «не было счастья, да несчастье помогло», они стремились извлечь из этой ситуации и свою выгоду, прежде всего, путем создания периферийного для них скандинавского фронта. Это могло отвести от Франции ожидавшийся вскоре германский удар в безопасном для союзников направлении. Хотя подобная «выгода» могла обойтись западной коалиции очень дорого – ценой вступления в вооруженный конфликт с СССР,¹⁰⁰ к зиме 1940 г. она была к этому уже готова. Еще

¹⁰⁰ Формально объявлять войну СССР по собственной инициативе она не планировала.

одной целью союзников было нарушить поставки в Германию стратегического скандинавского сырья, что в условиях боевых действий и оккупации становилось неизбежным.

Берлин получал vis-a-vis Советского Союза стратегический гандикап: связанный войной, СССР не мог ничего предпринять в наиболее важных для Германии районах общей границы и Балкан. Маршал Маннергейм находил любопытную аналогию этой ситуации в европейской истории XIX в. «Как Наполеон, так и Гитлер ставили перед собой цель нейтрализовать Россию на время начинающейся борьбы с Западом. И в 1807-м, и в 1939 году это делалось путем предоставления России свободы действий в отношении Финляндии. Развязывание войны не противоречило интересам Германии; для нее было выгодно, чтобы ненадежный союзник связал значительные силы в войне против Финляндии. К тому же стремился и Наполеон, в планы которого входило покорение Испании, пока Россия в 1808–1809 годах связана войной со Швецией – Финляндией.¹⁰¹ Помимо этого, финская война вынудила Советский Союз временно отказаться от активных действий на Балканах». [39, с. 339–340]. Действительно, после беседы с фюрером о войне в Финляндии Геббельс записал в дневник: «Что ж, это хорошо, ибо таким образом они (Советы. – *Ред.*) пока заняты [...] Мы можем радоваться, что у Москвы руки заняты» [7, с. 178]. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии

¹⁰¹ В те времена Финляндия пребывала в составе Шведского государства.

генерал Ф. Гальдер отмечал также и то радостное для Берлина обстоятельство, что конфликт с Финляндией толкает СССР глубже в антибританский лагерь.

С другой стороны, Берлин опасался, что в случае чрезмерного затягивания конфликта станут возможными вооруженное англо – французское вмешательство в происходящие события и, попутно, установление контроля союзников над Швецией и Норвегией. 24 марта 1940 г. германское агентство новостей ДНБ дало такой краткий анализ ситуации: "Правительства западных держав стремились втянуть Скандинавию в войну с целью нанести ущерб экономическим связям Германии с этими странами и, кроме того, отвести на них угрозу с фронтов во Франции и на Британских островах... Оба государства (Швеция и Норвегия. – *Ред.*) знали, что Германия была полна решимости немедленно реагировать на это» [цит. по: 85, р. 72].

Действительно, в отличие от великих держав, для скандинавских соседей Финляндии у этой ситуации не было никакой светлой стороны. Осуществление англо-французских планов обрекало их на участь стать полем боя во имя чужих интересов. Решительный отказ скандинавов разрешить войскам западной коалиции вооруженный проход в Финляндию через свою территорию для вмешательства в советско – финскую войну не мог изменить эту данность, т. к. коалиция в конечном счете приняла решение не связывать начало операции с получением согласия от Стокгольма и Осло [141, с.

С другой стороны, перед Швецией и Норвегией маячила угроза быть втянутыми в войну с СССР в силу идеи скандинавской солидарности, или, как минимум, очутиться в густой военной и политической тени советского колосса после выхода Красной Армии на их границу с Финляндией. Поэтому не успела война начаться, как в скандинавских столицах закипела и явная, и подспудная дипломатическая работа ради ее окончания. За скорейшее прекращение войны высказались и США, как по общедемократическим соображениям, так и потому, что там имелась значительная скандинавская, в частности, финская диаспора.

Больше других в скорейшем прекращении боевых действий была заинтересована, разумеется, Финляндия. Ее дипломатия уже в первые дни войны благодаря посредническим услугам США и Швеции дала Москве знать о своей готовности вернуться за стол переговоров. Одновременно Хельсинки пытался найти защиту у Лиги наций, к которой обратился 3 декабря с просьбой о посредничестве и помощи. Миротворческие усилия поначалу не находили отклика в Москве, явно сделавшей ставку на быстрый разгром Финляндии и воцарение в Хельсинки «правительства Куусинена». Чтобы без лишних политических издержек отделаться от несвоевременного вмешательства посредников, Москва уверяла последних, в духе процитированных выше ответов Молотова Авенюлю и Винтеру, что ни с кем не воюет и пр.

и пр. Отказываться от поступавших предложений о мире Кремль вынуждали и неудачи Красной Армии на Карельском фронте в декабре 1939 – январе 1940 гг.: в таком контексте принятие услуг миротворцев могло быть расценено как свидетельство слабости.

С другой стороны, изо дня в день усиливалась международная изоляция СССР и нарастала угроза активного противодействия его политике со стороны самых разных стран. Уже 2 декабря США объявили весьма болезненное для армии и народного хозяйства СССР эмбарго на поставку стратегического сырья и ряда промышленных изделий. 14 декабря по результатам рассмотрения обращения Финляндии в Лигу наций и ввиду невыполнения Советским Союзом решения Совета этой организации о прекращении боевых действий он был из нее исключен. Из сочувствовавших Финляндии стран начались поставки вооружений и посылка добровольцев. Общественное мнение Швеции и Норвегии усиливало давление на свои правительства в пользу оказания борющемуся соседу более действенной помощи. По соображениям военно – политического и экономического порядка за окончание войны, наконец, выступала и Германия. В состоявшейся 25 января беседе с Молотовым Шуленбург настойчиво зондировал вопрос о приемлемости для СССР германских посреднических услуг [14, с. 52].

Все же решающим обстоятельством, подтолкнувшим Москву на путь мирного урегулирования вооруженного кон-

фликта, явилось начатое еще в декабре обсуждение Лондоном и Парижем плана посылки экспедиционных войск на помощь Финляндии. Первоначально в Кремле рассчитывали «обогнать» союзников на поле боя; однако военное решение вопроса затягивалось, и даже взятие Хельсинки могло в этом смысле оказаться ничего не значащим в случае продолжения сопротивления отдельных частей финской армии и широкого партизанского движения. Кроме того, воцарение в столице никем не признанного правительства не создавало никакой правовой реальности и отнюдь не закрывало «финский вопрос».

Чтобы сорвать планы англо – французского вмешательства, в Москве было решено припугнуть Швецию и Норвегию с целью укрепить их в намерении остаться в стороне от конфликта и всеми силами противостоять запросам из Парижа и Лондона на военный транзит. Однако обнаруживать свой испуг перед интервенцией союзников Москве очень не хотелось. Поэтому в качестве предлога для предъявления претензий ухватились за скромную помощь, которую общественность двух стран оказывала борющемуся соседу, и сочувственное отношение к нему их прессы. 5 января правительство СССР сделало непропорционально жесткие представления правительствам Швеции и Норвегии, обвиняя их в нарушении политики нейтралитета и чуть ли не подготовке войны против СССР.

Впрочем, ларчик открывался просто, и сделал это сам

Кремль. 15 января в «Известиях» появилось сообщение «В Наркоминделе СССР» о советских представлениях и полученных ответах на них Осло и Стокгольма. Последние признавались «не вполне удовлетворительными». «Такая позиция правительств Швеции и Норвегии, – предупреждал НКВД, – таит в себе опасности.¹⁰² Она свидетельствует о том, что правительства Швеции и Норвегии не оказывают должного сопротивления воздействию тех держав, которые стремятся втянуть Швецию и Норвегию в войну против СССР» [21, с. 38–40].

В этих условиях, хотя до Хельсинки было уже «рукой подать», в Москве сочли целесообразным вступить на путь переговоров с законным правительством Финляндии по дипломатическим каналам, предоставленным посредниками. Позже курс на «неожиданное завершение финской войны» Шуленбург объяснил так: «Если англичане и французы намеревались занять Норвегию и Швецию, то можно с определенностью предположить, что советское правительство знало об этих планах и, очевидно, было напугано ими. Советскому правительству мерещилось появление англичан и французов на побережье Балтийского моря, ему виделось, что будет вновь открыт финский вопрос [...] Наконец, их больше всего пугала опасность вовлечения в войну с двумя

¹⁰² Опасности особо и «не таились»: 12–14 января советские военные самолеты несколько раз перелетали через границы со Швецией и Норвегией и даже сбросили один раз бомбы [21, с. 45].

великими державами» [23, док. № 95].

С другой стороны, наметившееся к концу января улучшение положения на Карельском фронте теперь позволяло пойти на компромисс с Хельсинки, «не теряя лица». И хотя еще 25 января германскому послу было заявлено, что «больше мы не можем мириться с таким положением, как соседство ярко враждебного правительства Финляндии», и о безальтернативном характере договора с «териокским правительством» [14, с. 52], в действительности неофициальный контакт с представителем законных финских властей был уже установлен. А немцев просто не хотели пускать в Финляндию, даже как посредников.

Еще в конце декабря 1939 г. с инициативой возобновления мирных переговоров вновь выступило правительство Швеции, на сей раз сугубо неофициально предложив эту идею советскому полпреду в Стокгольме А. М. Коллонтай. Из Москвы ответили согласием, и 10 января в Стокгольме по инициативе известной финской общественной деятельницы Хелли М. Вуолийоки состоялась ее встреча в качестве неофициального представителя правительства Финляндии с полпредом СССР. Столь необычный выбор Хельсинки объяснялся тем, что обе дамы являлись хорошими знакомыми и даже были дружны. Сама же Александра Михайловна, связанная с Финляндией жизненными узами, представлялась ее правительству идеальной кандидатурой на роль посредника в трудных переговорах с Кремлем. С правящей Скандинави-

ей полпреда также сближало совместное участие в дореволюционном европейском социал – демократическом движении. Взятые вместе, это, плюс огромный дипломатический опыт, позволили Александре Михайловне сыграть замечательную роль в проведении сложнейшей операции по поиску путей к установлению мира.¹⁰³ В ходе их первой встречи Вуолийоки сообщила советскому полпреду о готовности финляндской стороны пойти на уступки СССР ради окончания войны, о чем последняя сразу информировала НКВД [64, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 33].

21 января для продолжения контактов с посланницей Хельсинки из Москвы прибыли сотрудники НКВД Б. А. Ярцев (Рыбкин) и А. Г. Грауэр. Согласно полученным инструкциям Вуолийоки подтвердила, что правительство и Сейм Финляндии готовы принять за основу мирного соглашения условия договора СССР с «правительством Куусинена».

Основываясь на этой информации, 28 января Молотов направил Коллонтай для передачи шведам и дальше – финнам следующее сообщение: «Вообще говоря, принципиально мы не исключаем возможность компромисса с правительством Рюти – Таннера. Что касается фактического решения вопроса, необходимо знать меру уступок правительства Рю-

¹⁰³ Будущий президент Суоми У. К. Кекконен отмечал: «Искреннее стремление мадам Коллонтай помочь Финляндии выйти из войны мы вспоминаем с большой благодарностью», а шведский министр иностранных дел К. Э. Гюнтер полагал «счастьем для Швеции, что именно мадам Коллонтай была представителем Советского Союза в Швеции в годы войны» [цит. по: 149, с. 94].

ти, без чего не стоит и разговаривать о компромиссе». Правительство Финляндии предупреждалось, что теперь советские требования пойдут дальше тех, что выдвигались на переговорах в Москве [64, ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2278, л. 26–27]. Благодаря этому шагу были ослаблены позиции наиболее воинственного крыла финляндского руководства, которое видело в продолжении войны и англо-французском десанте единственное спасение, справедливо указывая при этом на категорический отказ Москвы от каких-либо переговоров. Одновременно получили дополнительный стимул миротворческие усилия Швеции и Норвегии.

2 февраля был получен ответ Хельсинки. В нем предлагалось возобновление переговоров. Их исходной точкой должен был стать результат, достигнутый в Москве осенью 1939 г. Допускалась возможность уступки определенных территорий на Карельском перешейке на условии обмена. Однако ответ на самый сложный вопрос – о советской базе на полуострове Ханко – обходился молчанием. В качестве альтернативы было предложено гарантировать безопасность Ленинграда с моря путем нейтрализации Финского залива при помощи международной конвенции. В последних числах января эту идею в личном письме на имя Молотова выдвинул министр иностранных дел Норвегии Хальвдан Кут. Суть ее он сформулировал так: «Три страны – Советский Союз, Финляндия и Эстония – заключают пакт о закрытии Финского залива для иностранных судов и устанавлива-

ют военную взаимопомощь по обороне залива» [64, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 61 а – 61 в].

3 февраля специально прибывший в Стокгольм В. Таннер сообщил А. М. Коллонтай, что предложения не следует считать окончательными и что за ними последует «новое дополнительное предложение». 4 февраля Молотов кратко ответил: «Это не база для переговоров, предложение Кута также считаем неприемлемым» [64, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 61 д; п. 332, д. 2278, л. 39–40].¹⁰⁴ Во время встречи с Коллонтай 6 февраля Таннер сделал обещанное предложение: вместо Ханко Советскому Союзу предлагался остров, расположенный в районе Ханко, в обмен на часть советской территории. В тот же день Молотов ответил, что это предложение «нас не устраивает и тем самым, к сожалению, не является базой для переговоров» [64, ф. 059, оп. 1 п. 332, д. 2278, л. 45]. Узнав 7 февраля о содержании советского ответа, Таннер, по свидетельству А. М. Коллонтай, «был удручен» и просил передать, что новых предложений сделать не может, но ждет, что Москва сообщит свои предложения [64, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 63 в].

Такие предложения последовали в форме ответа Моло-

¹⁰⁴ Кремль просто «закусил удила»: на самом деле, норвежское предложение, основанное на идее военной кооперации трех стран, т. е. предполагавшее возможность использования СССР оборонной инфраструктуры Финляндии на договорных началах, включая Ханко, Аланды и тем более форт Ино, было абсолютно достаточным с точки зрения обороны Финского залива и способствующим установлению прочного мира между Финляндией и Советским Союзом.

това Х. Куту на личное письмо последнего. Нарком «соглашался» с его идеей о трехсторонней конвенции по защите Финского залива, но, опять-таки, при условии предварительной передачи Советскому Союзу Ханко и близлежащих островов, без чего «защита Финского залива со стороны СССР является пустой фразой». Советское руководство требовало также передачи СССР всего Карельского перешейка и северного побережья Ладожского озера. Письмо заканчивалось следующими словами: «Если нынешнее правительство Финляндии не считает возможным пойти на необходимые уступки, то, конечно, было бы лучше заменить его другим, способным пойти на компромисс» [64, ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2278, л. 48–49].

В течение 12 дней эти предложения оставались без ответа. 5 февраля Высший Совет союзников, основываясь на резолюции Лиги наций, принял решение об оказании Финляндии помощи посылкой войск. Это поставило перед ее правительством сложный вопрос о выборе дальнейшего пути. По словам В. Таннера, он выглядел следующим образом: 1) заключить мир с СССР; 2) в случае продолжения войны вести ее с помощью скандинавских соседей; 3) если эта помощь окажется недостаточной, обратиться за помощью к западным державам [84, с. 186, 191]. Финляндское правительство в спешном порядке изучало преимущества и недостатки каждого из вариантов, выясняло действительную готовность и способность скандинавских и западных стран оказать эф-

фективную помощь. В конце концов, не в последнюю очередь под влиянием Швеции, а также Норвегии, выбор был сделан в пользу продолжения переговоров.

22 февраля новый посланник Швеции в СССР П. В. Г. Ассарссон сообщил, что Финляндия стремится к мирному урегулированию конфликта и предлагает Советскому Союзу направить своих представителей в Стокгольм для встречи с финляндской делегацией. В своем ответе Молотов повторил советские условия, названные в письме Куту, и заявил, что переговоры могут начаться только после того, как финны выразят свое согласие на эти условия [64, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 25–28]. В тот же день министр иностранных дел Швеции пригласил А. М. Коллонтай и сообщил, что финны согласны считать советские условия базой для переговоров. Заявление правительства Финляндии от 23 февраля это подтвердило.

27 февраля в Стокгольме по инициативе В. Таннера состоялся второй тур его переговоров с А. М. Коллонтай. Он интересовался, являются ли советские условия ультимативными, возражал против уступок Советскому Союзу Выборга. На прощание Таннер попросил дать срок в несколько дней для изучения вопроса. На это Молотов 28 февраля телеграфировал: «В случае затяжки ответа наши требования будут повышаться» [64, ф. 059, оп. 1, п. 332, д. 2278, л. 66]. Оставляя в стороне вопрос о глобальных последствиях столь жесткой позиции правительства СССР, отметим, что с точки зре-

ния политического момента она была не такой уж неоправданной. И все же, не оспаривая действий наркома по сути, А. М. Коллонтай находила, что его директивы «были нередко составлены не в том тоне, какой мог бы вызвать благоприятный ответ финнов. Категоричность тона носила характер приказа-диктата. Приходилось придавать им более приемлемый тон... Категоричность оставалась, но не в тоне, а в сути [24, с. 496].

Позиция Молотова обуславливалась военным и политическим фоном, на котором происходили стокгольмские дипломатические контакты. Финляндскому правительству эти несколько дней были нужны не только для того, чтобы обсудить советские условия, но и выяснить возможности продолжения войны. Так, в ходе той же поездки в Стокгольм Таннер пытался склонить шведское правительство оказать Финляндии помощь посылкой войск. В случае отказа, предупреждал он, правительство его страны будет вынуждено обратиться за аналогичной помощью к западным державам. В ответ на эту угрозу шведский премьер – министр, стремясь склонить Финляндию к скорейшему достижению теперь уже возможного мира с СССР, предупредил, что его страна и Норвегия не разрешат транзита англо – французского экспедиционного корпуса; если же их мнением пренебрегут, то Швеция вступит в войну против Финляндии на стороне Советского Союза [84, с. 233].

Положение обострилось до предела к началу марта. Швед-

ское правительство делало все возможное, чтобы поддержать жизнь в застывших переговорах. 4 марта во время встречи с Ассарссоном Молотов заявил: «Только из уважения к миролюбивой политике шведского правительства я могу подождать еще несколько дней с тем, чтобы шведское правительство смогло довести свое посредничество до конца. В дальнейшем, если война затянется, условия, выдвигаемые Советским Союзом, могут быть только более жесткими». В заключение беседы Молотов сказал, что в случае упорства финнов СССР «пойдет на окончательное соглашение с финляндским Народным правительством Куусинена» [64, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 32].

Прорыв на дипломатическом фронте произошел 5 марта. В этот день шведский министр иностранных дел сообщил А. М. Коллонтай, что правительство Финляндии безоговорочно согласно на советские требования и ждет от правительства СССР сообщения, где и когда могут начаться переговоры. На время их проведения предлагалось заключить перемирие на базе статус-кво [64, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 109 а-109 б]. 6 марта Ассарссону была передана Памятная записка Советского правительства, в которой говорилось, что поскольку правительство Финляндии приняло все предложения правительства СССР (далее шел их перечень), СССР согласен начать в Москве переговоры о заключении мирного договора и прекращении военных действий [64, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 37].

7 марта в Москву прибыла делегация Финляндии во главе с премьер-министром Р. Рюти. 8 марта в ходе первого заседания Молотов назвал советские условия мира: Финляндия уступает СССР весь Карельский перешеек, включая г. Выборг и Выборгский залив; все побережье Ладожского озера, включая г. Сортавала; сдает СССР в аренду на длительный срок полуостров Ханко и прилегающие к нему острова для создания там военно-морских баз СССР; осуществляет удаление границы в районе Куолаярви от Мурманской железной дороги на 130–150 км; к СССР полностью переходят полуострова Средний и Рыбачий на побережье Баренцева моря. Район Петсамо и залив, как переданные ранее Финляндии, она оставляет за собой.

Финляндская делегация согласилась со всеми условиями, за исключением пункта, относящегося к Выборгу. Об этом было сообщено на заседании 10 марта. В ответ Молотов заявил, что если переговоры затянутся, то советские требования могут быть увеличены. 11 марта финляндская делегация просила прекратить военные действия, но ей было сообщено, что они прекратятся «только одновременно с подписанием мирного договора» [64, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 315, л. 22–25]. У Москвы была причина торопить события: 11 марта МИД Финляндии официально запросил правительства Швеции и Норвегии, разрешат ли они проход англо-французских войск через свои территории. Иными словами, финляндское руководство не исключало возможность срыва переговоров

и продолжения войны. 12 марта оба скандинавских правительства ответили Хельсинки отказом. В тот же день британские и французские посланники в Осло и Стокгольме обратились к соответствующим правительствам с официальным запросом о разрешении на транзитный проход. Однако, как сообщил в выступлении по радио с информацией об этих событиях Х. Кут, официальный запрос западных держав поступил «так поздно, что не было надобности в даче ответа, потому что в эту ночь был подписан мир между Финляндией и Советским Союзом».

Так закончилась 105-дневная война между Финляндией и СССР.

После посещения 13 марта слушаний в Британском парламенте по вопросу о советско-финляндском мирном договоре И. М. Майский записал в дневнике, что «мы вышли из зоны страшной опасности», что он «лишний раз мог убедиться, как велика была опасность интервенции Англии и Франции на стороне Финляндии» и «как вовремя заключили мир» [76, с. 132].

«Хуже чем преступление»

Хотя неправовой характер советской акции в отношении Финляндии очевиден, зачастую ей находят оправдание в стратегической значимости решенных, как полагают, с ее помощью проблем безопасности СССР накануне судьбонос-

ной схватки с фашизмом. Бесспорно, организация защиты Ленинграда была императивом военного времени и прямой обязанностью правительства перед страной. Никакие соображения международно-правового порядка не могли изменить эту данность. Как говорится, тем хуже для международного права. Замечательно просто и точно эту мысль в своих мемуарах выразил Н. С. Хрущев. «Имели ли мы юридическое и моральное право на подобные действия? – вспоминает он вставшую перед Кремлем дилемму. – Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах» [Цит. по: 11, с.161].

Если с морально – правовой оценкой советских мероприятий в отношении Финляндии все понятно, то остается вопрос, насколько оптимальной была эта политика, и существовали ли иные методы обеспечения безопасности Ленинграда.

Советская линия поведения на переговорах, начиная с казуса Ярцева и заканчивая миссией Штейна, представляется практически безупречной как в смысле выбора формы переговоров – неофициальные контакты, которая избавила обе стороны от многих политических неудобств, так и разумной скромности советских пожеланий к Финляндии, учитывавших не только сложный характер партнера по переговорам, но и **реальные потребности обороны СССР**. На этом этапе переговорного процесса ответственность за его

неуспех мы бы целиком возложили на Финляндию.

Иной оценки заслуживают действия Кремля в ходе последнего перед войной раунда советско – финляндских переговоров. Предъявленные кремлевскими руководителями требования выходили далеко за рамки разумных нужд обороны и были заведомо неприемлемыми для Финляндии с учетом как объективных, так и субъективных обстоятельств ее внутривнутриполитической жизни. А учитывать их Москва была обязана. Вырвать у финнов согласие на эти требования можно было только под угрозой войны и советизации. Однако использовать майнильский инцидент в качестве ультиматума и разыграть «козырь Куусинена» не получилось. Общей ценой этих ошибок стала война с чудовищными людскими, материальными, политическими и репутационными потерями.

Могут возразить, что заплатив эту непомерную цену, Сталин все – таки сумел решить главную задачу – добиться от финнов по мирному договору 12 марта всех необходимых уступок в виде баз, переноса границы и т. д. Людям, так рассуждающим, хотелось бы посоветовать иметь в виду, что **конечной целью** всех советских мероприятий на финляндском направлении осенью 1939 – зимой 1940 гг. было все же не приобретение баз и пр., а обеспечение безопасности Ленинграда; а после этого вспомнить о страшной судьбе города, постигшей его через год с небольшим после «победоносного» завершения Зимней войны. Как же такое стало воз-

можным?

Для начала рассмотрим ситуацию на Карельском перешейке, откуда город, якобы, мог обстреливаться даже с территории соседнего государства. Этот смешной аргумент не имеет отношения к реальной оценке стратегической ситуации, поскольку дальность стрельбы тогдашней артиллерии сухопутных войск обыкновенно не превышала 6–9 км, в редких случаях достигая 12–15 км. Для доставшегося финской армии в наследство от царских времен незначительного количества стволов устаревших конструкций эти рубежи были недостижимы. Орудия береговой артиллерии были способны вести огонь на дистанцию 18–23 км, но у Финляндии их имелось всего около трех десятков и они были стационарно установлены в фортах. Расстояние от ближайшего из них на о. Койвисто до Кронштадта равнялось 70 км., а до Ленинграда – порядка 100 км. (Несколько штук орудий сверхкрупных калибров повышенной дальности стрельбы имелись только у Вермахта; они были экзотическим явлением, требовали проведения серьезных инженерных работ для перемещения и установки, включая прокладку специальных железнодорожных путей, и нигде ни разу не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход боевых действий.¹⁰⁵ Будучи размещен-

¹⁰⁵ Нам известно об одной такой пушке (артиллерийском комплексе на железнодорожных платформах с тремя 305 мм стволами) у СССР. Она имела дальность стрельбы 40 км, весила 350 тонн и была с огромным трудом доставлена по железной дороге на Ханко. Как и ее кремлевская сестра, эта царь-пушка не сделала ни одного выстрела по врагу и была брошена при эвакуации базы, т. к.

ными на передней линии, они становились легкой целью для обычных систем вооружений).

Рассуждая серьезно, и 32 км (а так близко граница подходила к Ленинграду всего в одной точке, причем финны соглашались перенести ее на запад на 30 км; обычно расстояние составляло 40–50 км) было вполне достаточно, чтобы создать на своей территории глубоко эшелонированный, практически непреодолимый, – особенно с учетом природно – климатических условий местности, – укрепрайон с дотами, дзотами, надолбами, контрэскарпами, стационарными огневыми позициями, минными полями и проволочными заграждениями. Даже маленькой Финляндии с ее нищим военным бюджетом удалось протянуть две жидкие линии обороны, о которых сам маршал Маннергейм отзывался весьма уничижительно [39, с. 262, 318], но которые в течение изрядного времени сдерживали наступление многочисленных советских войск.

Такой укрепрайон, действительно, начали сооружать еще в 1928 г. К середине 1930-х гг. он представлял собой проходящую в 15–20 км от границы линию фортификационных сооружений (командные пункты, долговременные артиллерийские и пулеметные огневые точки, противотанковые рвы и надолбы и т. д.) и обустроенное предполье. В 1935 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов отдал приказ о строительстве т. н. Передового рубежа – еще одной линии обороны, на

вывезти ее морем не представлялось возможным.

сей раз всего в нескольких сотнях метров от государственной границы. Строительство завершилось к середине ноября следующего года. Были дополнительно сооружены, причем на высоком техническом уровне, 130 командных пунктов и 306 огневых точек, различные противотанковые препятствия и ловушки, минные поля, проложена семирядная проволочная трасса протяженностью 175 км. На одной из рек даже возвели дамбу, чтобы при необходимости затопить местность на танкоопасном направлении на ширину до 500 м и глубину 5–8 м. При проектировании укрепрайона исходили из того, что его оборонительные возможности должны перекрывать наступательные возможности финской армии.¹⁰⁶

1941 год показал, что простой перенос границы по мартовскому мирному договору на сто с лишним километров только ухудшил ситуацию. Ее протяженность увеличилась с 65 км до почти 200, что требовало для ее защиты намного больше войск. Кроме того, фланги старой границы упирались в естественные препятствия в виде вод Финского залива и Ладожского озера. Теперь же северный фланг границы терялся где-то в финских лесах и болотах. В этих услови-

¹⁰⁶ Для сравнения: на фронте протяженностью 140 км «линия Маннергейма» имела, помимо приблизительно 150 деревянно-земляных огневых точек, всего 66 бетонных гнезд, 44 из которых были построены еще в начале 1920 года, по бедности из неармированного бетона низких марок. Их огневые возможности заключались в размещении 1–3, редко 3–5 пулеметов. Артиллерия имелась только в 8 гнездах [39, с. 237]. Сильной стороной этой оборонительной линии было умелое использование рельефа местности.

ях сооружение новой линии обороны требовало длительно-го времени и огромных средств, и к нему даже не приступи-ли. Уступленные Советскому Союзу сто с лишним километ-ров Карельского перешейка в июле – августе 1941 г. финская армия неспешно, щадя свою живую силу, преодолела всего за месяц, пока не уперлась в Передовой рубеж обороны по-стройки 1935–36 гг., где и оставалась до конца войны. С фи-нансовой точки зрения интересны две цифры: Зимняя война обошлась СССР в более чем 7,5 млрд. рублей, а строитель-ство Передового рубежа – 7,5 млн. рублей, т. е. в тысячу раз дешевле [95, ф. 31983, оп. 3, д. 165, л. 57]. На малую толи-ку разницы двух стоимостей можно было соорудить «пере-довые рубежи» хоть на каждом ста метрах Карельского пере-шейка, превратив его в абсолютно неприступную крепость!

При всей важности вопроса о границе в районе перешей-ка, действительным камнем преткновения на переговорах с Финляндией стало требование базы на Ханко. (Тем более что компромисс по первому вопросу наметился и был впол-не достижим). Трагизм ситуации, однако, заключался в том, что для защиты Ленинграда **эта база была не нужна Со-ветскому Союзу вообще**, как по стратегическим сообра-жениям, так и по чисто техническим причинам.

Во времена империи размещение базы Порккала – Удд на входе в Финский залив недалеко от Ханко было оправда-но тем, что острова, все побережье и сама акватория зали-ва являлись частью Российского государства, которую необ-

ходимо было защищать. Одновременно база являлась аванпостом единой системы обороны имперской столицы. Теперь же за Ханко лежали не советские, а финляндские и эстонские территориальные воды, побережье и острова. До Кронштадтского узла обороны было порядка 450 км, и оказать ему поддержку в военно-техническом плане, особенно в зимнее время, Ханко не мог. Кого и что в таком случае он должен был защищать?

С дореволюционных времен принципиально изменилась и *технические* условия материального обеспечения базы. Тогда это не представляло особой трудности, т. к. она размещалась на собственно имперской территории. Теперь же из-за ее удаленности от советских центров снабжения, но главным образом ввиду ненадежности путей доставки, материально – техническое обеспечение Ханко становилось задачей трудно решаемой. В 1941 г. число находившихся там советских гражданских лиц и военнослужащих составило около 30 тысяч человек, которых надо было кормить, одевать, лечить и т. д. Постоянно требовались боеприпасы, топливо, запчасти.

Между тем, на несколько месяцев в году залив замерзал, делая крайне затруднительным снабжение по морю. Оставалась 470-километровая железная дорога Ленинград – Ханко, проходившая по территории Финляндии, и, соответственно, ею контролируемая. Воспользоваться этим путем СССР мог в двух диаметрально противоположных случаях: заключив мирный договор на приемлемых для Финляндии условиях,

либо установив над ней полный военно – политический контроль. Однако в обоих этих случаях вопрос о Ханко снимался: в первом – как условие достижения соглашения, а в последнем – потому что вся страна становилась одним большим Ханко.

Вот почему промежуточное решение а-ля 12 марта 1940 г. было *априори* провальным. Раненая, но не добитая в ходе войны Финляндия сохраняла способность в любой момент перерезать железную дорогу, чтобы сделать базу небоеспособной и выжить ее со своей территории. Поэтому в варианте мирного договора 1940 г. проблема Ханко решения не имела. Фактическая история базы является тому подтверждением. После начала войны в 1941 г. она была блокирована со стороны суши отрядами финляндской армии и шведских добровольцев. Просуществовав до поздней осени, так и не сделав ни одного залпа по германским вооруженным силам,¹⁰⁷ с конца октября по начало декабря 1941 г. с огромным трудом и тяжелейшими потерями (погибли и попали в плен 5000 человек, подорвался на минах 21 корабль) база была эвакуирована. К этому времени нормы продуктового довольствия военнослужащих стали весьма скудными; в следующие два – три месяца базе угрожал голод.¹⁰⁸

¹⁰⁷ Дело ограничилось артиллерийскими перестрелками с беспокоившими базу финнами.

¹⁰⁸ При заключении мирного договора с Финляндией 1947 г. Сталин настоял на предоставлении СССР базы в районе Порккала-Удд, от права аренды которой советское военно-политическое руководство отказалось в 1956 г. в рамках курса

Политически достижимым и абсолютно достаточным, с военной точки зрения, для защиты Ленинграда было создание рубежа обороны на линии форт Ино – о. Суурсаари – форты Красная Горка/Серая Лошадь с опорой на Кронштадт, а также с минированием северного и южного фарватеров, огибающих о. Котлин и являющихся единственно возможными проходами в Невскую бухту. Вдобавок к этому можно было бы воспользоваться идеей Х. Кута о совместной защите Залива силами СССР, Финляндии и Эстонии. Даже для решения выходящей за рамки разумных потребностей обороны, а потому надуманной задачи полностью запломбировать горло Финского залива, абсолютизация значения береговой артиллерии, стало быть, Ханко, в 1940 г. выглядела уже анахронизмом. Появились новые, и куда более эффективные, средства борьбы с надводными кораблями – штурмовая авиация и подводные лодки. Кроме того, полностью сохраняли свое значение два других компонента традиционной системы обороны – установка минных полей и действия надводного флота.

В 1941 г. это с блеском доказали Люфтваффе и Кригсмарине, которые быстро «загнали за Котлин» весь Балтийский флот и заперли его в Кронштадте чуть ли не до конца войны. Для этого оказалось достаточным сделать несудоходными оба фарватера возле Кронштадта путем сброса с самолетов 25 тяжелых (около тонны каждая) донных магнит-

ных мин. Операция была осуществлена в первые три – четыре дня войны силами трех десятков бомбардировщиков и незначительного числа небольших военных кораблей – минных заградителей. Затем немцы установили в заливе еще порядка тысячи двухсот обычных морских мин, а финны – одной тысячи; позже фарватеры возле о. Котлин дополнительно перегородили противолодочными сетями, после чего прорывы надводных кораблей и подлодок Балтфлота из Кронштадтской базы в залив носили уже единичный характер. И все!

С учетом сказанного, при ширине горловины залива всего 76 км и уже достигнутом с Эстонией соглашении о базировании подразделений советских военно-морских и военно-воздушных сил на ее территории в районе Таллинна и на островах Сааремаа и Хийумаа, зацикленность Москвы на Ханко выглядит как *idée fixe* Кремля.¹⁰⁹ В ходе последнего раунда переговоров финны тщетно пытались убедить Сталина, что создание узла обороны на рубеже Ино – Суурсаари – Красная Горка – Кронштадт будет достаточной защитой для Ленинграда, и поэтому Ханко не нужен. Таково было действительное мнение маршала Маннергейма, высказанное им на правительственном совещании по вопросу о советско-фин-

¹⁰⁹ Подлетное время для авиации, базировавшейся на аэродромах в Эстонии, до неудобного для судоходства северного фарватера в районе Ханко составляло менее получаса; надводные корабли и подлодки покрывали это расстояние за два – три часа. Основной, южный, фарватер контролировался с эстонских баз полностью.

ляндских переговоров.

Таким образом, оба ключевых требования Москвы, которые пустили переговоры под откос и открыли эпоху советско – финских войн 1939–1944 гг., были с точки зрения обороны Ленинграда на момент их предъявления чрезмерными и в этом отношении бессмысленными, а в чуть более отдаленной перспективе – просто контрпродуктивными. В то же самое время, последние предложения Финляндии шли гораздо дальше советских требований 1938 – апреля 1939 гг. и, бесспорно, могли стать основой соглашения сторон. Вся информация, необходимая для принятия правильного решения, открыто лежала перед Сталиным и Молотовым на столе. Однако вождя и его политического денщика, ухвативших нацистского «бога» за бороду, обуяло неудержимое холопское желание примерить сапоги русских императоров – завоевателей. Эта примерка стоила советскому народу двух войн, на которых погибли порядка 250 тысяч человек, а жертвами ранений, обморожения и болезней стали еще 380 тысяч.¹¹⁰

Таковы итоги и цена «укрепления» безопасности СССР на северо-западном направлении по – сталински. В отличие от всех апологетов их политики, вольных в силу политических пристрастий или невольных в силу плохого знания предмета, сами кремлевские лидеры еще до окончания Зимней войны осознали, в какой стратегический тупик они собственными действиями завели СССР. Молотов, конечно, мог дура-

¹¹⁰ Приведена наиболее консервативная оценка потерь, но существуют и иные.

чить депутатов на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г., заявив: «Заключение мирного договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря».

Казалось бы, действительно, СССР по праву победителя получил от Финляндии все, что только мог пожелать, и уж конечно намного больше, чем запрашивал на переговорах осенью 1939 г. Однако фактор военной силы, создавая у Кремля иллюзию вседозволенности и развращающе влияя на советскую внешнюю политику, сыграл с ним злую шутку. Проблема заключалась как раз в том, что выбитые из Хельсинки уступки были чрезмерными, если целью ставилось создание обстановки безопасности и спокойствия на советско-финской границе, но совершенно недостаточными для «окончательного решения финляндского вопроса». Садящийся между двух стульев неизбежно окажется на полу. Было очевидно, что выжившая Финляндия не смирится со столь тяжелыми потерями и при первой же возможности постарается отыгратья, опираясь на поддержку победителя в войне на западе континента. Станет ли им Германия или англо – французская коалиция, значения не имело.¹¹¹

¹¹¹ 24 марта 1940 г. Лондон заявил, что в случае своей победы союзники добьются пересмотра условий советско – финляндского мирного договора [См.: 16, с. 496]. Со своей стороны, Берлин советовал Хельсинки пойти на любые уступки Советскому Союзу, поскольку в скором времени они будут аннулированы в результате нападения Германии на СССР [84, с. 229].

Теоретически, у Москвы было на выбор два пути выхода из сложившейся ситуации: замирииться с обиженным соседом, либо, наоборот, добить его. На практике, весной 40-го года ни то, ни другое, было невозможно. Выбор в пользу мира подразумевал снижение до приемлемого для Финляндии уровня советских требований к ней, выдвигаемых в ходе мирных переговоров, и предложение компенсации за сделанные ею уступки. Но в этом случае Сталин должен был бы ответить на вопрос всей страны: «А ради чего тогда воевали и пролили столько крови?» (Недоумение у части советского общества вызвало даже поспешное заключение половинчатого мартовского мира после того, как удалось справиться с «линией Маннергейма»). Хорошего ответа на этот вопрос у вождя не было. С другой стороны, добить Финляндию при сохранении существующего международного положения тоже не получалось из-за англо-французской угрозы, и не только. Опять же, скорая повторная война была бы равносильна признанию провала предыдущей политики и обошлась бы непомерно дорого с внутривнутриполитической точки зрения.

Неожиданно в конце этого тупика появился просвет: проект создания оборонительного союза трех скандинавских стран – Швеции, Норвегии и Финляндии.¹¹² Идея союза витала уже много лет и была актуализирована Хельсинки еще до окончания Зимней войны в ходе поисков концепции бу-

¹¹² После германской оккупации Норвегии шведско-финляндские консультации по вопросу о создании союза продолжались.

душей безопасности. Идея встретила понимание в Швеции – наиболее сильной в военном отношении из трех стран, к тому же твердо нацеленной на вооруженную защиту скандинавского нейтралитета.

Такой союз явился бы серьезным фактором укрепления безопасности и самого СССР, поскольку гарантировал, что Финляндия не будет искать опоры на помощь со стороны великих держав, что в Москве рассматривали как потенциальную угрозу. Кроме того, промосковская, по существу, позиция, занятая Швецией и Норвегией во время Зимней войны, давала гарантию, что, будучи членом союза, Хельсинки откажется от идеи реванша за понесенное поражение. Собственно говоря, это было предварительным условием финского участия в союзе, выдвинутым Стокгольмом и Осло, и финны с ним сразу же согласились. 25 октября 1940 г. во имя реализации проекта союза правительство Финляндии официально подтвердило, что не вынашивает враждебных СССР планов, и в своих отношениях с ним исходит из условий и границ, установленных действующим мирным договором.

Создание скандинавского союза, помимо замирения Финляндии, практически снимало возможность появления вблизи советской северо – западной границы войск Германии. Такая попытка обошлась бы ей очень дорого, учитывая оборонительный потенциал скандинавов, сложные природно – климатические условия театра военных действий, лишавшие Вермахт его главного преимущества – маневренно-

сти, а также фактически гарантированную помощь, включая и военную, со стороны Великобритании, США, и, наверно, самого Советского Союза. Нападение Германии на Финляндию как члена скандинавского оборонительного союза стало бы также нарушением советско – германских договоренностей о разделе сфер влияния. Наконец, оказались бы прерванными поставки в Рейх упомянутых ранее важнейших видов стратегического сырья. Таким образом, за скандинавскую овчинку Берлину пришлось бы заплатить тройную или даже четверную цену. Вряд ли она стоила такой дорогой выделки; и не случайно, что берлинская дипломатия всячески противодействовала идее союза [146, р. 425–426, 598].

По логике в Москве должны были ухватиться за появившуюся возможность выбраться из затруднительного положения задешево и без потери лица. Однако 20 марта появилось Заявление ТАСС, в котором говорилось, что «подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным Договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с. г.» [21, с, 163]. Мало того, следом Молотов «вызвал на ковер» посланников Швеции и Норвегии и в угрожающем тоне посоветовал забыть про идею союза, повторив затем это требование в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР 29 марта.

«Соппротивление Советского Союза созданию такого оборонительного альянса было ошибкой, – резонно утверждал маршал Маннергейм. – Как показало дальнейшее развитие

событий, отказ от него пошел на пользу только Гитлеру, нападение которого на Скандинавию не встретило совместного сопротивления Швеции и Норвегии. [...] Оборонительный союз автоматически привел бы нас на сторону противников Германии [...] Разрушив планы создания оборонительного союза, СССР фактически содействовал тому, что немцы захватили плацдарм на норвежском побережье Северного Ледовитого океана. Оттуда они стали угрожать Мурманску...» [39, с. 348–349]. Стоит добавить, что позже норвежский плацдарм позволил Германии топить союзные конвои с ленд-лизовой помощью для СССР. Недоумевал и Паасикиви: «Резко отрицательную позицию Кремля мне было, как и многим другим, трудно понять. Я не мог не считать это ничем иным, как ошибкой. Оборонный союз Финляндии и Швеции не стал бы ни в малейшей степени угрозой Советской России. Напротив, он явился бы в значительной мере прямо-таки укреплением мирной обстановки с этой стороны на границе Советского Союза» [цит. по: 92, с. 28]. Такого же мнения придерживался последовательный сторонник добрососедских отношений с СССР, председатель комиссии Сейма по иностранным делам В. Войонмаа: «[Я] всегда выражал всем советским представителям свое недоумение по поводу неодобрительного отношения Советского Союза к сотрудничеству Финляндии и Швеции в интересах обеспечения их нейтралитета, хотя для всех должно быть аксиомой, что уж кто-кто, а Швеция стоит за мирные добрососедские отноше-

ния Финляндии с Россией, и что Финляндия, став партнером Швеции, не соскользнет на юг (т. е. в объятия Германии. – *Авт.*)» [61, с. 17]. С финскими политиками был солидарен резидент советской разведки в Хельсинки Е. Синицын: «Большую ошибку совершило руководство Советского Союза, когда в декабре 1940 года¹¹³ не поддержало (статья мирного договора с Финляндией позволяла это сделать) вступление Финляндии в союз со Швецией и Норвегией в целях обеспечения их нейтралитета на случай попыток нарушить его со стороны немцев. Такой союз со Швецией, которая, как известно, всегда стояла за добрососедские отношения Финляндии с Советским Союзом, мог бы стать гарантом того, что Финляндия не присоединится к Германии в ее войне против СССР. Кто был в этом случае советником Сталина – Вышинский? Громько? Молотов? Отказать Финляндии во вступлении ее в такой союз? Того советника следовало бы высесть розгами, думал я» [124, с. 103].

Говоря об ошибке, маршал, будущий президент и др. рассуждали в логике нормальных государственных деятелей, поставленных перед задачей обеспечить военную безопасность страны. Кремлевские «стратеги» действовали в ином логическом измерении. Задавшись ложной – с точки зрения национальных интересов – целью подчинения Финлян-

¹¹³ Здесь очевидная хронологическая и смысловая путаница. Идея союза трех стран была заблокирована СССР в марте 1940 г., а в декабре, когда Норвегия уже была оккупирована Германией, Москва выступила против родившегося в качестве развития идеи союза проекта государственной унии Швеции и Финляндии.

дии «ползучим» ли путем, или в результате повторного нападения на нее, они всячески стремились добиться ее полнейшей международной изоляции. Весь год после окончания финской кампании кремлевские лидеры, угрожая войной, удерживали Хельсинки от вступления в скандинавский союз, преступно запрограммировав, тем самым, советско-финскую войну 1941–1944 гг. и блокаду Ленинграда с их неисчислимыми жертвами. Отмели они и предпринятую в марте 1941 г. британским послом в СССР С. Криппсом попытку убедить их согласиться на идею союза [91, с. 491].

Когда же в апреле 1941 г. на советско-германской границе слишком сильно «запахло жареным», и провал попыток подчинить Финляндию стал очевиден, в Кремле, по некоторым данным, вспомнили об идее шведско – финляндского оборонительного союза.¹¹⁴ Однако было уже слишком поздно: Хельсинки он более не интересовал ввиду далеко зашедшей подготовки войны реванша, скоординированной с германским нападением на СССР.

Можно было сделать еще один шаг навстречу Хельсинки – поддержать его стремление добиться от Лиги наций пересмотра демилитаризованного статуса Аландских островов. Подобное предложение СССР сам уже несколько раз делал Финляндии на переговорах 1938–1939 гг., т. е. ничего «антисоветского» в этих планах не усматривал даже всегда и

¹¹⁴ 17 апреля Е. Сеницын, по свидетельству В. Войонмаа, «преподнес мне сюрприз, заявив, что... в Москве решено этот вопрос еще раз обсудить» [61, с. 18].

всех подозревавший вождь. Напротив, исходя из того, что скандинавский союз – объективно – становился передовым рубежом обороны СССР от любой возможной агрессии с запада, ремилитаризация Аландов, которые защищали побережье Швеции и Финляндии в Ботническом заливе, была в интересах самого Советского Союза.

В действительности события приняли совершенно иной оборот. Советское руководство взяло в отношении Финляндии воистину поразительный по своей бессмысленности и контрпродуктивности курс постоянной демонстрации враждебности.¹¹⁵ Всего через неделю после подписания мирного договора СССР нарушил установленную новую границу между двумя странами и занял войсками пограничный поселок Энсо (ныне Светогорск) с целью завладеть крупнейшим целлюлозно-бумажным комбинатом, чьи производственные мощности по целлюлозе равнялись половине таковых в Советском Союзе. Тогда же в марте СССР совместно с Германией торпедировал план создания скандинавского оборонительного союза, о чем говорилось выше. Спустя 17 дней после подписания мирного договора с трибуны Верховного

¹¹⁵ Давая этому курсу оценку в конце июля 1940 г., германские политические аналитики честно признавались, что им непонятно, какие цели при этом могут преследоваться советским правительством. Шуленбург докладывал в Берлин, что «советское отношение к Финляндии характеризуется тем, что правительство СССР держит эту страну под давлением все новых каких-то требований» и что «дальнейшие намерения советского правительства относительно Финляндии полностью неясны» [82, p.331].

Совета СССР прозвучала недвусмысленная угроза лишить Финляндию государственной самостоятельности, облеченная в форму закона о создании Карело-Финской ССР, во главе которой поставили все того же Куусинена. В мае нарком обороны Ворошилов приказывает сформировать к 10 июля особую карело – финскую стрелковую дивизию численностью 9000 человек – явно для участия в предстоявших в Финляндии событиях. В начале июля Молотов, по существу, открыто заявил об этих планах, потребовав от финнов отказаться от строительства на Карельском перешейке нового оборонительного рубежа взамен утраченной «линии Маннергейма». В начале июня он противоправно потребовал от Хельсинки «возвращения» всего имущества, движимого и недвижимого, государственного и частного, эвакуированного финнами с территорий, отошедших к СССР по мирному договору. 14 июня самолеты советских ВВС умышленно сбили рейсовый пассажирский самолет финской авиакомпании «Аэроб», за что даже не были принесены извинения. 23 июня советское правительство потребовало передать СССР концессию на никелево-молибденовые рудники Петсамо. 27 июня СССР выступил против ремилитаризации Аландских островов, соглашаясь на нее только в случае своего участия. 2 июля СССР потребовал предоставить ему право транзита войск и военных грузов по территории Финляндии до Ханко. Также от Хельсинки потребовали прокладки железной дороги между финскими городами Кемиярви и Салла. До-

рога насквозь разрезала Финляндию на две части – северную и южную, и в случае войны могла быть использована для быстрой переброски советских войск и удобства их снабжения.¹¹⁶ В июле – августе промосковские агенты из действовавшего по директивам Коминтерна т. н. «Общества мира и дружбы с СССР» инициировали в различных городах страны уличные беспорядки с лозунгом отставки правительства. Тогда же Молотов грубо вмешался во внутренние дела Финляндии, потребовав вывода В. Таннера из состава правительства; 16 августа министр был вынужден оставить свой пост.

В результате этих претензий и угроз в отношениях между двумя странами к середине лета 1940 г. создалась обстановка кризиса, живо напоминавшая Хельсинки ситуацию в Прибалтике накануне предъявления советских ультиматумов всего двумя месяцами ранее. «Народ, – вспоминал Маннергейм, – в этой серии нажимов увидел начало такого же спектакля, какой был разыгран на южном берегу Финского залива» [39, с. 353]. Не кончающиеся нападки Москвы вынудили Финляндию искать спасение у Германии. Стремясь заручиться ее поддержкой, в Хельсинки, по словам финского министра иностранных дел Р. Й. Виттинга посланнику Блюхеру, взяли курс на «сформирование правительства, ориентированного исключительно на Берлин». Чтобы «не разбу-

¹¹⁶ Дорога действительно была построена, но воспользовались ею уже немцы после начала Великой Отечественной войны, что позволило Вермахту быстро выйти на опасно близкие рубежи к Мурманску и Мурманской железной дороге.

дить советскую собаку», Блюхер посоветовал скрытный образ действий. [82, р. 121–122]. Германию беспокоила угроза нового нападения СССР на своего соседа, о которой Кейтель доложил Гитлеру 10 августа. Уже через два дня фюрер принял решение разрешить поставку вооружений Финляндии, а также рассмотреть другие возможности ее не прямой поддержки и ободрения [82, р. 460, 467].

Одной из таких мер стало соглашение о военном транзите. В августе 1940 г. правительство Финляндии приняло предложение Берлина начать переговоры о пропуске через территорию страны военных грузов и подразделений Вермахта из Рейха в северную Норвегию (район Киркенеса) и обратно. 22 сентября соглашение о транзите было подписано. Оно имело для Финляндии известное практическое значение, т. к. Берлин был готов расплачиваться поставками столь необходимого финской армии оружия.

Главной все же была политическая сторона вопроса, поскольку соглашение о транзите по существу являлось договоренностью о германской гарантии безопасности Финляндии от нападения со стороны СССР. Гарантия возникала не из военной мощи следующих транзитом в три этапа подразделений общим числом 5538 человек, включая раненых, больных и отпускников, а из самого факта их присутствия: в случае начала боевых действий в Финляндии СССР должен был учитывать опасность задеть подразделения Вермахта со всеми вытекающими последствиями. Более того, в

условиях боевых действий сам транзит становился невозможным, что больно ударяло по германским интересам и могло вызвать серьезное напряжение в отношениях между Берлином и Москвой. Соглашение о транзите, таким образом, связало Кремлю руки в отношении Финляндии. Вот почему на ноябрьских переговорах с Гитлером в Берлине Молотов с такой настойчивостью требовал от того вывода германских войск из страны. Маннергейм полагал, что если бы это соглашение не было достигнуто, «уже осенью 1940 года мы стали бы жертвой новой агрессии» [39, с. 358]. Такого же мнения придерживалось и командование Вермахта [82, р. 460].

Маршал был не далек от истины и ошибся только в вопросе о сроках планируемого нападения. Первый раз идея повторной кампании против Финляндии родилась вскоре после Зимней войны, в недели «военной паники» мая – июня 1940 г., о которой упоминалось в Главе 4. Полагая германское нападение на СССР скорым и в высшей степени вероятным и руководствуясь новой концепцией «активной обороны», командование Балтфлота принялось разрабатывать планы упреждающих мероприятий в зоне своей ответственности, которой являлись Восточная Балтика и Финляндия. В докладных записках, направленных командованием флота в Главный морской штаб в первых числах июля 1940 г., предлагались, например, «...захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно... Наступление наших сухопутных сил на север от базы Ханко и

на запад от Выборга (т. е. на Хельсинки. – *Ред*)... Немедленно, в этом же году, получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами – вплоть до войны» и даже «решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем» [см.: 96, с. 219]. Представляется очевидным, что эти наполеоновские планы, официально предлагавшиеся флотским начальством, подпитывались общим настроением в политических и военных верхах.

Можно предположить, рискуя, впрочем, ошибиться, что в тот раз «спасла» Финляндию Румыния: внимание Москвы переключилось на решение бессарабского вопроса, а одновременно вести две локальные войны было слишком накладно с материальной и политической точек зрения. Тем более что паника постепенно улеглась, и стратегическое планирование на финляндском направлении вернулось в обычное русло. 18 сентября 1940 г. Наркомат обороны и генштаб РККА представили Сталину в виде «Записки» предложения, предусматривавшие окончательный военный разгром Финляндии и оккупацию всей ее территории [103, док. № 118; 45, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 138–156]. Политически примечательно, что Записка ни в малейшей степени не увязывала эту кампанию с задачей противодействия попыткам армий третьих стран использовать финляндскую территорию для нападения на СССР. Речь шла исключительно о разгро-

ме вооруженных сил самой Финляндии. 5 октября Сталин в целом одобрил предложения Тимошенко и Мерецкова и вернул Записку на доработку с учетом ряда своих замечаний. К 25 ноября окончательный вариант Записки был подготовлен; при этом поставленные перед РККА задачи на финляндском направлении остались практически без изменений. Командованию ЛенВО предписывалось разработать детальный план операции к 15 февраля 1941 г.

Исполняя директивные указания, штаб округа доработал и в январе 1941 г. представил руководству страны план новой войны против Финляндии, в соответствии с которым РККА и Балтфлот незамедлительно, но скрытно приступили к выполнению всего комплекса подготовительных мероприятий. Предусматривая нанесение основного удара со стороны советско – финской границы, план предлагал «этот удар сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко», для чего гарнизон базы усиливался путем переброски на нее дополнительно 1–2 дивизий [45, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 138–156]. Предложение было принято, и директивой штаба округа гарнизону базы предписывалось «обеспечить сосредоточение и высадку подходящих частей в порт Ханко» [95, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 1]. К обороне Ленинграда все это, однако, не имело никакого отношения.

Одновременно с военными приготовлениями Москва раздувала политический конфликт с Хельсинки. Второй за год пик кризиса пришелся на декабре 1940 – январь 1941 гг.,

когда Кремль резко взвинтил ставки в развязанной им войне нервов. Советские требования к Финляндии и следовавшая за ними ритуальная угроза рассматривать отказ подчиниться едва ли не как объявление войны сыпались как из рога изобилия. В беседах с Паасикиви 6 и 18 декабря Молотов предупреждал посланника, что реализация проекта шведско – финляндского оборонительного союза перечеркнет мирный договор между Финляндией и СССР. Также нарком заявил, что «в интересах мира» советское правительство не желает участия в предстоявших президентских выборах видных политических деятелей – В. Таннера, К.-Г. Маннергейма и П. Э. Свинхувуда, и «считает неприемлемым» избрание кого-либо из них на этот пост. Жестко ставился вопрос о Петсамо, уступок по которому Молотов в угрожающем тоне требовал от финнов уже много раз. В те же дни заместитель наркома С. А. Лозовский потребовал прекратить преследование «Общества мира и дружбы с СССР», а также ослабить полицейский контроль за деятельностью советского полпредства в Хельсинки. Вопросы Петсамо, обстановки вокруг полпредства, а также ускорения строительства железной дороги Салли – Кемиярви были подняты первым заместителем наркома А. Я. Вышинским в беседах с Паасикиви 18 и 30 декабря.

В январе 1941 г. СССР денонсировал подписанный 28 июня 1940 г. советско – финляндский торговый договор.¹¹⁷

¹¹⁷ При том, что у СССР имелись справедливые претензии к выполнению до-

Фактически это означало установление экономической блокады, поскольку в условиях прекращения торгового судоходства на Балтике единственным поставщиком основных товаров финляндского импорта, – зерна и бензина, оставался Советский Союз. Наконец, 18 января 1941 г. из Хельсинки отзывается полпред, что на языке дипломатии военного времени было равносильно предупреждению о готовности прибегнуть к самым решительным мерам.

По замыслу Кремля, в результате оказанного на нее давления Финляндия должна была запаниковать и капитулировать перед советскими требованиями. В очередной раз вышло иначе, чем планировали в Москве. Стойкости финнам добавляли германские транзитные гарантии, а также информированность об обнадеживающих для них итогах обсуждения финляндского вопроса на советско-германских переговорах ноября 1940 г.¹¹⁸ Единственным результатом попытки экономического удушения Финляндии стала ориентация 90 процентов ее импорта на Германию. Та согласилась возместить Финляндии выпавшие объемы импорта из СССР путем реэкспорта все тех же, надо полагать, советских зерна и бензина, поставляемых в саму Германию.

Итак, выбирая между мирным и немирным путями выхода из «финляндского тупика», Сталин и Молотов выбрали

говора финляндской стороной, главная причина этого шага все же лежала, по всей видимости, в сфере политики.

¹¹⁸ 12 ноября Финляндия обратилась к Германии с просьбой «укрепить ее позиции» на начинавшихся переговорах с Молотовым [146, р. 527].

войну. Этот выбор подразумевал необходимость решительных действий по окончательному разгрому финского соседа летом – осенью 1940 г., поскольку тогдашняя ситуация в Европе давала такой шанс. В дни «военной паники» мая – июня, как указывалось выше, рождается идея превентивного удара по Финляндии. Однако паника быстро улеглась, и весь 1940 год после 12 марта Москва двигалась по порочному пути «ни войны, ни мира», заводившему ее все дальше в стратегический тупик. Как выразился историк М. С. Солонин, выбрать мир не хватило государственной мудрости, а выбрав войну, не хватило политической смелости довести дело до конца. В области же публичной политики после кризиса начала 1941 г. отношения между двумя странами стабилизируются, правда, на очень низком уровне. (В феврале Ю. Паасикиви вышел в отставку и, таким образом, оба дипломатических представительства остались без своих глав).

Внезапно в середине апреля советское стратегическое планирование в отношении Финляндии совершает разворот на 180 градусов. В Директиве НКО от 11 апреля впервые после 1935 г. перед войсками ЛенВО и Балтфлотом ставятся сугубо оборонительные задачи по защите государственной границы и обеспечению безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги, хотя всего десятью днями раньше предыдущая директива требовала от них решительных наступательных действий. Совершенно очевидно, что это стало частным проявлением смены общей советской страте-

мы, о чем будет сказано ниже, в гл. 7.

Переоценка стратегической ситуации повлекла за собой перемены и в официальной политике: Москва весьма неожиданно берет в диалоге с Финляндией примирительный тон. Это выразилось в возвращении в Хельсинки полпреда,¹¹⁹ в намеках на готовность вернуться к вопросу о создании шведско – финляндского союза, а также в прекращении по сути подрывного вещания на Финляндию Московского радио. Наконец, в беседе с Ю. К. Паасикиви 30 мая 1941 г. Сталин заявил о готовности поставить соседу 20 тысяч тонн зерна, что и было вскоре сделано.

Однако изменить что – либо по существу это уже не могло. Неразумные действия Кремля на протяжении всего года предоставили Берлину не одну возможность выставить себя верным союзником и спасителем финского народа от советской военной угрозы и голодной смерти. В течение многих месяцев Москва буквально заталкивала Финляндию в германские объятия. И это ей удалось настолько, насколько сам Хельсинки был готов к сближению с Берлином: 7 июня 1941 г. на дальнем севере страны по соглашению с ее правительством началось развертывание двух немецких дивизий. Это стало началом осуществления плана скоординированных действий Финляндии и Германии в войне против СССР.

Тем не менее, после 22 июня еще можно было попытаться-

¹¹⁹ Им стал более приемлемый для финнов, чем И. С. Зотов, П. Д. Орлов. В свою очередь, Хельсинки вернул в Москву Паасикиви.

ся отыграть ситуацию назад, предложив существенно пересмотреть военно – политические и территориальные итоги Зимней войны, чтобы удержать Хельсинки на платформе мира. Отсутствие боевых действий между СССР и Финляндией в течение трех дней, 22, 23 и 24 июня, давало такую возможность, а приказ Ставки Главного командования границу «не переходить и не перелетать» как будто намекал на вероятность выдвижения мирных инициатив. Существует историческая версия, будто бы 22 июня Молотов получил указание от Сталина срочно поручить полпреду в Хельсинки выйти на президента Финляндии и на премьера и сообщить им, что если Финляндия не вступит в войну, то СССР будет готов пересмотреть Московский договор марта 1940 года и вернуть перешедшие к нему территории; однако в течение четырех дней дипломат, якобы, не мог пробиться на прием к финляндским руководителям с этой информацией, а 26 июня президент Рюти объявил войну [140].

Эта версия выглядит абсолютно неправдоподобной. Опубликованные дипломатические документы не содержат ни одного упоминания о таком поручении, ни прямого, ни косвенного. Кроме того, в то время в Москве продолжала находиться финляндская дипломатическая миссия, т. ч. у Молотова была возможность продублировать свое предложение через нее. Наконец, к услугам наркома были международные посредники в лице правительств и дипломатов Швеции, Великобритании и США – трех самых важных для Финлян-

дии стран. Однако ничего сделано так и не было. Между тем, ссылаясь на информацию, поступившую к нему из финляндской дипмиссии, шведский посланник В. А. Ассарссон в беседе с С. А. Лозовским 24 июня предупредил, что власти в Хельсинки ищут только повода, чтобы оправдать перед своим народом запланированное нападение на СССР [31, с. 27].

Такой повод у них появился 25 июня, когда, выполняя новую директиву Ставки, советские ВВС, вновь без объявления войны и предъявления претензий, подвергли авиаударам финляндские аэродромы с задачей уничтожения якобы базирующихся на них самолетов ВВС Германии, имевших намерение совершить налет на Ленинград. В действительности, как утверждает М. Солонин, на территории всей Финляндии тогда находилось только 18 самолетов Люфтваффе, среди них ни одного бомбардировщика [96, с. 393].

Заодно с налетами на аэродромы советские самолеты отбомбились по некоторым промышленным и транспортным объектам и, главное, по жилым кварталам ряда финских городов; тем самым официально Хельсинки представилась замечательная возможность объявить уже запланированную войну реванша с СССР битвой за спасение Отечества и сплотить вокруг этого лозунга финский народ. Вечером того же дня Сейм Финляндии принял решение считать страну находящейся в состоянии войны с СССР. Выступая на следующий день по радио с объявлением войны, президент Р. Рюти мотивировал это решение таким образом: «... Сейчас, когда

Советский Союз в связи с войной между Германией и СССР распространил свои военные действия на территорию Финляндии, нападая на мирных жителей, наш долг защищаться, и мы сделаем это решительно и единодушно, всеми имеющимися в нашем распоряжении моральными и военными средствами». «Война – продолжение», как ее называют в Финляндии, началась.

Следует сказать несколько слов в отношении статуса Финляндии в советско – германской войне и т. н. «войне – продолжения». Сама Финляндия в первом случае считала себя нейтральным государством, а во втором – жертвой нападения. Разумеется, в строгих понятиях Гаагских конвенций нейтральный статус страны был фикцией, т. к. на ее территории, включая территориальные воды, и по соглашению с ее правительством одновременно присутствовали вооруженные силы обеих находившихся в состоянии войны держав.

В такой ситуации под «нейтралитетом» остается понимать неучастие страны в их военных планах и мероприятиях. Это условие Финляндия не выполнила, и выполнить не могла, приняв решение о вооруженном способе урегулирования своих территориально – политических проблем с СССР. Несмотря на успешные в ряде конкретных случаев усилия финнов дистанцироваться от военных целей Германии, например, в отношении захвата и тем более разрушения Ленинграда, стратегическое партнерство в смысле общей координации планов и взаимного использования возможностей,

создаваемых действиями войск «брата по оружию», было объективно неизбежным. Имелись многочисленные примеры сотрудничества двух армий и на более низком практическом уровне. Окончательно скомпрометировали даже этот ущербный «нейтралитет» переход финскими войсками границы 1939 г. и оккупация ряда собственно советских территорий, какими бы соображениями эти действия ни оправдывались. Поэтому в рамках Второй Мировой войны будет правомерно считать Финляндию союзницей Германии.

Что касается «войны – продолжения», то неразумное решение советского командования об авианалетах на Финляндию и, в особенности, о бомбардировке гражданских объектов, действительно, дало ее руководству возможность выставить свою страну жертвой неспровоцированной агрессии со стороны СССР, тем более предпринятой без предупреждения и объяснения причин. Это давало некоторые основания рассматривать действия финской армии, начиная с момента объявления войны СССР и до выхода на границу 1939 г., как ответ на неспровоцированную агрессию, в результате которого Финляндия возвратила незаконно отнятые у нее в 1940 г. территории. США и Великобритания, уже фактически являвшиеся военными союзниками СССР, признали эти действия Хельсинки правомерными. И если бы финская армия остановилась на границе 1939 г., то после окончания второй мировой войны она вполне могла там и остаться, обнуляя тем самым все советские завоевания в войнах с Фин-

ляндией 1939–1944 гг. и обесмысливая все жертвы, на которые обрекли страну и народ Сталин и Молотов.

Спустя месяц с небольшим кремлевский вождь спохватился и через американского президента Ф. Д. Рузвельта передал – таки финнам предложение о мире. Это предложение было облечено в форму письма президенту от 4 августа 1941 г., в котором говорилось: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии [...] Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с ней новый мирный договор» [97, с. 3]. Предложение явно запоздало: через двадцать пять дней финская армия сама вернула утерянные по договору 1940 г. земли.

Единственным средством вывести Финляндию из войны стало бы своевременное предложение о возвращении к *статус кво*, существовавшему на 30 ноября 1939 г., (по возможности включая достигнутые на Московских переговорах 1939 г. договоренности). Поскольку именно это официально провозглашалось целью финляндского участия в войне, ее продолжение в глазах финского общества в таком случае теряло смысл, что с высокой степенью вероятности могло конвертироваться сначала в перемирие, а затем и подписание нового мирного договора с СССР. За это высказывалась значительная часть политической Финляндии, и даже в войсках было распространено нежелание переходить грани-

цу 1939 г. Советское предложение о пересмотре тяжелых и унижительных условий мирного договора марта 1940 г. оказало бы этим силам существенную поддержку.

Такая инициатива была бы с одобрением встречена правительствами Великобритании и США, чье мнение имело в глазах Хельсинки очень большой вес, а также Швеции. Германия же, располагавшая в Финляндии крайне незначительными силами, к тому же находившимися на крайнем севере страны, не могла угрозами заставить финнов воевать. Даже в случае отклонения финляндским правительством этой инициативы Советскому Союзу был гарантирован крупнейший выигрыш с моральной и политической точек зрения.

Однако сделать такой шаг означало для Сталина признать «победу», одержанную зимой 1939–1940 гг. во имя якобы безопасности Ленинграда, иллюзорной, а принесенные на ее алтарь жертвы – напрасными. На это вождя не хватило, и еще три года народ расплачивался за его политическую трусость. Заведя страну в стратегический тупик, Сталин и Молотов не сумели найти из него выход. Вся их деятельность на финляндском направлении стала грандиозным фиаско политического, военного и дипломатического планирования.

* * *

Оглядываясь еще раз на историю советско-финляндских отношений 1939–1941 гг., трудно не согласиться с выводом,

сделанным маршалом Маннергеймом: «... Сильный редко обладает чувством меры и талантом видеть далекую перспективу. Эти свойства отсутствовали у руководителей Советского Союза. Их снова подвели высокомерие и [отсутствие] чувства меры; в течение столетий «en Russie quand on n'atteint pas le but, on le depasse toujours». («... в России, когда не удается достичь поставленной цели, обычно заходят еще дальше».) [39, с. 339].

Глава 6. Балканы

Если в августе 1939 г. балканские страны, за исключением территории Бессарабии, не стали напрямую объектами советско-германских договоренностей, то отнюдь не по причине недостатка интереса к ним со стороны Берлина и Москвы. Впрочем, как отмечалось выше, ради успеха своей Большой игры со Сталиным, Гитлер был готов "подарить" тому регион "вплоть до Константинополя", заодно смертельно рассорив СССР с Турцией и стоявшей за ней Великобританией. В Кремле, к счастью, не могли себе такого и представить, и потому поскромничали на августовских переговорах с Риббентропом, а затем почти два года пытались пробить путь к вождьленному Царьграду.

Интерес Советского Союза к Балканам понятен. С Турцией и Румынией он делил общую границу, а Венгрия была близкой соседкой.¹²⁰ Турция, кроме того, являлась фактическим комендантом черноморских проливов, с которыми в Москве связывали большие вопросы внешней и внутренней безопасности. В отношениях с Бухарестом превалировала проблема Бессарабии, отторгнутой Румынией от территории бывшей Российской империи в 1918 г.¹²¹ Болгария, благода-

¹²⁰ В результате присоединения к СССР Западной Украины согласно пакту Молотова-Риббентропа между двумя странами возникла общая граница в Карпатах.

¹²¹ В декабре 1917 г. по приказу командующего Румынским фронтом первой

ря своему срединному положению, рассматривалась в Кремле как ключ ко всему региону. Значение Венгрии выросло из того факта, что она оказалась в самом центре клубка запутанных территориальных споров, существовавших в регионе, от способа решения которых в значительной мере зависела внешнеполитическая ориентация соседних государств. Предвоенные отношения с Югославией были очень недолгими, но яркими, и оставили след в истории второй мировой войны.

Дальние балканские страны – Албания и Греция, занимали весьма скромное место в тогдашних внешнеполитических расчетах Кремля, и потому история отношений с ними здесь не рассматривается.

Балканский пазл

Чтобы сложить балканский политический пазл, т. е. определить место отдельных действий и намерений государств региона и великих держав в сложившейся там системе международных отношений, целесообразно нарисовать хотя бы схематическую их картину.

Из пяти стран три – Румыния, Югославия и Турция, гру-

мировой войны ген. Д. Г. Щербачева Румыния ввела свои войска на территорию Бессарабии для осуществления охранных функций вместо разложившейся русской армии. В марте 1918 г. было достигнуто советско – румынское соглашение об их выводе, но Румыния его не выполнила, а в декабре 1919 г. парламент страны принял закон об аннексии Бессарабии.

бо говоря, были вполне довольны существующим положением вещей. (В тогдашней терминологии их так и называли – «страны статус кво»). **Турция** – потому что, проиграв мировую войну в коалиции с Германией и Австро-Венгрией и потеряв империю, как национальное государство сумела отстоять устраивавшие ее границы. Подписанная в 1936 г. в г. Монтрё (Швейцария) Конвенция о режиме судоходства в черноморских проливах Босфор и Дарданеллы способствовала значительному росту международного влияния и престижа страны. Соглашение наделяло ее правом контроля за соблюдением установленного конвенцией режима судоходства, а также правом принятия решений, – в предусмотренных ею рамках и сообразуясь с международной обстановкой и положением самой Турции, – об ограничении или закрытии прохода через проливы иностранных судов и грузов. **Румыния**, оказавшаяся в числе победителей, стала главным на Балканах бенефициаром Версальской системы, поживившись за счет всех своих соседей, отхватив даже от союзной ей России Бессарабию. Возникшее после войны новое **югославское государство** было создано в значительной мере на территориях, ранее принадлежавших Венгрии, пребывавшей до войны в составе единой Австро-Венгерской империи, и Болгарии.

Стремление законсервировать эту ситуацию предопределяло проверсальскую англо – французскую внешнеполитическую ориентацию Анкары, Белграда и Бухареста. Поэтому

му активизация деятельности в регионе дестабилизирующего советско-германского фактора не могло не насторожить их. Турция опасалась быть втянутой в ненужные ей геополитические игры вокруг Проливов. У Румынии появился повод для беспокойства о судьбах Бессарабии, Южной Добруджи и Северной Трансильвании, которыми она приросла за счет России, Болгарии и Венгрии соответственно. Югославия испытывала на себе растущее давление со стороны Италии и Германии (последней в особенности после аншлюса Австрии) и опасалась болгаро-венгерского реваншизма. Для подчинения Анкары, Белграда и Бухареста советско-германскому диктату не хватало, однако, важнейшего условия – отсутствовала ситуация их геополитической изоляции, аналогичная той, в которой оказались Финляндия и страны Балтии. Тылы Турции, Югославии и Румынии прикрывались мощью военно – морских и военно воздушных флотов западной коалиции и были доступны для высадки экспедиционных сил. И все же приближение к их границам советско-германского силового блока не могло не отразиться на внешней политике этих стран.

Что до **Болгарии и Венгрии**, то они считали себя ограбленными в силу Нейиского и Трианонского мирных договоров 1919 и 1920 гг., по которым соседи отщипнули от них изрядные территории, и потому мечтали избавиться от этого наследия Версаля. Следовательно, они не могли не приветствовать происходившие в Европе перемены и ждать их

проекции на регион, за что были названы «ревизионистские страны». При этом обе группы стран – и ревизионисты, и сторонники статус кво, единственно доступный им способ смоделировать ситуацию в регионе под собственные интересы усматривали в непрерывном лавировании между своими балканскими соседями и игре на противоречиях интересов великих держав.

Цели, которые преследовала региональная политика СССР и обеих противоборствующих европейских группировок, вкратце были следующими.

На первом этапе, с августа 1939 г. до середины лета 1940 г., главной заботой **Советского Союза** было обеспечение безопасности своего мягкого кавказско – черноморского подбрюшья,¹²² а также создание благоприятных военно-политических условий для решения бессарабского вопроса с Румынией. Это, по мнению Кремля, достигалось за пирианием для нечерноморских держав двух входов в Черное море – проливов Босфор и Дарданеллы и устья Дуная. Значение Босфорских ворот, через которые могли пройти два самых мощных флота в мире – английский и французский, конечно, намного превосходило значение Дунайской калит-

122

Из телеграммы Сталина Молотову в Берлин, 13 ноября 1940 г.: «Все события от Крымской войны прошлого века и до высадки иностранных войск в Крым и Одессу в 1918 и 1919 году говорят о том, что безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности». [90, с. 61].

ки, пригодной для пропуска только небольших кораблей речной флотилии. Тем более что на протяжении «медового года» советско – германских отношений выход из «немецкой реки Дунай» в Черное море вообще не рассматривался как повод для беспокойства.

Первоначально в Москве надеялись решить вопрос Проливов с наскока, договорившись обо всем с Турцией; когда же это не удалось, к заветной цели пришлось пойти длинным дипломатическим путем, который пролегал через Венгрию, Румынию и Болгарию. На этом этапе Москва имела в балканских делах практически полную свободу рук и прочно удерживала инициативу, на которую Берлин и не претендовал, будучи занят перевариванием польской добычи, а затем событиями на Западном фронте.

Неожиданно быстрый разгром англо-французской коалиции застал Москву врасплох, и она кинулась в омут балканской политики, спеша заполнить вакуум силы и поставить Берлин перед ситуацией *fait accompli*, т. е. *свершившихся фактов*. Выяснилось, однако, что, действуя в парадигме пакта-39, ничего *свершить* она не может, не заручившись согласием все тех же немцев. Получить такую поддержку Москве удалось только раз – в вопросе о Бессарабии. Все дальнейшие попытки реализовать свои цели, проводя ли инициативную политику или пытаясь опереться на Берлин, заканчивались ожидаемым провалом. Данный этап длился с сентября 1940 г. по март 1941 г.

На заключительном этапе (март-июнь 1941 г.) к Кремлю приходит осознание бесперспективности дальнейшего соперничества с Берлином за преобладание в регионе. Политико-дипломатическое наступление Москвы окончательно выдохлось и вошло в русло мелкой текущей работы. Последняя попытка вернуться в активную балканскую политику предпринимается в апреле, когда Кремль наперекор Берлину заключает договор о дружбе и ненападении с Югославией. Что из этого получилось, будет сказано ниже.

Главный военно – политический интерес **Германии** первое время, до начала войны на Средиземноморье, состоял в разрушении созданных союзниками в целях ее сдерживания блоков Малая Антанта (Румыния, Чехословакия и Югославия) и Балканская Антанта (Греция, Турция, Югославия и Румыния). В равной мере к стратегическим задачам Германии на Балканах можно отнести обеспечение гарантированного доступа к румынской нефти и ее безопасной транспортировки,¹²³ без чего экономике грозил коллапс, а моторизованный Вермахт и Люфтваффе сразу же становились обездвиженными калеками. Из этого интереса выростала поддержка Берлином советских планов закрытия Проливов для прохода английского и французского флотов, поскольку Румынии, лишившейся опоры на военно-морскую мощь союз-

¹²³ До предоставления Советским Союзом Германии права транзита грузов через свою территорию нефть из Румынии вывозилась судами через проливы в итальянские порты, откуда следовала дальше.

ников, было бы трудно противостоять германскому экономическому и политическому диктату.

После победоносного завершения военной кампании на Западном фронте нерастраченный заряд экспансионистской энергии толкает Германию на юго-восток, в направлении Балканского полуострова. Задачи: обеспечение бесперебойных поставок стратегически важных нефти и зерна из Румынии и, в меньшей степени, Венгрии; борьба с британскими вооруженными силами, действующими в районе Средиземноморья; наконец, осенью 1940 г. возникает необходимость оказания вооруженной помощи итальянскому союзнику в его неудачной войне против Греции. В 1941 г. к ним добавляется задача подготовки балканского плацдарма для нападения на СССР. Для успешного выполнения этих задач от дипломатии Рейха требовалось исключить возможность противодействия германским интересам со стороны Великобритании и СССР.

Соответственно, **англо – французская коалиция** преследовала цели, прямо противоположные германским, а также советским в той мере, в которой те совпадали с германскими. В ходе московских переговоров военных миссий в рамках трехсторонних англо-франко-советских переговоров августа 1939 г. делегация западных держав делилась с несостоявшимся советским союзником планами закрыть Проливы и установить контроль над устьем Дуная и побережьем Румынии. После начала войны британский генераль-

ный штаб настаивал перед политическим руководством своей страны на вторжении в Румынию, чтобы захватить нефтепромыслы и повернуть германскую агрессию в сторону Балкан. Всю осень 1939 г. активно обсуждалась и проталкивалась идея посылки флота в Черное море, однако она уперлась в стену нежелания Турции быть втянутой в войну. Сталина эти планы изрядно напугали, что видно из действий советской дипломатии на балканском направлении осенью 1939 – весной 1941 гг.

Вместе с тем, начиная с середины 1940 г. лишившийся французского союзника **Лондон** активно пытается вовлечь Советский Союз в балканские дела, апеллируя к исторической роли России в этом регионе и предлагая взять на себя роль дирижера балканского политического оркестра. При этом преследовалась цель спровоцировать конфликт за обладание дирижерской палочкой между СССР с Италией, также претендовавшей на доминирование в регионе, а через это вызвать осложнение советско-германских отношений. И, наоборот, «поделившись» с Москвой своими союзниками на Балканах в лице Греции, Румынии, Югославии, Албании и Турции, Лондон рассчитывал создать сферу общих с СССР интересов и, тем самым, двинуть вперед дело налаживания отношений с Москвой. Наряду с получением политической и военной помощи со стороны США, это являлось одной из двух важнейших внешнеполитических задач Лондона после военной катастрофы мая – июня 1940 г.

Турция

В Анкаре понимали, что в случае войны контроль над Проливами превратится для Турции из привилегии в опасную повинность, и потому еще весной 1939 г. с готовностью откликнулись на советское предложение обсудить вопросы обеспечения безопасности в районе Черного моря с перспективой заключения пакта о взаимопомощи. Для уточнения позиций сторон в конце апреля – начале мая в Анкаре проходили консультации прибывшего туда первого замнаркома иностранных дел В. П. Потемкина с президентом Турции Исметом Инёню и министром иностранных дел Шюкрю Сараджоглу. Беседы с турецкими лидерами выявили их решимость участвовать в организации вооруженного отпора итало – германской экспансии в районе Средиземного моря, Балкан и Проливов на основе военно-политического союза с Великобританией и СССР, причем в последнем случае скорее даже с Советским Союзом. По информации Потемкина, в беседе с главнокомандующим французскими силами на Ближнем Востоке ген. Вейганом президент Инёню заявил, что «в случае нападения Италии и Германии на Турцию она больше рассчитывает на СССР, чем на Англию и Францию. Помощь СССР может быть оказана военным снабжением, людьми и авиацией. Исмет с большой горячностью, поразившей Вейгана, заявил ему, что в случае нужды Турция предо-

ставит Советской Армии свой собственный тыл» [21, с. 331]. Информировав Сталина о ходе консультаций в Анкаре, Литвинов отмечал в записке от 3 мая: «Соглашение с СССР Турция мыслит себе в форме оказания нами материальной помощи ей для защиты проливов, по-видимому, как против Германии, так и Италии. [...] Турция считает защиту проливов нашим общим интересом». «Пока еще нарком» предложил согласиться с таким подходом [21, с. 326].

Весть о смене руководства НКВД настигла Потемкина к тому времени, когда все основные беседы уже состоялись, и прошли они в соответствии с литвиновскими директивами. Впрочем, поскольку перспективы «второго Рапалло» были еще слишком неверными, немедленную кардинальную смену вех в Москве сочли преждевременной и несовместимой с официальным курсом на трехстороннее соглашение с Лондоном и Парижем. Молотов телеграфирует Потемкину в Анкару: «Очень хороша идея взаимной помощи Турции и Англии против Италии.¹²⁴ Но это – дело Турции и Англии. Очень интересна также идея взаимной помощи Англии и Турции против германской агрессии в районе Балкан. [...] Нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. [...] За нами дело не станет» [21, с. 328].

Одобрение англо-турецкой декларации было выражено и

¹²⁴ Декларация двух стран о взаимопомощи в отражении актов агрессии в районе Средиземного моря была обнародована 12 мая 1939 г.

публично. «...Заинтересованные в мире державы, – отмечали «Известия», – пытаются найти пути и средства, которые дали бы возможность организовать отпор разворачивающейся агрессии. Соглашение, которое готовятся заключить Англия и Турция, несомненно, представляет одно из звеньев той цепи, что является единственно действенным средством не допустить распространения агрессии на новые районы Европы... Советский Союз всегда приветствовал всякие усилия по организации действенной защиты дела мира, откуда бы они ни исходили» [Известия. – 1939. – 15 мая].

Совершенный Кремлем в августе внешнеполитический кульбит изменил до неузнаваемости систему координат в отношениях СССР – Турция. Раньше имелось в виду заключить договор о взаимопомощи и на этой базе создать военно-политический союз двух стран, который должен был стать юго-восточным флангом общей системы европейской коллективной безопасности с участием западной коалиции. Теперь же намерением советского правительства стало навязать Анкаре абсолютный нейтралитет в начавшейся войне с единственной целью – закрыть Проливы для английского и французского флотов. Таким путем рассчитывали обеспечить безопасность кавказско-черноморского региона СССР, во-первых, и изоляцию Румынии, во-вторых. Последнее было необходимым условием успешного решения бессарабского вопроса, поскольку в случае военного присутствия сил западной коалиции в Румынии вопрос решения не имел. В бо-

лее общем плане преследовалась цель ограничения англо-французского влияния на Балканах в целом.

Несмотря на этот, мягко говоря, неприятный сюрприз, турецкое правительство все же приняло решение продолжить переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР и направить в Москву Ш. Сараджоглу. У министра была еще одна цель – заручиться согласием Москвы на заключение Турцией упомянутого выше пакта о взаимопомощи с Францией и Великобританией. Таково было требование Протокола 1929 г. к основополагающему советско-турецкому договору о дружбе и нейтралитете 1925 г. Протокол предусматривал обязательство сторон запрашивать друг у друга согласия на заключение политически значимых соглашений с рядом третьих стран, соседних и иных, перечень которых имелся в секретном приложении к нему. Англо-франко-турецкий пакт был как раз такой случай.

Первое время после заключения пакта – 39 Кремль продолжал снисходительно относиться к прозападным симпатиям Анкары. 17 сентября в беседе с Шуленбургом Сталин известил его, что турки предложили СССР заключить пакт о взаимопомощи при условии, что он не будет направлен против Англии и Франции. Подобный вариант не вполне удовлетворяет Советский Союз, сказал Сталин, но в целом заключение пакта было бы выгодным, т. к. в этом случае Турция останется нейтральной [23, док. № 51].

«Берлинские камрады» быстро поправили вождя. Их яв-

но не устраивала обложившаяся союзами, а потому трудно уязвимая Турция. Им тем более не по вкусу было существование общей для союзников и Москвы «турецкой площадки», на которой – объективно – могли пересекаться и проходить согласование их интересы. От имени и по поручению Риббентропа 8 октября Шуленбург обратился к Молотову с настоятельной просьбой не заключать пакта с Турцией и попытаться помешать заключению ею пакта о взаимопомощи с Великобританией и Францией [36, с.170, 619]. Болезненное отношение Берлина к перспективе заключения советско – турецкого соглашения давало о себе знать на протяжении всей осени 1939 г. Так, в беседе с Молотовым уже 26 ноября Шуленбург буквально пытал наркома, не идут ли переговоры по данному вопросу, и, несмотря на категорическое отрицание Молотовым, дважды в ходе беседы возвращался к этой теме [36, с. 336].

Сараджоглу, дождавшийся 1 октября своей очереди на прием у Сталина и Молотова после отъезда Риббентропа, оказался в странном положении. Выяснилось, что теперь целью советской стороны было не достижение с Турцией соглашения, а срыв ее переговоров с Великобританией и Францией. Молотову, имевшему возможность заранее ознакомиться с проектом англо-франко-турецкого договора, было, по его словам, «не совсем ясно назначение всего документа в целом, то есть против кого именно будет направлен пакт о взаимопомощи, заключаемый Турцией с Англией и Франци-

ей... и не лучше ли было бы этого пакта не заключать». Ответ Сараджоглу – «против всякого агрессора», кремлевских лидеров не удовлетворил.

Еще одной, более «скромной», целью советских переговорщиков было отговорить Турцию от принятия на себя по договору с западными партнерами обязательств по защите Греции и Румынии в случае агрессии против них. В первую очередь Сталин и Молотов имели, конечно, в виду советские планы в отношении Бессарабии, но отчасти выступили и ходатаями по германским интересам. «Что касается Балкан, – делился с Сараджоглу своими сомнениями Сталин, – то здесь прицепили к Турции Грецию и Румынию... Я думаю, как бы из-за этих тяжестей, которые взяла на себя Турция по Балканам, у нас с турками не вышло недоразумение, особенно из-за Болгарии... Или вышло осложнение у СССР с Румынией из-за Бессарабии – мы не думаем на румын нападать, но и Бессарабию делить не будем – опять конфликт... Невыгодно это для Турции».¹²⁵

Более того, вскоре выяснилось, что с учетом германских пожеланий Москва вообще не намерена идти на подписание с Анкарой договора о взаимопомощи. Свой отказ Молотов мотивировал, задавшись риторическим вопросом: «Против кого этот советско – турецкий пакт будет направлен? Заклю-

¹²⁵ Соответствующий прецедент уже существовал: в 1934 г. при подписании Балканского пакта Турция, по настоянию СССР, оговорила свое право оставаться нейтральной в случае советско-румынского конфликта [36, с.150].

чать пакт против Германии мы не можем, против Италии – она является союзницей Германии, против Болгарии – но она ведь не угрожает Турции!» Произошедшие за последнее время в мире изменения, добавил Сталин, имея в виду новые отношения СССР с Германией, «превращают пакт в бумажку».

Сараджоглу, однако, шел на все возможные уступки и компромиссы, чтобы заручиться договором. Еще во время предварительных консультаций в Анкаре с советским полпредом А. В. Терентьевым турки обязались внести в подготавливаемый проект договора с западными союзниками т. н. «просоветскую оговорку», освобождавшую Турцию от договорных обязательств перед ними в случае, если эти обязательства могут привести к ее конфликту с СССР. Теперь министр добавил: «Если возникнет конфликт между СССР и Румынией, то Турция останется в стороне. Я согласен сделать об этом оговорку. Если Советское Правительство скажет, что какое-либо действие Турции может быть расценено нашими друзьями как недружественная акция, то Турция от этого воздержится». Настойчивость министра, казалось, возымела действие, и дебаты по возможным контурам будущего договора продолжились.

В итоге Молотов определился с советскими условиями подписания договора: в случае, если Англия или Франция нападут на СССР, все обязательства Турции перед ними прекращаются в ту же минуту; если Турция выступит против

Германии, то СССР ее защищать не будет;¹²⁶ если же Германия нападет на Турцию, то СССР постарается этому воспротивиться. Со своей стороны, Сараджоглу обещал внести в договор Турции с западной коалицией две поправки: во-первых, оговорить, что на время конфликта между Англией и Францией – с одной стороны, и СССР – с другой, обязательства Турции перед западными союзниками теряют свою силу; во-вторых, принимаемое Турцией на себя обязательство по оказанию помощи Румынии и Греции перенести в консультативную часть договора с союзниками, в результате чего оно утрачивало автоматический характер [36, с.146–153].

Однако различия в интересах сторон оказались все же непреодолимыми. Кремль стремился свести англо-франко-турецкий договор к соглашению о консультациях, отказываясь обещать Турции помощь в случае нападения на нее Германии и настаивал на совместной, в том числе путем размещения войск, охране Проливов, что ущемляло турецкий суверенитет и не вписывалось в Конвенцию Монтрё. Не говоря уже о том, что после заключения пакта-39 это означало

¹²⁶ Эта «прогерманская оговорка» была предложена Молотовым по прямому требованию Берлина: предусмотреть в договоре, что СССР не будет обязан оказывать помощь Турции против Германии [36, с. 619; 101, с. 16]. «Без такого условия, – ориентировал Риббентроп Шуленбурга в телеграмме от 7 октября, – советское правительство открыто пробьет брешь в заключенном с Германией пакте о ненападении». Рейхсминистр назвал это «вопросом чрезвычайной важности» [23, док.№ 74].

бы запустить прогерманскую лису в турецко-британский курятник. Кроме того, протокол о Проливах, принятием которого Москва обусловила заключение пакта о взаимопомощи, должен был зафиксировать турецкую гарантию неиспользования их «агрессивными державами», коими после 23 августа одновременно «стали» Великобритания и Франция. В результате соглашение оказалось невозможным.

Напротив, переговоры Анкары с Лондоном и Парижем завершились 19 октября подписанием договора о взаимопомощи. Как и обещала, Турция настояла на включение в соглашение оговорки, что взятые на себя обязательства не могли принудить ее к действиям против СССР, могущим повлечь за собой вооруженный конфликт. К таким действиям вполне могло быть отнесено разрешение Анкары на проход военных кораблей Англии и Франции. Для Москвы, однако, заручиться турецким благожелательным нейтралитетом стало уже недостаточно. 28 октября Кремль, осудив Турцию за ее англо-французские симпатии и «нежелание крепить дружбу с СССР», заявил о прекращении переговоров. Дело дошло до слегка закамуфлированной угрозы в адрес Анкары. «Не пожалее ли об этом Турция?» – многозначительно задался вопросом нарком, выступая с речью на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. В ответ на сообщение советского полпреда в Анкаре А. В. Терентьева о сделанном ему Сараджоглу заявлении, что в случае согласия Кремля на исключение из проекта договора «прогерманской поправки»

Турция его подпишет, Молотов ответил телеграммой: «Мы не нуждаемся в пакте взаимопомощи с Турцией» [36, с. 240].

И правда, включив т. н. «просоветскую оговорку» в ее соглашение с англо-французскими союзниками, Турция по собственной инициативе и не получая ничего взамен уже учла базовый советский интерес в закрытии Проливов для флотов Великобритании и Франции в случае их конфликта с СССР. Это с одной стороны, а с другой – выполнить требование Турции защищать ее в случае германской агрессии Москва не могла, не отказываясь от курса пакта-39. Советско-турецкий договор стал и ненужным, и невозможным. Прогерманская позиция Кремля решительно развела СССР и Турцию по разные стороны международно-политических баррикад. Итальянский посол в Анкаре де Пеппо всего через неделю после провала переговоров абсолютно точно оценил состояние и перспективы советско-турецких отношений, отметив, что они «отныне характеризуются взаимным и прогрессирующим недоверием» [цит. по: 36, с. 626].

Срыв переговоров и готовность Кремля использовать силу ради достижения своих целей, которую он продемонстрировал осенью 1939 – летом 1940 гг. в Прибалтике, Финляндии, вновь в Прибалтике и, как будет показано дальше, Румынии, вызывали у Турции серьезную озабоченность. Анкара опасалась, что проблему Проливов СССР попытается решить такими же средствами. Поэтому она стремилась организовать коллективное противодействие балканских стран

внешней агрессии.

В свою очередь в Кремле вызвало резкое недовольство предпочтение, оказанное Турцией Лондону и Парижу. Не могли понравиться ему и турецкие попытки организовать единый балканский фронт против вмешательства извне, хотя в интерпретации Сараджоглу он был направлен против Германии и Италии. Наконец, весной 1940 г. в Москве узнали об англо – французских планах бомбардировок Баку, что было невозможно без использования территории или, по крайней мере, воздушного пространства Турции (и/или Ирана). В докладе на сессии Верховного Совета СССР 29 марта Молотов пригрозил ответными мерами не только потенциальному агрессору, но и тем не названным им соседям, «кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР».

К лету 1940 г. недоброжелательное отношение Москвы к Анкаре приняло уже характер вражды, что проявилось в ходе советско-итальянских переговоров июня 1940 г. о размежевании государственных интересов двух стран в районах Причерноморья, Балкан и Средиземноморья. На них Молотов обвинил ее во всех возможных грехах, выразив резкое недовольство «появившейся у Турции тенденцией диктовать Советскому Союзу свои порядки в Черном море, претендуя на единоличное господство в проливах и угрожая по привычке Советскому Союзу в южных зонах и к северо-западу от Батуми» [14, с. 374].

В отместку Кремль обещал помочь Италии и Германии «прижать» Турцию в районе Средиземноморья [102, с. 41]. Таким средством «прижать» южного соседа стала начатая в июне 1940 г. массивированная переброска войск в район границы с ним в Закавказье, а также на территорию Одесского военного округа, ближе к европейской части этой страны. Сегодня еще не известно, в какой мере эта передислокация войск была связана с планами операции по возвращению Бессарабии и необходимостью удержать Турцию от выступления в поддержку румын, а в какой – с ее наказанием «за Проливы». Это станет понятно после рассекречивания материалов о подготовке военных действий против Турции и Румынии, предусмотренных планом стратегического развертывания вооруженных сил СССР на 1940 г. Во всяком случае, среди аккредитованных в Москве дипломатов было распространено мнение, что после Прибалтики СССР двинется на Турцию и Иран [23, док. № 116].

В июле, чтобы создать для Анкары дополнительные политические затруднения, в Москве имитировали шок от опубликованных немцами трофейных документов, захваченных ими во Франции, касавшихся переговоров весной 1940 г. между британским, французским и турецким генеральными штабами относительно планов бомбардировок союзной авиацией бакинских нефтепромыслов с использованием турецких аэродромов.¹²⁷ Турция, напуганная возможной со-

¹²⁷ В Москве уже давно знали об этих планах из донесений разведки.

ветской реакцией, прилагала максимум усилий, чтобы откеститься от участия в этих замыслах. Ш. Сараджоглу просил А. В. Терентьева передать Молотову, что «здесь он имеет друзей, на которых может опираться». Посол Г. А. Актай дважды – 9 и 11 июля, встречался с заместителем наркома С. А. Лозовским, чтобы доказать непричастность турецкого правительства к англо-французским планам [14, с. 420–421, 431–432].

Судя по имеющимся документам, так оно и было. Кроме того, довольно быстро обнаружился факт частичной фальсификации немцами содержания публикуемых документов с целью спровоцировать СССР на антитурецкие действия. Тем не менее, Москве представился удобный случай путем возгонки придуманного немцами конфликта создать напряженность в отношениях с Турцией и попытаться вырвать желаемые уступки в вопросе о Проливах. Недружественная интерпретация советской печатью обнародованных Берлином материалов позволяла полагать это вероятным [Правда, Известия. – 1940. – 5 июля].

Однако дальнейшего развития конфликт не получил, вероятно, вследствие нежелания Москвы, напуганной германскими успехами на Западном фронте, обострять отношения с лондонским покровителем Турции, бывшим главным фигурантом «дела о бомбардировках». В ходе состоявшейся 1 июля беседы Сталина с вновь назначенным британским послом С. Криппсом вождь в примирительном духе говорил об

отношениях с Турцией, охарактеризовав их как неплохие в той мере, в которой стороны не планировали нападения друг на друга. Хотя и без особого энтузиазма, он даже дал согласие принять британское посредничество в деле улучшения советско-турецких отношений. Вместе с тем, была повторена кремлевская мантра о претензиях Турции на «единоличное хозяйничанье в Проливах» и на установление своих порядков на Черном море [14, с. 397]. Завершение инцидента должно было ознаменовать появившееся в советской печати 12 июля Сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о предъявлении СССР ультиматума Турции с требованием территориальных уступок.

Резкий рост осенью 1940 г. германо – итальянского военного и политического присутствия вблизи турецких границ, в особенности итальянское нападение на соседнюю Грецию, начавшееся 28 октября, побудили Анкару искать сближения с СССР в вопросах обеспечения безопасности в регионе.¹²⁸ Через два дня после начала греко-итальянской войны, 30 октября, посол А. Актай от имени своего правительства обратился к советскому правительству с вопросом о возможности, сроках и форме оказания им помощи Турции в случае опасности для нее или возникновения военного конфликта [90, с. 21–22]. 4 ноября посол получил ответ, составленный почти в издевательском тоне. Советское правительство вы-

¹²⁸ В ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в Москве Сараджоглу назвал нападение на Грецию равнозначным нападению на Турцию.

ражало «некоторое недоумение» по поводу запроса посла и «напоминало», что у Турции нет договора о взаимопомощи с СССР, который обязывал бы их оказывать друг другу военную или иную помощь [90, с. 23].

Маловероятно, чтобы многоопытная политическая Анкара не отдавала себе в этом отчета. Остается предположить, что обращение за помощью по московскому адресу ограничивалось целью вызвать взаимные подозрения между Москвой, с одной стороны, Берлином и Римом – с другой, и выпутаться из опасной ситуации, играя на противоречиях между ними. Отчасти маневр удался, и Молотову пришлось объясняться с Шуленбургом по поводу данной оказии. Вообще же это был только эпизод в развернутой турецкой дипломатией кампании по запугиванию Кремля информацией о вынашиваемых за спиной СССР итало-германских планах завоевания Турции и Проливов. Турция стремилась избежать участи оказаться жертвой новых советско-германских договоренностей в духе пакта Молотова-Риббентропа, особенно вероятных ввиду переноса центра тяжести европейской политики на Балканы и предстоявшего визита Молотова в Берлин.

В Москве и в самом деле готовили решающее дипломатическое наступление, имея целью пробиться к Проливам и установить над ними свой контроль. Провал советско-турецких переговоров осени 1939 г. обнаружил, что справиться с Турцией, имеющей за спиной Великобританию, *в одиноч-*

ку и исключительно политическими средствами не удастся. Для успеха операции требовалось либо подкрепить политическое давление военным, либо резко усилить его за счет привлечения политического ресурса Германии и Италии. Оба сценария не могли быть реализованы без германского согласия и содействия. Просьба о помощи – дипломатической и, при необходимости, вооруженной – была озвучена Молотовым во время его ноябрьского визита в Берлин и повторена в меморандуме правительства СССР правительству Германии от 25 ноября 1940 г., о чем будет сказано ниже. Однако дальше предложения пересмотреть конвенцию Монтрё в сторону большего учета интересов СССР Берлин не пошел. При этом немцы не преминули рассказать встревоженным туркам о советских инициативах.

Тем временем Москва попыталась открыть, на сей раз с болгарским участием, второй фронт дипломатического наступления на Анкару. Имелось в виду подписать с Софией договор о взаимопомощи, предусматривавший присутствие на территории страны советских войск. Сталин был настроен весьма решительно. Имея в виду захват европейской части Турции (Восточная Фракия) вплоть до проливов под флагом передачи ее Болгарии, он говорил Г. Димитрову 25 ноября: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только шесть-семь миллионов» [цит. по: 103, с. 430].

Настойчивые попытки Москвы вовлечь в свои антитурецкие планы Болгарию серьезно обеспокоили Анкару, и она решила противодействовать им, апеллируя к Протоколу 1929 г. Он, напомним, предусматривал, что каждая из договаривающихся сторон «обязуется не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, непосредственно граничащими на суше или на море с другой стороной, и не заключать таких соглашений без согласия этой стороны». В беседе с полпредом С. А. Виноградовым 13 декабря Ш. Сараджоглу напомнил ему об этом обязательстве и добавил: «Нам не понятно, как увязать с вышеуказанной статьей сообщение Молотова о предложении, сделанном советским правительством Болгарии, заключить пакт взаимопомощи. Мы убеждены в том, что наш договор с Советским Союзом остается в силе. Мы верим и хотим верить тому, что и советское правительство считает этот договор сохранившим свое действие». По существу Турция заявила протест.

14 декабря посол Актай поднял этот вопрос перед Молотовым. Ответ, данный наркомом послу, в Анкаре фактически признали неудовлетворительным, противоречащим положениям Протокола 1929 г. В претензии турки были и за отказ Москвы информировать их о действительном характере обсуждения «турецкого вопроса» на советско-германских переговорах в Берлине [90, с. 194–199, 200–202].

Перспектива создания советско-болгарского альянса,

единственным смыслом которого могло быть только завоевание европейской Турции и установление советского контроля над Проливами, а также просочившаяся информация о советской постановке «турецкого вопроса» на берлинских переговорах и в Меморандуме от 25 ноября, подняли в Анкаре волну беспокойства. Противодействие угрозе «попасть под раздел» и стать балканским аналогом Польши в конце ноября-начале декабря выдвинулась как задача № 1 внешней политики Анкары. Выход из этого затруднительного положения она увидела в заключении с Болгарией договора о ненападении. Болгары, вероятно, и хотели бы иметь такой договор, но боялись поссориться из-за него с Германией и СССР.

Берлин действительно выступил против заключения договора, т. к. он предусматривал запрет на присутствие иностранных, т. е. германских, войск на территории Болгарии. Однако в самом примирении Софии и Анкары немцы разглядели способ эффективно и очень изящно торпедировать советские замыслы в отношении и Болгарии, и Турции, а потому поддержали процесс нормализации турецко-болгарских отношений, дав Анкаре заверения в отсутствии агрессивных замыслов против нее, а Софии – свое добро на переговоры с турками.

В феврале 1941 г. две страны обменялись декларациями о ненападении друг на друга. Это соглашение ставило крест на балканских планах Кремля. С его помощью Турция выбивала из рук Москвы «болгарский таран». Германия добилась

стратегического выигрыша: склонив Турцию к даче Болгарии гарантии ненападения, она фактически выводила Анкару из числа союзников Великобритании, по крайней мере, активных.¹²⁹ С другой стороны, Берлин облегчил для Софии принятие решения о присоединении к германскому лагерю, добыв для нее турецкое обещание безопасности и, таким образом, сняв угрозу британского возмездия ей за этот шаг турецкими руками. Болгария же, получив возможность безопасного ухода под германское покровительство, избавлялась от назойливых и опасных притязаний Москвы. Точку в планах установления контроля над Проливами, который был смыслом всей балканской политики Москвы, поставили присоединение Болгарии к Тройственному пакту 1 марта 1941 г. и вступление германских войск на ее территорию на следующий день.

Кремль негодовал на болгарского дезертира и стоявшего за ним берлинского интригана, но сделать ничего не мог. Найти способ хоть как-то отомстить им помогло предложение посла Криппса советскому правительству оказать Турции моральную поддержку в этот трудный момент ее истории. Появление германских войск на территории соседней Болгарии вызвало у Анкары сильнейшее беспокойство, которое не исчезло и после получения президентом Инёню лич-

¹²⁹ 23 февраля Риббентроп заявил японскому послу в Берлине Осима: «Благодаря нашему влиянию Болгария заключила недавно соглашение с Турцией. Эта турецко-болгарская декларация означает, что Турция отмежевывается от политики возможных военных действий и от Англии».

ного послания Гитлера, в котором тот гарантировал, что со стороны Германии Турции ничего не угрожает. Однако это было только полдела. Другая половина, о которой не могли не задумываться в Анкаре – не воспользуется ли Советский Союз возникшими для Турции осложнениями, чтобы под угрозой применения силы добиться от нее желанных уступок? Или даже напасть на нее?

Однако в заиклившейся на Проливах Москве предложение Криппса было с готовностью принято, чтобы укрепить позицию Турции перед лицом вероятного германского давления на нее с целью увести из – под носа СССР Босфор и Дарданеллы. 9 марта первый заместитель наркома А. Я. Вышинский сделал послу А. Актаю соответствующее заявление. Заявление было составлено в столь непривычно дружественных тонах, что посол не поверил своим ушам и просил изложить его в письменном виде. В последних числах марта 1941 г. СССР и Турция действительно обменялись декларациями в духе заявления Вышинского Актаю. Советское правительство опровергало слухи о том, что готово воспользоваться «затруднениями Турции», чтобы напасть на нее, если бы той пришлось воевать с третьей страной. Далее следовало заверение, что если Турция действительно подвергнется нападению и будет вынуждена вступить в войну для защиты своей территории, то она «может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР». Турецкое правительство выразило благодарность за такую позицию и, в свою очередь,

дало аналогичные заверения Советскому Союзу [Известия. – 1941. – 25 марта]. Посол Актай заявил Вышинскому о начале новой эры турецко – советских отношений [91, с. 465].

Мартовский обмен декларациями обозначил предельно возможный на тот момент уровень отношений между двумя странами. За год с небольшим двум кремлевским талейранам удалось бесцельно растратить весь запас добрососедства, накопленный за двадцать лет советско – турецкого межгосударственного общения. После этого СССР не оставалось ничего другого, как пассивно наблюдать со стороны за происходящими событиями.

В мае 1941 г. в Анкаре полпред С. А. Виноградов и германский посол Ф. фон Папен провели официальные консультации по вопросам положения на Ближнем Востоке, главным итогом которых стало признание Советским Союзом интересов Германии в этом районе. Поэтому заключенный 18 июня турецко-германский договор о ненападении и дружбе не вызвал у Москвы особо сильных эмоций. Конечно, Турция постаралась минимизировать возможную негативную реакцию СССР, оговорив право сохранять верность ранее взятым на себя обязательствам, имея в виду обязательства по советско-турецкому договору 1925 г. о дружбе и нейтралитете и по соглашению с Великобританией о взаимопомощи 1939 г. Официально Москва ограничилась выражением удовлетворения договоренностью, достигнутой между Анкарой и Берлином, как принесшей «мир и спокойствие»

на землю Турции [91, с. 748].

Для завершения картины советско-турецких отношений на том этапе истории надо упомянуть, что 25 июня, после нападения Германии на СССР, Турция объявила о своем нейтралитете в войне и придерживалась его достаточно твердо, несмотря на посулы Гитлера отблагодарить ее территориальными приращениями в случае участия в войне на стороне Рейха. (2 августа 1944 г. Турция разорвет дипломатические отношения с Германией, а 23 февраля 1945 г. символически объявит ей войну). Со своей стороны, 10 августа в рамках инициированной англичанами совместной акции советское правительство через посла в Анкаре С. А. Виноградова сделало заявление, что оно «подтверждает свою верность Конвенции в Монтрё и не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении проливов» [Правда. – 1941. – 13 августа].

В интересах последующего повествования нам придется добавить, что это заявление не было искренним: начиная с 1943 г. Сталин возобновляет сначала дипломатическое, затем и военно-политическое давление на Турцию с целью захвата Проливов. Абсолютно бессмысленная, точнее, вредная с точки зрения национальных интересов СССР и не просчитанная политически, эта операция провалилась, имея результатом ухудшение отношений по всем азимутам и став одним из очагов начинавшейся «холодной войны». ¹³⁰ Только

¹³⁰ Вместо предлагавшегося турками договора о совместной с Советским Сою-

смерть Сталина и политический закат Молотова¹³¹ позволили советской внешней политике стряхнуть босфорское наваждение: 30 мая 1953 г. правительство СССР заявило, что «пересмотрело свое прежнее мнение [...] и считает возможным обеспечить безопасность СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции» [117, т. 6, с. 514].

Болгария

Как отмечалось выше, важнейшим условием доминирования в регионе, от Румынии до Греции и Югославии, включая Турцию и Проливы, в Москве считали установление контроля над Болгарией. Борьба за болгарские симпатии с самого начала приобрела характер многосторонней конкурентной схватки. Правда, англо-французские акции котировались чрезвычайно низко. «Привлечение Болгарии на сторону западных союзников представлялось предприятием безнадёжным», – комментировал ситуацию Ф. фон Папен. Действительно, две державы, продиктовавшие Болгарии Нейиский приговор о расчленении, теперь предлагали ей вступить в союз с Югославией, Румынией и Грецией, принявшими

зом защите Проливов и согласия западных союзников на пересмотр Конвенции Монтрё в выгодном для СССР духе Москва получила вступление Турции в НАТО и создание 6-го американского флота в Средиземном море.

¹³¹ Он, правда, всячески отмежевывался впоследствии от безумной сталинской затеи [18, с. 128–129].

участие в этом расчленении, а также с Турцией, под властью которой она находилась 400 лет! Таким образом, реальными претендентами на симпатии Софии оставались СССР и Германия.

Безусловным конкурентным преимуществом Советского Союза был особый характер отношений между двумя странами, выросший из российского участия в освобождении Болгарии от турецкого ига, а недостатком – коминтерновская подкладка московского дипломатического фрака. Влияние Берлина основывалось на том, что именно с его планами переустройства Европы «ревизионистская» Болгария связывала надежды на ликвидацию территориальных последствий Нейиского договора. Значительную роль играл экономический фактор (три четверти болгарского экспорта шли в Германию). Некоторое значение имели и прогерманские (не пронацистские!) симпатии руководящих верхов, прежде всего, самого болгарского царя Бориса. Он, однако, должен был учитывать панславянские и русофильские настроения народа и в этом смысле, по выражению Гитлера, «постоянно сидел на бочке с порохом» [7, с. 130], что вынуждало его быть особенно осмотрительным в вопросах внешней политики.

Первые признаки живого интереса Москвы к Болгарии появились весной 1939 г. Имеется в виду двукратная остановка в Софии по пути в Турцию и обратно первого заместителя наркома В. П. Потемкина и его переговоры с царем

Борисом и премьером Г. Кёсеивановым.¹³² Потемкин безоговорочно поддержал болгарское требование о возвращении Южной Добруджи, отошедшей к Румынии по Бухарестскому мирному договору,¹³³ и сочувственно отнесся к желанию Болгарии вернуть территории, перешедшие к Греции и Югославии. При этом, *говоря по-дипломатически*, он выразил надежду, а фактически поставил условие, что в случае конфликта на Балканах Болгария не выступит в союзе с Германией или Италией. Спустя три месяца в Москве то же самое повторил Молотов во время приема¹³⁴ группы депутатов болгарского парламента, пригрозив уже открытым текстом: «Если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Царьград немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза» [цит. по: 104, с.369].

Не удивительно, что подписание пакта – 39, в подготовке которого болгары приняли некоторое участие в роли посредника,¹³⁵ обрадовало Софию. Оно не только предвеща-

¹³² Иногда дается в болгарской транскрипции как «Кьюсеиванов».

¹³³ Подписан 10 августа 1913 г. по итогам 2-й Балканской войны. Нейиский договор подтверждал румынское владение данной территорией. Реституция Южной Добруджи рассматривалась в Кремле как плата Болгарии за отказ от прогерманской ориентации [21, с. 328].

¹³⁴ Состоялся до подписания пакта Молотова-Риббентропа.

¹³⁵ Имеются в виду посреднические услуги болгарского посланника в Берлине П. Драганова, оказанные им в мае – июне 1939 г. по просьбе МИД Германии. Подробнее см. гл. 1.

ло скорые перемены в регионе, но также, казалось, снимало антагонизм между прорусской и прогерманской ориентациями страны. Чтобы окончательно покинуть «зону турбулентности», созданную началом европейской войны, 15 сентября Болгария провозгласила нейтралитет. Москве, однако, была нужна активно просоветская Болгария. Ее главным предназначением было стать «тараном», с помощью которого в Москве рассчитывали принудить Турцию к решению вопроса о Проливах в выгодном для себя духе. Приготовления Турции к вооруженной защите Проливов, предпринятые в ответ на начало европейской войны, и угроза ее распространения на Балканы вызвали у Софии серьезные опасения, в связи с чем она пошла на зондаж возможности получения поддержки со стороны СССР.

В Москве болгарам предложили заключить договор о взаимопомощи (20 сентября 1939 г.). Тогда дальше этого дело не зашло по причине отсутствия определенного ответа из Софии. [36, с. 88–89]. Софийское молчание объяснялось естественной боязнью оказаться в вассальной зависимости от СССР и подвергнуться советизации. Царь Борис выразил ее так: «Русские в их стремлении к Дарданеллам могут уготовить Болгарии такую же роль, как Эстонии относительно портов на Балтийском море» [цит. по: 104, с. 372]. Кроме того, в Софии надеялись, что трудный и потенциально опасный вопрос о Проливах будет решен в ходе шедших в то время советско-турецких переговоров и, таким образом, выве-

ден за рамки отношений между Болгарией и СССР.

Однако московская миссия Сараджоглу окончилась неудачей, и в ноябре 1939 г. Москва возобновила предложение о заключении договора, но ей опять отказали. Причина отказа заключалась, помимо упомянутых выше опасений Софии, в несовместимости внешнеполитических программ двух стран. В то время как Болгария сделала ставку на решение территориальных споров с соседями дипломатическим путем, СССР стремился вовлечь ее в свои военно-политические замыслы по кардинальной перекройке региона, не останавливаясь перед применением силы против Румынии, Греции и Турции. Для Болгарии это означало бы фактически объявить войну Великобритании и Франции, чьими союзниками являлись эти три страны, рассориться с Берлином (из-за Румынии, в которой у Германии были огромные экономические интересы) и в результате оказаться в полной военно-политической зависимости от СССР. Ожидать, что София добровольно пойдет на подобное политическое самоубийство, не приходилось. В телеграмме в софийское полпредство от 12 ноября Молотов признал, что «пожалуй, болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать» [36, с. 279–280].

Молотовской готовности «с этим подождать» хватило всего на пару недель, до конца месяца. Возможность вернуться к обсуждению военно-политических вопросов предоставил

визит в СССР командующего ВВС Болгарии полковника В. Бойдева. Хотя целью визита были установление воздушного сообщения между двумя странами и закупка советских самолетов, Бойдева попытались втянуть в обсуждение вопросов о создании в Болгарии советской военно-воздушной базы и даже о предоставлении частям Красной Армии права прохода по болгарской территории в случае возможного конфликта с Турцией. В панике царь Борис запросил у Берлина совета и помощи. Впрочем, в Москве на этой идее особо и не настаивали.

Наступившее вслед за этим затишье продолжалось до июля 1940 г. и было нарушено советской акцией в Бессарабии, объективно поставившей в центр всей балканской политики территориальный вопрос, в частности о возвращении Румынией Южной Добруджи в состав Болгарии. Удивительным образом за такое решение высказались все великие державы обеих военно-политических группировок и «нейтральный» СССР. Началась форменная гонка за то, из чьих рук София получит Добруджу, т. е. за болгарскими симпатиями. В первых числах июля 1940 г., советское правительство уведомило болгарское, что поддерживает его требования о возвращении Южной Добруджи и будет придерживаться этой позиции на международной конференции, на которой эти требования были бы рассмотрены [цит. по: 104, с. 379].

Советское заявление вызвало у правительственной Софии серьезное беспокойство. Возвращение этой территории

было национальной мечтой, и правительство меньше всего хотело видеть СССР в роли доброго гения болгарского народа, учитывая внутри- и внешнеполитические последствия неизбежного в этом случае взлета его популярности в Болгарии. Царь Борис еще в июне принялся пугать немцев этой угрозой, призывая их перехватить инициативу в добруджанском вопросе. Далеко не сразу, но Гитлер внял просьбе и 26 июля «настойчиво рекомендовал» Румынии урегулировать свои территориальные проблемы с Болгарией (и Венгрией), что и было сделано: 19 августа начались и 7 сентября закончились болгаро-румынские переговоры, в результате которых Южная Добруджа вернулась в Болгарию. Решение добруджанского вопроса стало большой политической победой Германии и в целом «оси». Британский посланник в Софии Дж. Рендель сообщал в Лондон: «...Ликование приняло формы восторженной благодарности по отношению к нашим главным врагам [...] Многие из числа колеблющихся [...] были захвачены вихрем прогерманского энтузиазма» [Цит. по: 104, с. 382]. Теперь ситуация позволила царю Борису занять более твердую позицию в отношении СССР.

Начавшееся 28 октября нападение Италии на Грецию и вступление в этот конфликт на стороне последней Великобритании означало открытие нового фронта европейской войны – балканского. Вопреки собственной воле Болгария оказалась в *политическом* центре конфликта.

Для **Германии** главным был вопрос прохода ее войск че-

рез болгарскую территорию в Грецию для спасения неудачливого итальянского союзника и недопущения переброски британской авиации в северные районы Греции, откуда она могла бы создать угрозу немецким нефтяным интересам в Румынии. Кроме того, с территории Болгарии было намного проще заставить соседнюю Турцию воздержаться от оказания помощи союзным ей греко-британским силам. Для СССР «потеря» Болгарии означала бы, прежде всего, утрату рычага давления на Анкару в вопросе о Проливах, а также фактическое отстранение от активного участия в балканских делах в целом. Задачей **Лондона** было помешать установлению советского или германского контроля над этой страной и, тем самым, сорвать планы Берлина и Москвы в отношении союзных Великобритании Турции и Греции.

Подобное развитие ситуации вынудило Кремль не просто вернуться к «болгарскому вопросу», но поставить его в центр всей советской внешней политики, тем более что под влиянием произошедших событий из разряда преимущественно двусторонних он перешел в разряд международных. Главным сторонним интересантом являлась, конечно, Германия, неуклонно укреплявшая свои позиции на Балканах. Без ее согласия, равнозначного поддержке, навязать Софии договор о взаимопомощи было делом нереальным. Вынужденное привлечение Берлина меняло алгоритм решения «болгарского вопроса». Поддержка им советских намерений стала необходимым условием успеха. Поэтому заручиться

ею у Гитлера было важнейшей задачей, стоявшей перед Молотовым в ходе визита в Берлин 12–14 ноября 1940 г.¹³⁶

Что касается формы советского контроля над Болгарией, то для облегчения задачи в Москве поначалу решили пойти по пути использования германского ноу-хау и вместо договора о взаимопомощи навязать болгарам советскую гарантию безопасности, но с одновременным вводом войск.¹³⁷ Усилия Молотова оказались безрезультатными. У Гитлера не было никакого резона оказывать СССР столь ценную услугу в ущерб собственным интересам: еще 16 октября Берлин официально предложил Болгарии присоединиться к Тройственному пакту.¹³⁸

Напрямую связанная с болгарской темой проблема черноморских проливов представлялась Кремлю, однако, слиш-

¹³⁶ В сталинских директивах, затрагивавших широчайший круг вопросов, – от японских концессий на Сахалине до балтийских проливов в Атлантический океан и от судьбы британской Индии до советских экономических интересов на о. Шпицберген в Северном Ледовитом океане, болгарский вопрос был назван «главным вопросом переговоров» [90, с.31].

¹³⁷ Разница состояла в том, что сама по себе гарантия не накладывала на принимающую ее сторону каких-либо военно-политических обязательств и, юридически, не предопределяла ее принадлежности к одной из воюющих группировок, тогда как заключение пакта о взаимопомощи приводило именно к таким результатам.

¹³⁸ «Тройственный пакт», также «Берлинский договор» – соглашение об экономическом и военно-политическом союзе, подписанное Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. в г. Берлине. Германия стремилась вовлечь в орбиту пакта как можно больше стран, видя в этом создание широкой прогерманской коалиции.

ком важной, чтобы удовлетвориться подобным исходом дела. Кроме того, его насторожил срочный вызов царя к Гитлеру вскоре после отъезда Молотова из Берлина. (Встревоженный молотовской настойчивостью в вопросе о Болгарии, фюрер решил заставить царя немедленно присоединиться к Тройственному пакту и, тем самым, пресечь дальнейшие попытки СССР добиться от Софии согласия на ввод войск). Действовать решили сразу по двум азимутам – через Софию и через Берлин.

18 ноября нарком имел беседу с болгарским посланником в Москве И. Стаменовым и заверил его, что "если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию¹³⁹ ей дал бы сейчас СССР", при сохранении ею своего внутреннего режима. Молотов так стремились добиться от болгар согласия, что буквально рассыпался в предложениях, начиная от поддержки всех их территориальных притязаний к соседям и заканчивая обещаниями поставок в нужном количестве хлеба, бензина и иных товаров, широкой скупкой продукции болгарского экспорта, предоставлением займа в любой валюте. Вместе с тем, пригрозил нарком, «если мы бы очутились перед фактом получения Болгарией гарантии

¹³⁹ Молотов опять все напутал, как и в случае с эстонцами. На самом деле, уже было решено вернуться к варианту договора о взаимопомощи. В возникшей путанице Сталин обвинил Стаменова (якобы тот в своем отчете в МИД Болгарии о беседе с наркомом вместо договора о взаимопомощи сообщил о предложении гарантии), что является ложью, совершенно очевидной из официальной советской записи беседы наркома с посланником.

своей безопасности со стороны какой-либо другой державы, это ухудшило бы и испортило бы советско-болгарские отношения».

Однако «царь Борис, – пишет Риббентроп, – был для идеи «русской гарантии» совершенно недоступен» [12, с. 179]. Еще бы: помимо прочего, перед его глазами стоял пример Прибалтики, советизированной всего двумя месяцами ранее. 24 ноября София ответила, что «благодарит советское правительство за дружественные чувства, проявленные в отношении Болгарии, но не видит необходимости принятия в данное время гарантии СССР, т. к. никто не угрожает Болгарии» [90, с. 109–111; 137–138].

Проведенная Молотовым «дипломатическая артподготовка» должна была содействовать успеху очередной атаки на болгар – миссии генерального секретаря НКВД А. А. Соболева, прибывшего в Софию 25 ноября 1940 г. для переговоров с премьер-министром Б. Филовым и царем Борисом. Соболев сделал им предложение заключить договор о взаимопомощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии»,¹⁴⁰ и организовать поставки вооружения. «При условии заключения пакта о взаимопомощи с СССР, – подытожил Соболев, – отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному Пакту трех держав. Впол-

¹⁴⁰ Т. е. в присоединении к ней, соответственно, территории Греции до Эгейского моря и европейской Турции до Босфора.

не вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту» [цит. по: 105, с. 8–9].

Последняя констатация Соболева была в этот же день продублирована в Меморандуме правительства СССР правительству Германии об условиях присоединения Советского Союза к Тройственному пакту и стала новым словом Москвы в «болгарском вопросе» [90, с.136]. Расчет делался на то, что таким путем будет проще получить согласие Берлина на советско-болгарский договор о взаимопомощи с вводом войск на ее территорию. Советско-германское взаимопонимание по «болгарскому вопросу», в свою очередь, избавляло Софию от необходимости делать болезненный и опасный выбор между Германией и Советским Союзом, что должно было содействовать получению ее согласия на договоренность с СССР.

Вместе с тем, серьезной ошибкой было возвращение от идеи гарантии к предложению о пакте взаимопомощи. Требовать от маленькой Болгарии защиты советских интересов на Черном море и в районе Проливов, а также безропотно участвовать, в силу союзнических обязательств, во всех геополитических играх Москвы, было чрезмерно и бесперспективно. Почему Кремль вдруг решил вернуться от варианта гарантии к намного более трудному варианту договора о взаимопомощи нам не известно. Официально Москва объясняла эту перемену тем, что вариант гарантии указывал на неравноправных характер отношений между предла-

гающей и получающей сторонами. В действительности, вероятно, сочли, что ради присоединения Советского Союза к Тройственному пакту Берлин пойдет на все, что угодно – и ошиблись.

Софийская миссия Соболева закончилась ожидаемо, т. е. безрезультатно. Царь заверил посланца Москвы, что Болгария «не чувствует» угрозы своей безопасности, и высказался за сохранение дружественных советско-болгарских отношений «без специальных демонстраций в этом направлении». 30 ноября Болгария официально отклонила советское предложение о договоре. В обоснование отказа София указала, что хотя «национальные интересы Болгарии были сильно ущемлены» Версальской системой договоров, добиваться исправления этих несправедливостей она намерена «только мирным путем и мирными средствами». Кроме того, возлагаемое на Болгарию проектом договора обязательство защищать интересы СССР в Черном море и Проливах является для нее как небольшого государства чрезмерным и создающим угрозу столкновений. Наконец, указывалось, что Болгария уже обещала присоединиться к Тройственному пакту и не считает возможным нарушить данное ею слово, тем более что это «не только бы огорчило дружественную нам и Советскому Союзу страну (т. е. Германию. – *Авт.*), но даже могло бы вызвать ее основательные подозрения» [90, с.158–161].

Миссия Соболева стала провальной во многих смыслах. Действуя через Коминтерн, Кремль приурочил к ней орга-

низованную силами болгарских коммунистов акцию массовой поддержки советских предложений под лозунгом «Требуем пакта с СССР», получившую в истории специальное название «Соболевская акция». Акция вышла по-настоящему массовой, однако ее оказалось недостаточно, чтобы заставить правительство капитулировать. Царь негодовал, заявив в одной из частных бесед: «Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, (требуя присоединения Болгарии к Тройственному пакту. – *Ред.*) Сталин оказывает нажим через мой собственный народ» [цит. по: 105, с. 8]. Миссию же Соболева он назвал одним из самых неприятных дней его жизни.

Размах просоветской акции встревожил и Берлин, который принялся с особой энергией требовать скорейшего вступления Болгарии в Тройственный пакт с тем, чтобы поставить СССР и его сторонников внутри страны перед свершившимся фактом и закрыть вопрос. Для Бориса, отчаянно пытавшегося оттянуть неизбежный момент присоединения, этот побочный эффект «Соболевской акции» был особенно неприятен. В крайнем раздражении он бросил фразу: «Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моем решении еще потянуть время в вопросах с немцами». Впрочем, успокоившись, он «потянул» с присоединением Болгарии к «Тройственному пакту» еще ровно три месяца.

Кремль тяжело переживал полученный в Болгарии

афронт; однако, сделав себя добровольным заложником германской внешней политики, не имел рычагов оказать противодействие. Впрочем, 6 декабря была предпринята еще одна безуспешная попытка переубедить болгар, воспользовавшись путаницей из-за разночтения между советскими предложениями: от имени правительства СССР полпред А. А. Лаврищев предложил вернуться к варианту гарантии как менее обременительному для Болгарии [130, с. 246]. 18 декабря София ответила отказом [90, с.211].

После этого оставалось только сотрясать воздух. 13 января 1941 г. появилось весьма странное Заявление ТАСС по вопросу о ситуации вокруг Болгарии. В нем опровергалась информация неназванных органов «иностранной прессы» о том, что «в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск и переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР». ТАСС уполномочивался заявить, что ни германская, ни болгарская стороны не обращались к правительству СССР с запросами относительно пребывания, переброски или пропуска германских войск в Болгарию и, следовательно, не могли получить от СССР какой-либо ответ [Правда. – 1941. – 14 января]. Видимо, в Москве просто искали повод «напомнить о себе» Софии с тем, чтобы заставить ее отказаться от присоединения к Тройственному пакту.

Через четыре дня, 17 января, Кремль решил повысить голос и предъявить претензию Германии уже безо всяких

экивоков. В ходе беседы с Шуленбургом Молотов зачитал ему Заявление правительства СССР следующего содержания: ««По всем данным, германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию [...] Советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР. Ввиду всего этого советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением интересов безопасности СССР» [90, с. 344]. Несмотря на угрожающий тон заявления, сделано оно было Молотовым как-то между прочим, без должного акцентирования. Видимо, нарком понимал, что это холостой выстрел.

1 марта 1941 г. в Вене был подписан протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, о чем правительство страны в тот же день официально уведомило правительство СССР. В уведомлении отмечалось, что болгарское правительство ответило согласием на просьбу Германии разрешить вступление ее войск на территорию страны в качестве временной меры, имевшей целью сохранение мира на Балканах. Выражалась надежда, что эта мера будет правильно понята и не ухудшит отношения между Болгарией и СССР.

Утром 2 марта германские войска перешли по наведенным мостам Дунай и вступили на болгарскую землю.

В ответной ноте от 3 марта правительство СССР заявило, что не считает правильной позицию, занятую болгарским руководством, поскольку она "ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии" [91, с. 448]. 8 апреля НКВД разослал по советским представительствам циркулярное письмо, содержащее указание полпредам «предупредить правительства балканских государств, активно поддерживающих Германию, об опасности для дела мира на Балканах, которая является следствием такой политики». Никаких немедленных последствий для Болгарии и других балканских стран ни заявление, ни письмо, конечно, не имели. Борьба за Софию, а с учетом румынской ситуации (см. ниже) – за Балканы, была проиграна.

Особый характер русско – болгарских отношений вынудил Гитлера принять отказ царя Бориса от участия его армии в боевых действиях против СССР. Дело ограничилось предоставлением в пользование немцам территории страны и ее транспортной инфраструктуры (порты, аэродромы, дороги), поддержанием оккупационного режима в приграничных областях Греции и Югославии, а также выполнением некоторых небоевых задач в интересах Вермахта, вроде организации госпиталей и санитарных поездов. Дипломатические отношения между Москвой и Софией поддерживались на протяжении почти всей войны и были разорваны в сен-

тябре 1944 г. ввиду объявления Советским Союзом войны Болгарии.

Румыния

По причинам, общим для всех консервативно-клерикальных режимов небольших лимитрофных государств, Бухарест опасался своего большого и беспокойного пролетарского соседа. Кроме того, отношения между странами были серьезно отягощены двумя неурегулированными вопросами. Речь шла о возвращении Советскому Союзу незаконно аннексированной в 1918 г. Бессарабии и, с другой стороны, о возврате Румынии ее государственного золотого запаса общим весом около 70 тонн, а также государственных архивов, вывезенных в целях безопасности на хранение в Россию во время первой мировой войны. В результате «боярская Румыния» оказалась в числе всего трех стран, отношения с которыми Москва заклеила тавром классовой непримиримости (двумя другими были «белогвардейская Финляндия» и «панская Польша»). Ситуацию усугублял союзный военно-политический договор, заключенный в 1921 г. между «боярским» Бухарестом и «панской» Варшавой и представлявший, в глазах Москвы, угрозу ее безопасности.

Вместе с тем, оставлять бессарабский вопрос навсегда в подвешенном состоянии было невозможно, тем более что Румынии не удалось добиться международного признания

результатов аннексии.¹⁴¹ Поэтому уже в 1924 г. предпринимается первая попытка его решения во время встречи делегаций двух стран в Вене, однако сделанное тогда советское предложение определить судьбу Бессарабии путем проведения плебисцита не было реализовано [38, с. 165–168]. В 1927, 1928 и 1932 гг. Бухарест через польское и французское посредничество выступает с инициативой заключения с Москвой пакта о ненападении, видимо рассчитывая «растворить» в нем бессарабскую проблему, но этот номер не проходит.

Вместе с тем, Румынию как страну *status quo* обнадеживала эволюция советской внешней политики начала 30-х годов в сторону создания системы европейской коллективной безопасности, призванной «увековечить» существующее на Балканах положение вещей, полностью устраивавшее Бухарест. Начиная с весны 1934 г., Румыния проявляет стремление стать частью восточно-европейской системы безопасности, которую пытались создать Москва и Париж. 9 июня 1934 г. нарком М. М. Литвинов и министр иностранных дел Н. Титулеску путем обмена нотами установили дипломатические отношения между двумя странами;¹⁴² при этом «бес-

¹⁴¹ Парижский протокол о признании за ней права владения провинцией, подписанный в 1920 г. Великобританией, Францией, Италией и Японией в качестве держав – победительниц, а также самой Румынией, не вступил в законную силу ввиду отказа Японии ратифицировать его. США также отказались «быть участником международного договора, предусматривающего расчленение России».

¹⁴² На должность полпреда был назначен торговый представитель СССР во

сарабский вопрос» не упоминался.¹⁴³

Заключение в 1935 г. между Москвой и Парижем договора о взаимопомощи, в чем Н. Титулеску сыграл заметную посредническую роль [107, с. 153; 109, с. 346–347] подводило под советско-румынские отношения общий французский фундамент. В середине июля 1936 г. на специальном заседании румынский кабинет пришел к следующему выводу: «В области внешней политики мы – за соглашение с СССР, союзником наших союзников – Франции, Чехословакии и Турции [...] Мы не можем быть в одно и то же время и союзником Франции, и недругом России – союзницы Франции».

В Бухаресте справедливо полагали, что именно соглашение с СССР должно стать стержнем всей системы договоров в рамках Балканской и Малой Антант, созданных для поддержания выгодного им статус кво в регионе, и что оно «только и может реально придать этим союзам эффективность» [цит. по: 104, с. 339]. (Поэтому инициатива заключения пакта о взаимопомощи, по признанию М. М. Литвинова, «всегда исходила от Титулеску» [108, с. 96].) В то же время, верно и обратное: ввиду польской неуступчивости именно договор с Румынией мог обеспечить проход советских войск на помощь Чехословакии и, тем самым, поставить до-

Франции М. С. Островский. Его кандидатура отвечала трем из четырех (кроме первого) пожеланиям Титулеску к будущему полпреду: не еврей; не похож на большевика; говорит по-французски; способен общаться с румынскими дамами.

¹⁴³ Согласно достигнутому ими «джентльменскому соглашению» упоминание этого вопроса было табуировано.

толе платонические, в значительной мере, отношения Парижа, Праги и Москвы в области взаимопомощи на реальную основу. Следствием стало бы изменение не только регионального, но общеевропейского политического климата.

Однако все попытки Бухареста встроиться в создаваемую систему безопасности не находили отклика в Москве, фактически саботировавшей достижение договоренности. Переговоры, впрочем, начались, но долгое время упирались в противоречия сторон по двум вопросам. Во – первых, Москва была против определения территории, на которую распространялось действие договора, усматривая в этом косвенное признание аннексии Бессарабии. Во – вторых, настаивала, чтобы договор был направлен не только против германской, но и любой другой агрессии, намекая на вариант нападения Польши на СССР. В случае принятия этого требования, считали в Москве, под очень беспокоивший ее польско-румынский союзный договор 1921 г. была бы подложена мощная мина замедленного действия. С целью сдвинуть дело с мертвой точки в ноябре 1935 г. Н. Титулеску внес новое предложение: смоделировать соглашение по апробированному образцу советско-чехословацкого договора о взаимопомощи [26, с. 666]. Но и это не помогло.

Бесплодные переговоры Титулеску и наркома продолжались всю первую половину 1936 г. и закончились отказом последнего от самой идеи договора под в высшей степени странным и неожиданным предлогом гипотетической «гит-

леризации Румынии». ¹⁴⁴ «Вы что, г-н Титулеску, думаете, что мы заключим договор о взаимопомощи с такими странами, как Ваша, в завтрашней судьбе которой мы не уверены?» – заявил он 29 июня 1936 г. [108, с. 69].

Неловко комментировать столь абсурдный довод, но придется. В румынских условиях внутренняя политика была проекцией политики внешней, а не наоборот, как в силу монархического принципа правления, так и потому что главные заботы страны – в вопросах безопасности и территориальной целостности, целиком лежали в сфере международных отношений. Литвинов понимал эту взаимосвязь, но в случае с Румынией почему-то требовал от нее невозможного. В его письме М. С. Островскому от 13 января 1936 г. читаем: «Вполне признавая большу́ю опасность (для СССР. – *Авт.*) ориентации Румынии на Германию, я отнюдь не думаю, чтобы эта опасность окончательно устранялась пактом (с СССР. – *Авт.*)» [108, с. 58–59]. Такой гарантии, разумеется, не было, да и быть не могло. Гарантировать можно было иное: что оставленная один на один с Германией страна будет вынуждена приспособливаться к ней сначала внешнеполитически, а потом допустить к власти внутри страны прогерманские праворадикальные силы. Что и произойдет в конечном счете.

¹⁴⁴ Ее он усмотрел в антисемитской выходке одной румынской газеты против министра иностранных дел Франции Луи Барту и в запрещении к показу какого-то советского фильма.

Невозможно представить, чтобы Литвинов не понимал столь очевидных вещей, и его ссылка на «гитлеризацию» выглядит абсолютно надуманной. Возможно, дело в том, что еще в конце 20-х годов Сталин в личном споре с наркомом запретил ему любое отступление от жесткой официальной позиции по бессарабскому вопросу ради строительства отношений с Румынией. Судя по одной из реплик Литвинова, позиция вождя могла объясняться его нежеланием идти на конфликт с могущественной советско-партийной номенклатурой Украины, к которой тогда относилась аннексированная провинция. У нас нет иного объяснения причины более чем прохладного отношения Литвинова к заключению советско-румынского договора о взаимопомощи, без которого рассыпалась вся система коллективной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе, а в столь любезной его сердцу общеевропейской системе сдерживания Германии возникала огромная брешь на востоке.

После упомянутого выше разговора обескураженный министр подал прошение об отставке, но кабинет отклонил его и дал Титулеску карт-бланш подписать договор на условиях по собственному усмотрению. Это позволило министру выполнить поставленные Москвой два условия *sine qua non*.¹⁴⁵ во-первых, отказаться от определения территории сторон договора; во-вторых, распространить действие договора на случай агрессии со стороны любого государства, а не только

¹⁴⁵ *Conditio sine qua non*: неперенное, необходимое условие (лат).

Германии.

На базе этих компромиссных предложений 20–21 июля 1936 г. М. М. Литвинов и Н. Титулеску выработали основные принципы договора о взаимопомощи между двумя странами. Проект не предусматривал размещения войск одной стороны на территории другой на постоянной основе; они могли быть введены исключительно по ясно выраженной просьбе принимающей стороны и по такой же просьбе должны были покинуть занимаемые места в течение установленного срока. Virtuозно обходился молчанием вопрос о территориальной принадлежности спорной провинции не только де-юре, но и де-факто.

Несогласованным оставался всего один вопрос – об условиях применения военных статей договора. Министр напрямую связал его с фактическим оказанием вооруженной помощи Румынии со стороны Франции в силу действовавшего франко-румынского договора о взаимопомощи, а нарком возражал против такой увязки и высказывался за автоматическое выполнение сторонами своих договорных обязательств. Между тем, годом ранее, при заключении аналогичного договора с Чехословакией, Политбюро дало НКВД прямо противоположную директиву: «В пакте должно быть ясно сказано, что помощь против нападения на территорию СССР и Чехословакии оказывается лишь в тех случаях, когда на помощь жертве нападения выступает и Франция» [109, с. 326; 26, с. 336]. Причины столь кардинального отличия усло-

вий вступления в силу двух схожих в остальном договоров нам не известны. Можно только предположить, что поскольку в данном случае речь шла о вводе войск конкретно на территорию Бессарабии, в Москве не хотели ставить шанс оказаться там в зависимость от решения Парижа.

Работа над договором в тот раз так и не была завершена ввиду советских возражений, а затем отставки Н. Титулеску с должности министра.¹⁴⁶ Одновременно с этой отставкой безвозвратно ушла в прошлое эпоха «сердечного согласия» в отношениях двух стран. В правительстве Румынии усилились позиции противников промосковской ориентации. В Бухаресте вновь стали проявлять активность притихшие было представители германской и польской дипломатии. Крайне разочарованной неудачей советско-румынских переговоров о пакте была Прага. В Москве, однако, как выразился Литвинов, «поставили крест» на отношениях с Бухарестом и приняли решение занять пассивную позицию «в том смыс-

¹⁴⁶ По этому поводу газета «Известия» выразила беспокойство относительно будущей ориентации румынской внешней политики и пролила несколько крокодильих слезинок, посетовав на то, что «мир потерял самого активного друга» [Известия. – 1936. - 1 ноября]. Можно с уверенностью предположить, что эта оценка общей ситуации и личной роли Н. Титулеску, записанная под диктовку Литвинова, была его истинным отношением к произошедшему. Отставка министра не имела прямого отношения к переговорам с СССР, а произошла по иным причинам (без санкции правительства принял решение о продаже боевых самолетов республиканской Испании, чем бросил вызов фашистским Италии и Германии), хотя, конечно, неуспех этих переговоров ослабил позиции министра в правительстве и скомпрометировал саму идею просоветской ориентации, с которой ассоциировалось его имя.

ле, – разъясняя нарком в письме Островскому от 13 ноября 1936 г., – что мы не будем пока предлагать Румынии никаких пактов или заключения других политических актов» [35, с. 566–567].

Румынской реакцией на безрезультатные переговоры с Москвой стало заявление нового министра иностранных дел В. М. Антонеску о том, что Румыния не намерена заключать с СССР пакт о взаимопомощи. Вместо этого 28 апреля, министр предложил подписать договор о ненападении и консультациях, взяв в качестве примера заключенный месяцем ранее подобный договор между Италией и Югославией. Однако времена доверительных отношений и «джентльменских соглашений» прошли, и в качестве неперемного условия Антонеску поставил признание Советским Союзом бессарабского статус кво [108, с. 143]. 3 мая Политбюро согласилось с идеей переговоров «на базе пакта, аналогичного итало-югославскому», при этом указав НКВД «ни в каком случае не связывать переговоров о том или ином пакте с вопросом о Бессарабии» [109, с. 351]. Это решение стало похоронным звоном по идее советско-румынского договора о взаимопомощи. Как справедливо замечает историк О. Кен, «тем самым во многом был предрешен мюнхенский исход международных кризисов наступающего 1938 г.» [110, с. 336–360]. Добавим: а еще через пару лет – крах балканской политики Кремля и, как следствие, вступление румынской армии на территорию СССР в июне 1941 г.

Разочаровавшись в перспективах франко-советской ориентации своей внешней политики, Румыния решает связать судьбу с Великобританией. Это нашло отражение в решениях состоявшегося 24 мая 1938 г. политического совещания с участием короля Кароля II. В них, в частности, отмечалось: «Франция переживает кризис, хотя и находится на пути к выздоровлению. Но у нас есть Великобритания. Там мы можем бросить якорь нашей политики» [цит. по: 111, с. 362–363].

Действуя в рамках этой концепции, в апреле 1939 г. Бухарест согласился принять англо-французские гарантии безопасности. Более того, начавшиеся как раз в это время трехсторонние консультации между Москвой, Лондоном и Парижем по проекту создания системы коллективной безопасности открывали возможность возобновления переговоров о военно-политическом сотрудничестве Румынии с СССР. В беседах конца апреля – начала мая 1939 г. с премьер-министром Великобритании лордом Галифаксом и У. Черчиллем новый министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заявил, что «в случае войны советская помощь Румынии была бы очень желательна» и что «Румыния не может обойтись без советской помощи» [22, док. № 303; 21, с. 324]. Около того времени Румыния также категорически отказалась присоединяться к Антикоминтерновскому пакту.

Однако удержаться и на этом рубеже эволюции ее внешней политики ей не удалось. Заключение пакта Молото-

ва-Риббентропа создавало совершенно новую ситуацию в международном положении страны, оставив ее в глубокой внешнеполитической изоляции со стороны суши и обесценив в значительной мере гарантии, данные двумя западными державами. *Такая* Румыния не представляла военной угрозы тылам Германии на случай войны на Западе и была беззащитна перед ее политико-экономической экспансией. 25 августа 1939 г. Гитлер с воодушевлением пишет Муссолини об эффекте заключения пакта-39: «Могу сказать Вам, Дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется [...] что уже более не существует возможности участия в подобном конфликте Румынии! [...] Я повторяю еще раз, что Румыния уже не находится в положении, когда она могла бы принять участие в выступлении против Оси!» В ответном письме Гитлеру от того же дня Муссолини соглашается: «Московский договор блокирует Румынию и может изменить позицию Турции [...] Новая позиция Турции разрушит все планы французов и англичан в восточном Средиземноморье» [23, док. № 35, 36].

С целью лишить Бухарест последней надежды – на союзническую помощь со стороны моря – 4 и 5 сентября 1939 г. Шуленбург по поручению Берлина обращается к Молотову с просьбой повлиять на Турцию, чтобы та закрыла Проливы для возможной переброски англо-французских войск в Румынию. «Молотов ответил, – говорилось в сообщении посла в МИД Германии, – что советское правительство имеет на

Турцию большое влияние и использует его в выгодном для нас духе» [23, док.№ 40].

Пример брошенной союзниками на произвол судьбы Польши, а затем нападение СССР на Финляндию, рисовали совсем уже безрадостную картину будущего Румынии. 8 сентября она заявила о своем нейтралитете в начавшейся войне, а в конце месяца кабинет специально обсуждал вопрос о путях налаживания с СССР более тесных отношений; в Москву посылались различные сигналы дружбы [36, с. 142]. В ответ Кремль усилил «войну нервов», готовя Румынию к неприятному разговору о Бессарабии. С февраля 1938 г. оставался вакантным пост полпреда в Бухаресте.¹⁴⁷ Несмотря на неоднократные просьбы и обращения румынской стороны вопрос о назначении нового полпреда не решался, что было явно недобрым предзнаменованием. Советское правительство отказывалось от обмена военными атташе и уклонялось от румынских предложений по интенсификации торгового и культурного обмена между двумя странами.

Между тем, Бухаресту стала известна советско-германская договоренность по Бессарабии, и там стали рассматривать провинцию как отрезанный ломоть [36, с. 132–133]. Нападение СССР на Финляндию не оставляло Румынии уже никаких надежд. 11 декабря полпредство следующим образом суммировало настроения ее правящих кругов: «Они

¹⁴⁷ Полпред М. С. Островский был отозван в Москву и репрессирован.

считают, что после Финляндии придет их черед. Они мечтают удержать лишь их прежнюю территорию» [36, с. 396]. В январе 1940 г. началась эвакуация промышленного оборудования из Бессарабии, ее не касались военные мероприятия по укреплению обороны, проводимые генштабом румынской армии [64, ф. 06, оп. 2, п. 22, д. 273, л. 3].

Речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г., в которой одной из первоочередных внешнеполитических задач страны было названо решение «бессарабской проблемы», окончательно обнажила иллюзорный характер данных Румынии англо-французских гарантий безопасности, поскольку воевать за нее с Советским Союзом они, конечно, не собирались. Оставалось искать поддержки у Берлина.

Германская дипломатическая миссия в Бухаресте сразу разглядела «окно возможностей», открывавшееся перед Рейхом «благодаря» советской политике угроз. «Хотя англо-французское влияние (в Румынии. – *Ред.*) сильно и активно, – телеграфировала миссия в Берлин 1 апреля 1940 г., – страх перед СССР позволит Германии продвинуть свои интересы» [93, р.61]. Действительно, уже на следующий день после выступления Молотова премьер-министр Г. Татареску (другой вариант написания Тэтэреску) обратился к Германии с просьбой ускорить перевооружение румынской армии, а также повлиять на Москву с целью убедить ее отка-

заться от требования возвращения Бессарабии.¹⁴⁸ 15 апреля король Кароль II высказался за вхождение страны в германский политический блок. 28 мая 1940 г. новая внешнеполитическая ориентация Румынии была закреплена т. н. «нефтяным пактом» – торговым договором с Германией, который предусматривал значительный рост поставок нефти (на 30 процентов) в обмен на германские вооружения.

Тем временем в СССР начались приготовления к силовой акции. В апреле-мае 1940 г. приступили к скрытой концентрации войск на советско – румынской границе, а также на границе с союзной Румынии Турцией, о чем говорилось выше. 9 июня Наркомат обороны дал директиву готовить операцию по возвращению Бессарабии. К 17 июня план операции был готов и предусматривал два варианта развития событий – мирный и немирный, в зависимости от позиции Бухареста. Во втором случае имелось в виду, задействовав 460 тысяч военнослужащих, 12 тысяч орудий и минометов, 3 тысячи танков, в результате охватывающих фланговых ударов окружить группировку румынских войск в районе Бельцы – Яссы. На случай мирного решения конфликта также предусматривался ввод войск, но в меньшем количестве, с целью выдавливания румынских военных и гражданских властей с занимаемой территории, поддержания там порядка и, в конечном счете, установления новой государственной грани-

¹⁴⁸ Как выразился Риббентроп: «До фюрера дошел вопль румынского короля о помощи» [12, с. 172].

цы.

В Москве были ошеломлены картиной германского блицкрига на Западном фронте. Возникли сомнения в том, что в новых условиях Берлин останется верен взятым на себя обязательствам, тем более что теперь СССР претендовал еще и на румынскую Буковину, о которой в секретных протоколах не было речи. Эти сомнения развеяли имевшие место 23–26 июня четыре беседы Молотова с Шуленбургом. В итоге посол подтвердил, что Германия продолжает придерживаться августовской договоренности 1939 г. по Бессарабии и открыто не выступит против советской оккупации Буковины, если она ограничится северной ее частью. (Поначалу Молотов преднамеренно не сделал такого уточнения). В Москве приняли к сведению немецкие пожелания, и в последней из этой серии бесед с Шуленбургом 26 июня нарком уже определенно заявил, что советские притязания «ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы» [14, с. 365–366, 374–376].

Заручившись согласием Берлина, в тот же день в 22.00 Молотов вызвал румынского посланника в СССР Г. Давидеску и передал ему ноту советского правительства. В ноте излагалась его версия истории бессарабского вопроса, и содержались следующие требования: «1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте». Одновременно Москва выразила надежду, что Ру-

мыния «примет настоящее предложение СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт». Ответ румынского правительства ожидался в течение следующего дня [14, с. 385–386].

Обращения румынского правительства к правительствам Германии и Италии за защитой от СССР, разумеется, ничего не дали. «Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом, – говорилось в инструкциях Риббентропа германскому посланнику в Бухаресте, – мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства» [23, док. № 115]. В этом же духе Бухаресту ответили Италия и страны Балканской Антанты.

27 июня за час до полуночи Давидеску вновь посетил Молотова, чтобы вручить ответ своего правительства. В этом документе, однако, нарком не нашел главного – однозначного согласия Бухареста на советские требования. Говорилось лишь о готовности обсуждать вопросы, касающиеся Бессарабии и Северной Буковины. Чтобы не сорвать переговоры и не доводить дело до войны, Молотов предложил посланнику прямо на месте подписать соглашение о занятии советскими войсками, начиная с 28 июня, определенных пунктов и территорий, а остальной территории – еще в течение 3–4 дней. Доработку деталей предлагалось поручить специальной комиссии. Указав на отсутствие полномочий, Давидеску отказался подписывать такое соглашение.

Тогда Молотовым была подготовлена новая нота и про-

длен срок поступления ответа до 12 часов следующего дня. Основные пункты ноты гласили: «1. В течение 4-х дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить румынским войскам территории Бессарабии и северной части Буковины. 2. Советским войскам за этот же период занять территории Бессарабии и северной части Буковины. 3. В течение 28 июня советским войскам занять пункты: Черновцы, Кишинев, Аккерман». Ответственность за сохранность имущества на оставляемых территориях возлагалась на правительство Румынии. В дальнейшем предусматривалось создание комиссии для решения спорных вопросов [14, с. 380–384, 389].

Соотношение сил между Румынией и СССР, с одной стороны, и отсутствие международной поддержки – с другой, вынудили Бухарест принять советские требования, хотя значительная часть членов Коронного совета продолжала высказываться за оказание вооруженного отпора притязаниям Москвы. Свою роль сыграло заверение, данное королю (с намеком на скорую советско – германскую войну) представителем Берлина в Румынии М. фон Киллингером в том, что «уступка Советскому Союзу будет иметь временный характер». В 11 часов 28 июня посланник Давидеску вручил Молотову ответ румынского правительства, в котором говорилось, что оно с целью «избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным при-

нять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе» [«Известия».-1940. – 29 июня].

Очевидно, что в румынской ноте было недвусмысленно заявлено о непризнании Бухарестом легитимности подобно-го «урегулирования» застарелого спора под угрозой применения силы. Таким образом, в международно – правовом отношении бессарабский вопрос не получил своего окончательного решения и не мог считаться закрытым. Румыния его «поднимет» вновь 22 июня, направив свои войска на реконкисту утерянных территорий и дальше на восток, до Северного Кавказа и Волги включительно.

Практически немедленно после получения румынской ноты части РККА приступили к занятию территории Бессарабии и Северной Буковины. 1–3 июля новая граница была в основном установлена. Однако возникли и некоторые сложности. Так, румынская сторона настаивала на возвращении города Герц с окрестностями как по ошибке отнесенных к Северной Буковине, в составе которой они никогда не находились. Другим пунктом разногласий стало, по какому из протоков Килийского гирла (главного рукава Дуная при впадении в Черное море) должна проходить граница. Затягивание советской стороной окончательного размежевания на некоторых участках границы указывало на вероятность предъявления новых территориальных требований, что в действительности затем и произойдет.¹⁴⁹

¹⁴⁹ Вплоть до самой войны процесс демаркации границы на всем ее протяжении

Официально провозглашенными целями бессарабской операции были восстановление исторической справедливости, а также забота о собирании украинского этноса под общей государственной крышей. Стратегической целью было занятие выгодных оборонительных рубежей, которые, вместе с тем, являлись бы удобным плацдармом для наступления. Речь шла об отнесении границы от Одессы и Севастополя и развертывании обороны по естественному рубежу Карпатские горы – берег Дуная. В видах наступательной стратегии бессарабский прыжок в сторону Болгарии, следовательно, Проливов, также имел, в глазах Кремля, большое значение. Оккупация Северной Буковины мотивировалась стратегическими соображениями и обеспечила СССР возможность контроля над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов.

Бессарабско-буковинская катастрофа продемонстрировала румынскому руководству полный крах просоюзнической внешнеполитической ориентации страны. Полученные весной 1939 г. англо-французские гарантии безопасности оказались пустышкой. Да и сама коалиция потерпела сокрушительное поражение. В этой ситуации Бухарест принял окончательное решение о переходе страны на сторону реальной силы, т. е. в германский лагерь. 1 июля Румыния заявила об отказе от англо-французских гарантий и обратилась к Германии с предложением расширить политическое сотрудни-

чество, а также прислать военную миссию. 2 июля король Кароль II направил Гитлеру послание, в котором предложил заключить между двумя странами «оборонительный и наступательный союз». Как выразился Риббентроп: «чтобы Румыния нашла дорогу в Берлин, Германии нужно было оккупировать Париж» [цит. по: 104, с. 353]. С этим можно согласиться, только добавив: «...а Советскому Союзу – Бессарабию и Буковину». 17 июля Геббельс записывает в дневнике: «Король Кароль желает германской военной оккупации. Все равно, когда и где. Страх перед Москвой» [7, с. 216].

Между тем, в июле – августе два других соседа Румынии, – Болгария и Венгрия, формально предъявили к ней территориальные претензии на Южную Добруджу и Трансильванию соответственно. Великие державы выступили в поддержку требований Софии и Будапешта, ввиду чего Бухаресту пришлось согласиться на обсуждение этих вопросов. Болгарско-румынские переговоры, как указывалось выше, довольно быстро завершились соглашением о возвращении Южной Добруджи в состав Болгарского государства. Венгерско – румынские переговоры, напротив, зашли в тупик, в связи с чем Будапешт известил Берлин, что готов к военному решению вопроса.

Германии был крайне невыгоден вооруженный конфликт между двумя ее потенциальными союзниками в вероятной войне против СССР и главными поставщиками нефти и зерна. Поэтому во изменение предыдущей политики она согла-

силась выступить третейским судьей в венгеро-румынском споре. Другим судьей стала Италия. 30 августа в Вене И. Риббентроп и итальянский министр иностранных дел граф Г. Чиано продиктовали румынской и венгерской делегациям свое решение о передаче территории Северной Трансильвании из состава Румынии в Венгрию.¹⁵⁰ Взамен Германия и Италия дали Румынии гарантию ее новых границ.

Эта гарантия пришлась Румынии очень кстати, поскольку на Трансильвании ее территориальные злоключения не закончились. В беседе с Шуленбургом 9 сентября Молотов высказался в том смысле, что вопрос о Южной Буковине остается открытым. (Советские притязания на эту территорию были подтверждены Молотовым и в ходе берлинских переговоров с Гитлером [90, с. 65]). На следующий день, принимая нового румынского посланника в Москве, которым стал ушедший в отставку министр иностранных дел Григоре Гафенку, Молотов заявил, что советское правительство рассматривало как минимальные территориальные требования, выставленные Румынии двумя с половиной месяцами ранее [14, с. 583–584, 589–590]. (Действительно, в памятной записке правительства СССР, переданной в то время правительству Италии, фактически предлагалось заключить соглашение между Советским Союзом, Германией и Италией

¹⁵⁰ Эта конференция получила название «Второй Венский арбитраж». Первый Венский арбитраж под председательством Германии и Италии состоялся 2 ноября 1938 г. и решил вопрос о передаче Закарпатской Украины из состава Словакии в Венгрию.

о расчленении Румынии [14, с. 373]).

В Бухаресте подобное заявление было справедливо расценено как указание на возможность предъявления притязаний на Южную Буковину. В ответ принимается решение о материализации германской гарантии: 15 сентября 1940 г. в Бухарест по приглашению премьер – министра страны И. В. Антонеску прибыл германский генерал Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. В ходе бесед с ним Антонеску высказал опасения относительно советской угрозы и просил Германию направить войска для укрепления и обучения румынской армии и гарантии безопасности страны.

Одновременно был поднят вопрос о заключении военного союза между Румынией и Германией, и результаты не заставили себя ждать: уже в начале октября 1940 г. в Румынию прибыли первые контингенты германских войск, а 22 ноября в Берлине Антонеску подписал договор о присоединении страны к Тройственному пакту. Со своей стороны, Гитлер пообещал румынскому премьеру, что «Германия будет поддерживать Румынию во всех отношениях – и в политической, и в экономической областях. С этого момента существование румынского государства будет гарантировано всеми германскими вооруженными силами». Командование Вермахта принялось наращивать численность своих сил в Румынии ускоренными темпами, готовясь к выполнению поставленных перед ними задач по охране нефтепромыслов,

защите Болгарии от возможного нападения со стороны Турции и подготовке плацдарма для вероятной войны с СССР.

Еще одним пунктом советских притязаний был контроль над нижней частью Дуная, в особенности выходом из него в Черное море. Москва стремилась закрепить за СССР и Румынией исключительное право на проход их военных судов через принадлежащее Румынии Сулинское гирло, наиболее удобное для навигации. СССР требовал также для своего флота права якорной стоянки в дунайских портах Галаце и Браиле, что имело бы результатом взятие под советский контроль выхода в Черное море.

Эти требования были предъявлены советской делегацией в ходе работ Дунайской конференции осенью 1940 г., в которой участвовали также представители Германии, Италии и Румынии. Поскольку оно было ими отвергнуто, СССР избрал путь односторонних действий. Во время визита Молотова в Берлин корабли сформированной в июне 1940 г. Дунайской речной флотилии захватили дюжину маленьких островков в Килийском гирле устья Дуная и установили полный контроль над главным руслом Старо-Стамбул, по которому килийские воды впадают в море. Затем они попытались захватить румынскую часть дельты Дуная, но были отогнаны встречным огнем кораблей румынской дунайской флотилии. Во время встречи с первым заместителем наркома А. Я. Вышинским 12 ноября посланник Гафенку протестовал против занятия островов. «Протест я отклонил, – отмечается в за-

писи беседы замнаркома, – заявив, что действия наши правильные» [90, с. 79].

Таким образом, имея в виду перспективу 22.06.41, можно с уверенностью сказать, что политическая подготовка выступления Румынии против СССР на стороне фашистской Германии была «успешно» завершена советской «дипломатией в сапогах». Предпринятая Молотовым в ходе берлинских переговоров попытка заполучить еще и Южную Буковину прочно ставила идеи опоры на Германию и реванша в центр всей внешней политики Бухареста.

В Москве, видимо, считали, что сумеют решить эту проблему. Летом 1940 г. Наркоматом обороны и генштабом РККА был разработан план на случай военных действий против Германии, предусматривавший нанесение удара вдоль южной Польши по линии Люблин – Краков – Братислава. Этот удар должен был отсечь балканские страны от Германии и, тем самым, оказать решающее воздействие на их позицию в начавшейся войне в выгодном для СССР духе.

Замысел, однако, терял всякий смысл и становился заведомо гибельным с военной точки зрения в случае превентивного размещения значительного числа германских войск в Румынии (а следом в Венгрии и Болгарии),¹⁵¹ что, собственно говоря, и произойдет. Начав с присылки 25 – тысячного контингента в первой декаде октября 1940 г., к весне следующего года Вермахт нарастил его, по разным источникам,

¹⁵¹ Т.е. на «отсекаемой» территории.

до 370–500 тысяч человек.¹⁵² Разработанный весной-летом и утвержденный ранней осенью 1940 г., план безнадежно устарел к весне 1941-го, что означало фактический провал военно-политического планирования Кремля на балканском направлении. Впрочем, это было не более чем частное проявление банкротства всей внешнеполитической стратегии, взятой на вооружение в августе 1939 г.

Весной 1941 г. Москва несколько изменила курс и приняла некоторые шаги, чтобы умиротворить обиженную соседку. В докладе своему министру от 25 апреля Гафенку отмечает: «Возможное столкновение между Германией и Советской Россией... вынуждает советское правительство пересмотреть свою политику в отношении соседних государств. СССР заинтересован осветить и выяснить отношения добрососедства, устанавливая как можно более точные пограничные линии. Обращаю внимание на то, что и нам показывают в последнее время некоторую озабоченность такого рода» [108, с. 484]. Действительно, в конце мая Москва довела до сведения румынского правительства, что "готова решить все территориальные вопросы с Румынией и принять во внимание определенные пожелания относительно ревизии [границ], если Румыния присоединится к советской политике мира", т. е. выйдет из Тройственного пакта [113, с. 96].

¹⁵² Разница в оценках объясняется частыми перебросками войск из Румынии в Болгарию и дальше на юг и обратно.

14 мая *кондуктор* генерал Антонеску телеграммой проинструктировал посланника, что «румынское правительство не торопится возобновлять румыно – советские переговоры в отношении делимитации демаркационной линии» с тем, «чтобы захват Бессарабии и Северной Буковины остался охарактеризованным как силовой акт, который Румыния приняла только как таковой. Мы не имеем никакого интереса легализовать этот акт...» В телеграмме содержался намек на скорое нападение Германии на СССР, в преддверии которого освящать юридическим признанием силой навязанную Румынии границу было особо несвоевременно [108, с. 492–493]. Несмотря на полученный реприманд, 12 июня посланник еще раз пытается обратить внимание Бухареста на пробы улучшения отношения СССР к Румынии в тщетной надежде не допустить войны между двумя странами. Ответа из Бухареста не последовало, а на рассвете 22 июня румынским войскам был отдан приказ: «Перейти Прут и освободить Родину!». ¹⁵³

С целью запутать ситуацию и выиграть какое – то время в Бухаресте «забыли» о необходимости формального объявления войны. ¹⁵⁴ Тонуций Кремль стал судорожно хватать-

¹⁵³ Всего за годы войны на Восточный фронт было отправлено порядка 1 млн. румынских военнослужащих.

¹⁵⁴ Румынская миссия в Москве была специально исключена из списка получателей информации о вступлении Румынии в войну против СССР на стороне Германии. В Бухаресте войну «объявил» третьеразрядный чиновник МИД Румынии и только в ответ на заданный ему полпредом соответствующий вопрос.

ся за эту соломинку. В ночь с 23 на 24 июня Молотов вызвал Г. Гафенку, оказав ему при этом уважительный и даже дружелюбный прием, хотя тот являлся уже представителем враждебного государства. В течение полутора часов нарком пытался выяснить, возможно ли еще отыграть ситуацию назад, воспользовавшись казусом с объявлением войны, и что Румыния хочет за это потребовать. Однако обсуждать подобные вопросы с посланником не имело смысла, т. к. у того отсутствовала связь с Бухарестом, и сам он пребывал в абсолютном неведении относительно происходивших событий. Видимо забыв, что разговаривает с бывшим министром иностранных дел Румынии, Молотов принялся рассказывать Гафенку, сколь дружественной была политика СССР по отношению к его стране, и какой черной неблагодарностью она отплатила.

Куда интересней ответ посланника, отражавший настроения антигермански ориентированного сектора румынского политического класса, к которому он принадлежал. В молотовской записи беседы ответ изложен следующим образом: «Он (Гафенку. – *Ред.*) сожалеет, что захват Бессарабии был осуществлен Советским Союзом в столь насильственной форме и сопровождался занятием Буковины и района старой Румынии – Герца. В Румынии это событие породи-

К тому времени, однако, полпредство уже не имело связи с центром и не могло передать эту информацию. Выезд персонала полпредства и их семей был организован издевательски унижительно, с нарушением всех правил и норм дипломатического общения.

ло опасения, что гигантская Россия «перешагнет через все». Реакцией на это настроение было то, что в Румынии стали искать опоры, стали искать покровителя вовне. [...] Если бы неприкосновенность Румынии не была затронута, то Германия не захотела бы пройти через Румынию, так как последняя была бы поддержана своими соседями. Когда Советский Союз занял Бессарабию, Буковину, район Герца и даже мелкие острова на Дунае, то в Румынии возник страх за свое национальное существование. В страхе Румыния искала гарантий. Гафенку не знает, хорошо ли поступила Румыния, – об этом пусть скажет история».

Отчет об этой беседе, сделанный самим Гафенку для министра иностранных дел Румынии, излагает его заявление в больших подробностях: «... Советское правительство, – сказал посланник, – не сделало ничего, чтобы предотвратить печальную развязку между нашими странами [...] Советский Союз разрушил в Румынии какое бы то ни было чувство безопасности и доверия и пробудил обоснованный страх, что само существование румынского государства находится в опасности. Тогда мы нашли помощь у других». Гафенку напомнил, что как министр иностранных дел и как посланник много раз обращал внимание советского правительства на то, что «независимая Румыния в пределах неприкосновенных границ является залогом безопасности Советского Союза, как и всех других соседних государств. Первый удар, который потряс основу такой Румынии [...] был нанесен, к

несчастьем, советским правительством. То, что происходит сегодня, является следствием, которое привело теперь к войне между двумя народами, никогда в истории не боровшимися один против другого» [108, с. 516].

Советская запись беседы отмечает, что посланник пребывал «в сильном волнении, и не скрывает своих слез» [31, с. 31–32.].

Венгрия

Отношения между СССР и Венгрией не имели для них особого самостоятельного значения и конструировались, для Венгрии в большей, а Советского Союза в меньшей степени, под задачу координации усилий в будущем решении вопроса об их территориальных претензиях к Румынии: на Бессарабию – для СССР, и Трансильванию – для Венгрии. Этот интерес впервые свел вместе дипломатию двух стран еще в ходе работ Генуэзской конференции 1922 г. Тогда между наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным и министром иностранных дел М. Банффи состоялись переговоры о возможных совместных действиях с целью удовлетворения территориальных претензий к Румынии. Эта же соображение лежало в основе решения Будапешта 1934 г. о дипломатическом признании СССР, что давало «возможность сотрудничества с Россией против Румынии из-за Бессарабии».

Советская политика в отношении Венгрии определялась более широким кругом интересов, среди которых было подтолкнуть венгров к союзу с Австрией и Чехословакией при участии Франции для блокировки путей германского продвижения на Балканы. Венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти, донося в МИД о своей беседе с М. М. Литвиновым 25 марта 1937 г., сообщал: «Для достижения цели пошли бы на любую комбинацию, даже поддержали бы исправление границ Венгрии, если это помешало бы продвижению Германии в направлении Юго-Восточной Европы» [цит. по: 114, с. 85].

Однако участие Венгрии в послемюнхенском расчленении Чехословакии под видом решений 1-го Венского Арбитража, а затем принятие в январе 1939 г. решения о присоединении к Антикоминтерновскому пакту,¹⁵⁵ поставили советско-венгерские отношения на грань разрыва. 7 января Литвинов запрашивает санкцию Сталина на наказание Венгрии, высказав при этом мнение, что «мы мало заинтересованы в сохранении своего полпредства в Будапеште, а еще менее – в пребывании в Москве венгерской миссии...» [109, с. 367]. 21 января венгерский посланник имел тяжелейшую беседу с М. М. Литвиновым, который обвинил Венгрию в присоединении к антисоветским агрессивным планам основателей Антикоминтерновского пакта и предрек ей утерю политиче-

¹⁵⁵ Официальное подписание соглашения о присоединении к пакту состоялось в Будапеште 24 февраля 1939 г.

ской и экономической самостоятельности.

2 февраля посланник был вновь вызван наркомом, который сообщил ему, что советское правительство не видит смысла и далее поддерживать дипломатические связи в прежней форме, т. е. сохранять миссии в Москве и Будапеште, закрывает свою миссию и желает того же от венгерского правительства. Это не означало, оговорился нарком, разрыва дипломатических отношений, которые оба правительства могли бы поддерживать через свои миссии в каком-либо третьем государстве [21, с. 63–64, 95–97].

Показательная порка Венгрии была, прежде всего, ее наказанием, но также и демаршем Москвы в отношении Берлина и его политики приручения небольших европейских государств. Однако совершенный в августе внешнеполитический разворот сделал невозможным продолжение Москвой антигерманской линии в венгерском вопросе. Пришлось срочно от нее отмежеваться. 25 октября 1939 г. в результате устной договоренности полноценные дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены. Присутствовал и дальний расчет: зафиксировав свое право на Бессарабию в секретном протоколе от 23 августа, Москва стремилась скорее вернуться на исходную платформу согласованных с Будапештом действий в отношении Румынии. Более того, требовалось спровоцировать Венгрию на предъявление претензии на Трансильванию, поскольку в соответствии с устными договоренностями между Сталиным и Риббентропом это

было условием осуществления советских планов в отношении Бессарабии.

Вот почему после пяти лет затишья и годового перерыва отношения между Москвой и Будапештом вдруг приняли характер бурного дипломатического романа. Роман, разумеется, был по расчету, который для каждой из сторон сводился к тому, чтобы демонстрацией своей поддержки подтолкнуть другую сторону к применению максимально жестких мер в отношении Румынии, предпочтительно военных, а затем воспользоваться ее трудным положением и задешево решить свои собственные вопросы к Бухаресту.

«Военная паника» мая – июня 1940 г., как отмечалось выше, заставила Кремль пойти на нарушение устных договоренностей с немцами относительно Бессарабии и не увязывать свои действия с предъявлением венгерских претензий. Бессарабско-буковинская капитуляция Бухареста породила у официального Будапешта смешанные чувства. Наказание и унижение румынского государства вызвали мстительную радость, а мирный исход конфликта – разочарование, поскольку план трансильванской военной кампании, разработанный генштабом венгерской армии, увязывал ее осуществление с началом полномасштабной советско-румынской войны. Но политически значимым для Венгрии было создание прецедента. «Факт возвращения нам Бессарабии, – писал в НКИД советский полпред в Бухаресте, – разрушил тезис о целостности Румынии и открыл Венгрии возможность для предъ-

явления своих требований» [цит. по: 104, с. 313]. Действительно, еще в январе 1940 г. венгерский премьер-министр граф П. Телеки известил письмами Лондон и Париж о том, что если СССР захватит Бессарабию, то Венгрия захватит Трансильванию.

Однако германо-итальянские покровители Будапешта не спешили давать своего согласия на этот захват, тем более оказать ему поддержку. В данной ситуации 3 июля венгерский посланник Ж. Криштоффи счел возможным обратиться к Молотову с невысказанно дерзкой просьбой – удержать Югославию от предоставления помощи союзной ей Румынии в случае венгерско-румынской войны за Трансильванию. Застигнутый этой просьбой врасплох, нарком ответил хоть и неопределенно, но не отповедей. Затем, однако, в Кремле решили не упускать шанс натравить венгров на Румынию. Во время второй беседы в том же составе, состоявшейся уже на следующий день, Молотов исправил допущенный им накануне промах, выразив официальное советское мнение, что «претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания» и что «этой позиции СССР будет придерживаться в случае созыва международной конференции по данному вопросу» [14, с. 415–416].

Помещенный в контекст заданного посланником вопроса о позиции СССР в случае попытки Венгрии решить трансильванский спор вооруженным путем, этот ответ означал советское «добро» и имел явно подстрекательский харак-

тер. Москва готовила решение по Южной Буковине, и венгеро-румынское столкновение пришлось бы кстати. Не говоря уже о том, что конфликт между двумя германскими сателлитами мог существенно подпортить всю берлинскую игру на Балканах. В донесении в МИД от 11 июля посланник Криштоффи так оценивал советскую политику в венгерском вопросе: «Советское правительство радо бы видеть венгерско-румынский конфликт, поскольку он мог бы помешать германским интересам. Теперь можно только к этому дополнить то, что советское правительство надеялось в этой заварушке осуществить территориальные притязания за счет Румынии [...] Я слышал утверждение, что советское правительство не может отказаться от (в то время венгерского. – *Ред.*) Закарпатья, ибо пока часть украинского народа живет за советскими пределами, до тех пор украинский вопрос окончательно не закрыт. И они попытаются это сделать, как только венгры окажутся в тяжелом положении».¹⁵⁶

Большие надежды Будапешт возлагал на трехстороннюю германо-итало-венгерскую встречу в верхах в Мюнхене 10 июля. Однако результаты ее оказались для него явно неуте-

¹⁵⁶ Действительно, за пазухой у Кремля имелся камень и для Венгрии – проблема «воссоединения» Закарпатской Украины (Прикарпатской Руси) с УССР. Однако этно-гуманитарная задача объединения соотечественников в тот момент явно уступала в важности стратегическим задачам Москвы в регионе. Молотов следующим образом аргументировал советскую позицию в этом вопросе: "... Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным».

шительными. На ней, по словам руководителя бюро Риббен-тропа Клейста, «аппетиты Венгрии пришлось урезать и отложить удовлетворение их на более позднее время» [14, с.433]. Такая позиция «оси» вынуждала венгров искать помощи у Советского Союза. 23 июля правительство Венгрии через посланника Криштоффи адресовало Москве запрос о продаже военных самолетов и о возможности получения от советского правительства обещания не выводить войск из приграничной с Румынией зоны, с тем, чтобы та не могла перебросить свои войска на северо-запад против Венгрии. Вразумительного и обязывающего ответа от Молотова венгры не дождались, но фактическая помощь им все же была оказана путем сосредоточения советских войск на границе в Бессарабии и Буковине.

Делалось это, конечно, не ради Венгрии; ее интерес был просто «пристегнут» к основной цели советских мероприятий – подготовке решения «южнобуковинского вопроса». Под такой аккомпанемент, доносящийся из Москвы, венграм было намного комфортнее вести переговоры с румынами о Трансильвании (эти переговоры проходили 16–24 августа в г. Турну-Северин). Другим актом поддержки стало готовившееся заключение между СССР и Венгрией договора о торговле и мореплавании (подписан 3 сентября), который рассматривался в Бухаресте как основа для создания антирумынского советско-венгерского альянса. 9 сентября «Правде» пришлось выступить с опровержением.

Рост угрозы венгеро-румынского вооруженного конфликта в результате срыва переговоров в Турну-Северин потребовал от Берлина стремительного вмешательства, что и было сделано в формате Второго Венского Арбитража. Решающее содействие Берлина в возвращении Трансильвании сделало Венгрию его политическим должником; в Будапеште рассчитывали с немецкой помощью осуществить и другие свои территориальные мечты, в частности, о Восточной Галиции. Получив вожделенную Северную Трансильванию из рук Гитлера и Муссолини, Венгрия потеряла бо́льшую часть интереса к «продолжению дружбы» с СССР и постепенно принялась высвобождаться из советских объятий. Последовавшее 20 ноября присоединение Будапешта к Тройственному пакту поставило точку в недолгой истории советско-венгерской «дружбы против». Оставленный на обочине процесса Кремль, не осмеливаясь открыто выступить против венских решений, через Коминтерн дал указание венгерской и румынской компартиям клеймить их как империалистический диктат.

Присоединение к Тройственному пакту было для Венгрии не вынужденной формальностью, а осознанным выбором политической судьбы. В январе 1941 г. в рамках процесса германо-венгерской военной интеграции Будапешт принял на себя обязательство передать в состав Вермахта 15 оперативных соединений для войны против СССР, закончить военные приготовления на границе с Советским Союзом и про-

пустить туда германские войска. 24 апреля состоялись переговоры между А. Гитлером и венгерским лидером регентом М. Хорти о роли Венгрии в будущей войне на Восточном фронте. Хорти желал германского нападения на СССР и был готов оказать ему поддержку, но от официального объявления войны Советскому Союзу старался уклониться. Весной по согласованию с верховным командованием Вермахта венгерские войска стягиваются к границе, а после 15 июня по просьбе немцев эта группировка дополнительно усиливается.

Впрочем, первый пример немецко-венгерского «братства по оружию» был явлен уже в апреле 1941 г., когда Венгрия приняла участие в нападении Германии на Югославию. Понимая, что на Кремль это произведет крайне тяжелое впечатление, посланник Кристоффи по поручению Будапешта встретился 12 апреля с А. Я. Вышинским для изложения венгерского взгляда на югославскую историю. Однако ему было прямо заявлено, что "Советское Правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское Правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через 4 месяца после того, как заключила с ней пакт о вечной дружбе».

Это заявление, переданное в печать [Известия. – 1941. – 13 апреля] и прозвучавшее на фоне отсутствия в Будапеште временно отозванных в Москву полпреда и военного атташе,

а также концентрации советских войск на карпатской границе, вызвало серьезное беспокойство в венгерских верхах. Встревоженные венгры обратились за поддержкой к Берлину, но тот посоветовал не обращать на этот демарш особого внимания и отдать его на обсуждение газетам.

22 июня Будапешт разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом из солидарности с Германией; соединения венгерской армии, переданные под командование Вермахта, приняли участие в нападении на СССР. Однако от формального объявления войны режим Хорти воздержался. Все же 27 июня 1941 г. война была объявлена после того, как накануне самолеты с советскими опознавательными знаками бомбили территорию Венгрии. Абсурдность этой акции с точки зрения государственных интересов СССР была столь вопиющей, что породила версию о германской провокации с целью склонить-таки Хорти к объявлению войны. Однако похожий авианалет на Финляндию днем раньше, столь же абсурдный, заставляет в этой версии усомниться.

В помощь Вермахту было направлено порядка 900 тысяч венгерских солдат.

Югославия

Югославия стала последней из балканских стран, которую Кремль попытался вовлечь в орбиту своей региональной политики. Долгое время это было невозможно по причине от-

сутствия регулярных связей на межгосударственном уровне. Царствовавшая династия Карагеоргиевичей не могла простить большевикам расстрела членов близкой ей династии Романовых; Москва, в свою очередь, была недовольна тем, что Югославия дала приют белой эмиграции, в особенности, ее вооруженному крылу.

Ситуация изменилась весной 1940 г. в связи с тем, что Белград разглядел в Советском Союзе противовес постоянно усиливавшемуся давлению со стороны германского и итальянского соседей. В апреле – мае состоялся визит в Москву югославской торговой делегации, по результатам которого 11 мая был подписан договор о торговле и мореплавании [14, с. 260–267]. Переговоры вышли за рамки чисто торговых, так как югославы поставили вопрос о возможности приобретения у СССР вооружений, в том числе самолетов, танков и тяжелой артиллерии. Советскую сторону интересовала тема установления дипломатических отношений, но в тот раз развития она не получила.

Продолжавшееся осложнение международного положения Югославии вынудило ее руководство в июне вернуться к вопросу о советских военных поставках и даже шире – о позиции СССР в деле защиты Балкан от возможной угрозы со стороны Италии. Москва ответила согласием обсуждать поднятые вопросы, но связала это с налаживанием нормальных дипломатических отношений, которые и были установлены 24 июня 1940 г. путем обмена письмами между юго-

славским посланником в Турции И. Шуменковичем и советским полпредом А. В. Терентьевым [14, с. 369–370].

С самого начала своего существования эти отношения, однако, стали воспроизводить непоследовательный характер балканской политики СССР, перед которой Кремль ставил не совпадающие, а порой и попросту взаимоисключающие цели. В случае с Югославией, далеко отстоявшей от зоны непосредственных интересов СССР, но соседней для обеих европейских держав «оси», это приобрело уже гротескные формы. В телеграмме полпреду В. А. Плотникову от 17 октября Молотов разъяснял: «Советское правительство, разумеется, сочувствует Югославии и борьбе югославского народа за свою политическую и экономическую независимость». Однако предел этому сочувствию был четко обозначен: оно не должно сказываться на отношениях, установленных между Советским Союзом и Германией августовским пактом. Следовательно, подытоживал нарком, «поскольку Германия выполняет этот договор, постольку у советского правительства нет оснований для какого-либо вмешательства в действия Германии или в проводимые Германией политические и экономические мероприятия» [14, с. 687]. Иными словами, за Германией признавался приоритет и полная свобода рук в югославских делах, а СССР довольствовался собиранием тех политических крох, которые падали с берлинского стола.

С другой стороны, как будто бы намечалось политически

негромкое сотрудничество по военной линии. Приступивший в сентябре к выполнению обязанностей военного атташе Ж. Попович имел многообещающие переговоры с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко и начальником генштаба РККА генералом армии К. А. Мерецковым о военных поставках в Югославию. В октябре-ноябре советское политическое и военное руководство несколько раз обещало Поповичу пойти навстречу всем югославским заявкам на военную технику и материалы, однако по разным причинам до реализации этих проектов дело не дошло.

Личные политические симпатии югославского принца – регента Павла находились на стороне англо-французских союзников Белграда еще по первой мировой войне, однако итало-германское соседство заставляло считаться с собой. Все же в течение первых полутора лет войны югославам удавалось сохранять нейтралитет. Конец неопределенности наступил во второй половине февраля – начале марта 1941 г., когда Гитлер практически в ультимативной форме потребовал присоединения Югославии к Тройственному пакту. Это должно было стать демонстрацией полной военно-политической изоляции борющейся Греции и, после ее неизбежного поражения, окончательного военного и политического изгнания Великобритании из региона и установления безраздельного господства «оси» над Балканами. В случае отказа Югославии угрожало совместное нападение Германии и Италии, возможно, с соучастием имевших к ней территори-

альные претензии Болгарии и Венгрии.

Перед лицом такой перспективы Белград все настойчивее искал советской поддержки. В середине декабря по инициативе Павла в Москву с секретной миссией направляется отставной полковник Б. Симич, тесно связанный со славянофильствующими кругами сербского офицерства и, по многим данным, советской военной разведкой. Миссия эта до сих пор остается до конца неразгаданной, однако политический вес имевших к ней отношение людей заставляет полагать ее важной.¹⁵⁷ В начале февраля 1941 г. в Белграде принимается решение выяснить действительное отношение Москвы к югославским проблемам, однако результаты проведенного посланником М. Гавриловичем зондажа не позволяли югославам рассчитывать на получение действенной помощи со стороны СССР [90, с. 387–389]. Не дала результатов и миссия Симича, хотя и породила волну слухов о готовящемся создании военного союза между двумя странами.

Расставшись с надеждами на помощь Москвы, Павел и премьер Д. Цветкович сочли за меньшее зло пойти навстречу Германии, подписав в Вене 25 марта протокол о присоединении к Тройственному пакту. При этом им удалось добиться от Гитлера и Муссолини важных обязательств, сводивших югославское участие в пакте к символическому

¹⁵⁷ Имеются в виду инициатор миссии принц-регент Павел; далее, британский посол С. Криппс, опекавший Симича в Москве; наконец, В. М. Молотов, по предложению которого тот был включен в число подписантов с югославской стороны Договора о дружбе и ненападении между двумя странами, о котором см. ниже.

жесту: уважать суверенитет и территориальную целостность страны, а также в течение войны не требовать от нее участия в военных усилиях государств «оси» и права военного транзита. На беду белградского режима Гитлер, с целью скрыть символический характер вырванного у югославо́в соглашения, настоял на том, чтобы эти уступки были оформлены в виде секретных нот, которыми обменялись стороны. Поэтому они остались неизвестными югославской общественности, и в результате в стране сложилось впечатление о предательском профашистском путче. В ночь с 26 на 27 марта части югославской армии во главе с генералом Д. Симовичем совершили государственный переворот, отстранили принца-регента Павла и правительство Цветковича от власти и возвели на престол юного короля Петра II.

В Берлине переворот сразу расценили как проанглийский или просоветский, но в любом случае как антигерманский. Заверения в том, что страна остается членом Тройственного пакта, посылаемые новыми белградскими властями в Берлин из страха наказания, никого не могли обмануть. Гитлер воспринял произошедшее крайне болезненно, считая себя лично оскорбленным югославами, а на пути к почти достигнутому господству над Балканами вдруг возникло югославское препятствие. Поэтому в самый день переворота фюрер принял решение о вторжении в мятежную страну в союзе с Италией и Венгрией (болгары отказались участвовать в акции). Целями нападения ставились уничтожение югославской ар-

мии и ликвидация государственности.

Генерал Симович видел спасение в советском политическом заступничестве за Югославию перед Берлином и, параллельно, в помощи военной техникой и советниками. Белград принялся настойчиво убеждать Москву установить союзнические отношения, и 31 марта Молотов ответил согласием принять его делегацию. Расчет делался на то, что Гитлер, поставленный перед свершившимся фактом заключения советско-югославского договора, не решится на нападение из-за нежелания обострять отношения с СССР.

Проводившаяся в течение нескольких месяцев советскими дипломатами и агентами спецслужб и Коминтерна работа по поощрению антигерманских настроений внушила югославам надежду на заключение с СССР договора о тесном и всеобъемлющем политическом и военно-техническом сотрудничестве. Генерал Симович был готов договариваться о размещении советских войск на территории страны и даже о проведении некоторых внутривнутриполитических реформ в советском духе.

Под стать этим настроениям был привезенный югославами в Москву проект пакта. Он предусматривал заключение секретного договора «о дружбе и союзе», по которому стороны взаимно гарантировали бы независимость, суверенитет и территориальную целостность друг друга. Эта гарантия обеспечивалась обязательством сторон оказывать друг другу всяческую помощь, включая вооруженными силами, в слу-

чае нападения на одну из них какого-либо европейского государства. Порядок и условия оказания такой помощи прописывались в секретной военной конвенции, которая была неотъемлемой частью договора. Она предусматривала согласование действий сторон, в том числе генеральных штабов, а также оказание помощи в повышении боеспособности вооруженных сил. На случай ведения совместных боевых действий было прописано обязательство сторон не останавливать их иначе, как по взаимному согласию [91, с.515]. Таким образом, фактически речь шла о том, чтобы СССР взял Югославию под свою защиту с использованием всего советского военного потенциала.

Инициатива югославов поставила кремлевский тандем перед неприятной задачей раскрыть им глаза на действительное положение вещей. «Генерал Симович мечтает о пакте взаимопомощи, а в данных условиях это для нас неприемлемо», – поделился мыслью с заведующим отделом Ближнего Востока НКВД Н. В. Новиковым Молотов [118, с.76]. Воевать с Гитлером из-за югославов в Москве, разумеется, не собирались. Поэтому югославский проект договора даже не обсуждался.

Вместо этого 4 апреля Вышинский, ведший переговоры от имени правительства СССР, внес на рассмотрение советский проект договора о дружбе и ненападении. Он рутинно для такого рода документов предусматривал, что стороны будут уважать (а не гарантировать, как предлагали югосла-

вы) независимость, суверенитет и территориальную целостность друг друга. По ключевому вопросу о действиях сторон в случае нападения на одну из них, проект сводил обязательства к тому, что по отношению к жертве агрессии другой участник договора будет проводить дружественную политику и не станет поддерживать агрессора. Югославы, приехавшие за соглашением совершенно иного масштаба и глубины, были, конечно, обескуражены.¹⁵⁸

Объясняя причину подобной сдержанности, Вышинский заявил, что «у нас имеется договор с Германией. Мы не хотим дать повода предполагать, что мы склонны его нарушить. Первыми мы этого договора нарушать не хотим» [91, с.516]. Это был насквозь фальшивый аргумент, поскольку, во-первых, пакт-39 не относил Югославию к сфере германских государственных интересов, и, во-вторых, никак не ограничивал права СССР заключать любые договора, в том числе военные, с любыми странами. Таким образом, никакого формального нарушения условий советско-германского пакта о ненападении не было. Сам Берлин запросто входил в военно – политические соглашения с Румынией, Венгрией, Болгарией и даже Финляндией, отнесенной пактом – 39 к советской сфере государственных интересов.

Если ставилась цель задержать в Югославии ползучую

¹⁵⁸ Вероятно, в Белграде приглашение Молотова приехать для переговоров в Москву ошибочно интерпретировали как его согласие на предложение югославского правительства о заключении военного союза.

германскую экспансию на Балканах, то советский проект политического соглашения мог бы быть более «боевитым». Отчасти данный недостаток компенсировался готовностью Москвы поставлять вооружение. В ходе первой встречи делегаций Вышинский напирал именно на этот аспект сотрудничества и предложил югославам представить свою заявку, что и было сделано ими на следующий день [91, с.514–516]. Однако начала германской «акции возмездия» можно было ожидать каждую минуту; в этой ситуации вынужденный политический демарш Москвы, отнюдь не заменявший дальнейшее военно-техническое сотрудничество с Белградом, оказался бы наилучшим, в смысле своевременности, средством защиты Югославии.

Впрочем, ее спасение вряд ли являлось истинной целью Кремля уже по той простой причине, что оно было абсолютно невозможно в ситуации военно-политического окружения страны державами «оси» и их болгарским и венгерским коллаборантами. Сталин готовил Югославию на последнюю посильную ей роль – роль «твердого орешка», а чтобы Гитлер сломал на нем как можно больше зубов, требовалось сделать его по возможности тверже путем поставки вооружения югославской армии.¹⁵⁹ Необходимое для этого время Кремль

¹⁵⁹ В телеграммах правительству Гаврилович сообщал, что в ответ на просьбу югославской стороны Сталин дал поручение генеральному штабу РККА в срочном порядке заключить соглашение о поставках оружия, причем цифры планировавшихся поставок были внушительными. Также была дана команда об отгрузке этих военных материалов через Одессу [101, с. 222; 119, с. 33].

рассчитывал выиграть, дав Берлину понять о своей заинтересованности в югославских делах посредством заключения договора, однако такого, который не стал бы явным вызовом немцам и не грозил вызвать всплеск советско – германских противоречий.

Примечательно, что ради достижения этих целей Кремль, во изменение своей предыдущей политики, «благословил» югославов на получение помощи со стороны Великобритании! Когда недовольные чрезмерной осторожностью Москвы югославы решили слегка припугнуть ее возможностью своего обращения за поддержкой к Лондону, то слышали от Вышинского, что «мы не против того, чтобы Югославия сблизилась с Англией, что мы вовсе не исключаем и того, что Югославия заключит соглашение с Англией. Мы считали бы это даже целесообразным» [91, с. 532]. После осознания Кремлем факта проигрыша схватки за Балканы он стал руководствоваться единственно разумной в сложившихся обстоятельствах тактикой «хоть шерсти клок». Подключение Великобритании делало возможным оперативное оказание помощи югославам с английских военных баз в Средиземноморье и расширяло географию германо – британской войны.

В конечном счете, югославская делегация дала согласие на подписание договора, которое было назначено на вечер того же дня, 4 апреля. Однако не успели делегации разойтись, как Вышинский вновь вызвал Гавриловича и сообщил ему, что советское правительство решило внести две правки в соб-

ственный проект соглашения. Одна была чисто редакционной, а другая стала для югослабов крайне неприятным сюрпризом: взаимные обязательства сторон в случае нападения на одну из них предлагалось редуцировать до соблюдения «политики нейтралитета и дружбы». Чтобы выиграть время и успеть завершить мобилизацию Югославии была нужна, по словам генерала Симовича, «срочная моральная помощь в виде сильного демарша СССР в Берлине». Вместо него предлагался вариант договора, который, по мнению Белграда, «не улучшит, а ухудшит положение страны», поскольку «вызовет упадок духа и уныние всего народа [...] и ободрит Германию» [119, с. 27, 30]. В споре с Вышинским Гаврилович выразился еще резче, а именно что в подобной редакции договор «может развязать немцам руки» [91, с. 517].

Вероятным «автором» поправки был граф Шуленбург. Не имея формальных оснований протестовать против договора, посол, тем не менее, угрожающе предупредил Молотова в ходе состоявшейся в тот же день беседы, что его заключение в момент обострения германо-югославских отношений неуместно и вызовет «большое удивление в Берлине»¹⁶⁰. Молотов выдержал характер и безапелляционно заявил в ответ, что «советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение» [91, с. 518–520]. Молотовское «окончательное решение» таковым не стало, т. к. над ним

¹⁶⁰ Действительно, в Берлине полпред В. Г. Деканозов подвергся сильнейшему давлению со стороны нацистского руководства.

стоял еще Сталин. Судя по последующим событиям, узнав о характере германской реакции на договор, он испугался идти на обострение отношений с Гитлером и дал указание свести взаимные обязательства сторон на уровень соблюдения нейтралитета.

5 апреля, однако, Сталин пересмотрел свое решение и согласился вычеркнуть слова о нейтралитете, заменив их формулировкой «соблюдать политику дружественных отношений» к стороне – жертве агрессии. В беседе с Гавриловичем Сталин признал, что сохранение в договоре пункта о нейтралитете фактически означало бы, что СССР умывает руки, и ничего не будет делать для защиты Югославии в случае иностранной агрессии против нее [64, ф. 059, оп. 1, п. 342, д. 2342, л. 83]. Мотивы сталинского решения доподлинно не известны. Скорее всего, таков был эффект демарша Гавриловича, наотрез отказавшегося подписывать договор в новой редакции даже после того, как получил на этот счет прямое указание своего правительства. Между тем, из Берлина Деканозов сообщил о запланированной карательной операции против мятежного Белграда, ввиду чего вся затея с договором могла стать вскоре вообще неактуальной. Это вынудило Сталина уступить. В ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией был подписан.

Не успели под договором высохнуть чернила, как обнаружилось, что за обязательством «соблюдать политику друже-

ственных отношений», вокруг которого кипели такие страсти, ничего не стояло. В то самое время, когда в Кремле заканчивалась процедура его подписания, и накрывались, банкетные столы, германские войска вторглись в Югославию. Эхо полученной Кремлем пощечины прокатилось по Балканам и намного шире и показало, кто там хозяин. На следующий день Москва еще больше унизила себя, промолчав и не выступив с осуждением агрессии против фактически союзной страны, с которой только накануне подписала договор о дружбе! Во время очередной встречи с Шуленбургом Молотов ограничился меланхолической сентенцией на тему о том, что «крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным» [123, с. 155–156].

Более того, по требованию Сталина был отменен большой кремлевский прием по случаю подписания договора. Н. В. Новиков вспоминал: «Всем было ясно, что такой торжественный прием будет иметь характер политической демонстрации нового югославского правительства и его внешней политики» [118, с. 79]. Напуганный Сталин отдал упирившемуся Молотову приказ «оставить эту затею, ставшую неуместной» [118, с. 81].

Однако и на этом демонстрация унижительного раболепия Кремля перед Берлином в надежде заслужить прощение за югославскую оплошность не закончилась: освещая ход боевых действий в Югославии, советская печать не смогла най-

ти ни одного сочувственного слова в адрес борющегося союзника. 8 мая, уже после разгрома Югославии, по настоятельной «рекомендации» Берлина НКВД заявил М. Гавриловичу, что советское правительство не видит юридических оснований для дальнейшей деятельности в СССР белградской дипломатической миссии, и потребовал от посланника ее прекращения¹⁶¹ [91, с. 661]. Нелепая попытка разыграть «югославскую карту» обернулась для Москвы позорной потерей лица и осталась одной из самых постыдных страниц в истории внешней политики СССР, балканским вариантом собственного «Мюнхена».

Балканские итоги

Вся балканская вылазка Кремля была одним большим недоразумением и закономерно потерпела полное фиаско. Строя ее стратегию на фундаменте извращенной логики пакта Молотова-Риббентропа, Кремль ставил перед своей внешней политикой на балканском направлении взаимоисключающие цели на всех уровнях – от глобального до отношений с отдельными странами, что и предопределило ее тотальный неуспех.

С точки зрения большой стратегии, региональная

¹⁶¹ Впрочем, уже через два месяца, 17 июля, когда задача угождать Берлину отпала, были установлены дипломатические отношения между СССР и королевским правительством Югославии в эмиграции. 19 июля М. Гаврилович вернулся в Москву в качестве его посланника.

сверхзадача, как ее понимала Москва – не допустить германского проникновения на Балканы и изгнать оттуда Британию, – противоречила основным целям ее собственного замысла, положенного в основу *общей* линии пакта Молотова-Риббентропа: спровоцировать англо-германскую конфронтацию и через это возможно дольше оставаться в положении «третьего радующегося». Этим целям как раз отвечало создание балканского фронта англо-германской войны. В ноябре 1939 г. бывший премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж сказал И. М. Майскому, что «война между Англией (сильной своим флотом. – *Авт.*) и Германией (сильной сухопутной армией. – *Авт.*) – это все равно что война между акулой и тигром. Им негде сойтись и встретиться в решающей схватке» [90, с. 80].

Место, конечно, нашлось – на Западном фронте во Франции, однако та схватка решающей не стала. Следующим местом как раз могли быть Балканы, но в течение оставшегося до германского нашествия года Москва по недомыслию делала все, чтобы не допустить этого (в частности, вынудив Турцию закрыть Проливы для английского и французского флотов и тем самым лишив союзников возможности открыть румынский фронт против Германии еще осенью 1939 г.). Положение попыталась исправить, когда было уже поздно.

Еще одна ошибка **стратегического уровня** состояла в том, что стремясь, с одной стороны, противодействовать германской экспансии, Кремль в то же самое время методами

государственной политики и через Коминтерн делал все возможное, чтобы испортить английскую игру на Балканах, *объективно направленную на достижение тех же целей*. Чиня препятствия одному из двух враждующих между собой своих соперников, Москва, не обладая их политическим ресурсом и не готовая, в отличие от них, к применению вооруженной силы, укрепляла позиции другого, а не собственные. Лучше всего это прослеживается на примерах с двумя важнейшими странами региона – Турцией и Румынией. Сделав все возможное для подрыва британского влияния, Москва создала в них вакуум силы, заполнить который позволила Германии, а сама оказалась в несравнимо худшем положении, чем была в начале. С необходимыми оговорками, но пример Югославии из того же ряда.

На уровне **региональной политики** принципиальная ошибка Кремля заключалась в постановке задачи овладения Проливами в качестве главной цели. Это была заведомо ложная цель, тем более после разгрома англо-французской коалиции: в мире элементарно не осталось силы, которая могла (и захотела бы!) ими воспользоваться для нападения на СССР. Великобритания искала не войны, а союза с СССР. Не нужны были Проливы и Германии. В беседе с болгарским посланником П. Драгановым 3 декабря 1940 г. Гитлер заявил, что не интересуется Дарданеллами, т. к. Германия не может заплывать в Черное море, а если бы он решил напасть на СССР, ему хватило бы двух тысяч километров сухопут-

ной границы [121, с. 105; 146, р. 769]. Двумя неделями ранее эту же мысль он высказал в беседе с Молотовым в Берлине. В истории Великой Отечественной войны роль Проливов практически не прослеживается, что свидетельствует об абсолютно надуманном характере этой проблемы, во имя решения которой было угрождено столько сил и средств.

Следует оговориться, что после поражения западной коалиции весной-летом 1940 г. базы в Проливах были нужны Кремлю уже не столько для того, чтобы контролировать их «на вход». Ставилась цель обеспечить выход в мировой океан кораблей чудовищной по размеру «Великой армады», к строительству которой СССР приступил в 1938 г. в соответствии с принятой 10-летней программой. По ее выполнению в строй должны были вступить 15 линейных кораблей, 15 тяжелых и 28 легких крейсеров, 144 эскадренных миноносца, 336 подводных лодок, десятки кораблей других классов и сотни боевых катеров. Принятие программы отражало претензию СССР на превращение из региональной державы в мировую, необходимым атрибутом которых было обладание океанским флотом – тогдашним аналогом современных стратегических вооружений.

К укреплению обороноспособности страны программа имела лишь косвенное отношение, главным образом в части строительства легких кораблей и известного числа подводных лодок. Океанскому флоту было не развернуться ни в Черном, ни тем более в Балтийском морях, и предназначал-

ся он для демонстрации флага где-то за тридевять земель. Между тем, именно на его строительство предназначалась бо́льшая часть средств программы. К примеру: постройка **каждого** из запланированных 15 линейных кораблей **обходилась в 7 % годового государственного бюджета всего СССР**. Очевидно, что такие чудовищные расходы на тщеславные прожекты Кремля на деле подрывали обороноспособность страны в смысле недофинансирования производства действительно потребных систем вооружения и ухудшения морально-политического климата в стране вследствие сверхэксплуатации населения. И, хотя, в конечном счете, экономическая реальность заставила свернуть реализацию некоторых проектов, масштабное военно-морское строительство продолжалось и после начала мировой войны.

На обеспечение выхода этого флота из Черного моря в Средиземное, и дальше в мировой океан, и была направлена борьба Кремля за Проливы, а по большому счету его политика в отношении всех Балкан и Турции в период после разгрома западной коалиции. В директиве на берлинские переговоры Молотову предписывалось добиваться также свободы выхода из Балтийского моря в океан через датские проливы Большой и Малый Бельты и др. Предоставляем читателю самому судить о своевременности постановки этих вопросов накануне германского нашествия на СССР и об оправданности колоссальных политических и материальных издержек, понесенных во имя их решения.

Ошибка в целеполагании направила всю балканскую политику Кремля по ложному пути – в Болгарию как расположенную ближе других к вожделенным Босфору и Дарданеллам. Дело оставалось «за малым» – договориться с самой Болгарией. Однако для Софии по соображениям как внутренней, так и внешней политики была неприемлема сама мысль о военно-политическом альянсе с Советским Союзом. Оставался путь принуждения к союзничеству, но прибегнуть к военным средствам или угрозе их применения не представлялось возможным из-за отсутствия общей границы; политические же средства, имевшиеся в распоряжении Москвы, были явно недостаточными для получения нужного эффекта.

Недостающий политический ресурс Сталин попытался приобрести у Гитлера ценой обещания присоединиться к Тройственному пакту. Фюрер совершенно предсказуемо отказал вождю в его просьбе, потому что выполнить ее означало собственными руками посадить Сталина не просто на болгарский, а на балканский трон, и расстаться с мечтой об объединении Европы под германской властью. «Надо всеми силами пытаться удалить Россию из Балканской сферы...», – делится Гитлер своими важнейшими намерениями в письме Муссолини через семь дней после отъезда Молотова из Берлина [146, р. 641]. Только политический слепой мог не видеть столь очевидную истину! Впрочем, ослепили себя кремлевские лидеры сами: после разгрома дипломатической

службы открыть им глаза на реальное положение дел было просто некому.

Таким образом, к ложной цели – установлению контроля над Проливами, – возведенной в ранг сверхзадачи всей политики СССР на Балканах, пошли неверным и, кроме того, непроходимым болгарским путем, в конце которого Москву ждал еще берлинский тупик. Из каких расчетов исходили, становясь на этот безнадежный путь, – непонятно.

Единственной (если оставить в стороне Турцию) по – настоящему значимой для подлинных интересов СССР страной на Балканах была Румыния. Об этом буквально вопиет ее геостратегическое положение. **Во-первых**, с ней у СССР имелась весьма протяженная общая граница, что в преддверии войны, – безразлично, наступательной или оборонительной, – приобретало первостепенное значение. **Во-вторых**, Румыния лежала на пути как у Германии, так и у СССР на Балканы и могла стать для них либо непреодолимым препятствием, либо трамплином.

Если бы СССР помог Румынии остановить германскую экспансию на ее границе, то на Балканах возникали условия для создания конгломерации государств, выступавших против целей «оси» в регионе и имевших основание рассчитывать в этом на параллельную советскую и британскую поддержку. В такой конгломерации пришлось бы найти свое место и Болгарии, окруженной со всех сторон англофильствующими Грецией, Турцией, Румынией, Албанией и Югослави-

ей, и, кроме того, уязвимой для действий британского флота и авиации, а также давления со стороны Коминтерна. Задача упрощалась тем, что ради вовлечения Болгарии в лагерь противников «оси» Румыния была готова рассмотреть вариант добровольного возвращения ей Южной Добруджи [21, с. 344]. В этом случае у Софии пропадала бо́льшая часть интереса к ориентации на Берлин.

Наконец, **в-третьих**, румынская нефть. Без ее поставок Германию разбивал хозяйственный паралич, а Вермахт и Люфтваффе замирали, как механические игрушки, у которых кончился завод. Перспектива установления советского контроля над румынской нефтью была постоянным кошмаром Гитлера летом – осенью 1940 г.; в этом случае, считал он, Германия окажется неспособной вести войну и проиграет ее уже на следующий год [122]. В отличие от Сталина Гитлер прекраснейшим образом разглядел исключительно важную роль Румынии не только в балканской, но и общеевропейской политике. Об этом однозначно свидетельствует приведенное выше его письмо Муссолини от 25 августа 1939 г.

Однако Сталин сделал буквально все, чтобы Румыния пала, и, в соответствии с «принципом домино», развитие событий пошло, вполне предсказуемо – к падению Болгарии и выходу германских войск в тыл Греции и Югославии. В результате окружения те утратили способность удерживать политический и военный фронт против итало-германской экспансии. Появление германских войск на границе с европейской

Турцией в результате вступления их в Болгарию неизбежно привело к фактическому отказу Анкары от активно пробританской ориентации и поддержки борющейся Греции. Как итог, Балканы оказались под властью Германии, и ситуация в Проливах только ухудшилась. В подобном военно-политическом контексте сталинские фантазмы на тему Босфора и Дарданелл выглядят особенно бессмысленными.

Таким образом, одного взгляда на ситуацию было достаточно, чтобы понять: главная фигура на балканской шахматной доске – это Румыния, и задача советской внешней политики состоит в том, чтобы опередить Германию и первыми заполнить существующий вакуум силы. Все имевшие касательство до этого дела обстоятельства складывались изумительно благоприятно для СССР. Прежде всего, до лета 1940 г. полностью отсутствовала конкуренция за Румынию. Германии и западной коалиции, готовившимся к схватке, а затем сошедшимся в ней, было явно не до румын. В этих условиях советское предложение заключить пакт о взаимопомощи имело бы неплохие шансы быть реализованным. Двадцатилетняя история просоюзнической ориентации Румынии отражала глубинное противоречие между национальными интересами страны и германскими целями в Европе. Уже одно это было немалым залогом успеха предприятия.

Решающее значение могло иметь заявление СССР о несогласии с территориальными притязаниями к Румынии со стороны Болгарии и, особенно, Венгрии, что в случае заклю-

чения пакта о взаимопомощи было равносильно советской гарантии неизменности румынских границ с этими государствами (за исключением случая добровольной уступки Южной Добруджи Бухарестом в пользу Болгарии). Оставался открытым вопрос о Бессарабии; однако его обсуждение из тактических соображений можно было отнести к повестке дня послевоенного урегулирования в Европе, до которого еще надо было дожить. Кроме того, для Румынии по этно – экономическим и военно-стратегическим соображениям Трансильвания значила во сто крат больше, чем Бессарабия, и она с готовностью отказалась бы от последней, чтобы сохранить первую. Такой «обмен» выглядел тем более вероятным, что принадлежность Трансильвании Румынии была признана в международно – правовом порядке, а Бессарабии – нет.

Задача заключения пакта значительно упрощалась тем, что его проект, подготовленный еще Литвиновым и Титулеску, уже был одобрен румынским правительством и при этом никак не определял статуса спорной провинции де – факто и не предвосхищал его де – юре. Для Бухареста устрашающей альтернативой пакту с СССР была реализация советско-германской договоренности по Бессарабии, и даже не столько из-за угрозы потери этой провинции, сколько потому, что давала сигнал действовать всем другим претендентам на румынскую территорию. Не удивительно, что в этой ситуации Бухарест стремился к урегулированию в дружественном ключе своих отношений с СССР, о чем диплома-

ты союзных Румынии Турции, Греции и Югославии неоднократно сообщали в беседах советским полпредам.

Более того, по их мнению, зимой – весной 1940 г. у СССР имелась прекрасная возможность через урегулирование отношений с Румынией сплотить вокруг себя блок дружественных балканских государств, состоявших между собой в союзных отношениях. Наконец, недорого обошлось бы Москве обещание изучить в будущем возможность возврата румынского золота, что помещало болезненный для Румынии бессарабский вопрос в щадящий ее государственный престиж формат политики обнуления старых счетов и открытия новой страницы в истории отношений между двумя странами.

Что же происходит в действительности? Ключевого игрока из числа балканских стран в результате бессарабского маневра превращают в смертельного врага. И все ради сомнительного удовольствия обладать нищей провинцией в течение неизвестного, но, в любом случае, непродолжительного времени, оставшегося до столкновения с Германией, после которого все равно пришлось бы рисовать новую политическую карту Европы.¹⁶² При этом без всякой надобности

¹⁶² Следует при этом иметь в виду, что с точки зрения обороноспособности СССР вариант оккупации Бессарабии проигрывал варианту заключения пакта взаимопомощи, т. к. оба варианта предусматривали ввод советских войск на эту территорию, однако в первом случае Румыния становилась военно-политическим противником Советского Союза, а во втором – выступала как его союзник. Разница значительная!

прибегают к наиболее унижительной для румынского государственного престижа ультимативной форме. В упомянутой выше беседе с Гафенку 24 июня Молотов признал, что «можно было бы достичь решения этого (бессарабского. – *Ред.*) вопроса другим путем, если это было бы сделано в более подходящее время» [108, с. 516]. Непонятно, чем нарком не устраивал любой день между 23 августа 1939 г. и концом июня 1940 г. для начала нормальных дипломатических переговоров по данному вопросу?

Подвергнув Румынию бессмысленному унижению, затем в течение трех месяцев буквально заталкивают ее в лапы «оси», поддерживая территориальные претензии к ней со стороны болгаро-венгерских попутчиков Берлина и Рима. Вынужденная советскими действиями новая внешнеполитическая ориентация Румынии на Берлин имела проекцию на внутреннюю политику, в результате чего к власти в стране приходят откровенно фашистские и крайне националистические силы, которые с готовностью вписывают свои реваншистские замыслы в отношении СССР в гитлеровские планы нападения на него.

Бессарабская акция была ошибкой еще и потому, что запустила на Балканах механизм территориального передела и поставила этот вопрос в центр всей внутрирегиональной политики, что объективно подыграло Германии, т. к. на этом поле Москва заведомо проигрывала Берлину. Единственно, что она имела предложить алчущим земель претендентам,

была туманная перспектива рассмотрения их требований на какой-то гипотетической послевоенной конференции, тогда как берлинский арбитр выносил решение в течение одного дня и обеспечивал его исполнение всей мощью своих вооруженных сил.

Сдав Румынию Германии, Кремль поставил весь свой политический капитал на болгарскую карту и, разумеется, проиграл: спрятавшись за спину Румынии, ставшей для СССР неприкосновенной после получения ею германской гарантии, София могла позволить себе сказать «нет!» советским домогательствам на тему пакта о взаимопомощи. Кроме того, совершенно непонятно, как Кремль планировал осуществить переброску красноармейских частей в Болгарию. Силовой проход через румынскую территорию не представлялся возможным ввиду данной Бухаресту германской гарантии безопасности. Получить разрешение фюрера на проход с целью фактической оккупации Болгарии было нереально. Доставить морем? Но речь шла о создании группировки, способной с боями пробиться через европейскую Турцию к Проливам и закрепиться там. Это означало полномасштабную войну с самой Турцией и, по всей вероятности, с британским флотом и авиацией, которые базировались неподалеку на островах в Эгейском море, а также, возможно, с французскими силами на Ближнем Востоке под командованием генерала Вейгана.¹⁶³

¹⁶³ Эта вероятность была близка к 100 % не только ввиду существовавшего

Наконец, зададимся вопросом, какая судьба ожидала бы эту окруженную со всех сторон и отрезанную от основных сил группировку после начала советско-германской войны. Судьба Ханко? Или еще хуже?

Запутавшись во взаимоотношениях с Берлином и Лондоном в ракурсе балканской региональной политики и поставив перед собой ложные цели, Кремль и **на уровне отношений с отдельными балканскими странами** двинулся по ведущим в никуда путям. Полнейшую дезориентацию Москвы в балканских делах выдает воистину поразительная бессистемность и хаотичность ее политики. Так, болгарам предлагается заключить военный союз и вместе воевать с Румынией за Северную Добруджу, с Турцией – за Восточную Фракию и с Грецией – за Западную. При этом Анкаре в расчете на взаимность расточают уверения в дружбе и в обмен на хорошее поведение в районе Проливов предлагают гарантию ее территориальной целостности от болгарских посягательств, а с Афинами ведут переговоры о развитии политических и экономических отношений. Также признаются бол-

между Турцией и Великобританией договора о взаимопомощи, но, прежде всего, потому что в Лондоне рассматривали Турцию как главный форпост против и советского, и германского проникновения на Ближний Восток и создания угрозы британским нефтяным интересам и линиям коммуникации метрополии с ее владениями в Азии и на Тихом океане. Перспектива советско – британского столкновения из-за Турции и Проливов, тем более памятуя о планах посылки англо-французского экспедиционного корпуса на помощь Финляндии девятью месяцами ранее, была закономерным проявлением имманентно порочного и опасного для СССР характера заключенного с Германией пакта о ненападении.

гарские претензии к Югославии, с которой заключают договор о дружбе, обязывавший Москву уважать ее территориальную целостность. Параллельно напропалую заигрывают с Венгрией, на эту целостность также покушающуюся. Для полноты картины остается указать, что вся эта непонятная возня под флагом борьбы с германским влиянием происходит на фоне переговоров с Берлином о присоединении СССР к Тройственному пакту и преобразовании его в «Пакт четырех»! И, конечно, истинным шедевром этого «сумбура вместо политики» стала югославская история.

* * *

В беседе с британским послом С. Криппсом в июле 1940 г. Сталин, отшучиваясь от его предложения встать во главе балканского оркестра, сказал, что «какая бы большая сила не вошла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться» [14, с. 397]. Кое-кому, однако, удалось войти, не запутаться и смоделировать ситуацию в регионе под себя. Ему – нет.

В заключение надо сказать, что сталинско – молотовский тандем провалил балканскую политику дважды. Первый раз – концептуально, не увидев за балканскими деревьями общеевропейского леса, поддавшись босфорскому мороку и не распознав ее ключевого – румынского – звена. Эта ошибка стоила Советскому Союзу участия почти двух миллионов ру-

мынских и венгерских военнослужащих в боях на восточном фронте. Второй раз Сталин провалил уже свою, ошибочную, версию балканской политики чисто технологически; и это стало для СССР величайшим благом, ибо уберегло его от войны с Турцией и Великобританией и сохранило шанс на создание в уже самом недалеком будущем антигитлеровской коалиции.

Глава 7. На пути к 22 июня

От пакта до Дюнкерка

Едва оправившись от шока, полученного в результате заключения пакта Молотова – Риббентропа, союзная дипломатия приступила к сбору политических черепков, пытаясь склеить то, что еще подлежало восстановлению. «На протяжении октября и ноября, – вспоминал полпред И. М. Майский, – я стал чем-то вроде богатой невесты, за которой все ухаживают. Кольцо холодной вражды, которое окружало наше посольство, разомкнулось и постепенно сошло на нет» [76, с. 60]. Уже 23 сентября 1939 г. от англичан поступает предложение начать торговые переговоры, на которое Кремль ответил согласием 27 сентября. Обеспокоенно этими контактами Риббентропа, прибывшего в Москву для заключения советско – германского Договора о дружбе и границе, Сталин, однако, заверил, что «за ними ничего серьезного не скрывается, и советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшими-ся господами, как Англия, Америка и Франция» [36, с. 616]. Действительно, «воз остался и ныне там».

К середине октября в Париже также стало заметно намерение правительства «сохранить добрые отношения»

с СССР. По информации полпреда Я. З. Сурица, французские официальные круги начали проявлять инициативу по восстановлению связей с Москвой. «По всеобщему убеждению, без поддержки СССР Гитлеру крышка, – писал в телеграмме в НКВД 21 октября полпред. – Обеспечить себе наш нейтралитет – это главная забота. Ради этого пойдут и на жертвы» [36, с. 207–208]. Посол Франции в СССР Э. Наджиар в письме на Кэ д'Орсэ¹⁶⁴ от 28 октября высказал мнение, что «для нас выгодно восстановление Россией своих территориальных позиций в Европе, которые она занимала в 1914 г. и которые позволяли уравнивать влияние Германии [...] Исходя из жизненных интересов Франции, мы не можем не учитывать, что существование на восточных границах рейха России [...] будет сдерживать Германию[...] Вхождение России в дела Европы, хотя и происшедшее в результате германо-советского сближения, наносит первый удар по программе безграничных завоеваний гитлеровского рейха» [цит. по: 94, с. 229].

Впрочем, это было общим местом для англо-французских политических комментаторов. У. Черчилль шел еще дальше, утверждая, что пакты августа и сентября объективно создали Восточный фронт против Германии самим фактом вхождения в соприкосновение СССР и Третьего Рейха на территории поделенной Польши. Свое видение отношений внутри треугольника «Москва – союзники – Берлин» он изложил в

¹⁶⁴ Набережная р. Сены в Париже, место нахождения МИД Франции.

радиовыступлении 1 октября 1939 г. Остается загадкой, как будут развиваться события, – сказал Черчилль, – но к этой загадке есть ключ. «Этим ключом являются национальные интересы России. Не может совпадать с интересами безопасности России то обстоятельство, что Германия разместится на берегах Черного моря, или то, что она захватит балканские государства и подчинит народы Юго – Восточной Европы. Это было бы противоположно жизненным интересам России» [цит. по: 125, с. 74–75].

Конечно, эти оптимистические оценки ситуации отчасти объяснялись стремлением «сохранить хорошую мину при плохой игре». Игра в трехсторонние переговоры, действительно, была неудачной, и Советский Союз оказался «проигранным» Берлину; но в долгосрочной перспективе, из которой исходили авторы данных прогнозов, ситуация выглядела именно так. Следствием стали неожиданное после советского «предательства» дружелюбие Лондона и Парижа в отношении СССР и попытки выстроить союзнические отношения с ним.

Однако до этих «лучших времен» было еще далеко. Пока же советско – германское сотрудничество успешно развивалось, в том числе по военной линии. Первым таким примером можно считать согласие советского правительства на просьбу Германии, высказанную после ее нападения на Польшу, использовать радиостанцию г. Минск в качестве радиомаяка для самолетов Люфтваффе путем посылки коди-

рованных сигналов.

Следующим шагом стало обращение Берлина за разрешением воспользоваться портами и верфями Мурманска и Владивостока для стоянки, снабжения и ремонта кораблей Кригсмарине. От этого проекта пришлось отказаться по причине невозможности сохранения в тайне столь явного сотрудничества «нейтрального» СССР с воюющей Германией. Однако выход нашелся: с начала ноября в распоряжение германского флота была предоставлена бухта Западная Лица рядом с Мурманском для организации там базы снабжения и ремонта его кораблей.¹⁶⁵ Оказывались германским ВМС и единичные услуги. Так, всю осень 1940 г. в порту Мурманска укрывался от английского флота лайнер «Бремен». В августе – сентябре советский ледокольный флот провел германский рейдер «Комет» по Северному морскому пути из Печерской губы через Берингов пролив в Тихий океан, где он затем пиратствовал в течение многих месяцев. С просьбами о проводке судов, причем в обе стороны – с запада на восток и обратно – Германия обращалась не один раз [см., напр.: 14, с. 24].

Большое значение в Берлине придавали и сотрудничеству с Москвой по линии внешнеполитической пропаганды, в частности, ее согласию выступить с совместным Заявлением

¹⁶⁵ Нужда в базе отпала осенью 1940 г. в связи с германской оккупацией северного побережья Норвегии. 5 сентября Шуленбургу было поручено выразить Советскому правительству от имени правительства Рейха «благодарность за неоценимую помощь», оказанную ВМС Германии [23, док. № 127].

о необходимости скорейшего прекращения войны. Правительства обеих стран, утверждалось в нем, стремятся к миру, готовы действовать в данном направлении и ожидают того же от Англии и Франции. Если же усилия Германии и СССР «останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР, – с угрозой говорилось в Заявлении, – будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах» [«Правда». – 1939. – 29 сентября; 36, с. 136–137].

Развернутая официальная оценка советским правительством создавшегося международного положения была дана в докладе В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября. У наркома не нашлось слов для осуждения германского нападения на Польшу, поскольку все обвинения в поджоге европейской войны он возложил на Францию и Великобританию, заодно осудив их за преступную, по его мнению, попытку покончить с идеологией гитлеризма [«Правда». – 1939. – 1 ноября]. Выступая через несколько дней в Рейхстаге, Гитлер заявил, что присоединяется к каждому слову советского наркома. Наконец, 30 ноября с заявлением, облеченным в форму интервью газете «Правда», выступил сам Сталин. Он утверждал, что «не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю

войну» [«Правда». – 1939. – 30 ноября]. В соответствии с этой установкой коминтерновские партии получили директиву Москвы развернуть пропагандистскую атаку на выявленных «поджигателей войны».

Между тем 26 октября британское правительство вновь предложило Москве начать торговые переговоры, однако 11 ноября правительство СССР заявило, что «не видит в данный момент благоприятных перспектив в этом деле» [36, с. 278]. Их и не могло быть, поскольку и для СССР, и для Великобритании значение вопроса о торговых переговорах выходило далеко за рамки важности самого заявленного предмета переговоров, – собственно торговли.

Основной задачей англичан было заделать огромную брешь в установленной ими системе экономической блокады Рейха, которую (брешь) создавали советско-германский товарообмен и, что неизмеримо важнее, транзит германских экспортно-импортных грузов через территорию СССР¹⁶⁶, а также выполнение последним функции реэкспортера для Германии. И. М. Майский телеграфировал Молотову 21 сентября, что «главные надежды (в Лондоне. – *Ред.*) возлагаются на блокаду, которая постепенно должна задушить Герма-

¹⁶⁶ Право транзита было предоставлено Советским правительством Германии в ходе сентябрьского визита Риббентропа и оформлено в виде обмена письмами между ним и Молотовым. В апреле-декабре 1940 г. через территорию СССР транзитом прошли 59 % германского импорта и 49 % экспорта. В первой половине 1941 г. соответствующие цифры были 72 и 64 процента, тогда как советская доля во всем германском экспорте составляла всего 6,6 %. (См.: 16, с. 288)

нию и вызвать в ней внутренние конвульсии, возможно революцию [...] Таким образом, решающее значение приобретает СССР. Поэтому самый острый интерес здесь вызывает сейчас вопрос: будет СССР снабжать Германию сырьем, продовольствием и прочим или не будет?» [36, с. 119]. (Единодушным мнением всей тогдашней политической Европы было, что прошедшую войну Германия проиграла, главным образом, из-за нехватки продовольствия и сырья для промышленности).

В Лондоне рассчитывали посадить германскую промышленность и армию на голодный паек, оттянув на себя часть советского внешнеторгового оборота и заставив Москву отказаться от практики закупки, пользуясь своим нейтральным статусом, и последующего реэкспорта в Германию товаров, запрещенных к ввозу в воюющие страны. (Вопрос о транзите был для СССР вопросом выбора между двумя воюющими лагерями и, конечно, не имел простого технического решения).

Для германской военной промышленности, следовательно, армии, в конечном счете – самого Рейха, прекращение поставок из СССР и транзитом через его территорию было равносильно смерти или, по крайней мере, смертельной болезни.¹⁶⁷ В этом случае, по мысли кремлевских руководи-

¹⁶⁷ В 1939 г. собственная обеспеченность Германии важнейшими видами стратегического сырья – нефтью, углем, железной рудой, медью, свинцом, алюминием, ртутью, марганцевой и хромовой рудой и др., составляла 17–18 %. Огромной проблемой было продовольственное снабжение населения.

телей, Берлин мог оказаться вынужденным пойти на мировую с англо-французской коалицией, что совершенно не соответствовало их интересам и задумкам. Кроме того, в ноябре 1939 г. СССР готовился к военному решению «финляндского вопроса» и остро нуждался в политической поддержке Германии. Отсюда категорический тон заявления об отказе вступать в торговые переговоры с Великобританией от 11 ноября. Более того, 10 декабря по просьбе Берлина СССР заявил Лондону протест в связи с усилением мер экономической войны против Германии, затрагивавших торговлю и судоходство третьих стран. Вместе с тем тактика англичан оказалась беспроигрышной, поскольку каждый всплеск переговорной активности между Лондоном и Москвой вызывал у германского правительства приступ подозрительности.

Попытки нормализации отношений с СССР со стороны Великобритании и Франции были, однако, вскоре прекращены ввиду начавшегося дипломатического, а затем и военного наступления Советского Союза на Финляндию. Острота реакции союзных столиц на финляндские события объяснялась рядом серьезных причин, которые были названы в гл. 5.

Здесь же отметим, что в Лондоне и, особенно, Париже подозревали, что советское нападение на Финляндию является скоординированной с Германией акцией и осуществляется с целью подрыва позиций западной коалиции. Полпред Я. З. Суриц сообщал в НКВД 22 декабря 1939 г. о существовавшем во Франции убеждении, что советский нейтралитет

прикрывает военное сотрудничество СССР с Берлином и что война в Финляндии «ведется в контакте и в соответствии с планами Германии и вводит фактически СССР в круг воюющей против Антанты коалиции» [36, с. 437–438]. В информационном письме Молотову из Лондона И. М. Майский также сообщал в начале нового 1940 года, что англичане «глубоко убеждены, что уже сейчас между СССР и Германией имеется тайный военный союз, а если в оформленном виде в настоящее время его еще нет, то все равно он скоро будет» [14, с. 55].

Реакцией западной коалиции стало принятие решения о посылке экспедиционного корпуса на помощь Финляндии, а также о бомбардировках бакинских нефтепромыслов, о чем говорилось выше. По совокупности внутри – и внешнеполитических причин тон в этой кампании задавала Франция. Именно она настояла перед Лондоном на принятии решений о бомбардировках и об исключении Советского Союза из Лиги наций в декабре 1939 г., а также о фактическом отзыве союзных послов из Москвы под видом «поездки в отпуск».

Французское правительство рассматривало и возможность разрыва дипломатических отношений с СССР. Вопрос о прекращении официальных отношений с СССР считался практически решенным; в Москве посольство приступило к уничтожению архивов. «Кампания за разрыв отношений с нами более серьезна, чем я полагал, – сообщал Я. З. Суриц

в упомянутой выше телеграмме. – В парламентских кругах об этом говорят как о вероятности». Хотя, в конечном счете, в Париже все же сочли целесообразным сохранить дипломатические отношения с Москвой, та в конце 1939 г. – начале 1940 г. предпочитала осуществлять связи с союзниками через Лондон.

Очередной удар по отношениям с западной коалицией нанесло подписание 11 февраля большого советско-германского Хозяйственного соглашения, которое удовлетворяло практически все торгово-экономические пожелания Берлина. Была достигнута договоренность о значительном росте товарооборота между двумя странами, благодаря чему Германия могла в определенной мере возместить выпавшие вследствие экономической блокады объемы экспорта и импорта. Также СССР соглашался закупать для нее, в обход эмбарго, товары в нейтральных странах. Наконец, Германия получила льготные условия транзитных внешнеторговых перевозок товаров в Румынию, Иран, Афганистан, страны Дальнего Востока, и обратно. В меморандуме о советско-германской торговле экономический советник посольства К. Ю. Шнурре отмечал, что «соглашение означает широко открытую дверь на Восток» и что «эффект английской блокады будет существенно ослаблен будущим притоком сырья» [23, док. № 89].

Таким образом, была выполнена просьба, высказанная в письме Риббентропа Сталину от 5 февраля, – поддержать

Германию «в нашей войне с Англией и Францией путем возможно быстрых и объемлющих поставок сырья» [14, с. 75–77]. Именно так – как поддержку, а не просто как договор о торговле, оценивал Сталин подписанное соглашение, тем более что зафиксированные в нем условия взаиморасчетов означали фактическое кредитование Советским Союзом Германии.¹⁶⁸ Это был аванс Рейху за будущие боевые действия на Западном фронте.

Политический эффект, произведенный на англо – французскую коалицию Хозяйственным соглашением, оказался исключительно сильным и вдобавок вошел в резонанс с планами посылки экспедиционного корпуса союзников в Финляндию. Отношения СССР с Францией и Великобританией обострились до предела. В информационном письме Молотову от 26 января И. М. Майский с беспокойством отмечал: «Выражаясь статистическим языком, я бы сказал, что если температуру (советско – английских отношений. – *Ред.*) мая – июня 1939 г принять за 100, то температура октября – ноября равнялась 50, а температура сегодняшнего дня едва ли превышает 30. В соответствии с этим атмосфера, окружающая Полпредство, носит леденящий характер, и пустота вокруг него все больше расширяется. [...] в настоящий момент состояние англо-советских отношений должно быть

¹⁶⁸ Предусматривалось, что советская сторона поставит сырье на сумму 640–660 млн. марок в течение 18 месяцев, а германская сторона компенсирует эту сумму встречными поставками своей продукции в течение 2 лет и 8 месяцев.

признано опасным. Эти отношения сейчас можно сравнить с очень туго натянутой струной, и приложение к уже имеющейся всякой новой тяжести, откуда бы она ни исходила, в состоянии повести к разрыву струны» [14, с. 53, 56].

Чтобы отойти от края политической пропасти, Москва сделала несколько добрых жестов в сторону западной коалиции. Для начала она практически спустила с рук французским властям враждебный демарш – вторжение 5 февраля отряда полиции в здание торгпредства СССР в Париже с произведением обыска, вскрытием сейфов для изъятия документации и выдворением сотрудников. Затем Лондону было продемонстрировано благожелательное отношение к идее торговых переговоров. Принимая 16 февраля члена британского парламента С. Криппса, Молотов заявил, что «если бы Английское правительство действительно хотело бы иметь с нами хорошие отношения, то мы с готовностью пошли бы этому навстречу» [14, с. 93]. 22 февраля обеспокоенной Москве пришлось уверять Лондон, что Хозяйственное соглашение не означает военного союза (*sic!*) с Германией и что СССР остается нейтральным государством. В доверительном порядке даже последовал запрос, согласится ли британское правительство выступить посредником в урегулировании советско-финляндского конфликта¹⁶⁹. Через пять дней Великобритании было предложено «восстановить тор-

¹⁶⁹ 24 февраля Великобритания ответила отказом, сославшись на выдвижение Москвой чрезмерно жестких условий прекращения войны с Финляндией.

говые отношения» и даны заверения, что ее товары не попадут в Германию [14, с. 112].

Ради успокоения союзников под неким благовидным предлогом Кремль даже пошел на временный срыв поставок в Германию нефти и некоторых других товаров. По мнению посла Шуленбурга «советское правительство боится быть вовлеченным Антантой в большую войну (к которой оно не готово) и по этой причине хочет избежать всего, что может послужить для англичан и французов поводом для обвинения СССР в противоречащем нейтралитету поведении или в горячей поддержке Германии» [93, р. 134–135]. Весь март советская и британская стороны демонстрировали готовность улучшить отношения, однако дальше слов дело не шло.

Все же кремлевские реверансы в сторону англичан и французов на фоне срыва советских поставок в Германию всерьез обеспокоили Гитлера, и 28 марта Риббентроп известил Шуленбурга о желательности организовать визит в Берлин Молотова или даже Сталина. Посол, однако, оценил шансы как «ничтожные», поскольку в Москве опасались, что это может привести к разрыву отношений с западными державами, и вопрос отпал [93, р. 40–41, 53–54]. Шуленбург был прав: Москву обеспокоили даже появившиеся слухи о возможности такого визита, в связи с чем 24 марта ТАСС вынужден был выступить с опровержением [Известия – 1940–24 марта].

В Кремле, между тем, продолжали лихорадочно искать баланс в своих отношениях с обеими враждующими сторонами. Выступая 29 марта на сессии Верховного Совета СССР с докладом о внешней политике, Молотов вновь стал совершать осторожный разворот в сторону Берлина. Он, в частности, заявил, что позиция Франции и Англии по отношению к СССР в период войны с Финляндией, объясняется тем, что «в Финляндии у них был готовый военный плацдарм на случай нападения на СССР». Нарком коснулся также создания на Ближнем Востоке группировки англо-французских войск. «Мы должны быть бдительными в отношении попыток использования этих... войск во враждебных Советскому Союзу целях. Всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров...» [«Известия». – 30 марта. – 1940]. Однако советско – германские отношения от этого не улучшились, и задержки с поставками сырья продолжились.

Оккупация Германией в начале апреля 1940 г. Норвегии и Дании так обрадовала советское правительство, что оно, по выражению Шуленбурга, «снова сделало полный поворот кругом». «Неожиданная приостановка поставок нефти и зерна, – сообщил посол в Берлин 11 апреля, – была названа Молотовым «излишним усердием подчиненных инстанций», которое будет немедленно отменено... Господин Молотов был сама любезность... С моей точки зрения есть только одно объяснение такому повороту событий: наши сканди-

навские операции должны были принести советскому правительству большое облегчение, снять, так сказать, огромное бремя тревоги. . . Советскому правительству мерещилось появление англичан и французов на побережье Балтийского моря, ему виделось, что будет вновь открыт финский вопрос. Наконец, их больше всего пугала опасность вовлечения в войну с двумя великими державами. Очевидно, эта боязнь была нами ослаблена. Только этим можно объяснить полное изменение позиции господина Молотова» [23, док. № 95].

Представляется, что посол упустил из вида еще одну причину перемены настроений в Кремле – переход «странной войны» на западе в стадию реальных боевых действий. «Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях», – заявил обрадованный Молотов Шуленбургу по случаю оккупации Норвегии и Дании. [23, док. № 95].

В 20-х числах апреля англичане возобновили попытки встрять между Москвой и Берлином, и 8 мая правительство Великобритании передало советскому правительству специальный меморандум. Меморандум поднимал три становившихся уже «вечными» вопроса: ограничение объема советско-германского товарооборота за счет роста торговли с Великобританией; прекращение реэкспорта в Германию запрещенных для нее товаров; прекращение германского внешне-торгового транзита через территорию СССР.

Спустя всего два дня после появления меморандума про-

исходит знаковое для советско – английских отношений событие: премьер – министром Великобритании триумфально становится последовательный и бескомпромиссный критик мюнхенской политики и сторонник союза с СССР в войне против Германии до победного конца Уинстон Черчилль. В основу долгосрочного планирования им была положена идея о неизбежности англо – советского сотрудничества, и в качестве первоочередной меры на этом пути новый кабинет весьма разумно избрал восстановление в полном объеме дипломатических отношений между двумя странами, сильно урезанных вследствие отсутствия посла Великобритании в Москве. 20 мая Лондон известил советское правительство о намерении заслать в СССР целый посольский десант. Предполагалось заменить уехавшего из Москвы пятью месяцами ранее «в отпуск», а фактически отозванного посла У. Сидса новым послом и, кроме того, направить с «исследовательской миссией» члена британского парламента С. Криппса в статусе специального посланника.

Лондонские инициативы вызвали у Москвы опасения относительно того, как их воспримут в Германии. Заблокированный в значительной мере после отъезда посла Сидса канал политической связи между Москвой и Лондоном вновь открывался,¹⁷⁰ и это не могло понравиться Берлину. Там,

¹⁷⁰ Нахождение в Лондоне полпреда И. М. Майского мало меняло дело вследствие созданной Кремлем сверх централизованной модели осуществления внешней политики, при которой все сколь – либо значимые переговоры могли происходить исключительно при участии Сталина или Молотова. Кроме того, сам

действительно, торгово – дипломатическая активность англичан стала причиной для серьезного беспокойства [93, р. 222]. Для Кремля возникла срочная необходимость доказывать немцам свою верность курсу пакта-39. Прежде всего, последовал ответ на меморандум о торговле. 22 мая в газете «Известия» было опубликовано «Сообщение ТАСС», в котором излагалась советская версия истории торговых переговоров: факт реэкспорта отрицался, а вопросы торговли с Германией и транзита были отнесены к исключительной компетенции Советского правительства. Стремясь «спасти лицо», Лондон заявил, что отзывает все свои предыдущие предложения по торговым переговорам.

Всего через восемь дней в советской прессе появилось новое «Сообщение ТАСС», в котором говорилось, что Советское правительство не намерено принимать С. Криппса в качестве посланника «со специальной миссией». Беспрецедентный вынос Кремлем сора из дипломатической избы на страницы печати был призван порадовать ее читателей в Берлине. Геббельс с удовлетворением записывает в своем дневнике: «Страшный конфуз для Англии [...] Москва ударила английскую плутократию прямо в физиономию. Тем самым козырная карта о германо – русской размолвке бита» [7, с. 200–201].

Майский не пользовался у кремлевского руководства доверием как бывший меньшевик и министр Сибирского правительства Колчака и, кроме того, как член старой чичеринско – литвиновской дипломатической гвардии.

В доверительном порядке Москва уведомила обеспокоенный Берлин о беспочвенности слухов «о каком-то несуществующем повороте в отношениях между Англией и СССР» и заверила его, что «ничто не угрожает дружеским отношениям СССР и Германии» [14, с. 289]. В беседе с Шуленбургом Молотов извиняющимся тоном просил собеседника понять, что Кремль не мог отказать англичанам в праве назначить в Москву своего посла, с чем германский дипломат милостиво согласился.

Между тем, 10 мая сбылась давняя мечта Кремля: германские войска перешли в наступление на Западном фронте. Обрадованная Москва слала в Берлин поздравительные телеграммы по поводу «замечательно успешных» действий германской армии и выражала полную готовность их поддерживать своевременными и достаточными поставками нефтепродуктов. Однако очень скоро быстрота и относительная легкость, с которыми эти победы достигались, все больше озадачивали Кремль. 22 мая поверенный в делах Франции Ж. Пайяр сообщил в Париж, что военные успехи Вермахта во Франции и тяжелое положение западных союзников вызывают беспокойство советского руководства. «Сталин делал ставку на длительную войну, которая могла бы ослабить воюющие державы и тем самым усилить относительную мощь Советов. Он больше всего опасался быстрой победы Германии, в результате которой СССР остался бы один на один с недостаточно ослабленным рейхом» [цит. по: 94, с.

Подобное видение ситуации породило у французских лидеров иллюзию изменения позиции Москвы в отношении союзников и даже возможности получения поддержки со стороны СССР. По свидетельству И. Эренбурга, 24 мая во время его пребывания в Париже к нему обратился министр общественных работ А. де Монзи и попросил довести до сведения Москвы желание французского правительства получить помощь из СССР. «Если русские нам дадут самолеты, мы сможем выстоять. Неужели Советский Союз выиграет от разгрома Франции?» – вопрошал министр.

Официально вопрос о советской помощи был поставлен вновь назначенным послом Франции Э. Лабонном в ходе его первой беседы с В. М. Молотовым 14 июня 1940 г. В ответном слове нарком ограничился указанием на то, что «позиция Советского Союза определяется договорами, заключенными с другими странами, и политикой нейтралитета, о которой было заявлено в начале европейской войны», обозначив, таким образом, намерение Москвы оставаться в рамках советско-германского пакта о ненападении [14, с. 342–345]. Вскоре этот вопрос был вообще снят самим ходом событий, а именно подписанием 22 июня условий перемирия между Францией и Германией, а 24 июня – между Францией и Италией. 25 июня военные действия во Франции были остановлены.

После Дюнкерка

Блеск германских побед на Западном фронте в первый момент ослепил едва ли не всех заинтересованных наблюдателей, среди них кремлевских. Европейская война казалась законченной. Однако война не была ни европейской и ни законченной, потому что, с одной стороны, Гитлер видел Германию гегемоном не одной только Европы, но всего мира, а с другой – на завершение войны требовалось согласие Британской империи. А она, понимая, что конечная цель Германии состоит в ее разрушении, такое согласие дать не могла. Как заявил У. Черчилль, выступая с программной речью в Палате общин британского парламента 13 мая 1940 г., «Without victory there is no survival» (Без победы мы не выживем).

Когда политическое зрение одного из наблюдателей – Г. Гафенку – восстановилось, ситуация предстала в следующем виде: «Германская победа является блестящей, но не окончательной, – говорилось в докладе посланника в МИД Румынии. – Континент оккупирован. Остается оккупировать еще четыре континента, так же как и океаны. [...] С запада больше не ощущается опасного давления сухопутных сил. На востоке... находится государство, пока дружественное и желающее поставить как можно больше продовольствия и сырья. И все же, вследствие своей срединной позиции, Германия взята в те же клещи. Объем клещей расширился, но сила

сжатия столь же опасна». Наконец, продолжил размышлять Гафенку, «фатально для германского империализма, который вознесся на победах «моторизованных масс», что он разбудил два империализма, таких же захватнических, как и он: советский империализм, который имеет в своем распоряжении бесчисленные массы, и империализм американский, который бесконечно конструирует (правильнее было бы перевести «беспрерывно производит». – *Ред.*) моторы» [108, с. 501].

Высвободиться из этой геостратегической ловушки Германия не могла, «не улетая на Луну». Ее могла выпустить только Великобритания, вернувшись к политике умиротворения Берлина и заключив с ним мир приемлемой ценой, скажем, возвращения Танганьики, Юго – Западной Африки (Намибии) и еще чего ни будь в этом роде. Перспектива такого окончания войны на западе повергала «третьего радующегося» в Москве в состояние смертельного страха. Остаться один на один с возвращенной в значительной мере на советских политико-экономических дрожжах победоносной Германией означало неминуемый конец режима. Сопоставление позорной кампании РККА против маленькой Финляндии с феерической победой Вермахта над двумя великими державами и еще пятью другими странами не оставляло никаких надежд.

Феноменальный успех Вермахта стал шоком и породил в правительственной Москве волну военной паники. По сви-

детельству Н. С. Хрущева Сталин всерьез ожидал массовой переброски немецких войск с запада на восток к границе СССР и скорого начала советско – германской войны. «Сталин был в крайне нервном состоянии, – свидетельствует Н. С. Хрущев. – ...Он буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик. Он ругал французов, ругал англичан, как они могли допустить, чтобы Гитлер их разгромил?» [89, с. 267]. Лучшее всего этот испуг выдает прибалтийская акция Кремля с экстренным вводом огромного количества войск и практической подготовкой к ведению боевых действий. О том же свидетельствуют бессарабско – буковинская операция и упомянутые в гл. 5 планы в отношении Финляндии и Восточной Балтики. Из англо – французского «огня» в феврале – марте «третий радующийся» угодил в германское «полюмя» в мае – июне 1940 г.

На гипотетическую угрозу нападения Сталин ответил массивной переброской войск из внутренних районов страны к границам. Путешествовавший по Кавказу летом 1940 г. писатель И. Эренбург вспоминал, что все дороги, ведущие на юг, были забиты войсковыми колоннами. В те же дни подготовленных к депортации арестованных граждан балтийских стран долгое время не могли вывести в Россию, т. к. железные дороги работали в одном направлении – на пропуск воинских эшелонов с востока на запад.

Наряду с практическими мероприятиями по подготовке к отражению возникшей в одночасье угрозы германской агрес-

сии Кремль предпринимает попытку «перевернуть ситуацию» и опередить возможное, как он полагал, британское предложение мира Германии своим собственным, чтобы доказать Берлину, что его восточному флангу ничто не угрожает, и он может продолжать натиск на запад. Этой цели было призвано служить написанное лично Сталиным Заявление ТАСС от 23 июня. Новый подход к сотрудничеству с Германией состоял в том, что теперь оно позиционировалось не как мера вынужденного характера, пойти на которую пришлось по каким-то тактическим соображениям, а как стратегический курс, основанный на совпадении коренных и долговременных государственных интересов двух стран. В Берлине это должны были оценить. Заявление ТАСС, высказал свое мнение Шуленбург, «во всех смыслах к нашей выгоде на этой ответственной развилке» истории [82, р. 12].

Сталину, однако, этого показалось недостаточно, и в беседе с послом Криппсом 1 июля, подробное изложение которой было передано в Берлин, им было заявлено о стратегическом характере разногласий между СССР и Великобританией, как в прошлом, так и в настоящем. От советской претензии на равноудаленность не осталось и следа. Провозглашенные из страха перед победоносным Рейхом, эти декларации превращали СССР в заложника внешней политики Германии и вынуждали его, к неудовольствию самого Сталина, «плестись у нее в хвосте». Как следствие, независимо от того, что планировали в Кремле, (а в политике имеют значение

не задумки, а результаты), Сталин все больше становился и, по выражению турецкого посла в Москве А. Актая, в итоге – таки «стал слепым орудием Германии» [цит. по: 11, с. 50].

Сталинским реверансам Гитлер, однако, предпочел бы британскую капитуляцию, замаскированную под согласие на мирные предложения, сделанные им в Рейхстаге 19 июля. Однако из Лондона пришел категорический отказ. Напротив, Москву Лондон порадовал посланием премьер-министра У. Черчилля, в котором он заверил Сталина, что не пойдет на мир с Гитлером и будет вести войну до победного конца. Пугающая перспектива остаться с немцами один на один отпала, майско – июньская паника начала быстро спадать, и в Кремле снова уверовали, что сделанная ими в августе 1939 г. ставка на длительную войну на западном фронте ввиду непримиримости англо – германских противоречий продолжает оставаться правильной.

С учетом конечных целей Гитлера так оно и было. Для понимания взаимоотношений внутри треугольника Германия – СССР – Великобритания следует держать в уме непривычный для широкого отечественного читателя факт, что в Берлине считали противником № 1 Англию, а вовсе не СССР, отношения с которым рассматривались преимущественно через призму задачи сокрушения островной империи. Советский Союз представлялся Гитлеру региональной проблемой, тогда как раскинувшаяся на всех континентах Британская империя – глобальной. В беседе с Г. Раушнин-

гом фюрер сказал, что «борьба с Версальским договором – это только средство, а не цель моей политики. Прежние границы Рейха меня не интересуют». Гитлер, по мнению Раушнига, вполне отдавал себе отчет в том, что Германия может стать господствующей силой в мире лишь, если будет уничтожено британское могущество [3, с. 98].

У Сталина имелось верное понимание гитлеровских приоритетов, но оно склоняло его к ошибочному выводу, что ожидать германского вторжения в СССР до полного завершения кампании на Западном фронте не следует. Ничто не могло поколебать его в этом убеждении – ни донесения разведок по линии Наркомата обороны, НКВД, НКВД и Коминтерна, ни предупреждения руководства и многочисленных дипломатов иностранных государств. А. И. Микоян вспоминал: «Сталин в это время был твердо уверен, что в ближайшие месяцы Гитлер не решится воевать сразу на два фронта, не расправившись с Англией или не заключив с ней мира [148, с. 95]. По свидетельству маршала Г. К. Жукова, всего за 11 дней до июньской катастрофы Сталин уверял высших военачальников, что опасаться нападения Германии не стоит, поскольку для ведения большой войны с СССР немцам необходимо ликвидировать Западный фронт, высадившись в Англии или заключив с ней мир. В беседах Молотова с писателем Ф. Чуевым находим этому подтверждение: «Верно, верно, – вспоминал бывший нарком, – такое настроение было не только у Сталина – и у меня, и у других» [18, с. 39].

Насколько «такое настроение» было господствующим в Кремле, можно судить по тому, что 22 июня в 3.15 утра Сталин все еще не мог понять, что произошло, и первые четыре часа Великой Отечественной войны исполнял последнюю просьбу Гитлера «не поддаваться ни на какие провокации»¹⁷¹. Директива «действовать по-боевому» ушла в войска только в 7 часов утра.

В логике Гитлера ситуация выглядела иначе. После весенне-летних побед он считал Западный фронт лишь *номинально существующим, не представляющим стратегической угрозы* для Германии в перспективе многих месяцев, возможно, даже нескольких лет. С другой стороны, от нанесения поражения английскому экспедиционному корпусу во Франции до решающего военно – политического разгрома стоголовой гидры мировой Британской империи было еще очень и очень далеко. Отсюда предложения «почетного мира», посылаемые Гитлером через Ла-Манш; и одну из важ-

¹⁷¹ 14 мая фюрер направил Сталину послание, в котором говорилось: «Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск с Вашей границы. При этом убедительно прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода...» [цит. по: 139]. Следует оговориться, что подлинность этого письма рядом историков оспаривается. Нам же представляется маловероятной ситуация, чтобы два диктатора самоустранились от прямого руководства отношениями с главным партнером в самый ответственный момент истории. О существовании переписки утверждал и маршал Жуков, которому Сталин дал прочитать два письма [128, с. 472; 147, с. 182–183].

нейших причин того, что они неизменно отвергались Лондоном, фюрер справедливо усматривал в факте существования СССР, а также США. В дневнике генерала Гальдера изложено следующее резюме выступления Гитлера на совещании с руководством Рейха 31 июля 1940 г.: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению [...] Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии [...] Если Россия окажется разбитой, то последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан станет Германия. Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го» [127, с. 79]. В такой парадигме нападение на СССР было не только мыслимым, но и необходимым.

Просчет Кремля состоял не в том, что сразу после Дюнкерка он не отгадал направление следующего удара Германии: Гитлер и сам долгое время не мог решить, в какую сторону ему двигаться дальше. «Звонок от фюрера, – записывает Геббельс в дневнике за 25 июня 1940 г. – Он не скрывает своего ликования... но еще не знает вполне ясно, захочет ли он идти против Англии» [7, с. 214]. Параллельно с обсуждением идеи нападения на СССР, буквально в те же дни, 16 июля 1940 г., он подписывает директиву № 16 о высадке германских войск на Британские острова (операция «Морской

лев»), которая должна была начаться уже через два месяца, 15 сентября. Просчет Кремля состоял в том, что весь год, оставшийся после поражения коалиции до 22 июня, он продолжал идти по старой, заводившей его все глубже в стратегический тупик рапальской дорожке. Попытки сориентировавшихся вовремя англичан установить с Москвой новые отношения та отметала сходу.

Многие отечественные авторы привычно оправдывают этот провальный курс Кремля, называя «антисоветской» политику Лондона на том основании, что усматривают в ней его «зловещее стремление» втянуть СССР в войну с Германией в собственных интересах. Вопрос, однако, в ином: насколько эти «собственные интересы» Великобритании (а какие еще она должна была преследовать? И какие интересы преследуют все другие страны, вступая в контакт друг с другом?) совпадали в главном с национальными интересами СССР? По нашему мнению, **образование в скором времени антигитлеровской коалиции дает исчерпывающий ответ на поставленный вопрос.** Кроме того, спектр возможных мер по координации советской внешней политики с британской был весьма широким и **отнюдь не сводился к немедленному вступлению в войну с Германией.**

Чем же тогда руководствовался советский вождь, бегая от Черчилля, как черт от ладана?

Причина состояла в том, что по большому счету Лондон приглашал Сталина отказаться от рапальской химеры

и вернуться в лоно традиционной европейской геополитики. Предложенное англо-советское сближение в перспективе могло создать новую/старую стратегическую реальность – некое подобие расстановки сил в Европе образца лета 1939 г., – без Франции и Польши подобия, конечно, блеклого, но все же угрожающего Германии новым военно-политическим окружением, особенно в случае участия в нем США. Однако как раз этого Сталин и не желал больше всего, о чем он со всей откровенностью заявил британскому послу С. Криппсу 1 июля 1940 г.: «...Мы хотим изменить старое равновесия в Европе, которое действовало против СССР» и не можем согласиться на его восстановление [14, с. 398]. Как Сталин собирался менять «старое равновесие», известно: разгромить Великобританию немецкими руками, затем разгромить Германию в результате европейского похода Красной Армии. И, как тогда казалось вождю, не было ни одной причины отказываться от этого замечательного стратегического замысла.

В действительности, разгром Великобритании противоречил национальным интересам СССР, поскольку означал исчезновение последнего потенциального союзника в Европе на случай советско-германской войны. Тогда нечего было бы надеяться и на помощь со стороны США: уничтожение Великобритании как независимого государства лишало Вашингтон мотива ввязываться в европейскую войну и необходимого для такого вмешательства английского островно-

го плацдарма, без которого оно было технически невозможно. Где бы оказался Советский Союз после нападения Германии, лишился он военной и, особенно, экономической помощи США и Великобритании? Если, например, огневая мощь Красной Армии уменьшилась бы наполовину, ВВС не смогли восполнять боевые потери самолетов, а те, что остались, стояли бы на аэродромах не заправленными; войска передвигались бы преимущественно в пешем строю, а артиллерия была бы на конной тяге?¹⁷² И напротив, если бы Германия, избавившись от установленной Великобританией экономической блокады, и, тем более, захватив ее огромные ресурсы, имела возможность резко усилить свой военно-промышленный потенциал?

С чисто военной точки зрения продолжение боевых действий между Германией и Великобританией в любой из двух возможных форм – десантной операции или, как происходило в действительности, битвы на море и в воздухе, – не

¹⁷² Поставки по ленд-лизу покрывали 50 % потребностей вооруженных сил СССР в порохах и взрывчатых веществах, 15 % в боевой авиации, 55 % в алюминии для самолетостроения, 40 % в авиационном топливе (им разбавляли оставшиеся 60 % советского низкооктанового топлива, на котором самолеты летать не могли) и 64 % в автомобилях. По многим позициям, имевшим решающее значение для достижения победы, англо-американские поставки превосходили собственное производство в СССР или представляли значительную часть от него. Критически важной эта помощь была в самые трудные 1941–1943 гг., когда гигантское количество вооружений и иных материальных ресурсов довоенной РККА оказались брошенными в результате панического отступления, а эвакуированные на восток предприятия еще не заработали.

сильно улучшило стратегическое положение СССР. Десантная операция, успешная или провальная, по определению была бы скоротечной, не способной надолго сковать германские войска. На ее осуществление гитлеровским командованием отводился всего месяц, а почти четырехмиллионный Вермахт выделял только 260 тысяч солдат в качестве первого эшелона десанта и еще 9 дивизий – в качестве второго эшелона. Черчилль, впрочем, считал, что хватило бы и 150 тысяч, поскольку все восточное побережье страны защищали всего 8 плохо вооруженных дивизий. Выступая в британском парламенте 4 июня 1940 г., премьер счел возможным горько пошутить: «Мы будем бить высаживающихся по головам пивными бутылками, ибо, пожалуй, у нас только это и есть».

Не могла отвести в сторону угрозу германского нападения на СССР, как об этом свидетельствует сама история, и схватка немцев с англичанами на море и в воздухе: в войне континентальных армий океанский флот и дальняя авиация являются не самыми востребованными родами войск. (Имелся, правда, благотворный побочный эффект: огромные ресурсы, которые тратились Германией на строительство флота, в том числе подводного, для борьбы с Великобританией за господство на море, ограничивали производство вооружений сухопутных войск, прежде всего танков).

Таким образом, политика Черчилля, предлагавшая отказ от авантюристических планов завоевания европейско-

го господства в пользу принятия рациональных решений, продиктованных сложившейся ситуацией, объективно стояла неизмеримо ближе к подлинным национальным интересам СССР, чем сталинская. **Тут нечего и доказывать, если держать в уме эвентуальный отказ Кремля от антибританской химеры и создание антигитлеровской коалиции.** Однако до тех пор, пока геополитическая реальность не расставила 22 июня 1941 г. все по своим местам, характер советско-британских отношений, бывших производными от отношений этих двух стран с Германией, определялся различием в представлениях лидеров двух стран о перспективах развития военно-политического положения в Европе.

Между Берлином и Лондоном

22 и 24 июня в Компьенском лесу ставший за неделю до этого премьер-министром Франции маршал Ф. Петен подписал декларации о капитуляции страны в войне против Германии и Италии соответственно. Эти акты означали прекращение действия англо-французского соглашения о коалиции и выводил Францию из числа великих держав, способных оказывать действенное влияние на развитие ситуации в Европе и мире. Поэтому в интересах нашего исследования детальное описание истории отношений СССР с правительством

Виши представляется излишним.¹⁷³

Потеряв в лице Франции важнейшего союзника в Европе, или, по бытовавшему тогда выражению, «континентальную шпагу Лондона», правительство У. Черчилля надеялось обрести нового союзника в лице СССР. Первым шагом в этом направлении стало возвращение в Москву посла, которым был назначен С. Криппс (правда, без упоминания о «специальной миссии»). Далее, стремясь создать благоприятную атмосферу в двусторонних отношениях, 18 июня британский кабинет добился от властей Франции освобождения двух советских торговых судов – «Селенга» и «Маяковский», арестованных еще осенью 1939 г. за перевозку в Германию товаров, запрещенных для нее по условиям военного времени. Это был жест доброй воли, приуроченный к визиту 1 июля С. Криппса к И. В. Сталину.

Для советского вождя основной целью встречи было разобраться в главном на тот момент вопросе: не склоняется ли Лондон, оказавшийся в критическом положении, к поиску мира с Германией. От ответа на него зависело будущее СССР в смысле перспектив советско-германской войны, а именно вероятного срока ее начала и расклада на тот момент военно-политических сил в Европе. Ответ содержался в переданном Криппсом личном послании У. Черчилля Сталину. В

¹⁷³ Капитуляция Франции не привела к прекращению дипломатических отношений между ней, – в лице остававшейся неоккупированной части страны со столицей в г. Виши, – и СССР. Эти отношения сохранялись вплоть до 30 июня 1941 г. и были прерваны по инициативе французской стороны.

нем премьер высказывался за улучшение советско-английских отношений и предлагал «консультироваться друг с другом в отношении тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих». Главным таким делом он назвал угрозу установления германской гегемонии на континенте. Черчилль подчеркивал необходимость «противостоять стремлению Германии к гегемонии» и дал заверение, что «Британское правительство твердо намерено использовать с этой целью свое географическое положение и свои великие ресурсы»¹⁷⁴.

Беспрецедентный прием Сталиным *английского* посла породил в Берлине волну беспокойства, хотя Шуленбург весьма прозорливо считал, что никакой опасности визит англичанина не представлял [93, p.470]. Ему, однако, не поверили. «Информация об англо – русских отношениях предвещала нам нерадостный ход событий», – вспоминал о тогдашних настроениях фон Риббентроп [12, с. 180].

Вышло, все же, что немцы пугали сами себя. Реакция Кремля на послание британского премьера оказалась совсем не такой, на какую рассчитывал отправитель. Получив заверения в непримиримости англичан, в Москве несколько успокоились и сочли целесообразным максимально свернуть контакты с Лондоном, чтобы не раздражать Германию и не

¹⁷⁴ 3 июля У. Черчилль принял советского посла И. М. Майского и высказался в том же духе. Правительство Великобритании отклонило мирные предложения, сделанные Германией 19 июля, практически моментально.

мешать ее планам нападения на Британские острова иллюзией советско – английского взаимопонимания. Ввиду этого все предложения правительства Великобритании о политических консультациях, делавшиеся в духе послания Черчилля Сталину, в дальнейшем неизменно отвергались, а само послание премьера осталось без ответа. Кремлевские старания угодить Берлину там заметили. В дневнике за 27 июля Геббельс записал: «Сталин не жалеет труда, чтобы нравиться нам. У него, верно, достаточно причин для этого» [7, с. 218].

Предложение У. Черчилля о консультациях не имело шансов на успех, ибо ни о какой борьбе с германской гегемонией в союзе с Англией в Кремле и не помышляли. Как раз, наоборот: за неделю до приема Криппса Москва и союзный Берлину Рим с помпой подтвердили советско-итальянский пакт о ненападении 1933 г., договорившись при этом о разделе сфер интересов. Москва признавала Средиземное море с прибрежными странами итальянским, а Рим соглашался считать Черное море *mare russo*. В результате Италия получала свободу рук в восточном Средиземноморье и, по советским прикидкам, должна была играть роль препятствия на пути проникновения в Проливы Великобритании. На этом фоне сделанное С. Криппсом Сталину предложение, чтобы Советский Союз в силу исторических традиций взял под свой патронаж страны Балканского полуострова, выглядело настолько неуместным и несвоевременным, что Сталин отделался от него одной шуточной фразой – о том, что боит-

ся заблудиться в дебрях балканской политики.

В августе – сентябре Кремль сделал Берлину два весьма ценных подарка в области внешнеполитической пропаганды. Имеется в виду, во – первых, речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 1 августа. Нарком дал высокую оценку советско – германским отношениям и повторил сталинскую мантру о том, что в их основе лежали «не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии». 3 августа Геббельс записывает в дневник: «Речь Молотова потрясла Лондон. Этого и следовало ожидать» [7, с. 218]. Другим «подарком» стала передовица газеты «Правда» за 30 сентября «Берлинский пакт о Тройственном союзе»¹⁷⁵, в которой создание этого союза представлялось как естественная реакция Германии, Японии и Италии на усиление англо – американского военного сотрудничества. Такая интерпретация событий не могла не понравиться Берлину. «Заявление Сталина (именно ему приписывалось политическое авторство этой статьи. На самом деле автором был Молотов. – *Авт.*) воспринято фюрером с удовлетворением. Оно помогает нам продвинуться еще немного вперед», – записал в дневнике Геббельс [7, с.223].

Британский посол быстро усвоил преподанный ему Крем-

¹⁷⁵ Напомним, что «Тройственный пакт», он же «Берлинский договор» – это соглашение об экономическом и военно-политическом союзе, подписанное Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. в г. Берлине.

лем урок и решил зайти с другой стороны. В беседе с Молотовым 7 августа Криппс очень откровенно и столь же неуклюже пытался шантажировать наркома угрозой англо – германского примирения в случае продолжения Советским Союзом политики благожелательного нейтралитета по отношению к Германии и враждебного – к Англии. Из Берлина в Лондон, по уверению посла, поступали предложения о мире, целью которых было развязать себе руки на Западе с тем, «чтобы предпринять наступление в другом направлении до наступления зимы».¹⁷⁶ В своем ответе нарком признал, что «политика нейтралитета Советского правительства действительно не одинаковая в отношении Англии и Германии», указав в качестве причины на то, что с Германией у СССР подписан договор о ненападении, а с Англией – нет. (Моментально сделанное Криппсом предложение заключить договор о ненападении между Англией и СССР и подписать торговое соглашение поставило Молотова в затруднительное положение [76, с. 409]). Оправившись, нарком выразил сомнение, чтобы «кто-либо мог предпринять что-либо такое, что повело бы к нарушению договора, заключенного между СССР и Германией» [14, с. 487].

Однако и на германском фланге советской внешней по-

¹⁷⁶ Это было выдумкой посла, а тактика шантажа являлась обоюдоострым оружием и с непредсказуемой вероятностью могла подтолкнуть Москву как к укреплению отношений с Лондоном на антигерманской платформе, так и к еще более сервильной политике в отношении Берлина; исходя из предыдущего опыта, последнее было даже более вероятно.

литики господствующей тенденцией все отчетливее становилась деградация. К началу осени 1940 г. отношения между СССР и Германией вступили в фазу серьезных испытаний. После разгрома англо-французской коалиции процесс разрушения их рапальского фундамента, становившегося как будто уже ненужным, ускорился и был очевидным для обеих сторон. Из Берлина ситуация виделась так: «Еще во время нашего продвижения во Франции в советской политике стала ощущаться новая тенденция» [12, с.160]. Риббентроп имел в виду очевидное недовольство Москвы неожиданными для нее успехами Германии и реакцию Кремля на них в виде концентрации войск на советско – германской границе и силовых акций в отношении лимитрофных государств.

Однако Берлин давал Москве и конкретные поводы быть недовольной его действиями. 31 августа советское правительство заявило протест в связи с отказом Германии признать за Литовской ССР право наследования от бывшей Литовской Республики свободной зоны в порту Мемеля, предоставленной ей в качестве компенсации за уступку города и области Рейху. Куда более серьезное недовольство у Кремля вызвали предоставление Румынии гарантии безопасности и подписание с Финляндией соглашения о транзите; тем более что эти акции были осуществлены без предварительной консультации с СССР, что явилось нарушением положения статьи 3 Договора о ненападении. Попытки немцев представить эти мероприятия, как не имевшие серьезного военно-поли-

тического значения, Москвой отвергались.

Со своей стороны, 3 сентября МИД Германии выдвинул претензии к советскому руководству за его действия в Прибалтике и Румынии, выходявшие, по мнению Берлина, за рамки августовских договоренностей. 21 сентября последовал ответ НКВД, по которому можно судить об остроте возникшего конфликта. Повторив выдвинутые ранее претензии, врученная Шуленбургу нота предлагала изменить или отменить предусматривавший консультации пункт Договора о ненападении, «если он содержит определенные неудобства» для немецкой стороны. Демонстративная готовность Москвы нарушить целостность документа, имевшего почти сакральный характер, должна была заставить Берлин лучше учитывать советские интересы.

Вскоре замаячила потенциальная угроза уже стратегического масштаба – подписание «Тройственного пакта». В письме Молотову от 26 сентября¹⁷⁷ Риббентроп, впрочем, успокаивал наркома, уверяя, что пакт направлен «исключительно против демократических поджигателей войны». Внимание наркома обращалось на текст пакта, где специально оговаривалось, что «политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается». И все же в Москве не могли не испытывать чувства тревоги.

¹⁷⁷ По ряду технических причин дошло до кремлевских руководителей только 17 октября.

Пытаясь остановить процесс ухудшения отношений, Шуленбург в сентябре начал работать над организацией визита Молотова в Берлин, однако в отсутствие свежих идей советско-германского сотрудничества Сталин выступил против этой поездки из нежелания «плестись у Германии в хвосте». Действительно, за прошедшее с августа 1939 г. время в результате германских военно – политических триумфов полагавшая себя кукловодом Москва превратилась в берлинскую марионетку. Вождю стал очевиден закат эпохи советско – германского «сердечного согласия» на базе пакта – 39 ввиду исчерпания его программы. А никаких новых увлекательных идей из Берлина не поступало. В их отсутствии единственной перспективой могло быть только стабильное осложнение отношений с ведущей себя все более вызывающе Германией.

16 октября Кремль, как представляется, предпринимает попытку освободиться из немецкого внешнеполитического плена и «поставить Берлин на место» с британской помощью, соединив осью Москва – Лондон две половинки сломанных в ходе московских трехсторонних переговоров стратегических клещей, о которых говорил Гафенку. В этих целях в ходе встречи С. Криппса с наркомом внешней торговли А. И. Микояном было решено придать мощный импульс экономическим связям между двумя странами. Остается вопрос: собирались ли в Кремле просто припугнуть как следует немцев; сбалансировать свои отношения с Берлином и

Лондоном; или же речь шла о плане постепенной переориентации Москвы на Великобританию? Дополнительным стимулом к проанглийскому демаршу могли быть дошедшие до Кремля слухи о новых мирных инициативах Германии, якобы переданных У. Черчиллю через президента США Ф. Д. Рузвельта. Перспективой советско – английского союзничества могли рассчитывать отворотить Лондон от идеи переговоров с Берлином.

Насколько можно судить, в это время у Сталина появилось намерение снять яркого протагониста германской ориентации внешней политики СССР В. М. Молотова с поста наркома иностранных дел, а потом, возможно, и свалить на него вину за выбор этой линии или, по крайней мере, за мягкотелость в отношении Берлина. М. Смиртюков, тогда помощник заместителя председателя Совнаркома СССР (в дальнейшем управляющий делами Совета Министров СССР) вспоминал: «В смещении Молотова, возможно, не последнюю роль сыграл пакт, который он подписал с Риббентропом. [...] Когда стало ясно, что немцы готовятся к войне против СССР, пакт перестал быть большим достижением советского руководства. И пусть не официально, но вину за его заключение Сталин свалил на Молотова» [144].

Действительно, гешефт Молотова – Риббентропа обернулся для СССР сплошными морально-политическими убытками и ухудшением его стратегической ситуации, причем вырыла себе эту яму Москва собственными руками, ока-

зав Берлину всестороннюю экономическую, политическую и военную поддержку осенью 1939-летом 1940 гг. Сменить Молотова должен был заместитель председателя Совнаркома СССР А. Я. Вышинский, назначенный 6 сентября на должность первого заместителя наркома.¹⁷⁸ В самом наркомате, вспоминал Н. В. Новиков, «амплуа первого заместителя наркома рассматривалось как своего рода стажировка перед вступлением на новый пост» [118, с. 46].

Обнадеженное Москвой, британское правительство через посла Криппса 19 октября сделало новые предложения по торговле, а 22 октября передало меморандум, в котором говорилось следующее:

– германское нападение на Великобританию сорвано, и она сама переходит в наступление;

– Великобритания не просит СССР вступать в войну с Германией, но «благожелательный нейтралитет может быть почти столь же ценным, как вооруженная помощь»;

– Германия уже теперь не считается с интересами СССР и тем более не станет этого делать в случае своей победы в войне на Западе;

– Советскому Союзу предлагается распространить благожелательный нейтралитет на Турцию и Иран, продолжать помогать Китаю в войне против Японии, заключить с Великобританией торговое соглашение, а затем и договор о ненапа-

¹⁷⁸ Последовавшими событиями вопрос был снят с повестки дня; указанное назначение состоялось только в 1949 г.

дении;

– со своей стороны, Великобритания обязуется консультироваться с Советским Союзом по вопросам послевоенного мирного урегулирования, признать де – факто советизацию отошедших к СССР территорий, развивать торговые отношения, оказывать экспертную помощь в усилении обороноспособности СССР и гарантировать безопасность его границ с Турцией и Ираном;

– стороны принимают на себя обязательство после окончания войны не создавать враждебных друг другу союзов и не участвовать в таких союзах;

– учитывая международное положение Советского Союза, данное соглашение будет оставаться секретным до тех пор, пока правительство СССР не решит его обнародовать [14, с. 702–705].

Как видим, предлагалось сделать первый широкий шаг в сторону создания антигитлеровской коалиции. «Сейчас вся энергия британского правительства (и лично Черчилля), – делился с НКВД своими наблюдениями И. М. Майский, – направлена на отыскание «союзников». Конкретно стоит вопрос о США. В более отдаленной перспективе (несмотря на все наши опровержения, разъяснения и прочее) правящие и неправящие англичане мечтают также об СССР как о «союзнике» [64, ф. 059, оп. 1, п. 326, д. 2237, л. 82].

В конкретных обстоятельствах осени 1940 г. меморандум, однако, не только не привел к улучшению советско – англий-

ских отношений, но стал причиной дипломатического скандала между Лондоном и Москвой. Прежде всего, Криппс не смог добиться аудиенции для передачи этого важного, как полагал британский кабинет, документа не только у Сталина, но даже у Молотова. Роль «почтальона» выполнил первый заместитель наркома А. Я. Вышинский. 11 ноября из Кремля последовала отрицательная реакция на меморандум, причем в весьма унижительной форме личного мнения Вышинского, правда, основанного, по его словам, на «настроениях в нашей среде». «Я должен прямо заявить, – сказал он Криппсу, – что не понимаю, чего хочет Англия, т. к. в своем заявлении Англия говорит о таких предложениях, которые дают меньше того, что мы в настоящее время имеем¹⁷⁹ [...] Я буквально поражен, как могло правительство Великобритании делать СССР такие предложения, особенно когда Англия находится в осаде».

Оскорбленный отказом Молотова принимать его, посол заявил, что это равнозначно политически недружественному отношению к Англии, и что он считает бессмысленным прилагать новые усилия к улучшению отношений между двумя странами [90, с. 51–53]. Ждать ответа от Молотова Криппсу пришлось до 1 февраля 1941 г. В ходе состоявшейся беседы нарком заявил, что предложения, содержащиеся в британском меморандуме, не могут служить базой для урегулиро-

¹⁷⁹ Имелось в виду британское согласие признать Прибалтику и Бессарабию советскими только де факто, тогда как Берлин, по умолчанию, признал де юре.

вания советско – английских отношений [90, с. 376–379].

Насколько можно судить, несчастливая судьба меморандума объяснялась тем, что за пять дней до его поступления берлинской «птице Феникс» удалось навеять Кремлю «сон золотой» – совершенно иные планы и расчеты, которые уносили его воображение на германском ковче-самолете в чудесный мир рах sovietica. Речь идет о полученном Москвой 17 октября приглашении присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии и стать четвертым управляющим Восточным полушарием Земли! По сравнению с этой захватывающей дух перспективой британские предложения, действительно, производили жалкое впечатление. В послании на имя Сталина рейхсминистр иностранных дел писал: «Историческая задача Четырех Держав заключается в том, чтобы согласовывать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов» [91, с. 812–813].

То была очевидная попытка вызвать из небытия «дух Рапалло» и гальванизировать политический труп, в который превратился пакт Молотова – Риббентропа, предложив новую программу территориально – политических разделов уже «в мировом масштабе». Для обсуждения этих перспектив, а также всего комплекса двусторонних отношений, правительство Германии приглашало председателя Совнаркома СССР, наркома иностранных дел В. М. Молотова прибыть в

Берлин с официальным визитом. Как пишет советник Хильгер, осознав качественное ухудшение советско – германских отношений, «Гитлер поздней осенью 1940 г. принял решение вступить в переговоры с советским правительством, чтобы выяснить его намерения и сделать отсюда возможные выводы» [56, с. 389]. Это было тем более неотложной задачей, что восточный фланг Рейха продолжал оставаться практически беззащитным и держался исключительно на «честном слове», – сталинском представлении о преждевременности удара по Германии.

«Визит Молотова в Берлин не стоял под счастливой звездой»

Получив из Берлина приглашение поучаствовать в очередном «территориально – политическом размежевании», приунывшие было обитатели Кремля вновь почувствовали себя на коне. На берлинские переговоры Молотов и мысленно стоявший за ним Сталин прибыли с ощущением хозяев положения, о чем свидетельствовал привезенный из Москвы список требований, который нарком вручил Гитлеру и Риббентропу. В Москве убедили себя, что в ноябре 1940 г. вновь стали незаменимыми для осуществления внешнеполитических замыслов Берлина, как это было в августе предыдущего года.

Директивы, которыми должен был руководствоваться Мо-

ЛОТОВ, БЫЛИ ИМ ЗАПИСАНЫ, ВИДИМО, ПОД СТАЛИНСКУЮ ДИКТОВКУ, И ВЫГЛЯДЕЛИ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ:¹⁸⁰

1. **Цель** поездки:

а) **Разузнать** действительные намерения Германии] и всех участников Пакта 3-х (Г[ермании], И [талии], Я[понии]) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик[ого] Вост[очно]-Азиатского Пространства»; **границы** «Нов[ой] Евр[опы]» и «Вост[очно]-Аз[иатского] Пр[остранства]»; **характер** госуд[арственной] структуры и отношения отд[ельных] европейских] государств в «Н [овой] Е[вропе]» и в «В[осточной] А[зии]»; **этапы** и **сроки** осуществления этих планов и, по кра[йней] мере, ближайшие из них; **перспективы** присоединения других стран к Пакту 3-х; **место СССР** в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) **Подготовить** первоначальную наметку **сферы интересов СССР** в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с **И[талией]**), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и **И[талией]** на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время.

2. Исходя из того что с[оветско]-г[ерманское]

¹⁸⁰ Так выглядит текст Директив. Значительное количество слов в подлиннике даны в сокращенном виде, и их полная расшифровка приводится в квадратных скобках. Сохранены орфография и пунктуация. Слова, подчеркнутые в подлиннике, выделены жирным шрифтом.

соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Герм[ании] событиями исчерпано (за исключением Финляндии), в переговорах добиваться, чтобы к **сфере интересов СССР** были отнесены:

а) **Финляндия** – на основе с[оветско]-г[ерманского] соглашения [19]39 г., в выполнении которого Г[ермания] должна устранить всякие трудности и неясности (вывод герм[анских] войск, прекращение всяких политических] демонстраций в Ф[инляндии] и в Г[ермании], направленных во вред интересам СССР).

б) **Дунай**, в части морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву.

Сказать также о нашем недовольстве тем, что Г[ермания] не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.

в) **Болгария** – главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Г[ерманией] и **И[талией]**, отнесена к сфере интересов СССР **на той же основе** гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т. к. у нас есть серьезные интересы в Турции.

д) Вопрос о дальнейшей судьбе **Румынии и Венгрии**, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.

[е) Вопрос об **Иране** не может решаться без участия

СССР, т. к. там у нас есть серьезные интересы. [Без нужды об этом не говорить.]

ж) В отношении **Греции и Югославии** мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?

з) В вопросе о **Швеции** СССР остается на той позиции, что сохранение нейтралитета этого государства в интересах СССР и Германии. Остается ли Г[ермания] на той же позиции?

и) СССР, как балтийское государство, интересуется вопрос о свободном проходе судов из Балтики в мирное и военное время через М[алый] и Б[ольшой] Бельты, Эрезунд, Каттегат и Скагеррак. Хорошо было бы, по примеру совещания о Дунае, устроить совещание по этому вопросу из представителей заинтересованных стран.

к) На **Шпицбергене** должна быть обеспечена работа нашей угольной концессии.

3. **Транзит** Германия – Япония – наша могучая позиция, что надо иметь в виду.

4. Если спросят о наших отношениях с **Турцией** – сказать о нашем ответе туркам, а именно: мы им сказали, что отсутствие пакта взаимопомощи с СССР не дает им права требовать помощи от СССР.

5. Если спросят о наших отношениях с **Англией**, то сказать в духе обмена мнений на даче Ст[алина].

6. Сказать, что нам сообщили о сделанных через Рузвельта **мирных предложениях** Англии со стороны Германии. Соответствует ли это действительности и каков ответ?

7. На возможный вопрос о наших отношениях с **США** ответить, что США также спрашивают нас: не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них. Мы пока не ответили на эти вопросы.

8. Спросить, где границы «Восточно-Азиатского Пространства» по Пакту 3-х.

9. Относительно **Китая** в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан-Кай-Ши), в чем СССР, м[ожет] б[ыть] с участием Г[ермании] и И [талии], готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-Го остается за Я[понией]).

10. Предложить сделать **мирную акцию** в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг[ария], Тур[ция] и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний [и немедленного предоставления Индии прав доминиона].

11. **О сов[етско]-японских** отношениях – держаться вначале в рамках моего ответа Татекаве.

12. Спросить о **судьбах Польши** – на основе

соглашения] 1939 г.

13. **О компенсации** собственности в Прибалтах: 25 % в один год, 50 % – в три года (равн[ыми] долями).

14. Об эконо^м [ических] делах: в случае удовлетворительного хода переговоров – о хлебе [90, с. 30–32].

Как видим, список советских пожеланий – требований получился весьма длинным. На двухдневные переговоры Молотов прибыл с повесткой, содержащей более десяти вопросов, каждый из которых мог бы стать предметом отдельной международной конференции. Москва явно ожидала встретить в Берлине Гитлера и Риббентропа образца 1939 г. – заискивающих перед советским партнером и готовых на любые уступки ему, что и обеспечило феноменальную результативность переговоров годом ранее.

На руках у Молотова, действительно, имелись четыре небьющихся козыря: абсолютное военное превосходство в районе советско – германского соприкосновения; зависимость Германии от советских поставок и предоставленного ей права внешнеторгового транзита; угроза сближения с Великобританией. Однако главным козырем, полагали в Москве, была заинтересованность Германии в советском участии в «пакте четырех». Впрочем, заходить с козырей Молотов не стал, видимо, стремясь придать переговорам тон доверительного союзничества. Вместо этого, он напомнил Гитлеру, что выдающиеся завоевания Рейха в течение по-

следнего года стали возможны благодаря срыву Москвой попытки создания антигерманской коалиции;¹⁸¹ что за это Берлин остался ей должен, и его согласие на новые советские требования будет лишь восстановлением нетто-баланса в отношениях между двумя державами.¹⁸²

Августовская сделка 1939 г. была, однако, полностью закрыта,¹⁸³ обе стороны получили причитающиеся им территориально-политические дивиденды, и повторно платить Москве за прошлые заслуги Гитлер не собирался. (Еще в середине сентября 1940 г. им было принято решение «не предоставлять России больше ни одной европейской области» [7, с. 222]). В беседе с маршалом Маннергеймом 24 июня 1942 г. фюрер так прокомментировал полученный от Молотова перечень требований: «Претензии, этим человеком предъявленные, означали весьма очевидным образом

¹⁸¹ (из диалога) Молотов-Гитлеру: Германия «в результате этих соглашений (1939 г.) получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе, включая поражение Франции»; «Германия, не без воздействия пакта с СССР, сумела так быстро и со славой для своего оружия выполнить свои операции в Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Франции».

¹⁸² (из диалога) Гитлер – Молотову: «Не слишком ли много желает получить Советский Союз?» Молотов (тоном продешевившего с ценой продавца): «Германии грех жаловаться, она приобрела в Европе намного больше». Гитлер (почти крича на наркома): «Но мы воюем, а вы нет! Мы оплачиваем все приобретения кровью наших солдат!»

¹⁸³ Попытка Москвы доказать обратное, ссылаясь на отсутствие окончательного решения «финляндского вопроса», несостоятельна. Осечка в Финляндии была проблемой Москвы, а не Берлина.

желание полного доминирования над Европой». «Эти переговоры были чистой воды вымогательством, – жаловался фюрер Маннергейму. – Это было вымогательством: русские знали, что мы не в состоянии защищаться, покуда были связаны на Западе, и они постоянно шантажировали нас» [122]. Даже спустя полтора года Гитлер помнил, как Молотов с беспощадной настойчивостью стенобитного орудия выбивал из него согласие на советские территориально-политические заявки. «От этих бесед с Молотовым, – вспоминал Риббентроп, – у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад» [12, с. 177]. «...Я его допек», – вспоминал бывший нарком [18, с. 31].

Примечательно, однако, что сталинский посланник выступил в роли настойчивого просителя, но никак не наглого шантажиста. Он так и не выложил на стол переговоров имевшиеся у него козыри, потому что их предъявление Берлину стало бы фактическим предъявлением ультиматума, по мнению Сталина сильно преждевременным. Гитлер еще был нужен ему для сокрушения английского империализма.

Должно быть, в Москве полагали, что Гитлер «услышит» эти не озвученные угрозы и будет учитывать их в своем отношении к советским требованиям; так что из двух переговорных дней полтора дня Молотов пребывал в заблуждении, что «все идет по плану». В своем первом отчете Сталину он сообщал: «Наше предварительное обсуждение в Москве правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся

[...] Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и укрепить дружбу с СССР о сферах влияния, налицо». Даже 13 ноября, в последний день переговоров, он продолжал пребывать в этой уверенности: «Принимают меня хорошо, и видно, что хотят укрепления отношений с СССР [90, с. 50–51,62]. Хотят-то, хотят, но весь вопрос в цене.

У Гитлера был прекрасный политический слух; он, однако, решил рискнуть и действовал так, как если бы со стороны СССР ему ничто не угрожало. Для Москвы, так и не раскусившей авантюрный характер политики фюрера, это стало полной неожиданностью. Неверным оказался и расчет Кремля на уступчивость Гитлера, построенный на предположении об абсолютной ценности для Германии советской гарантии безопасности ее тыла до момента окончательного разгрома Великобритании, т. е. до «греческих календ». В результате берлинская миссия Молотова была полностью провалена, и наркома отправили назад в Москву без подарков.

Назвать переговорами то, что происходило в Берлине, невозможно. Скорее это были двигавшиеся по замкнутому кругу прения, в ходе которых стороны не слышали друг друга, не предлагали никаких компромиссных решений и, в итоге, не продвинулись ни на шаг вперед.

Финляндия

По версии Молотова, «финляндский вопрос» оставался

единственным не выполненным пунктом августовских договоренностей 1939 г., и Советский Союз хотел бы его *решить окончательно* в результате новой войны с Хельсинки. Мнение Берлина запрашивалось в силу обязательства сторон по договору о ненападении консультироваться друг с другом по вопросам, представляющим взаимный интерес, а также ввиду пребывания транзитных германских войск на территории Финляндии. Последнее Молотов назвал нарушением августовских договоренностей о разделе сфер влияния и потребовал их вывода.

В ответ Гитлер указал, что Советскому Союзу предоставлялась возможность решить по собственному усмотрению «финляндский вопрос»; это стоило Берлину значительных морально – политических издержек и нарушило поставки из Финляндии стратегически важного сырья. В случае новой войны Германии придется повторно нести все указанные убытки. Эта война, предостерег он, может отяготить германо – советские отношения последствиями, предвидеть которые невозможно. Судя по имеющимся записям беседы, заявление фюрера прозвучало, как угроза, и именно так было воспринято Молотовым.

В данном случае Гитлер не блефовал: еще в середине августа 1940 г. он распорядился подготовить операцию под кодовым названием «Ренитьер» по оккупации района петсамских рудников в случае нового советского вторжения в Финляндию. В политическом плане ее осуществление означало

бы отказ Берлина соблюдать договоренности 1939 г., а в военном – могло привести к вооруженному столкновению с СССР.

Гитлер также назвал вероятным вмешательство в повторный советско – финский конфликт Швеции, Англии и США, что могло привести к расширению зоны боевых действий и полностью заблокировать поставки скандинавского сырья в Германию. Молотов усомнился в вероятности такого вмешательства, но Гитлер не стал его слушать. Пребывание незначительного контингента германских войск на территории Финляндии фюрер назвал временной мерой и предложил не придавать этому большого значения. Принадлежность Финляндии к сфере советских интересов на словах не оспаривалась, на деле же постепенно превращалась в фикцию.

Румыния

«Румынский вопрос» возник в советско-германских отношениях 30 августа 1940 г., в день принятия решения Второго Венского арбитража, и сразу приобрел исключительно острый характер из-за гарантии безопасности, данной тогда же Берлином (и Римом) Бухаресту. Эта гарантия защищала Румынию от советских притязаний на Южную Буковину и вообще от диктата Москвы при решении всех иных вопросов – от режима судоходства в дельте Дуная до так и не предъявленного, но бывшего весьма вероятным требования сво-

боды военного транзита в Болгарию. Отсюда болезненность советской реакции. Предпринятые в сентябре – октябре попытки урегулировать противоречия в обычном дипломатическом порядке успеха не имели, однако сталинская директива требовала вернуться к обсуждению вопроса. Имея это в виду, Молотов без обиняков назвал германо – итальянскую гарантию Румынии направленной против интересов СССР и потребовал ее отмены.

Странно, что в Кремле не понимали бесперспективность подобной постановки вопроса, тем более что с гарантией напрямую было связано пребывание значительного контингента германских войск в Румынии. Соответственно, Гитлер ответил, что на определенное время такая гарантия необходима и потому ее отмена невозможна. «Фюрер хочет спокойствия на Балканах также из-за нефти, – читаем в дневнике Геббельса. – За это мы и Италия гарантируем их (румын. – *Ред.*) также и от русских. Тут Москва быстро лишится аппетита! С нами она связываться не захочет» [7, с. 221.]. В своем выступлении на собрании гаулейтеров 12 декабря Гитлер был предельно категоричен: «Туда (в Румынию. – *Ред.*) мы никого не пустим» [7, с.229].

Турция и Проливы

Само по себе заявленное Молотовым требование учета особых интересов СССР в районе Проливов не вызвало у

Гитлера никаких видимых возражений и признавалось им справедливым. При этом он неоднократно утверждал об отсутствии у Германии заинтересованности в этом районе, что после военно-политического подчинения Румынии и организации транспортировки румынской нефти транзитом через советскую территорию походило на правду.

Противоречия возникали при выборе метода обеспечения интересов СССР. Берлин предлагал путь соответствующего пересмотра конвенции Монтрё. Молотов же требовал безопасности «не на бумаге», а «на деле», т. е. в виде баз сухопутных и военно-морских сил СССР на Босфоре и Дарданеллах. Создание этих баз означало бы колоссальный рост советского влияния на Турцию, Грецию, Болгарию и все восточное Средиземноморье, включая Ближний Восток, и потерю их для Германии. Согласиться с такой перспективой Гитлер не мог. Более того, добиться неприемлемой для Германии цели СССР планировал неприемлемым же для нее путем, а именно через подчинение Болгарии и использование ее в качестве военно-политического плацдарма для давления на Турцию с целью вынудить ее отказаться от своих особых прав в районе Проливов. В конечном счете, фюрер отговорился от Молотова, ссылаясь на необходимость получить мнение Италии по данному вопросу.

Болгария

Контроль над ней, по мнению Кремля, был синонимом контроля над Проливами. Проблема заключалась в том, каким образом и на каком основании советские войска могли оказаться в Болгарии. Молотов поставил перед Гитлером вопрос, как бы он отнесся к тому, если СССР даст Болгарии гарантию на точно таких же условиях, на каких Германия дала гарантию Румынии? При этом Москва, уверял Молотов, считала необходимым достигнуть в этом вопросе единства с Берлином и, возможно, Римом. Мы хотим договориться с Турцией (читай: заставить ее пойти на уступки), заявил нарком, и советская гарантия Болгарии (читай: ввод войск в эту страну) облегчила бы решение данного вопроса [90, с.70].

Называя вещи своими именами, Молотов просил у Гитлера не только согласия на идею гарантии, но также помощи в ее реализации. Без разрешения фюрера проход советских войск в Болгарию через Румынию не мог состояться; кроме того, заставить болгар принять советскую гарантию, без сильнейшего нажима со стороны Берлина, было нереально. Информировав Гитлера о советских планах, Молотов явно рассчитывал на его помощь, правда, не понятно, на каком основании. Болгария являлась транзитной страной на пути германских войск на юг Балкан, Ближний Восток и в Северную Африку, и впускать туда Красную Армию Гитлер не со-

бирался.

О тотальном непонимании Кремлем ситуации в советско-германских отношениях можно судить по тому, что главный пункт повестки переговоров, коим он считал установление контроля над Болгарией, снимался простым «наивным» вопросом Гитлера: просила ли сама Болгария гарантию у Советского Союза? [90, с. 71]. После этого болгарская тема тихо «умирала», ибо таких просьб Москве не поступало.

«Британское наследство»

Понимая ситуационную уязвимость Германии перед лицом советской угрозы, фюрер, взамен уступок по перечисленным выше вопросам стал настойчиво предлагать Молотову британского журавля в небе. Развивая эту тему в беседе 13 ноября, Гитлер заявил нарком, что после поражения Великобритании ее империя «окажется гигантской мировой банкротной массой», подлежащей разделу, и предложил СССР принять в нем участие. Как указывается в записи беседы, на это «Молотов ответил, что он с интересом следил за ходом мыслей фюрера и со всем, что он понял, согласен» [Цит. по: 23, док. № 140; 90, с. 68].

Страх перед советской угрозой был столь велик, что в Берлине сочли недостаточным ограничиться одним этим прожектом. Стремясь дополнительно подстраховаться и прекрасно понимая, чего от них больше всего ждет Москва,

берлинские хозяева усиленно создавали видимость готовности осуществить ее невысказанную мечту о разгроме Великобритании германскими руками. В этих целях московским гостям «доверительно» сообщили о планах повторной попытки десантной операции, как только весной 1941 г. в проливе Ла – Манш установится погода. Соответствующие заверения Гитлер и Риббентроп поспешили дать Молотову в ходе первых же их бесед с наркомом 12 ноября [90, с. 37, 42]. В свою очередь, Г. Геринг просил вновь назначенного советского полпреда В. Г. Деканозова зарезервировать день 15 июля 1941 г. для присутствия на германском параде победы в Лондоне [129].

На самом деле, вероятность осуществления десантной операции была отнесена фюрером на далекое, и могущее не настать, будущее. Выступая перед собранием гаулейтеров 12 декабря 1940 г., Гитлер заявил, что вторжение на Британские острова в то время не планировалось, поскольку ему не хотелось бы идти на рискованные эксперименты, если можно обойтись без этого [7, с. 229]. Иными словами, он полагал, что поставить Британию на колени будет проще, разгромив СССР и лишив ее «последней надежды», нежели форсировать Ла-Манш.

Остальные вопросы, обозначенные в директиве Сталина на переговоры, не обсуждались ввиду недостатка времени. (Молотов единственно успел заикнуться по поводу датских проливов). Повторить риббентроповский дипломатический

блицкриг августа 1939 г. московскому посланцу явно не удалось. «Визит Молотова не стоял под счастливой звездой», – так несколько элегически прокомментировал итоги этой поездки рейхсминистр иностранных дел.

* * *

Москва в погоне за антибританской химерой не заметила, как буквально перевернулось военно – политическое положение Европы, именно что для Третьего Рейха Западный фронт на продолжительное время превратился в тыл, а тыл на востоке – в потенциальный фронт. И А. И. Микоян, и Г. К. Жуков утверждают, что Молотов вернулся из Берлина убежденным, что германского нападения не будет [128, с. 105]. Между тем, отказ Гитлера от осуществления операции «Морской лев» осенью 1940 г. подсказывал прямо противоположный вывод.

Исходившее из неверной оценки берлинских настроений, планирование молотовского визита оказалось тотально ошибочным. Точнее, вместо планирования получился все тот же сумбур. Если, как принято считать, генеральной линией советской политики было продление *отсрочки*, то вряд ли стоило акцентировать внимание на вызывавших противоречия финляндском, румынском и болгарском вопросах, тем более что по первым двум из них в августе-сентябре уже состоялся исчерпывающий обмен мнениями между Молотовым и Шу-

ленбургом. Скорее, следовало ограничиться интересующими Берлин и, кстати, саму Москву, темами дележа британского наследства и нового этапа раздела сфер влияния.

Затеянная Молотовым по поручению Сталина пикировка с Гитлером по указанным выше вопросам вообще не имела ни малейшего практического смысла. Неужели в Кремле могли себе вообразить, что находящийся в зените славы лидер победоносной державы испугается их «ай-яй-яй как нехорошо» и на глазах всего мира бросится выполнять полученный из Москвы приказ о выводе войск из Финляндии и Румынии, попутно разорвав межгосударственные соглашения с ними и рискуя получить румыно-венгерскую войну, которая лишит Германию поставок нефти и хлеба?! А, с другой стороны, попытка добиться от Германии уступок, угрожая ей военными и/или экономическими репрессалиями, вошла бы в противоречие с политикой ее умиротворения.

Как и в какой мере провал берлинских переговоров отразился – и отразился ли вообще – на принятии Берлином окончательного решения о нападении на СССР? Общий негативный фон, конечно, был задан. Однако Гитлер не думал принимать слишком близко к сердцу не опирающиеся на решимость прибегнуть к силе московитские lamentации. В послании к Муссолини накануне нового 1941 г. он охарактеризовал советско – германские *текущие* отношения как «очень хорошие». «В действительности имеются противоречия только по вопросам Финляндии и Константинополя, –

писал он. – Что касается Финляндии, я вообще не вижу тут проблемы, т. к. мы в принципе не рассматриваем Финляндию как нашу сферу интересов, нам просто не нужна там новая война. Что касается Константинополя и Проливов... здесь тоже при наличии некоторой доброй воли можно легко найти решение вопроса... Решение будет тем вероятней, чем лучше поймут в Москве, что мы ни в коем случае не намерены идти на невыгодные нам уступки» [146, р. 993]. Нет причин сомневаться, что это было его настоящим мнением. Ознакомившись с посланием, Муссолини, в том, что касается отношений с Россией, «выразил полное согласие с оценкой ситуации, данной фюрером» и добавил, что завершение проходивших в то время советско-итальянских переговоров «создаст новый элемент безопасности в этом отношении» [146, р. 997].

Может возникнуть недоуменный вопрос: как однозначно позитивная оценка Гитлером состояния советско-германских отношений сочеталась с утверждением им двумя неделями ранее плана «Барбаросса»? В том то и дело, что это были «не сообщающиеся сосуды», вопросы двух разных уровней – текущей политики и стратегии, и в отличие от Сталина Гитлер не сваливал их в одну кучу. Не потому Гитлер напал на СССР, что «обиделся на Молотова», а потому что того требовала стратегическая ситуация. А она характеризовалась следующими обстоятельствами:

1. У Рейха огромная отобилизованная сухопутная ар-

мия, у которой на Западе на тот момент не осталось достойного противника. А ходить по водам, чтобы вторгнуться на Британские острова, даже Вермахт был неспособен.

2. Бездействуя, эта армия обязательно начнет разлагаться и терять боеготовность, при этом паразитируя на стране и проедаая ее ограниченные ресурсы.

3. Между тем, западный противник собирает силы и мобилизуется в военном, экономическом и политическом отношениях. (Из «политического завещания» Гитлера) «... Почему именно 1941 год? Потому что, учитывая неуклонно нарастающую мощь наших западных врагов, если нам суждено было действовать вообще, мы должны были сделать это с минимальной отсрочкой. И обратите внимание, Сталин не сидел, сложа руки. [...] Время опять было против нас на двух фронтах».

4. Гитлер мечтал сократить сухопутную армию, чтобы бросить все силы на создание военно-морского флота, способного нанести смертельный удар по главному врагу – Британской империи, а затем не дать «уплыть» в чужие руки ее заморским владениям.

5. Сделать это он не мог до тех пор, пока на его восточной границе стояла другая огромная сухопутная армия – советская.

6. Строительство флота требовало колоссальных ресурсов, которых у самой Германии не было, но которые ждали завоевателя на востоке.

Вопрос: какие шаги следовало предпринять Гитлеру в этой ситуации?

Ответ: напасть на СССР, разгромить его армию и овладеть ресурсами. Как говорится, ничего личного!

Вот такая простенькая задачка из области стратегической арифметики, никак не тянущая на бином Ньютона. Перипетии текущей политики – и со знаком плюс, и со знаком минус – не имели к ней ни малейшего отношения, а потому выносились за скобки и не влияли на конечный результат. Напомним, что впервые Гитлер поделился со своим генералитетом планами нападения на Советский Союз на следующий день после подписания перемирия с Францией, когда еще ни одной черной кошки не пробежало между Москвой и Берлином.¹⁸⁴ **Отсюда становится понятно, сколь по-детски наивной и бессмысленной была вся эта политика заискивания перед Германией, возведенная Сталиным в ранг внешнеполитической стратегии СССР после Дюнкерка.**

Однако внезапно в советско – германские отношения вмешался Токио, предложив ввести в стратегическое уравнение новый элемент.

¹⁸⁴ Он хотел предпринять его в августе 1940 г., но подготовить операцию такого масштаба за два месяца было нереально. А дальше начинались сезоны осенне-весенней распутицы и зимних морозов 1940–1941 гг., т. ч. нападение пришлось отложить до мая следующего года.

«Пакт четырех»

К осени 1940 г. Москва и Берлин, собрав урожай скоро-спелых тактических выгод, которыми их одарил созданный годом ранее геополитически противоестественный альянс, обнаружили, что он же завел их в глубокий стратегический тупик.

Что касается Берлина, то, не сумев летом 1940 г. одним ударом покончить с Британской империей *ни в военном, ни в политическом отношениях*, он оказался в ситуации *цугу-ванга*, из которой не существовало хорошего выхода. Теоретически им могла бы стать успешная операция по десантированию сил Вермахта на Британские острова. Однако эта операция оказалась Германии не по зубам ввиду логистической сложности, но, главным образом, вследствие мощи военно-морских и военно-воздушных сил Великобритании.¹⁸⁵ Более того, даже ее успех не обязательно привел бы к решающему поражению Империи, так как в этом случае правительство Черчилля было готово перенести деятельность на территорию одного из своих доминионов, например, Канады, и оттуда продолжать борьбу.

С другой стороны, проигранная в проливе битва пере-

¹⁸⁵ В «битве за Англию» только в августе 1940 – марте 1941 гг. Люфтваффе потерял более 2200 самолетов, а в сражениях на морях британский флот потопил почти половину надводных кораблей Кригсмарине и множество подлодок.

черкнула бы все предыдущие военно-политические достижения нацистской Германии, главным из которых стал миф о ее непобедимости, сплотивший нацию вокруг правящего режима и превратившийся в мощнейший инструмент имперской внешней политики. Рисковать этим Гитлер просто не мог. Йодль и Кейтель предупреждали фюрера еще в августе 1940 г., что «операция по высадке (на Британские острова. – *Ред.*) ни при каких обстоятельствах не должна потерпеть неудачу. Политические последствия такой неудачи в значительной степени превзойдут военные». В составленной в мае 1946 г. аналитической записке об истории операции «Морской лев» фельдмаршал Паулюс также отмечал: «Потеря престижа в случае провала десантной операции имела бы столь значительные последствия, что Гитлер опасался, что ему больше уже не удастся собрать необходимое число сторонников нападения на Советский Союз» [цит. по: 9, с. 380].

Еще одним вариантом продолжения войны против Британии было перенесение боевых действий в район Средиземноморья, включая острова, а также побережье Северной Африки, Передней Азии и Южной Европы. В ходе этой периферийной войны Германия могла, в случае успеха, решить ряд важных для нее вопросов, в частности получить доступ к ближневосточной нефти, а также серьезно «насолить» Великобритании, затруднив ее коммуникацию через Суэцкий канал с Британской Индией и тихоокеанскими владениями.

В стратегическом плане, т. е. с точки зрения исхода «боль-

шой схватки» между Германией и Британской империей, такая война, однако, оказывалась заведомо проигранной. Даже если бы Германия одержала верх во всех отдельных ее сражениях, Англия выигрывала время на восстановление боеспособности своих сухопутных войск, а США – на принятие решения о вмешательстве в европейскую войну на стороне британского союзника. Летом 1940 г. Гитлер исходил из расчета, что через пару лет Лондону удастся вооружить порядка 40–50 первоклассных дивизий, после чего островная метрополия станет даже теоретически недостижимой для германского вторжения [7, с. 115]. Не выдержало бы затяжной войны германское народное хозяйство: превосходство объединенного англо-американского экономического потенциала над германским было огромным.

Двинувшись в августе 1939 г. рапальским курсом, Германия оказалась в военно-политическом тупике, и за фанерным фасадом Триумфальной арки ее стратегическая ситуация становилась все более безнадежной. Как выразился Кейтель, «я не верю и никогда не верил в то, что Англия когда – либо выпустила бы нас из той ловушки, в которой она, находясь в союзе с Америкой и полностью доверяя Москве, держала нас» [7, с.311]. Таким образом, единственным стратегически значимым и доступным для Берлина вариантом решения «британской проблемы» было нападение на СССР с целью его разгрома и получения мультипликативного эффекта в духе упомянутого выше анализа ситуации, сделан-

ного фюрером еще в июле.¹⁸⁶

Это было его непоколебимым убеждением, которое он внушал сомневающемуся генералитету едва ли не на каждом совещании с ним. Однако издержки такого решения были бы огромны: война на два фронта, создание всемирной антигерманской коалиции на базе англо-советско-американского военно-политического союза, а также замыкание кольца экономической блокады за счет присоединения к ней СССР.

Подсказка, как найти выход из этой безвыходной ситуации, пришла из Токио. 1 августа 1940 г. правительство Японии передало германскому послу О. Отту меморандум, в котором предлагалось переформатировать всю мировую ситуацию, склонив СССР к изменению его официального статуса в идущей войне с нейтрального на статус невоюющего союзника стран «оси». Бонусом было выделение ему собственной зоны экспансии, по предварительным прикидкам в направлении Персидского залива, Южной Азии и Индийского океана. В ходе начавшихся германо-японских консультаций также предусматривался вариант «признать Индию для целей настоящего момента входящей в жизненное пространство Советского Союза». Платой за входной билет в клуб хозяев Восточного полушария СССР должен был стать отказ СССР от вмешательства в планы Японии в отношении Китая

¹⁸⁶ Молотов понял это, но, к несчастью, только задним умом. В беседе с писателем Ф. Чуевым он сказал: «Гитлеру ничего не оставалось делать, кроме как напасть на нас, хоть и не кончена война с Англией, да он бы никогда ее не закончил – попробуй, закончи войну с Англией!» [18, с. 39].

и Юго-Восточной Азии, а в планы Германии и Италии – в отношении Европы.

Появление в советско – германских отношениях экзотической, на первый взгляд, индийской темы отдельными авторами карикатурно изображается как стремление непонятно на что рассчитывавшего Гитлера отослать Сталина подальше из Европы, соблазнив перспективой то ли попить вволю чайку, то ли на слоне покататься. Но вообще – то Индия считалась главным бриллиантом в короне Британской империи, и Гитлер предлагал Сталину забрать его себе. Не учитывается этими авторами и тот факт, что на территории тогдашней Британской Индии размещались три современных государства – собственно Индия, Пакистан и Бангладеш, и простиралась она от Бирмы на востоке до Ирана на западе и от Гималаев на севере до Индийского океана на юге.

В политическом измерении «Советская Индия» была бы еще обширней за счет Ирана и Афганистана, к которым давно уже присматривались и царская, и советская Россия. Контроль над этим огромным регионом, помимо прочего, имел особое значение для внутренней безопасности СССР в смысле защиты от угрозы распространения пан-исламского движения на Кавказ, Поволжье, Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь. Тем самым подрубались корни, питавшие басмаческое движение до середины 30-х годов, и исчезала возможность использования его Англией для нанесения ущерба советскому режиму в случае резкой конфронтации с ним.

С другой стороны, Москва уже давно рассматривала регион как «мягкое подбрюшье» Империи, уязвимое для советского удара. Такой удар готовился весь 1920 г. Планировалось, имея базу в Афганистане, собрать, вооружить и снабдить инструкторами «индийскую революционную армию» для войны с британским владычеством. На эти цели были выделены деньги, оружие и инструкторы. Советско – польская война скомкала все планы, а нужда в нормализации политических и экономических отношений с Лондоном заставила на время забыть о них. Все же в Кремле продолжали считать Британскую Индию своим потенциальным заложником, до которого могли дотянуться, и, угрожая которому, требовать от Лондона уступок в Европе.

В Берлине японское предложение упало на подготовленную почву, так как полностью соответствовало концепции антибританского «континентального блока», приверженцами которой были А. Гитлер и Й. Риббентроп. Фюрер полагал, что, убедив СССР присоединиться к странам «оси» в качестве союзника, он лишит Англию той «последней надежды», из которой она черпала решимость сопротивляться Германии. На Дальнем Востоке укрепление советско-японского взаимопонимания в рамках «пакта четырех» развязывало Токио руки в отношении Китая и Юго-Восточной Азии. В Берлине рассчитывали, что экспансия Японии в этом направлении спровоцирует полномасштабную войну между ней и США, ввиду чего растают надежды Лондона на

получение необходимой помощи из второго, американского, источника. То и другое вместе заставит Британию принять германские условия мира, фактически – капитулировать.

Важно, что победа над Империей достигалась чисто политическими средствами, без необходимости идти на тотальное столкновение с СССР и не создавая смертельно опасной для Германии ситуации европейской войны на два фронта. Итогом этих геостратегических калькуляций стало упомянутое выше октябрьское письмо Риббентропа Сталину и **сделанное именно в этой связи приглашение Молотова в Берлин.**

В Москве с готовностью ухватились за предложение присоединиться к Тройственному договору как продолжению на глобальном уровне пакта-39, неожиданно быстро исчерпанному событиями на Западном фронте. В ответном письме Риббентропу от 21 октября Сталин выразил согласие с тем, что «вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный период» [14, с. 699].

Авторы, пишущие на данную тему, обычно задаются вопросом, насколько серьезно Берлин предлагал, а Москва соглашалась принять участие в разграничении сфер интересов в мировом масштабе? Фантазмагорический размах затеи с установлением «нового тысячелетнего порядка» для Восточного полушария, действительно, порождает понятные

сомнения мировоззренческого характера (в смысле возможности долгосрочного сосуществования национал-социалистической Германии и коммунистического СССР). Однако после пакта Молотова – Риббентропа такая постановка вопроса представляется неуместной, поскольку подразумевает подчинение внешней политики Гитлера и Сталина каким-то «высшим принципам», которых, на самом деле, для них не существовало. Единственным ориентиром была выгода, а мерилom – цена. Известны многочисленные высказывания обоих вождей о нераспространении идеологических разногласий на область межгосударственных отношений. В личном плане они могли испытывать дискомфорт от необходимости симулировать дружбу, но до тех пор, пока идеологическая терпимость хорошо конвертировалась в новые территории, политическое влияние и т. п., мирное сожительство могло сохраняться. Так что это был только вопрос времени и обстоятельств.

Со стороны геополитики ситуация, на наш взгляд, выглядела следующим образом. После возвращения в состав Рейха всех исторических германских земель для Гитлера основным был не столько вопрос о квадратных километрах, сколько о будущем Европы и месте в ней Германии. Одно из центральных его убеждений, сформулированных в «Майн кампф», состояло в том, что двум державным медведям в одной европейской берлоге не ужиться. «Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе!

В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. [...] И вы не имеете права успокаиваться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть» [цит. по: 16, с. 465].

При таком видении европейской ситуации эвентуальное советско – германское столкновение выглядит неизбежным. Однако «Европа Гитлера» заканчивалась **в цивилизационном смысле** где-то на западной границе СССР, правда, включая в себя балтийские страны. «Что такое Европа, мои депутаты? – вопрошал фюрер на заседании Рейхстага 11 декабря 1941 г. – Нет никакого географического определения нашего континента, а только расовое и культурное. Граница этого континента – не по Уральским горам, но скорее между западным и восточным образом жизни» [140].

Представляется весьма вероятным, что в случае согласия СССР на предложенные фюрером условия размежевания советско – германских интересов проект «пакта четырех» мог быть действительно реализован и просуществовать какое-то отведенное ему историей время. По мнению У. Черчилля, «если бы Сталин принял этот план, то события, возможно, на время приняли бы другой оборот. Гитлер мог в любое время отложить свои планы вторжения в Россию...».

Подобное развитие ситуации выглядит тем более вероятным, что никаких разногласий по поводу долей «британского наследства», причитавшихся каждой из сторон, не возникало. Они с готовностью уступали друг другу куски шкуры еще не убитого британского льва и участки контролируемой им территории. «Подарив» Москве Индию, Германия также признала зону к югу от линии Баку – Батуми «центром территориальных устремлений СССР», равно как и его особый интерес в отношении статуса черноморских проливов; СССР поддержал возвращение Германии африканских колоний, отнятых у нее в Версале, а также требование Берлина о военно-политической эвакуации Британией Египта и Гибралтара. Общим благом двух держав должен был стать вынужденный отказ Лондона от участия в делах континентальной Европы, после чего в глазах и Москвы, и Берлина проклятая «британская проблема» могла считаться в основном решенной.

Гитлер инициативно взял на себя задачу вооруженного принуждения Великобритании к политической капитуляции, освобождая Москву от необходимости приложения собственных военных усилий. Об этом он заявил Молотову в ходе их первой беседы в Берлине 12 ноября [90, с. 43]. Таким образом, с точки зрения фюрера открытым оставался последний вопрос: готова ли была Москва заплатить за право вхождения в клуб наследников Британской империи отказом от попыток дальнейшего вмешательства в европейские

дела, т. е. фактическим признанием германской гегемонии в континентальной Европе, от Ла-Манша до новой западной границы СССР?

Следует сказать, что, независимо от перспектив осуществления этого грандиозного замысла, сам факт его выдвижения представлял для Берлина вопрос стратегической важности. Ситуация осени 1940 г. срочно требовала создания позитивной повестки дня советско-германских отношений, или, по крайней мере, ее видимости. На Западе германский натиск явно достиг своих пределов, упершись в неуязвимость Британской империи. В результате в глазах Москвы политические акции Берлина как незаменимого союзника значительно обесценились.

Положение усугублялось катастрофическим для Германии соотношением вооруженных сил в зоне соприкосновения с СССР: сотням советских мотострелковых дивизий, танковых корпусов и авиационных полков на всей территории польского генерал-губернаторства и Восточной Пруссии в ноябре 1940 г. противостояли 32 потрепанные в боях на Западном фронте дивизии Вермахта. Подобное сокрушительное превосходство не могло не соблазнять Москву мыслью о том, что им можно было бы удачно воспользоваться. Плодами этих размышлений уже стали, в нарушение договоренностей августа – сентября 1939 г., советизация Прибалтики и Бессарабии, а также аннексия Северной Буковины, продемонстрировавшие ситуационное бессилие Герма-

нии перед лицом советского военно-политического давления.

Господствовавшее в Берлине ощущение опасности было тем бо́льшим, что там подозревали СССР в готовности к новым силовым акциям в отношении Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Касаясь Румынии, Гитлер заявил в беседе с маршалом К. Г. Маннергеймом 24 июня 1942 г.: «У меня всегда было опасение, что Россия поздней осенью (1940 г. – *Ред.*) может внезапно завоевать Румынию и заполучить в свои руки нефть. А мы не были вполне подготовлены осенью 1940 года. Если бы Россия оккупировала румынские нефтяные месторождения, то Германия проиграла бы войну [...] Силы, которыми мы располагали, были просто смехотворными. [...] Если бы русские осенью 1940 года овладели Румынией и овладели бы ее нефтяными месторождениями, мы стали бы бессильными в 1941 году» [122]. (Это, в том числе, к вопросу о надлежащем месте Румынии в балканской политике Кремля).

Не мог Гитлер полностью исключать и возможность нанесения удара по самой Германии. Указывая на этот аспект проблемы, И. Риббентроп писал: «Начиная с зимы 1940/41 г. действия Адольфа Гитлера определялись тревогой перед грозящей Германии опасностью войны на два фронта против крупнейших мировых держав. Отразить эту опасность в политической области являлось целью Тройственного пакта, который должен был удержать США от вступления в вой-

ну (в Европе. – *Ред.*) и привести интересы Советского Союза в результате его вступления в этот пакт в согласие с интересами других входящих в этот пакт государств» [12, с. 224]. Консультируясь с германским послом в Турции, бывшим канцлером страны Ф. фон Папенем накануне молотовского визита, Гитлер назвал удержание Советского Союза на стороне Германии «самым неотложным вопросом текущего момента».¹⁸⁷ Но для этого требовалось убедить Москву в своей способности найти новое решение «британской проблемы». Таким решением и должен был стать «пакт четырех» поскольку предполагал создание на его основе широкой коалиции государств,¹⁸⁸ которая путем военно-политического принуждения заставит Великобританию уйти из континентальной Европы.

Возвращаясь к вопросу о действительном отношении Берлина и Москвы к проекту «пакта четырех», следует сказать, что в практическом плане оно никогда и никак не отражалось на военно-политических мероприятиях сторон, и в этом смысле данный вопрос представляет исключительно теоретический интерес. Доработка планов войны с Германией в Наркомате обороны и генштабе РККА продолжалась; подготовка Вооруженных Сил СССР к войне шла своим че-

¹⁸⁷ Эту мысль он повторил в своем «политическом завещании»: «Наша главная проблема сводилась к тому, чтобы удержать Россию по возможности дольше от выступления...»

¹⁸⁸ Помимо трех основателей и СССР в нее планировалось включить еще с десяток европейских стран.

редом, и ее интенсивность определялась исключительно материально-техническими, финансовыми и организационными возможностями страны, а вовсе не решением дилеммы «война или дружба с Германией». Примерно таким же было отношение к этому вопросу и в Берлине. В директиве № 18 о разработке плана войны против СССР, подписанной Гитлером 12 ноября 1940 г., т. е. в день начала переговоров с Молотовым, прямо указывалось, что подготовка операции не должна ставиться в зависимость от их результата.

Эти факты, однако, не могут служить доказательством того, что Москва и Берлин изначально относились к проекту исключительно как к дипломатической уловке; точно так же, как не говорит об обратном проявившийся обеими сторонами время от времени интерес к судьбе пакта. Например, 19 ноября 1940 г. до сведения Кремля было доведено мнение А. Гитлера, что идея нового соглашения с СССР вполне реальна [90, с. 95]. Проявленная фюрером инициатива могла, разумеется, быть частью кампании дезориентации советского руководства, однако Кейтель утверждает, что только в начале декабря Гитлер определился в вопросе о войне против СССР [7, с. 311]. Да и это решение он мог пересмотреть в любой момент, если бы Кремль уступил в спорных вопросах европейской политики. «Мы находились на перекрестке дорог истории, – пишет об этой дилемме фон Папен. – Я мог понять, насколько заманчивой должна была казаться Гитлеру идея противопоставить Британской империи и Соединен-

ным Штатам свой союз с русскими». ¹⁸⁹

На послание Гитлера советское правительство отреагировало 25 ноября меморандумом. Из него явствовало, что Кремль опять за деревьями не увидел леса и пожертвовал стратегической целью *отсрочки, которую реально могло продлить*, участие Москвы в советско-германо-итало-японских переговорах о присоединении СССР к «пакту четырех», безразлично, искреннее или имитационное, ради заведомо бесплодных попыток добиться уступок, которых Молотов требовал от фюрера в Берлине. ¹⁹⁰ В меморандуме подтверждалась готовность СССР стать участником пакта, [90, с. 136–137]; при этом, однако, уже в третий раз повторялись ранее выдвинутые Молотовым и дважды отвергнутые немцами условия такого шага, а именно ввод войск в Болгарию, создание баз в Проливах, присоединение Южной Буковины, уход Германии из Финляндии. Ознакомившись с советским меморандумом, по свидетельству Риббентропа, Гитлер пришел к принципиальному выводу, что «решение вопроса о гегемонии в Европе упирается в борьбу против России». Выдвинутые СССР условия «фюрер счел невыполнимыми для

¹⁸⁹ «Агитируя» Молотова за присоединение к Тройственному пакту в ходе беседы с наркомом 13 ноября, Гитлер сказал, что «впервые на Земле не будет силы, которая сможет противостоять этим двум странам». «В своем ответе, – указывается в немецкой записи беседы, – Молотов заявил о согласии с последним заключением фюрера» [23, док. № 140].

¹⁹⁰ Тем более что никаких практических действий это, по-видимому, не требовало.

Германии и неприемлемым для Европы» [12, с. 224], в связи с чем реакции Берлина не последовало. Остались без ответа и последующие советские запросы, в частности, весьма настойчивый, сделанный Молотовым Шуленбургу 17 января 1941 г.

Между прочим, это опровергает расхожее мнение, что главной целью выдвижения Берлином проекта пакта была маскировка планов нападения на СССР. Пока эти планы вызревали в голове у фюрера, для их «маскировки» достаточно было не сообщать о них Сталину специальным посланием. Когда они приняли вид Директивы № 21, их «маскировка» обеспечивалась режимом наивысшей секретности. Однако именно на это время приходится процесс выдвижения и переговоров по проекту «пакта четырех». И, наоборот, задолго до того, когда нужда в маскировке действительно возникла, – а возникла она только в середине марта 1941 г. в связи с началом активной концентрации германских войск на границе с СССР, – Берлин демонстративно отказался от дальнейшего обсуждения проекта. Где здесь логика?

Похоронило проект то, что стороны элементарно не сошлись в цене. За свое согласие на присоединение к «пакту четырех» Москва запрашивала, как оказалось, слишком много. «Граф Шуленбург неоднократно сообщал из Москвы, – вспоминал Риббентроп, – что без решающих уступок заключения пакта не добиться» [12, с. 179]. Однако такие уступки означали превращение Европы в советско – герман-

ский кондоминиум. Согласиться на это Гитлер не мог. Оставалось сожалеть о том, что решение, выглядевшее гениальным *с технологической точки зрения, политически* оказалось невозможным. «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы», – сокрушался уже после войны вождь.

Между Берлином и Лондоном (окончание)

Несмотря на фактический провал переговоров, созданная усилиями немецкой пропаганды картинка «крепнущего единства» не могла не насторожить Лондон. Геббельс записывает в дневнике: «Молотов уехал. «Достигнуто согласие по всем интересующим вопросам». Холодный душ для всех лондонских друзей Советов» [7, с. 227].

Рассорив Москву с Берлином, молотовский визит создал проблемы и в советско – британских отношениях. Чтобы успокоить англичан и иметь возможность продолжить игру в равноудаленность от Англии и Третьего Рейха, 16–17 ноября Москве пришлось опровергать появившиеся в мировой прессе сообщения об «особых договоренностях» между СССР и Японией в отношении Британской Индии. Также через И. М. Майского поспешили заверить британский кабинет, что Советский Союз к Тройственному пакту не присоединялся, никакого договора в Берлине не подписывал и не станет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Сред-

нем Востоке [90, с. 91].

Стремясь поправить ситуацию в советско – британских отношениях, фактически находившихся в точке замерзания, 24 февраля посол С. Криппс зондировал мнение НКВД о возможности приема Сталиным нового министра иностранных дел А. Идена. Криппсу, однако, было заявлено, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР» [90, с. 416–417, 419–420]. Того же мнения придерживались и в Лондоне. Черчилль был явно обескуражен реакцией Сталина, точнее, ее отсутствием, на сделанное в июньском послании премьера предложение о взаимных консультациях и исходил из убеждения, что в существующих условиях советский вождь не станет рисковать отношениями с Германией ради сближения с Лондоном. В результате в смысле практической актуальности проблематика британо-советских отношений отошла на задний план английской внешней политики, став чуть ли не личным делом самого посла.

Начало военных действий Германии против Югославии и Греции весной 1941 г. дало Криппсу надежду на то, что Москва расценит эту акцию как покушение на ее историческую зону влияния. 11 апреля, в разгар боев на Балканах, британский посол призвал Москву оказать прямую вооруженную помощь тамошним противникам Берлина. Вероятно, Криппс надеялся повторить свой мартовский успех, когда по его инициативе советское правительство сделало про-

турецкое заявление. На сей раз его советом не воспользовались.

Невзирая на эту неудачу, 18 апреля С. Криппс вновь предложил Молотову (в виде записки) начать полномасштабный процесс сближения с Великобританией. Свое предложение посол «подкрепил» угрозой, что в противном случае некоторым кругам британского истеблишмента «могла бы улыбнуться мысль о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, вновь предложенной в некоторых германских кругах, при которой в Западной Европе было бы восстановлено прежнее положение, Германии же не творилось бы препятствий в расширении ее «жизненного пространства» в восточном направлении». Посол, правда, оговорился, что «в данное время совершенно исключена возможность такого соглашения о мире». [91, с. 826–829].

В приеме у Молотова послу было отказано, причем в грубой форме – без объяснения причины. В роли почтальона вновь выступил Вышинский. Ознакомившись на месте с памятной запиской, он заявил, что «не считает ее серьезной» и что «сама постановка подобных вопросов является странной и неправильной» [91, с. 595–597].

Все же размолвка между Москвой и Берлином из-за Югославии и нарастающий вал информации о скором нападении Германии на СССР указывали на приближение конца эпохи советско-германской «дружбы». «В этих условиях, – говорится в мемуарах А. Идена, – я считал, что наступило вре-

мя для улучшения отношений между нашими двумя странами» [132, р. 265]. Последний раз перед 22 июня Лондон предложил свою поддержку Москве в вероятной войне против Германии во время встречи А. Идена с И. М. Майским 13 июня 1941 г. В качестве возможных первоочередных мер министр назвал оказание помощи Красной Армии боевыми действиями британской авиации, базирующейся на Ближнем Востоке, посылку военной миссии в Москву и развитие экономического сотрудничества.

Выступая с этим предложением, Лондон и не рассчитывал на публичную позитивную реакцию с советской стороны, единственно надеясь демонстрацией поддержки не допустить советской капитуляции перед Германией в результате мощнейшего военно-политического давления со стороны Берлина. Даже накануне Судного дня Кремль упорно держался своей антибританской позиции.

Напротив, для отношений между СССР и Германией 1941 год начинался весьма удачно. Несмотря на растущую подспудно напряженность, ситуация на уровне текущей дипломатической работы даже улучшалась благодаря возросшей уступчивости Кремля, делавшего максимум возможного для выравнивания отношений после берлинского фиаско. Немалые усилия в этом направлении приложил германский посол. 10 января Молотов и Шуленбург подписали Договор о советско-германской границе в Прибалтике от реки Игорка до Балтийского моря, учитывавший почти все требования Бер-

лина. В тот же день ими были заключены соглашения о переселении этнических немцев из стран Балтии в Германию и о порядке компенсации за оставляемую ими собственность. Также было подписано расширенное хозяйственное соглашение о торговом обороте до 1 августа 1942 г., и вновь на условиях опережающих поставок из СССР. Стремление обеих сторон успеть выбрать до начала войны товарные квоты имело результатом рост взаимных поставок в марте – июне 1941 г. Весной Москва соглашается на продажу значительных объемов зерна по ценам значительно ниже рыночных. То были последние советско-германские межгосударственные соглашения, зачатые в эпоху пакта Молотова – Риббентропа.

С этого момента отношения между двумя странами были лишены какой-либо направляющей идеи и приобрели исключительно ситуативный характер. Все же 17 января Москва по старой привычке решила апеллировать к пакту, чтобы убедить Германию отказаться от ее планов на балканском направлении. Молотовым в Москве и полпредом Деканозовым в Берлине были сделаны аутентичные заявления по поводу ожидавшегося ввода войск в Болгарию и их присутствия в Румынии [90, с. 344]. Никакой реакции Берлина не последовало. Следующий кризис в двусторонних отношениях разразился 5–6 апреля в связи с заключением советско-югославского договора. По мнению советника Хильгера «ничто из того, что русские сделали между 1939 и 1941

годами, не привело Гитлера в большее неподдельное раздражение, чем договор СССР с Югославией, ничто не способствовало в большей мере окончательному разрыву» [56, с. 395–396].

До весны 1941 г., судя по характеру советского стратегического планирования, Кремль терпеливо дожидался решительных действий Берлина на британском направлении, как по линии десантной операции, так и в рамках проекта «пакта четырех». На деле ничего не происходило, и к середине апреля 1941 г. стало ясно, что повторная попытка осуществить операцию «Морской лев» откладывается до каких-то неопределенных «лучших времен». Надежды загрести британский жар германскими руками оказались тщетными. Для СССР, – вне перспективы большой англо-германской войны, – Гитлер становился все менее полезным и все более опасным.

Произошедший между 1 и 15 апреля разворот на 180 градусов в советском военно-стратегическом планировании, а именно отказ от планов локальных наступательных операций против Финляндии, Румынии и Турции, стал результатом общего пересмотра положения СССР относительно Германии, фактически принятием нового курса международной политики СССР. Стратегия «использования межимпериалистических противоречий в интересах советской власти» на которую «третий радующийся» возлагал столько надежд, исчерпала себя, не оправдав ожиданий. На ее место логикой

событий выдвинулась задача нанесения по Германии упреждающего удара в полном соответствии с принятой Главным военным советом РККА годом ранее стратегией «активной обороны». Она, однако, возвращала Кремль в политическую реальность испорченных отношений со всеми сопредельными странами, от позиции которых в немалой степени зависел ее успех. Срочно требовалось исправить положение.

Во имя осуществления этой новой линии во внешней и военной политике Кремль бросился собирать камни, раскиданные по всей Европе в состоянии эйфории от августовско-сентябрьских договоренностей 1939 г. с Берлином. Главное, конечно, заключалось в отказе от планов локальных войн против трех упомянутых выше стран. Прекращается военно-политический прессинг, призванный выдать из них желаемые Советским Союзом уступки: снимаются вопросы о Проливах, о Южной Буковине, о Петсамо и т. д.

Впервые за долгое время Москва демонстрирует в отношении соседей дружелюбие, пойдя на подписание советско – турецкой декларации о доброжелательном нейтралитете, вернув полпреда в Хельсинки и пообещав финнам возобновить поставки продовольствия, выразив готовность к определенным территориальным уступкам Румынии, пытаюсь найти общий язык с Венгрией на базе учета ее территориальных интересов. Новая тактика распространяется даже на отношения СССР с представлявшим в какой-то мере французский народ и находившимся в глубоком германском

тылу правительством Виши, с которым растет объем политических и торгово-экономических связей.

Однако главной была задача примирения с движением за польское национальное возрождение. Для этого со страниц газет исчезает антипольская пропаганда. Затем делаются осторожные шаги для умиротворения польского общественного мнения. Так, происходит топонимическая реставрация – возвращение польских названий ряду населенных пунктов, а также их улицам и площадям, сгоряча переименованным после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Во Львове начинается издание литературного журнала на польском языке; в Москву приглашается делегация польских культурных деятелей, некоторые из них принимаются в Союз писателей СССР. За отсутствием более подходящего случая, из календаря памятных дат извлекли и очень широко отметили годовщину со дня смерти великого поэта и деятеля польского национального движения Адама Мицкевича, придав, тем самым, новой пропольской политике всесоюзный размах. Активизируются контакты с польским и чехословацким эмигрантскими правительствами, в том числе их разведывательными органами. 4 июня 1941 г. Политбюро принимает решение о формировании на территории СССР отдельной польской стрелковой дивизии (также было принято решение о создании чехословацкого корпуса).

Опасное обострение советско – германских отношений

заставило «промосковскую партию» в Берлине искать выход из создавшегося положения. Роль действующего на свой страх и риск посла-миротворца, которую для Британии пытался играть С. Криппс, в случае с Германией взял на себя В. фон Шуленбург. В отличие от британского посла германский действовал все же не в одиночку, а как представитель определенных кругов в правящей верхушке Рейха. На это указывает факт устроенной Риббентропом апрельской поездки Шуленбурга в Берлин для встречи с Гитлером и передачи ему меморандума о советско – германских отношениях, в котором рекомендовалось продолжить политику сотрудничества с Советским Союзом.

Отговорить фюрера от решения вступить в войну с СССР Шуленбургу не удалось. Оставалась последняя возможность попытаться изменить ход событий – дать понять советским властям, что существует реальная угроза нападения Германии на СССР, и убедить Сталина напрямую обратиться к Гитлеру с предложением переговоров для урегулирования спорных вопросов. Довести эту информацию до сведения Кремля Шуленбург попытался через советского посла в Германии В. Г. Деканозова, находившегося в то время в Москве. Послы встречались три раза – 5, 9 и 12 мая [91, с. 654–657, 665–667, 675–677]. «Граф Шуленбург и я,¹⁹¹ – вспоминал Хильгер, – не жалели никаких усилий, чтобы сделать рус-

¹⁹¹ Помимо послов во встречах принимали участие советник германского посольства Г. Хильгер и заведующий германским отделом НКВД В. Н. Павлов.

ским понятной всю серьезность ситуации, и настаивали на том, чтобы советское правительство связалось с Берлином, пока еще ничего не произошло. Но наши усилия оказались напрасными» [56, с. 64].

Действительно, Шуленбург много раз повторил, что в советско-германских отношениях возникла опасная напряженность, что Гитлер крайне недоволен всеми последними действиями и заявлениями СССР и что ему, Шуленбургу, не удалось переубедить фюрера. Более того, Деканозову сообщили практически открытым текстом, – если учесть, что беседа шла между двумя дипломатами, – что Шуленбург скоро «отправится писать мемуары», т. е. покинет свой пост, что в тогдашних условиях могло произойти только в одном случае – в случае начала советско – германской войны. Чтобы лишить Гитлера возможности проигнорировать сталинское обращение, Шуленбург предложил сделать акцию международной, одновременно направив схожие послания с предложением переговоров лидерам еще нескольких государств.

Посол напрасно с риском для жизни метал бисер перед пребывавшим в умственном затмении советским вождем.¹⁹² Кремлевские персонажи не могли поверить в бескорыстное стремление немецкого дипломата быть на высоте своей профессии и заранее сделали вывод о том, что тот действуют «по инструкции Берлина». Переданный через Деканозова ответ

¹⁹² В 1944 г. фон Шуленбург примет участие в заговоре против Гитлера и будет казнен.

Сталина предусматривал встречный обмен письмами между Москвой и Берлином и публикацию официального совместного коммюнике. Однако ввиду партизанского характера акции Шуленбурга, о которой фюрер не имел понятия, сделать это было невозможно. В результате германский дипломат снял свое предложение. «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов», – подвел итог этой истории на заседании Политбюро гордый своей «прозорливостью» вождь. Пусть микроскопически малый, но все же шанс предотвратить катастрофу был упущен.

На поступавшую со всех сторон информацию о скором нападении Сталин реагировал попыткой сохранить видимость нормальных отношений с Германией. Стремясь загладить вину за югославский казус, Москва перешла в «мирное наступление» и буквально забросала Берлин свидетельствами своего стремления улучшить отношения. Прежде всего, этой цели должно было служить гробовое советское молчание по поводу германской агрессии против Югославии, о чем говорилось выше, а также Греции. 13 апреля Кремль идет на подписание договора о нейтралитете с Японией – такого дальневосточного аналога пакта Молотова – Риббентропа. (Последний, кстати, как посредник стоял у истоков этого договора и активно лоббировал его [90, с. 38, 74]). Стороны гарантировали друг другу нейтралитет в случае, если одна из них «станет объектом военных действий» со стороны какой-либо третьей державы.

В условиях назревавшего конфликта в Тихоокеанском регионе для Токио политический смысл этого договора состоял в советской гарантии безопасности японского тыла на случай столкновения с США. Интерес Германии заключался как раз в провоцировании японо – американской войны и, как следствие, в уменьшении размеров помощи Великобритании со стороны США. Сходство было тем большим, что имелся и свой «секретный протокол» о территориально – политическом размежевании. Им стала на самом деле опубликованная в качестве приложения к договору Декларация об уважении территориальной целостности и неприкосновенности марионеточного прояпонского Маньчжоу – Го – со стороны Советского Союза, и Монгольской Народной Республики – со стороны Японии [91, с. 565–566].

Во время проводов японского министра иностранных дел Мацуока Сталиным и Молотовым была разыграна знаменитая сцена объятий с послом Шуленбургом и замещавшим военного атташе полковником Г. Кребсом с изъявлением заверений в верности дружбе с Германией. В эти же дни из желания угодить Гитлеру Сталин принимает решение о роспуске Коминтерна.¹⁹³ 6 мая появилось сообщение о вступлении И. Сталина в должность Председателя СНК СССР. В кулуарных беседах немцам намекали, что данное назначение от-

¹⁹³ После встречи со Сталиным Г. Димитров записывает в своем дневнике: «Резко и ясно поставлен вопрос о дальнейшем существовании Коминтерна». Парадоксальным образом продлил жизнь этой организации еще на пару лет, до 1943 г., сам Гитлер своим скорым нападением на СССР.

крывало возможность официального визита Сталина в Берлин, в том числе с целью присоединения к Тройственному союзу. 8 мая СССР разорвал дипломатические отношения с оккупированными Германией Норвегией, Бельгией, Югославией и Грецией, что означало окончательное признание Москвой статус кво, возникшего в результате германских завоеваний. И, наоборот, с марионеточными правительствами и оккупационными властями Дании, Бельгии и Норвегии в апреле-мае заключаются торгово-экономические соглашения.

9 мая от имени Советского правительства ТАСС опубликовал Заявление, опровергавшее слухи о «концентрации крупных военных сил» на западной границе СССР. 12 мая СССР признал пришедшее к власти в Ираке прогерманское правительство Рашида Али аль Гайлани, что имело к тому же характер антибританского демарша. 18 июня Москва приветствует заключение германо-турецкого договора о ненападении и дружбе. О готовности к заглаживанию вины должны были свидетельствовать также уступки Германии при демаркации границы в Прибалтике (завершена 24 мая 1941 г.) и в споре о разделе продукции никелево – молибденовой концессии в финском Петсамо.

Но самой громкой акцией стало появившееся в печати 14 июня 1941 г. новое Заявление ТАСС, в котором, в частности, говорилось, что «в последние дни муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией. По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивать войска у границ последней». Вина за распространение провокационных слухов возлагалась на неназванные силы, «враждебные СССР и Германии», которыми в тогдашней конкретной ситуации могли быть только Великобритания и США. «Слухи», разумеется, опровергались; очевидная концентрация германских войск в районе границы объяснялась их передислокацией с Балкан, а советских – учениями, маневрами и т. п.¹⁹⁴

Были предприняты еще две попытки разрядить ситуацию. 18 июня Молотов сообщил Шуленбургу о своей готовности выехать в Берлин для переговоров, а в ходе последней перед войной беседы с германским послом 21 июня пытался выяснить причины «недовольства Германии» [91, с. 751–753]. Гитлер, однако, свой выбор сделал, и никакие советские ди-

¹⁹⁴ Историк С. В. Кудряшов высказал любопытную мысль, что это заявление ТАСС и было сталинским посланием Гитлеру, которое предлагал Шуленбург [133, с. XLV]. Действительно, маршал Жуков отмечал текстуальное совпадение Заявления ТАСС и тех двух писем из переписки с Гитлером, с которыми Сталин дал ему ознакомиться (об этом: см. выше).

пломатические маневры не могли на него повлиять. «Наоборот, – высказывает свое мнение советник Хильгер, – продолжающиеся усилия Сталина избежать конфликта он рассматривал как доказательство его (Сталина. – *Ред.*) слабости и страха перед военным столкновением с Германией. Все это укрепляло его (Гитлера. – *Ред.*) в убеждении, что ему никогда не представится более благоприятного случая разгромить Советский Союз...» [56, с. 396]. К кремлевскому усердию во внешнеполитическом угодничестве перед Берлином там относились с явной иронией, не забывая при этом им пользоваться. Изначально бессмысленная политика заискивания в отношении Германии, которая никак не могла изменить течение событий, направляемое железной логикой стратегического расчета, из постыдной превратилась уже в контрпродуктивную.

Кремль же продолжал твердо придерживаться этого одиозного курса и объявил фактический бойкот посольствам Великобритании и США в Москве, отказывая послам этих стран в приеме их в НКВД на уровне выше, чем уровень первого заместителя наркома. В результате под разными предложениями послы покинули Москву и выехали на родину.¹⁹⁵ По существу это означало прекращение политического диало-

¹⁹⁵ Другой причиной отъезда было знание ими даты нападения Германии на СССР. Послы отказались от мысли поделиться этой информацией с Кремлем, поскольку там неизменно воспринимали подобные попытки как провокацию, что приводило лишь к осложнению отношений.

га.¹⁹⁶ Берлин, в ответ на московские попытки напомнить о себе, безмолвствовал. Вся советская внешняя политика в сколь-нибудь значимых ее проявлениях свелась к эпизодическому личному общению Молотова с послом Шуленбургом. Это, конечно, была ее полнейшая деградация.

Весь последний предвоенный год Берлин вел СССР на поводке временно совпадающих тактических интересов и навязанных решений, увлекая его за собой все глубже в стратегический тупик. По мере роста текущих военно – политических успехов Германии этот поводок становился все короче, и когда поздней весной 1941 г. Берлин выбрал его до конца, советскую внешнюю политику разбил паралич.

А германской дипломатии за ее деятельность на московском направлении Гитлер поставил заслуженную «пятерку». Беседуя в узком кругу приближенных, он заявил весной 1942 г., что рад тому, что дипломатическими методами «удалось сдерживать Советы до окончательного вступления в войну и **постоянно находить взаимопонимание с ними в отношении наших интересов**» [7, с. 150]. Трудно дать более уничижительную, но верную оценку сталинской пещерной «дипломатии».

¹⁹⁶ Именно так это и расценил Шуленбург в донесении в МИД Германии от 12 июня 1941 г. «Отношение советской стороны к английскому и американскому посольствам, – сообщал дипломат, – по-прежнему характеризуется как... негативное в том, что касается попыток завязать политический диалог».

Три упущенных шанса Сталина

В 2000 г. увидел свет труд М. И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941». О каком упущенном шансе говорит автор?

Имелось в виду, что если бы в июне 1941 г. Сталин не проиграл Гитлеру гонку за нанесение упреждающего удара, т. е. если бы запланированный на 12 июня удар состоялся, то история второй мировой войны выглядела совершенно иначе.¹⁹⁷ Иначе выглядела бы и история нашей страны, так как благодаря упреждающему удару боевые действия с самого начала переносились на территорию противника и ограничивались рамками традиционной войны «армия против армии», а не «армия против народа», как это произошло в действительности.

События, по мнению М. Мельтюхова, основанному на документах советского стратегического планирования, могли развиваться следующим образом. Наступление начинается массированными авиаударами по аэродромам противника и скоплению его войск от границы на глубину до 350 км. При численном превосходстве по самолетам советских ВВС над Люфтваффе в полосе наступления в 4,4 раза (6,2 и 1,4 тыся-

¹⁹⁷ В своем политическом завещании Гитлер писал относительно вопроса об упреждающем ударе: «Меня вечно терзал кошмар, что Сталин может проявить инициативу раньше меня...» «Конечно, в этом тоже был известный вопрос», – соглашается Молотов [18, с. 49].

чи, соответственно) этот удар должен был оказаться опустошающим. Сделанная Й. Геббельсом 14 июня 1941 г. запись в дневнике также указывает на эту опасность: «Восточная Пруссия так насыщена войсками, что русские своими превентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон» [7, с. 276].

Вслед за этим выступают войска всех пяти фронтов: Северный вторгается в Финляндию; Северо-Западный из Литвы наступает на северную Польшу и Восточную Пруссию; ему оказывает поддержку правое крыло центрального Западного фронта, тогда как левое крыло фронта совместно с Юго-Западным фронтом наносит главный удар через Галицию и Карпаты на Люблин, Краков и далее на Братиславу; войска Южного фронта оккупируют Румынию. 7 апреля 1941 г. начальник генштаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер с тревогой записывает в своем дневнике, что группировка советских войск на границе с Германией «вполне допускает быстрый переход в наступление, которое было бы для нас крайне нежелательным» [цит. по: 34, с. 181].

Успех советского наступления, по мнению Мельтюхова, гарантировался превосходством РККА над Вермахтом в личном составе в 2,1 раза, в орудиях и минометах в 2,4 раза, в танках в 8,7 раза. При этом боевые потери советских войск в живой силе и технике легко восполнялись за счет армий второго эшелона. Напротив, силы Вермахта были разбросаны по всей Европе – от Югославии до Норвегии и ат-

лантического побережья Франции, где имели собственные задачи и откуда не могли быть быстро переброшены в зону боевых действий. «Германия просто не располагала силами, способными отразить внезапный удар Красной Армии, – пишет Мельтюхов. – Это признавал после войны начальник штаба верховного командования Вермахта фельдмаршал В. Кейтель. По его мнению, советское нападение на Германию в 1941 г. могло «поставить нас в стратегическом и экономическом отношении в исключительно критическое положение [...] В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия» [16, с. 505].

«Конечно, – заключает Мельтюхов, – не следует рассматривать боевые действия советских войск в случае нанесения внезапного удара по Германии как «прогулку до Берлина». Безусловно, это была бы тяжелая кровопролитная борьба с серьезным противником». Но «наименее благоприятным результатом наступления советских войск могла стать стабилизация фронта по рекам Нарев и Висла, – т. е. примерно там, где советско-германский фронт стабилизировался в конце 1944 г. [...] Красная Армия могла быть в Берлине не позднее 1942 г.»¹⁹⁸ [16, с. 506].

Нам трудно оценить, насколько правдоподобным являет-

¹⁹⁸ Для сравнения: составленный маршалом Г. К. Жуковым план превентивной войны против Германии предусматривал выход частей Красной Армии в район Верхней Силезии на 30-й день наступления.

ся описанный сценарий в деталях. Не вызывает, однако, никаких возражений и не является плодом авторской фантазии главный тезис: в случае нанесения упреждающего удара Красная Армия получала целый ряд огромных преимуществ, а Вермахт оказывался в весьма сложном положении. Свое наступление РККА развивала бы на стратегически наиболее выгодных направлениях в соответствии с детально разработанными планами проводимых операций, тогда как в действительности ей пришлось вести оборонительные бои, **не имея никаких планов стратегической обороны**, т. е. абсолютно бессистемно, кто во что горазд. В случае обмена ролями точно в таком невыгодном положении оказывались немцы. Кроме того, стянутые к самой границе войска и армейские склады подвергшейся удару стороны действительно становились удобной целью для завладевшего стратегической инициативой противника¹⁹⁹.

Историк М. Солонин, впрочем, высказывает сомнение в том, что советский превентивный удар сильно изменил бы ход войны с Германией. В качестве аргумента он указывает на то, что такой удар по Финляндии в июне 1941 г. не принес СССР ощутимых преимуществ по причине низкой боеготовности его вооруженных сил. Нам этот аргумент представ-

¹⁹⁹ Как известно, в результате первого удара Вермахта Красной Армией были потеряны 1300 самолетов, значительное количество другой техники, 24 тысячи вагонов боеприпасов и иного военного имущества, сотни тысяч тонн горючего и пр. Пагубной оказалась высокая степень концентрации войск у самой границы, поскольку это облегчило Вермахту выполнение задачи по их окружению.

ляется необудительным ввиду многочисленных различий в характере театров военных действий и осуществляемых на них операций, но мы не станем отдавать предпочтение какому-либо из этих двух гипотетических вариантов развития событий на советско – германском фронте. Замечание М. Солонина хорошо уже тем, что предостерегает от соблазна конструировать воображаемый ход этих событий путем зеркального отражения реально случившегося.

Вместе с тем, попросту совершенно невозможно представить себе ситуацию, худшую для СССР, чем та, что возникла 22 июня. **На этом фоне** превентивный удар по германским вооруженным силам действительно был шансом, как максимум, вынести войну за пределы национальной территории и, тем самым, избежать колоссальных жертв и разрушений, а как минимум – нанести противнику ощутимые потери, нарушить его стратегический замысел и навязать свой, и вместо него воспользоваться преимуществами тактической внезапности нападения.

Правда, однако, состоит в том, что этот шанс **был не первым, не единственным и отнюдь не оптимальным.** После начала войны в Европе уже дважды складывалась ситуация, куда более благоприятная, чем в 1941 г., для упреждающего советского удара по фашистской Германии.

Первый раз такая возможность представилась Сталину весной 1940 г., сразу после начала боевых действий на Западном фронте. Советское вооруженное выступление в тот

момент означало для Рейха скоротечный коллапс в результате войны на два фронта и прекращения поставок нефтепродуктов для Вермахта и Люфтваффе. В таких условиях сколь-либо продолжительное сопротивление Германии было невозможно. Напомним, что в марте 1940 г. советское военное командование в целом сверстало стратегический план нанесения упреждающего удара по Германии. Само собой разумеется, что план исходил из предположения о достаточности у СССР сил и средств, чтобы нанести поражение вооруженным силам противника.

Представление о предполагаемом характере боевых действий можно составить, исходя из соотношения сил на линии советско – германского соприкосновения. У СССР к этому моменту там были сосредоточены 149 стрелковых и мотострелковых дивизий, 16 танковых дивизий и 25 танковых бригад, 10 кавалерийских дивизий, 159 авиаполовков. **На германской стороне границы войск не было**, если не считать 7-ми (семи!) т. н. охранных дивизий крайне невысокой боеспособности. (Для справки: охранные дивизии – Sicherungs – Divisionen – входили в состав Вермахта и выполняли задачи по охране тыловых районов. Комплектовались военнотружущими старших возрастов и ограниченно годными по здоровью; имели на вооружении легкое стрелковое оружие). При такой разнице сил и хорошо развитой дорожной инфраструктуре наступление советских войск обьязано было быть стремительным, а расстояние от границы до

Берлина составляло всего 800 км. Переброска части войск Вермахта с Западного фронта на Восточный означала, по примеру 1914 года, срыв германского наступления на войска англо-французской коалиции и, тем самым, ее спасение для дальнейшего участия в войне против Германии.

Передислокация части германских дивизий на восток приводила к выводу их из боевых действий на все время транспортировки (формирование походных колонн, прибытие на места погрузки, ожидание железнодорожных составов, погрузка, следование в пути, разгрузка, восстановление боевых порядков). По мнению военных экспертов того времени, организация эффективных боевых действий «с колес», как наступательных, так и оборонительных, была невозможна, и войска попросту перемальвались бы по мере их прибытия на фронт. Вдобавок, на территории Польши и Восточной Пруссии фактически отсутствовала какая-либо оборонительная инфраструктура. Имелись отдельные фортификационные сооружения постройки конца XIX – начала XX вв., к тому же значительно разрушенные в ходе первой мировой и польско-германской войн. При этом они были ориентированы на отражение наступления с запада на восток. «Все эти старые укрепления не могут являться серьезным препятствием для наступающих с востока войск без значительной модернизации», – констатировала советская военная разведка [95, ф. 37077, оп. 1, д. 66, л. 11–16; д. 70, л. 69 об].

Неизмеримо выигрышней, чем в 1941 г., складывалась и международная обстановка. Единственным союзником Берлина в Европе, впрочем, не очень надежным, была Италия. Вряд ли нашлись бы еще страны, готовые связать свою государственную судьбу с обреченной на поражение Германией. Если иметь в виду Румынию, то весной 1940 г. СССР еще не успел окончательно испортить с ней отношения, а англо-французская коалиция традиционно имела на нее весьма сильное влияние. Судя по опыту второй мировой войны можно скорее предположить примыкание Румынии и Турции к антигитлеровской коалиции и нейтралитет Болгарии и Венгрии. Финляндия же после поражения в Зимней войне не имела ни малейшей возможности и ни малейшего желания воевать «за Германию».

Сталин, однако, не воспользовался столь благоприятным шансом покончить с Гитлером, потому что спасение собственными руками англо-французского «империализма», а затем еще и необходимость делиться с ним плодами победы над Германией не входили в расчеты вождя. В результате *такой* победы единственным вариантом послевоенного урегулирования в Европе мог быть только Версаль-2, поскольку западная коалиция играла бы в этом процессе роль никак не меньшую, чем СССР.

Понятно, что в течение двадцати лет в Москве вынашивали мечту о совершенно ином итоге европейского похода Красной Армии, во имя которого было принесено столько

человеческих и материальных жертв. В этой *последней войне* Сталину не нужны были союзники «до победного конца» из буржуазного лагеря. Единственным победителем должен был остаться он сам.²⁰⁰

Если вступление СССР в войну в мае 1940 г., по мнению московского руководства, стало бы явным фальстартом, и следовало дать Гитлеру время завершить работу по разгрому англо-французского империализма в его логове, до которого сам Кремль не имел возможности дотянуться, то **летом – осенью 1940 г.** складывается совершенно иная ситуация. В результате победы Вермахта над вооруженными силами Великобритании и Франции западная коалиция прекратила свое существование и исчезла как фактор из военно-политической жизни Европы. Москве **во второй раз** представился уникальный шанс нанести по Германии смертельный удар, причем в данном случае еще и остаться если не единственной, то главной вершительницей послевоенной судьбы Европы. Вот когда у Сталина появился идеальный шанс попытаться реализовать рапальскую задумку Кремля.

Под стать в высшей степени благоприятной политической ситуации была и военная. Восточный фланг Рейха оставался фактически незащищенным: германская группировка войск на границе в октябре – ноябре 1940 г. насчитывала всего 32

²⁰⁰ Поэтому результатом второй мировой войны Сталин был крайне не удовлетворен. Когда кто-то из американцев принялся поздравлять его с военными победами, он недовольно пробурчал, что «царь Александр Первый дошел до Парижа» [цит. по: 28, с. 140; 18, с. 129].

дивизии. О сложностях и издержках создания рубежа обороны «с колес» говорилось выше. Нельзя также забывать, что победа на Западном фронте потребовала от Вермахта израсходования значительной части боеприпасов и моторесурса бронетехники, не говоря уже о безвозвратных потерях в живой силе и вооружениях. Необходимых для ведения большой войны на востоке запасов вооружения и иных материальных средств у немецкой армии просто не было, как не существовало никаких проработанных планов такой войны, – ни наступательной, ни оборонительной. И хотя путь на Берлин оставался практически открытым, Сталин вновь отказался от идеи нападения на Германию, посчитав его преждевременным. Достаточно легко предположить, почему: в Москве надеялись дождаться прыжка «Морского льва».

Действительно, угроза германского вторжения в СССР осенью 1940 г. еще не просматривалась. Массированная переброска войск Вермахта к границе не началась, тогда как интенсивность англо-германских боевых действий в воздухе («битва за Англию») и на море значительно возросла. В Кремле уверовали, что до тех пор, пока Германия не сокрушит Британскую империю, СССР может чувствовать себя за ее спиной в относительной безопасности и спокойно готовить для Берлина Армагеддон. Оставалось исключить возможность появления Великобритании на послевоенном пире победителей, для чего следовало дать Гитлеру еще один шанс довести «английское дело» до конца. Поэтому хотя в

октябре – ноябре 1940 г. восточный фланг Рейха был практически беззащитен и буквально «приглашал» Красную Армию напасть на него, в Кремле вновь сочли преждевременным полный разрыв с Берлином.

К середине апреля 1941 г., однако, стало ясно, что «британский орешек» Германии явно не по зубам. В Кремле поняли, что советско-германское противостояние выходит на финишную прямую, ввиду чего: 1) надо отказаться от распыления сил и средств на ведение локальных войн; и 2) готовить концентрированный упреждающий удар по самой Германии. Как известно, первоначально открытие боевых действий против германских вооруженных сил планировалось на 12 июня 1941 г. Опираясь на имеющуюся у историков документальную базу, невозможно с уверенностью утверждать, почему в назначенный срок оно не состоялось. Никаких особо примечательных событий в политической или военной жизни Европы, способных заставить советское руководство пересмотреть собственное решение такой важности, в конце мая – начале июня не произошло, если не считать таким событием авантюрный перелет заместителя Гитлера в руководстве НСДАП Рудольфа Гесса в Англию 10 мая с миссией, которая до сегодняшнего дня вызывает недоумение.

Доминирующим мнением является, что Гесс полетел в Великобританию без ведома Гитлера, на свой страх и риск, с предложением мира на выше упомянутом условии «признание германской гегемонии в континентальной Европе в об-

мен на сохранение империи за небольшими исключениями». Гесс лично управлял самолетом и после того, как закончилось топливо, выбросился с парашютом на севере Англии, где был сразу же арестован. По сообщениям И. М. Майского и разведорганов НКВД никто из британских государственных деятелей с ним не встречался и переговоров не вел. Черчилль, узнав о приключениях Гесса, не стал менять своих планов на вечер и отправился смотреть кинокомедию. В Берлине Гесса объявили сумасшедшим. У Гитлера для него была только такая альтернатива: «сумасшедший дом или расстрел» [7, с.143].

Политическое зарубежье с железной логикой расценило выходку Гесса как проявление неуверенности Берлина в своей способности успешно вести войну на двух фронтах, следовательно, как доказательство его намерения напасть на СССР. Единственно, кто воспринял этот фарс всерьез, но совсем не так, как следовало бы, была Москва. Параноидально подозрительный вождь усмотрел в этом скверном анекдоте угрозу англо – германского примирения и принял катастрофическое по своим последствиям решение отложить нападение на Германию до выяснения обстоятельств. «Мне кажется, – вспоминал Молотов, – что тут главную роль сыграл полет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Разведка НКВД донесла нам, что Гесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР [...] Если бы мы в это

время сами развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией²⁰¹ [...] И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира...» [цит. по: 134, с. 423–424].

Это глупое, позорно иррациональное решение абстрагировалось от всех самоочевидных фактов и соображений. Например, что за полетом Гесса не мог стоять правительственный Берлин, иначе мирные предложения были бы неофициально сделаны через любого из имевшихся многочисленных посредников, намного более эффективно и, кроме того, безопасно для государственного престижа Германии. Далее, было просто нелепо ожидать, что Лондон согласится подписать капитуляцию, тем более по предложению человека с непонятными полномочиями. От подобных предложений, официально сделанных самим Гитлером, британское правительство уже не раз отказывалось на протяжении года, пока шла война, даже в критические дни июня – июля 1940 г. Капитулировать после победы в воздушной войне с Германией; после того, как британский флот потопил половину тоннажа Кригсмарине; когда уже были похоронены планы де-

²⁰¹ В высшей степени абсурдное утверждение, опровергнутое историей. Если раньше Кремль обвинял Лондон в стремлении спровоцировать советско – германский конфликт, чтобы иметь СССР в союзниках в войне против Германии, то теперь утверждалось прямо противоположное – что в случае такого конфликта сама Великобритания кинется на помощь Германии, с которой к тому же находится в состоянии войны!

сантной операции Вермахта на острова; после того, как удалось достичь несомненных успехов в воссоздании сухопутных войск и заручиться американской военно – экономической помощью; наконец, накануне неизбежной в самом скором времени советско – германской войны, о чем в Лондоне знали – в этих условиях соглашаться на капитуляцию у британского правительства не было абсолютно никаких резоннов.

Иногда, правда, утверждается, что склонить Лондон к замирению с Германией могли его военные неудачи на Крите и в Греции. Не говоря уже о том, что у британской армии случались и победы в периферийной для Империи войне на Средиземноморье, этих сугубо локальных неудач было явно недостаточно, чтобы вынудить Лондон капитулировать, но предостаточно, чтобы по соображениям национального престижа отклонить любые предложения о мире, которые могли быть сделаны врагом в этот момент.

Наконец, политическое устройство Великобритании и господствовавшее общественное мнение абсолютно исключали возможность такого внешнеполитического кульбита. Лондон – это вам не Москва. Стоит напомнить, что годом ранее в неизмеримо более трудной ситуации британский парламент, в котором были представлены все политические силы страны – от махровых консерваторов до коммуниста, впервые за свою многовековую историю проголосовал **единогласно** за правительство У. Черчилля (381 голос «за» и 0 голосов «против»), обещавшего только одно – продолжать

войну до победного конца. Политиков, рискнувших пойти против этой ясно выраженной воли всей нации, по старой доброй английской традиции просто «колесовали» бы в парламенте за государственную измену! Как выразился по другому, но схожему по сути поводу германский посол в Лондоне Г. Дирксен, «непреодолимая сила британского общественного мнения потащила за собой правительство» [4, с. 318]. Впрочем, в Кремле, видимо, плохо представляли себе, что такое «общественное мнение». Да и не было никакой нужды куда – либо «тащить» Черчилля.

Зададимся, однако, вопросом: как следовало Советскому Союзу реагировать на самую вероятность прекращения войны между Англией и Германией? Видимо, скорейшим нанесением запланированного удара по Германии, пока она не успела воспользоваться преимуществами нового положения, например, перебросить войска с Западного фронта на восток против своего последнего врага. Даже если допустить уже все дикое, немислимое, ненаучно – фантастическое предположение о заключении (кем? когда? как? на каких условиях? в соответствии с какой государственно-правовой процедурой? наплевав на своего главного союзника – США?) военного союза Лондона с Берлином против СССР, то и это не должно было ничего изменить в советских планах разгрома Германии. Ведь отсидеться в сторонке благодаря собственному бездействию все равно не получалось, тогда как чем сокрушительнее был бы удар по Германии, тем быстрее раз-

бежались ее вольные и подневольные союзники²⁰².

Много лет спустя Молотов сетовал: «Время упустили, это верно. Опредил нас Гитлер!» [цит. по: 134, с. 431]. Так что и этот шанс, по нашему счету **третий**, Сталин не просто упустил, он его профукал самым бездарным, позорным образом. И если бывают ошибки, которые хуже чем преступление, то это самая большая из них.

²⁰² Тому доказательством является поведение Италии, Румынии, Болгарии и Финляндии на заключительной стадии Второй мировой войны, когда они не просто отошли от Германии, но даже приняли участие в военных действиях против нее.

Генуя: на развилке (Вместо заключения)

Взятый в Рапалло курс, в основу которого были заложены идея революционного мессианства и конъюнктурное совпадение интересов Москвы и Берлина, в 1941 г. привел страну к катастрофе невиданного в отечественной истории масштаба. В 30-е годы временами могло казаться, что рапальскую стратегию отесняет на задний план концепция возрождения антигерманской коалиции с Антантой, принявшая вид «борьбы за коллективную безопасность в Европе». Превращение слабой Веймарской Республики в мощную и опасную национал-социалистическую Германию Гитлера, действительно, побудило советских лидеров в те годы искать безопасность по старым адресам – в Париже, а потом и Лондоне. Однако анти – Версаль и тогда оставался большевистским символом веры в вопросах международной жизни, так что англо-французский пакт был хорош только на германское безрыбье 1933–1938 годов. Достаточно было Берлину в 1939 г. поманить Москву пальцем, чтобы та забыла дорогу в западные столицы.

И это неслучайно. Внешнеполитическая стратегия Кремля базировалась на представлении о классовом характере межгосударственных отношений СССР с окружающим ка-

питалистическим миром. «Кто кого?» – в такой логике в Москве подходили к этим отношениям. Это в принципе исключало возможность создания долгосрочных союзов с позитивными целями, каким по самому своему смыслу только и мог быть союз с западным альянсом, и сводило все к конъюнктурной «дружбе против» в духе Рапалло. В следующем ниже разделе мы ответим на ожидаемое возражение, что, начиная с середины 20-х годов, Сталин отказался от идеи двигать мировую революцию и принялся строить социализм в отдельно взятой стране.

Революция и государство

Первые же столкновения захвативших власть ленинцев с политической реальностью привели к шизофреническому раздвоению их внешнеполитического сознания. Большевистское сердце увлекало влево, а инстинкт самосохранения и урчащий от голода желудок настоятельно советовали забирать вправо. По существу, это был симптом обнаружившего себя и оставшегося так и непреодоленным конфликта между эгоистическими партийными интересами РКП (б) и государственными нуждами России, в конечном счете – проявлением несовместимости большевистской социально – политической утопии с объективной реальностью, как международной, так и внутренней. Создание в 1919 г. организации Коммунистического Интернационала, казалось, позво-

ляло решить эту экзистенциальную проблему чисто бюрократическим путем. Для этого представлялось достаточным поделить между ним и НКВД'ом – по формуле «Коминтерну коминтерновское, а НКВД'у нкидовское» – политически разнонаправленные задачи по подрыву мирового капитализма, с одной стороны, а с другой – по нахождению с ним, в силу необходимости, какого – то *модус вивенди*.

Активное использование Коминтерна (и ассоциированных с ним международных прокоммунистических объединений типа Профинтерн и т. п.) фактически узаконило ситуацию параллельного существования «двух внешних политик», цели которых запросто могли противоречить друг другу.²⁰³ Замечательной иллюстрацией может служить разработанный Москвой в 1923 г. в помощь запланированному восстанию германского пролетариата план убийства руководителя Рейхсвера генерала фон Секта, бывшего, между тем, самым горячим и авторитетным сторонником союзнических отношений с СССР. И подобным примерам несть числа. Принимая подчас вид межведомственного перетягивания каната или революционной самодеятельности на местах, коминтерновское вмешательство в международные дела оставалось, объективно, следствием двуединого революционно – государственного характера советской власти.

²⁰³ Ситуация «двоевластия» в области внешней политики СССР сохранялась до последних дней партийного режима вследствие параллельной деятельности Министерства иностранных дел и Международного отдела ЦК КПСС.

Спад общемировой революционной волны и концентрация внимания на внутреннем строительстве привели к тому, что революционный заряд советской внешней политики в середине 20-х годов, действительно, ослабевает. Речь, однако, шла только о локальных революционных вылазках вроде болгарской 1923 г. или эстонской 1924 г., дорого обходившихся СССР во внешнеполитическом отношении, но не могущих кардинально повлиять на общую расстановку сил в Европе и мире. В феврале 1925 г. Политбюро принимает решение о расформировании специально созданных диверсионно – боевых структур, которые действовали по всему периметру страны по обе стороны границы и отвечали за подготовку и экспорт революций в соседние страны. Причина – ими был организован «целый ряд выступлений, причиняющих вред нашей дипломатической работе».

Вместе с тем, мечта о международной социалистической революции никуда не ушла. Но к этой революции вел единственный путь – через Германию. «Германская революция = европейская революция», – говорилось в одном из коминтерновских документов. На этом уровне целеполагания спор о приоритете партийных или государственных интересов, который подспудно лежал в основе разного подхода Сталина и Литвинова к советской политике в отношении Германии и идее коллективной безопасности, на всем протяжении 30-х годов оставался открытым. 23 августа в этом споре была поставлена точка.

Безопасность режима и безопасность государства

Однако для «второго Рапалло», как называли пакт Молотова – Риббентропа сами его участники, унаследованная от «первого Рапалло» задача советизации Европы, оставаясь важной и желанной, отошла на второй план, пропустив вперед задачу «советизации будущего» самого СССР, т. е. сохранения режима. Большевики, самонадеянно рассчитывавшие поставить себе на службу джина германского реваншизма, выпущенного с их помощью из версальской бутылки, теперь тряслись от страха, поглядывая на него. Хотя, казалось бы, чего бояться Кремлю? У него огромная армия и неисчислимый призывной контингент. У него оружия больше, чем у вместе взятых четырех других великих держав. За ним огромное пространство, растворившее без следа даже Великую армию Наполеона. Сверх всего, он получил предложение от двух великих европейских держав заключить военно-политический союз, который бесспорно мог рассчитывать на помощь еще и заокеанского промышленного гиганта.

Кремлевские лидеры не сомневались, что очередного претендента на мировое господство ожидает судьба всех его предшественников, но боялись не дожить до этого счастливого времени. Они прекрасно помнили про метаморфозы, произошедшие на их памяти с Россией за три года «импе-

риалистической»: вступив в войну с куда более выгодных позиций (в смысле внутривойсковых и международно-политических), из царской она превратилась в республиканско-демократическую и вышла из войны советской. Сталину очень не хотелось, чтобы страна проделала обратный путь, даже до республиканско-демократического рубежа. Поэтому задачу обеспечения внешней безопасности государства Кремль подменил задачей обеспечения безопасности режима. А решались эти задачи совершенно по-разному: первая – путем участия в широкой антигитлеровской коалиции, что, в конечном счете, и произойдет и станет для страны спасением; вторая – путем конъюнктурного сговора с фашистской Германией, имевшего результатом коллапс 22 июня.

За шесть дней до подписания пакта, о чем он, конечно, не знал, Ф. Ф. Раскольников обличал Сталина в своем открытом письме: «В грозный час военной опасности [...] когда единственная возможность предотвращения войны – открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией, вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник, между двумя «осями». Во всех расчетах вашей внешней и внутренней политики вы исходите не из любви к Родине, которая вам чужда, а из животного страха потерять личную власть». Полпред ошибся в одном: маятник уже остановился – решение было принято.

Ради умиротворения своего потенциального могильщика,

Кремль отправил в утиль весь наработанный ранее корпус межгосударственных договоров, относившихся к вопросам обеспечения внешней безопасности СССР, и объявил фактически врагами вчерашних – и, кстати, завтрашних – естественных союзников. Получив от Берлина временную гарантию безнаказанности за свои действия в Восточной Европе, Кремль проявил все свои худшие качества, такие как неспособность просчитать ситуацию даже на один ход вперед и предвидеть последствия принимаемых решений, упование на грубую силу и неумение пользоваться инструментарием дипломатии, тотальное непонимание ценности международного права и неуважение к нему.

В результате законное и бесспорно целесообразное стремление исправить «под себя» стратегическую ситуацию в районе Балтийского моря реализовали так, что ситуация только ухудшилась. Совершили чудовищную ошибку/несправедливость в Польше, покусившись на ее исконные земли, но, слава богу, вовремя поправились. Затем выбрали самые неудачные время и способ решения бессарабского вопроса, попутно развалив региональную систему противодействия германской экспансии в лице Балканской и Малой Антант. Выступая на сессии ВС СССР по вопросу о ратификации пакта о ненападении с Германией, Молотов с видом Талейрана наших дней изрек truизм, дескать искусство внешней политики состоит в том, чтобы превращать вчерашних врагов в добрых соседей. Что ж, как говорится, каким судом судите,

таким и вас судить будут: на 22 июня, после двух лет его деятельности на посту наркома иностранных дел, во всем мире у СССР осталось целых два союзника – Монгольская и Тувинская народные республики.²⁰⁴

С позиции исторического детерминизма

Чтобы снять с Кремля ответственность за провальную политику, поставившую страну на край гибели, официальная историография до сих пор утверждает, что неизбежность войны была запрограммирована самим социалистическим выбором, сделанным народом в октябре 17 года в условиях капиталистического окружения. Как будто прошедшие с той поры столетие не доказало абсолютную неприменимость теории классовой борьбы к международным отношениям. Воевали все – капиталистические страны между собой, социалистические страны между собой, одни капиталистические страны в союзе с социалистическими странами против других капиталистических стран, но ни разу водораздел не проходил по линии «капитализм – социализм». В принципе такие войны возможны, как между всякими другими государствами, но их причины будут не идеологическими, а любого иного рода. В истории западной цивилизации эпоха ре-

²⁰⁴ Здесь следует с благодарностью упомянуть об их помощи Красной Армии и СССР продовольствием, шерстью, кожами, лошадьми и пр. в объемах, приближавшихся к пределу их физических возможностей.

лигиозных войн осталась далеко позади, т. ч. в XX в. государства уже не воевали из-за разного подхода к вопросам социальной теории.

В паре с утверждением о неизбежности войны идет утверждение о безальтернативности проводившегося сталинским руководством политического и экономического курса внутри страны, прежде всего, в вопросе о т. н. «первоначальном социалистическом накоплении», т. е. об ограблении населения во имя индустриализации. Аргументация известна: иных источников финансирования промышленного рывка не существовало, а без создания современной промышленности, в том числе военной, рассчитывать на победу в неизбежной в скором будущем войне не приходилось. Ссылкой на необходимость подготовиться к грядущим испытаниям объясняется, – а по существу оправдывается, – невероятная, невиданная жестокость, с которой решалась эта задача. При этом делается все, чтобы замолчать тот факт, что именно этот курс породил, в качестве ответной реакции, народный отказ защищать режим, что и привело к военной катастрофе 1941 года. Однако никакой Книги Судеб с апокалипсическим сценарием для России, предначертанным самим Провидением, не существовало, и его подлинные авторы хорошо известны.

Кто в тылу?

Если хорошенько подумать, то нет ничего удивительного в том, что внешнеполитические расчеты Сталина строились

в определяющей мере с учетом состояния внутрисоюзного тыла его режима. А это состояние характеризовалось жесточайшей конфронтацией между обществом и властью, которая (конфронтация) сотрясала страну в течение всего периода «развернутого построения социализма в СССР», начиная с «коллективизации» и до начала войны. Каждая из страт советского общества могла иметь свои собственные причины не любить режим партийной диктатуры, но самый массовый и глубокий протест порождали его репрессивно – конфискационные методы «первоначального социалистического накопления»: т. н. «коллективизация», т. е. конфискация материализованного прошлого труда крестьян и присвоение их будущего труда в колхозах за пустые «трудодни»; нищенские зарплаты на заводах и фабриках, не говоря уже о рабском труде узников ГУЛАГа. В результате тыл режима лишь на 10 процентов состоял из его сторонников и бенефициаров, а на 90 процентов – из (в неизвестной нам пропорции) активных противников, скрытых недоброжелателей и безразличных к его судьбе обывателей. Такой непрочный взрывоопасный тыл обесценивал советское превосходство в количестве и, во многих случаях, качестве вооружений над Вермахтом. Поэтому посторонний, на первый взгляд, для избранной нами темы вопрос о путях народнохозяйственного строительства в СССР становится центральным. Конкретно, вопрос формулируется так: возможно ли было обеспечить ускоренное промышленное развитие, не отказываясь от умеренно

щающейся политики НЭП'а и не ссорясь с народом?

НЭП или «коллективизация»?

Существует мнение, что как раз в долгосрочной перспективе НЭП оказался тупиковой ветвью стратегии хозяйственного строительства в СССР. Убыточная госпромышленность и мелкотоварные крестьянские хозяйства были неспособны генерировать капитал, достаточный для осуществления ускоренной индустриализации. Следовательно, делается вывод, работающей альтернативы курсу Сталина на «коллективизацию» просто не существовало; возможны были только какие – то более или менее вегетарианские вариации его.

Ленин, предложивший НЭП как стратегию «всерьез и надолго», думал иначе. Разумеется, он не хуже носителей выше приведенного мнения понимал, что еще в течение десятилетий на собираемые с крестьян пятикопеечные подати и скромные доходы от незначительного хлебного экспорта (с 10 млн. пудов в 1913 г. упал до 2 млн. в конце 20-х гг.) билет в индустриальное будущее не купишь. Для этого требовался куда более солидный капитал.²⁰⁵ Только дело в том, что он и его критики говорили о разных НЭПах. Последние – о его кастрированном варианте в изложении советской исторической наукой, сводившей его суть к свободе внутренней торговли хлебом.

²⁰⁵ В политэкономическом смысле капитал – это станки, машины и оборудование, отработанные технологии и организационные схемы, управленческий и инженерный опыт, лицензии, завоеванные рынки сбыта и раскрученные товарные знаки, наконец, и капитал в денежной форме.

НЭП Ленина был иным. В своей самой «крестьянской» статье – «О кооперации», он без обиняков признал, что «**практическая цель** (выделено нами. – *Авт.*) нашей новой экономической политики состояла в получении концессий». «Без концессий, – говорилось в другом месте, – мы своей программы и электрификации страны выполнить не можем».²⁰⁶ Ленин, сам стоявший во главе правительства эпохи «военного коммунизма» 1918–1920 гг., решительно отказывался от этой политики в пользу курса на промышленное развитие с опорой на иностранный капитал, за счет которого предполагалось покрыть внутренний дефицит средств на развитие и, таким образом, уйти от всякой чрезвычайщины – экономической и неизбежно идущими за ней следом политической и полицейской.

Идея хозяйственного строительства за счет иностранных ресурсов была отнюдь не случайной. Многие большевики и, прежде всего, сам Ленин находились под глубоким впечатлением от блестящих итогов первой российской индустриализации 1880–1913 гг., локомотивом которой выступили эко-

²⁰⁶ Концессия (от лат. *concessio* «разрешение, уступка») – предоставление отдельным промышленникам прав и привилегий, не предусмотренных общим законодательством. Применительно к ситуации в СССР 20-х годов речь шла о разрешении на разработку природных ресурсов (добыча ископаемых, рыбный промысел, лесозаготовка и т. д.), а также создание предприятий с превышением законодательных ограничений на число занятых. Хотя гражданство концессионера не имело значения (им мог стать и советский гражданин), по понятным причинам под концессиями понимались предприятия, созданные иностранным капиталом.

номики Европы и США. «Вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию» – писал Ленин в работе «Развитие капитализма в России». К 1913 г. доля иностранных инвестиций в общем накопленном промышленном капитале страны приблизилась к половине и имела тенденцию к дальнейшему росту, т. к. в текущих капиталовложениях даже превысила ее. В банковском деле она была еще выше; создание общенациональной сети железных дорог (71 тысяча км к 1913 г.)²⁰⁷ стала возможным исключительно благодаря финансовой (70 процентов от затраченных средств) и технической (рельсы, локомотивы, станционное оборудование и т. д.) помощи заграницы.

За годы первой индустриализации Россия, ввозившая в начале ее из Германии обыкновенные мешки (*sic!*), к 1913 г. сумела создать самые передовые по тому времени энергетическую, электротехническую и химическую отрасли, стремительно развить и поднять до мирового уровня сталелитейную промышленность, цветную металлургию, общее и сельскохозяйственное машиностроение, поставить на совершенно новую технологическую основу хлопчатобумажное производство, нефтедобычу и нефтепереработку и т. д. В результате российская экономика стала пятой в мире по валовому объему производства (а по отдельным позициям вышла на 2–4 места, по иронии судьбы обогнав своих доноров) и име-

²⁰⁷ В 1899 г. были проложены рекордные 4692 км железнодорожных путей. И это при тогдашней строительной технике!

ла неплохие шансы улучшить этот показатель. 19-процентный промышленный рост в 1913 г. подготавливал эту перспективу.

Пример был настолько убедительным, что о своем желании воспользоваться этим проверенным рецептом решения экономических проблем страны правительство Ленина заявило уже через две недели после прихода к власти. Сложность, однако, заключалась в том, что в горячечной атмосфере первых послереволюционных месяцев большевики, ожидавшие мировую революцию со дня на день, сделали очень серьезный *фo na*.²⁰⁸ национализировали всю иностранную собственность на территории России и отказались платить иностранным кредиторам по долгам. Возобновление сотрудничества с международными промышленными и банковскими структурами в таких условиях было просто нереально. С целью исправить ситуацию советское правительство в октябре 1921 г. выступило с инициативой созыва международной конференции по вопросу восстановления мирохозяйственных связей, предлагая в таком контексте рассмотреть и проблему русского долга.

Собирались в Геную...

Конференция открылась 10 апреля 1922 г. в итальян-

²⁰⁸ *Faux pas* – неверный шаг, ошибка (фр.).

ской Генуе. В ней участвовали 29 государств и 5 британских доминионов – все наиглавнейшие в тогдашнем мире страны (кроме США). Хотя в повестке конференции значились большие вопросы послевоенного восстановления мировой экономики, «русский вопрос» был все же центральным.

Здесь нет возможности входить в детали работы конференции, поэтому изложим наше видение истории вопроса тезисами:

1. Советское правительство было реально заинтересовано в созыве конференции, поскольку иной международной трибуны, чтобы обратиться за срочной экономической помощью для восстановления разрушенного хозяйства страны, у него не было. С другой стороны, правительство понимало, что на конференции его делегация столкнется с консолидированной позицией обманутых кредиторов России, у которых для нее просто не может быть иных предложений, кроме как для начала вернуть все долги. Поэтому тактикой делегации, насколько можно судить по телеграфной переписке ее фактической главы Г. В. Чичерина с Лениным, должно было стать создание видимости заинтересованности в успехе конференции, а затем ее срыв путем обструкции. После этого, полагали в Москве, кредиторы наперегонки бросятся заключать с ней сепаратные соглашения, чтобы хоть что-то вернуть себе.

Под эти расчеты Ленин подвел теоретическое обоснование: во-первых, Европа не может обойтись без русского хле-

ба, а потому никуда не денется, и ей придется нормализовать экономические отношения с советской Россией; а, во-вторых, в силу плохой экономической конъюнктуры в Европе Россия остается едва ли не единственным местом вложения свободного капитала. «Буржуазным странам надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор...», – уверял Ленин своих слушателей и себя накануне конференции.

2. Конференция, действительно, открылась предложением признания Россией всей суммы ее внешней задолженности в размере 12,5–14,8 млрд. рублей золотом.²⁰⁹ (Разница в оценках объясняется тем, что на долговом рынке одновременно вращались десятки тысяч ценных бумаг, выпущенных различными русскими эмитентами – царским и Временным правительствами, промышленными, железнодорожными и иными компаниями, банками, отдельными городами и пр.). Однако уже в результате первых контактов вопрос о списании военных долгов, возникших из участия России «в общем деле союзников» и суммарно составлявших около половины общей задолженности, был фактически предрешен. Равно как и о списании просроченных процентов, о

²⁰⁹ На долю юридических и физических лиц Франции и Великобритании приходилось 80 процентов совокупного долга, на долю Германии порядка 7–8 процентов (аннулированы фактом войны), на долю США приходилось 3–4 процента. Держателями оставшихся 8–10 процентов долга были банки, компании и граждане Нидерландов, Бельгии, Швейцарии, Канады, Японии и ряда других стран.

пятилетнем моратории на все выплаты по долгам и будущим процентам по ним, а также о реструктуризации оставшейся части долгов, так, чтобы платежи по ним были растянуты на многие десятилетия. Удалось советской делегации заручиться и принципиальным согласием стран – кредиторов на предоставление России стабилизационного займа, на первый случай, в размере около 1 млрд. золотых рублей.

3. Представляется, что сговорчивость западных лидеров оказалась для советской делегации сюрпризом, и она стала подходить к переговорам вполне серьезно. На это с очевидностью указывает письмо Г. В. Чичерина от 20 апреля главе британской делегации премьер – министру Дэвиду Ллойд Джорджу, в котором уже достигнутые результаты переговоров предлагалось взять в качестве основы возможного соглашения. Из Москвы, однако, последовал окрик. 21 апреля в Геную ушла телеграмма: «т. Чичерину. [...] Мы не должны бояться срыва конференции. На признание частных долгов идти ни в коем случае нельзя.²¹⁰ Думаю, что настоящую ситуацию я знаю. Ленин». Видимо он ссылаясь на свои теоретические расчеты, упомянутые выше. Действительность была иной. За 8 лет, прошедших с начала войны, Европа научилась обходиться без русского хлеба, заместив его американским и австралийским. Неверным оказалось и его представление о ситуации на европейском рынке капиталов.

²¹⁰ Речь шла о компенсации за национализированную в России собственность иностранцев.

...а очутились в Рапалло

В свете сказанного и других исторических фактов в совершенно ином виде предстает излюбленная официальной историографией «легенда о Рапалло» – ловком дипломатическом маневре, предпринятом советской делегацией ввиду невозможности договориться с Англией и Францией из-за их намерения задушить молодую советскую Республику требованием долгов и отказа ей в дипломатическом признании.

Это, конечно, неправда. Создание «оси» Москва – Берлин было стратегическим выбором Москвы, не имело отношения к перипетиям хода конференции и *политически* намечилось задолго до нее.²¹¹ Маневр, действительно, был фигурой высшего дипломатического пилотажа, но имел совершенно иные причину и цель. Рапальское соглашение было подписано уже на шестой день многодневной работы конференции, т. е. задолго до окончания и подведения итогов, а потому не могло быть реакцией на ее неуспех. Более того,

²¹¹ Как иначе стало бы возможно секретное соглашение августа 1921 г. о создании германской военной промышленности на территории СССР! Политические и экономические принципы подписанного в Рапалло соглашения выработывались почти месяц в ходе секретных переговоров в Берлине зимой 1922 г. и во время остановки советской делегации в Берлине по пути в Геную. Нелепо полагать, что этого результата можно было достичь за малое время общения с вытасенными из постелей сонными немцами в ходе знаменитых «пижамных переговоров».

как раз в это время в переговорах советской делегации с кредиторами наметился прогресс.

Именно перспектива урегулирования советско – антантовских разногласий напугала Берлин, создав для него угрозу остаться на конференции в полном одиночестве, и вынудила его пойти на подписание уже подготовленного соглашения с Москвой, с чем он всячески тянул из боязни ссориться с Антантой накануне генуэзского форума. А теперь уже подписанный с немцами договор, теоретически рассуждая, давал Чичерину в руки дополнительное средство давления на французов и англичан с целью получения наилучших условий урегулирования проблемы долга. Оправдался ли этот расчет, или вызвавшая протесты сепаратная сделка за спиной конференции только осложнила положение российской делегации, – мы не беремся судить.

Назовем, наконец, предложенные союзниками общеполитические принципы нормализации отношений с советской Россией. Вот они: признание за всеми странами права самостоятельно устраивать свою судьбу в том, что касается выбора формы правления и системы собственности, и отказ от вмешательства в дела других; иностранные инвесторы должны быть уверены, что их не лишат собственности и доходов от ее использования; в этих целях страны, приглашающие иностранный капитал, должны признавать сделанные ими долги и обеспечить сохранность иностранной собственности или компенсацию в случае ее утери, а также создать

необходимые для этого правовые предпосылки; воздержание от пропаганды, направленной к ниспровержению порядка и политической системы, установленных в других странах. Соблюдение этих принципов, «без которых, – по выражению главы французской делегации Луи Барту, – нет цивилизации», было названо условием дипломатического признания РСФСР. Права была лондонская «Таймс», писавшая в то время, что вопрос нормализации международных отношений состоит не в признании миром советской России, а, наоборот, в признании советской Россией окружавшего ее миропорядка.

После ленинского окрика Чичерину не оставалось ничего другого, как вести дело к закрытию «генуэзской лавочки». В итоге возможность общей нормализации отношений с ведущими державами мира, которая обещала выгоды широкого экономического сотрудничества и, на этой основе, социальный мир внутри государства и военную безопасность, оказалась упущенной. Следствием этого могли быть только либо черепаший темп экономического строительства в СССР на отечественные «пятаки», неприемлемый по внутри – и внешнеполитическим соображениям, либо, при попытке ускорить его, рецидив политики «военного коммунизма» с продразверсткой, милитаризацией труда и всеми сопутствовавшими им экономическими и политическими «прелестями». *Tertium non datur!*²¹² На весах Истории никакие ра-

²¹² Третьего не дано (лат.).

зумыные уступки и компромиссы не могли перевесить выгод спасения страны от скатывания в эту пропасть. Да ничего сверхъестественного от советской России, как мы видели, и не требовали. К тому же этот результат был достигнут практически еще до начала предметных переговоров, и все указывало Чичерину на то, что можно было ожидать дальнейших уступок.

Посмотрим, к примеру, на соглашение, выработанное в ходе возобновленных в 1927 г. переговоров с наиболее жестким из всех партнеров – Парижем. Оно предусматривало окончательное закрытие проблемы русского долга Франции путем ежегодных выплат Советским Союзом по 60 млн. золотых франков (22 млн. рублей) в течение 61 года, что давало итоговую цифру 3,7 млрд. франков (1,5 млрд. рублей). Фактически же, по признанию самих советских экспертов, только номинальная стоимость и только «мирной» части российского долга Франции, не считая процентов по уже просроченным с октября 17 года платежам по нему, составляла 9 млрд. франков, т. е. 3,7 млрд. рублей. Процентом за следующий 61 год, **от уплаты которых СССР освобожден**, должно было бы набежать еще в несколько раз больше. Французская сторона согласилась также предоставить новый кредит в размере 240 млн. золотых рублей.

Главный же советский интерес заключался в том, что благодаря решению проблемы неплатежа Парижский клуб банков Европы открывал кредит для европейской промышлен-

ности, готовой работать в СССР путем прямых и портфельных капиталовложений в его народное хозяйство, а также кредит самому СССР.

Подписание соглашения было сорвано в последний момент в результате обострения политических отношений,²¹³ однако его подготовка доказывала возможность урегулирования проблемы долгов в весьма щадящем режиме. В начале 30-х годов Москва и Вашингтон также близко подошли к решению этой проблемы, и тоже со значительным дисконтом, но реализации его, как и в случае с Францией, помешали привходящие обстоятельства.

Проблема, созданная национализацией иностранной собственности на территории самой России, также имела вполне устраивавшее всех решение, заключавшееся в передаче в концессию (в данном случае имеющей вид долгосрочной аренды) предприятий их бывшим владельцам. По существу, это была скрытая реституция, но не сплошная, а договорно-выборочная. Целый ряд таких соглашений был действительно заключен (с английской «Лена Голдфилдс», дававшей четверть всего добывавшегося в СССР золота; шведской «СКФ» – создавшей шарикоподшипниковое производство в России и возродившей его в СССР (московские Государственные шарикоподшипниковые заводы); шведской же

²¹³ Имеется в виду разрыв Лондоном дипломатических отношений с СССР в 1927–1929 гг. из-за финансирования им общенациональной стачки английских горняков.

«АГЕА», предприятие которой по выпуску силовых агрегатов стало прародителем нынешнего концерна «Ярославские моторы»; датским «Большим Северным Телеграфным Обществом», установившим через территорию России телеграфную связь между Европой и странами Дальнего Востока, и др.)

Как видим, ничего невозможного в достижении принципиальной договоренности со странами – инвесторами не было. Такая договоренность могла до неузнаваемости изменить политическое и социально – экономическое будущее СССР. Выбор этого пути с неизбежностью вел к возобновлению долгосрочного военно-политического союза с Великобританией, Францией и стоявшими за ними США, прошедшего испытание Великой войной даже несмотря на предательство его большевиками. (У нас как – то забывается, что от «похабного», по ленинскому определению, Брестского мира, сиречь условий *безоговорочной капитуляции* перед Германией, советская Россия избавилась не сама, и даже не в результате германской революции, а исключительно благодаря военной победе преданных ею союзников, сделавшей возможной и саму эту революцию). Возобновление (даже без Франции) союза в 1941 г. в форме антигитлеровской коалиции, страшно запоздавшее и осуществленное уже после начала германского нашествия, станет спасительным для СССР. Однако это было уже лечением последствий подхваченной в Рапалло болезни, тогда как своевременная прививка делала само

нападение практически невозможным.

Макроэкономический интерес национальной России состоял, как указывалось выше, в продолжении блестяще оправдавшей себя дореволюционной политики ускоренного хозяйственного развития страны с опорой на привлеченный иностранный капитал.²¹⁴ Ничего «антисоциалистического» в этом не было, и компартия могла бы повести страну по этому пути, не отказываясь от власти. Примерно так, как это имеет место в нынешнем Китае. Однако сепаратная сделка Москвы с их вчерашним врагом и продолжение коминтерновского вмешательства во внутренние дела европейских государств стали вызовом для Франции и Великобритании, и доступ к их ресурсам сильно и надолго усложнился. А у Германии, разрушенной войной и разоряемой выплатой репараций, не только свободного, но и необходимого ей самой капитала не было. В результате остались у рапальского разбитого корыта в компании нищего «союзника», который лишь чудом не стал могильщиком СССР.

Возвращение в реальность

Вскоре тяжелая экономическая ситуация заставила советское руководство пожалеть об упущенных в Генуе возмож-

²¹⁴ Россия стала первооткрывательницей этого пути, по которому спустя 80 лет пойдут т. н. «новые индустриальные страны» – Япония, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, а потом и Китай.

ностях. Сохраняя верность рапальскому внешнеполитическому курсу, Москва параллельно стала настойчиво искать возможность дотянуться до англо – французских и американских промышленных и финансовых ресурсов. В 1925 г. правительство разрабатывает план по широкому привлечению иностранного капитала в народное хозяйство страны. В этих видах полпредам в Лондоне, Париже, Риме, Вашингтоне и в ряде других столиц дается указание инициировать по – настоящему деловые переговоры (о них кратко упоминалось выше) в целях урегулирования вопросов о собственности и долгах. Главный концессионный комитет (Главконцеском) при правительстве СССР составляет обширные списки объектов народного хозяйства, могущих быть переданными в концессионное управление иностранным предпринимателям.²¹⁵ Концессионная политика много раз становится предметом обсуждения на Политбюро ЦК партии.

Находится для концессий место и в проекте плана первой пятилетки – плана развития народного хозяйства СССР на 1928–1933 гг., а также в рассчитанном на 15 лет перспективном долгосрочном плане (до четверти всех предусмотренных капиталовложений). Однако на реальное урегулирование проблемы долгов Кремль не шел. «При условии предоставления нам кредитов, – писала «Правда» 29 июня 1930 г., – мы согласны платить небольшую долю довоенных долгов, рассматривая их как добавочный процент на креди-

²¹⁵ Согласие Л. Д. Троцкого возглавить его в 1925 г. о многом говорит.

ты. Без этого условия мы не можем и не должны платить».

Чуда не произошло, и банковские объединения Европы и Америки продолжали отказывать в финансировании предпринимателям, готовым работать в СССР, без чего, по остроумному замечанию главы правительства А. И. Рыкова, вместо импорта капиталов получался импорт капиталистов.²¹⁶ А ведь когда еще гегуэзские эксперты предупреждали об этом «кремлевских мудрецов», обращая их внимание на то, что «до тех пор, пока будет продолжаться нынешнее положение вещей, одни только спекулянты решатся предпринимать операции, и есть основание опасаться, что главным результатом окажется не восстановление России, а лишь эксплуатация России и русского народа».

Разразившийся в это время мировой экономической кризис сильно обесценил промышленный капитал, и у советского руководства возник соблазн скупки его по дешевке за границей за счет выкаченных из страны средств. Хозяйственное строительство на этой основе представлялось Кремлю политически проще и предпочтительней привлечения к работе иностранного капитала. Человеческая цена «Великого перелома» – возвращения страны на рельсы «военного коммунизма», Кремль не интересовала, а просчитать политическую и экономическую цену с учетом всевозможных долгосрочных последствий и издержек он не сумел или не захотел.

²¹⁶ Подробнее о концессионной политике, см.: Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. – М., Международные отношения, 1990.

Избранный путь прямым привел к военной катастрофе лета – осени 1941 года и оказался устанным загубленными жизнями десятков миллионов соотечественников – жертв социально – экономической, политической и военной трагедий конца 20-х – середины 40-х годов. Породив столь чудовищной ценой на один исторический миг, – а для истории и полвека это миг, – иллюзию могущества, в конечном счете, он привел к исчезновению созданной усилиями Кремля мировой социалистической империи, политическому краху советского режима, а затем и к распаду самого СССР.

А возвращать долги, хотя и чисто символически, все равно пришлось.²¹⁷

²¹⁷ Судя по некоторым признакам, первые платежи были секретно произведены правительством СССР еще в 60-е гг. прошлого века для удовлетворения претензий французских банков и компаний. Соглашения об окончательном урегулировании требований с Великобританией и Францией были подписаны в 1986 и 1996 гг. соответственно. Британский долг был закрыт за 75 млн. долларов, помимо передачи Великобритании сохраненных ею дореволюционных российских активов; французский – за 400 млн. долларов, представляющие собой 1 процент его номинальной стоимости, без учета процентов по долгам за 80 лет. В металлическом выражении французский «мирный» долг в размере 2960 т золота был закрыт, с учетом чрезвычайно выгодной для СССР конъюнктуры рынка золота, возвращением 32 тонн.

Именной указатель и краткий биографический справочник²¹⁸

Авеноль Жозеф Луи Анн (1879–1952) – французский дипломат: генеральный секретарь Лиги Наций (1933–1940).

Актай Али Хайдар (1884–1942) – турецкий дипломат: посол Турции в СССР (1939–1942).

Антикайнен Тойво (1898–1941) – финский политик, один из создателей Коммунистической партии Финляндии. Погиб в октябре 1941 г. при выполнении боевого задания в ходе Великой Отечественной войны.

Антонеску Ион Виктор (1882–1946) – румынский государственный и военный деятель, маршал, создатель реакционно – террористического режима: премьер-министр (сентябрь 1940 – август 1944), «кондукэтор» («вождь») Румынии (январь 1941-август 1944). Расстрелян по приговору военного трибунала как военный преступник.

Антонеску Михай (1904–1946) – румынский государственный и политический деятель, юрист: заместитель премьер-министра И. В., Антонеску (своего однофамильца) и министр иностранных дел (1941–1944). Расстрелян по при-

²¹⁸ Приводимые краткие биографические данные исторических деятелей преимущественно относятся к периоду, охватываемому тематикой книги, за исключением случаев возможного особого общественного интереса.

говору военного трибунала как военный преступник.

Антонов Никола (1888–1973) – дипломат и публицист, в 1936–1939 гг. посланник Болгарии в СССР.

Ассарссон Пер Вильхельм Густав (1889–1974) – шведский дипломат: посланник Швеции в СССР (1940–1944).

Астахов Георгий Александрович (1897 по н. ст. – 1942) – советский дипломат: на работе в НКВД с 1920 г., временный поверенный в делах СССР в Германии (1937–1939). Репрессирован, умер в заключении, в 1957 г. реабилитирован.

Банффи Миклош, граф (1873–1950) – венгерский государственный деятель, дипломат: министр иностранных дел Венгрии (1921–1922).

Барту Жан – Луи (1862–1934) – крупный политик и государственный деятель Франции: в разное время в 1913–1933 гг. занимал посты министра юстиции, иностранных дел, военного министра и премьер-министра. В 1934 г. был вновь назначен на пост министра иностранных дел. Убит 9 октября вместе с королем Югославии Александром в результате покушения на последнего.

Бек Юзеф (1894–1944) – польский государственный, политический и военный деятель: министр иностранных дел (1932–1939), в сентябре 1939 г. выехал в Румынию, где был интернирован. Умер от туберкулеза.

Бережков Валентин Михайлович (1916–1998) – советский дипломат, личный переводчик И. В. Сталина, публицист: на работе в НКВД в качестве помощника В. М. Моло-

това с 1939 г., уволен из НКВД в 1945 г.

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный и партийный деятель: нарком внутренних дел СССР (1938–1945), до 1953 г. входил в круг высших руководителей партии и государства. В декабре 1953 г. расстрелян за измену Родине в форме шпионажа и заговора с целью захвата власти, в реабилитации отказано (2002 г.).

Беркис Кришьянис (1884–1942) – российский и латвийский военный деятель, участник первой мировой войны, подполковник русской армии, Георгиевский кавалер: на службе в латвийской армии с 1919 г., в 1934–1940 гг. командующий армией Латвии, с апреля 1940 г. военный министр, в июне отправлен в отставку со всех постов. В июле 1940 г. арестован, умер в заключении в лагере.

Бессонов Сергей Алексеевич (1892–1941) – партийный и общественный деятель, дипломат: в 1930–1933 гг. сотрудник торгпредств СССР в Германии и Великобритании, советник полпредства СССР в Германии (1933–1937). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1966 г.

Бисмарк – Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд, фон (1815–1898) – крупнейший прусский и германский государственный и политический деятель: министр-президент (1862–1873) и министр иностранных дел Пруссии (1862–1890), канцлер Северогерманского союза (1867–1871), первый Рейхсканцлер объединенной Германской империи (1871–1890).

Блюхер Виперт, фон (1883–1963) – германский дипломат: посланник Германии в Финляндии (1935–1944).

Бойдев Васил (1893–1983) – болгарский военачальник, генерал-лейтенант: командующий ВВС (1939–1941), начальник Генштаба (1941–1942), командующий болгарскими войсками в Югославии (с 1942).

Борис III (1894–1943) – царь Болгарии (1918–1943).

Босс Жан, де – французский дипломат: первый секретарь посольства Франции в Латвии (конец 1930-х).

Брокдорф – Ранцау Ульрих, граф фон (1869–1928) – германский государственный деятель и дипломат: министр иностранных дел Веймарской республики (1919 г.), посол Германии в СССР (1922–1928).

Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, маршал: заместитель (1939–1940), первый заместитель (1940–1941) наркома обороны СССР, в 1941–1942 гг. командовал несколькими фронтами.

Будницкий Олег Витальевич (р. 1954) – российский историк, доктор исторических наук, профессор.

Вайцеккер Эрнст Генрих Фрайхерр, фон (1882–1951) – германский государственный деятель и дипломат: статс-секретарь МИД (1938–1943), посол при Папском престоле (1943–1945). В 1947 г. приговорен к семи годам заключения по обвинению в участии в массовой депортации французских евреев, освобожден по всеобщей амнистии (1950).

Варес (Барбарус) Йоханнес (1890–1946) – поэт и писа-

тель, эстонский и советский государственный деятель: премьер-министр Эстонии (1940), председатель Президиума Верховного Совета ЭССР (1940–1946).

Варлимонт Вальтер (1894–1976) – германский военачальник, генерал артиллерии: в 1938–1944 гг. занимал руководящие должности в штабе оперативного руководства Верховного командования Вермахта (ОКВ), один из главных разработчиков плана нападения на СССР. Арестован в мае 1945 г., приговорен Американским военным трибуналом к пожизненному заключению (1948), в 1954 г. освобожден.

Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – советский военачальник, маршал: с 1937 г. на руководящих должностях в Генеральном штабе РККА, в 1942–1945 гг. начальник Генштаба, командующий 3-м Белорусским фронтом (февраль – апрель 1945 г.), в 1949–1953 гг. Министр вооруженных сил, Военный министр СССР.

Вейган Максим (1867–1965) – французский военный деятель, генерал армии, военный историк и публицист, член Французской академии: участник Первой мировой войны, глава французской военной миссии в Польше (1920–1922), начальник Генерального штаба (1931–1935), затем в отставке, в сентябре 1939 г. вновь призван и назначен командующим французскими силами в Сирии и Ливане, с мая по июнь 1940 г. Верховный командующий французской армией, в июне-сентябре 1940 г. министр национальной обороны правительства Виши, затем его Генеральный представитель

в Северной Африке. В 1941 г. отправлен в отставку по требованию Гитлера и интернирован в Дахау, после войны провел два года в заключении во Франции, был амнистирован, потом оправдан судом.

Виноградов Сергей Александрович (1907–1970) – советский дипломат: советник-посланник полпредства СССР в Турции (1939–1940), полпред, затем посол СССР в Турции (1940–1948).

Винтер, Отто Вильгельм (1891–1983) – шведский дипломат: посланник Швеции в СССР (1938–1940).

Виткаускас Винцас Иосифович (1890–1965) – литовский и советский военачальник, генерал-лейтенант: подпоручик русской армии, с 1919 г. на службе в Литовской армии, с января 1940 г. командующий Литовской армией, затем министр обороны Народного правительства Литвы (1940), в 1940–1954 гг. на командных должностях в советской армии.

Войонмаа (Валлина) Каарле Вяйнё (1869–1947) – крупный государственный и политический деятель Финляндии, дипломат, профессор социально-политических наук: сенатор Великого княжества Финляндского в 1917 г. (до провозглашения независимости), министр иностранных дел (1926–1927, 1938), министр промышленности и развития (1937–1939), депутат парламента (1919–1947).

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский государственный и партийный деятель, военачальник, маршал: народный комиссар по военным и морским делам

СССР, нарком обороны СССР (1925–1940).

Вуолийоки Хелла Мария (р. Муррик, Элла Мария), (1886–1954) – финская писательница и общественный деятель.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский государственный деятель, юрист, дипломат: Прокурор СССР (1935–1939), заместитель председателя Совнаркома СССР (1939–1944), с сентября 1940 г. первый заместитель наркома иностранных дел, в 1949 – 1953 гг. министр иностранных дел СССР.

Гаврилович Милан (1882–1976) югославский государственный и политический деятель, дипломат: посланник Югославии в СССР (1940 – май 1941, июль 1941 —?).

Галифакс Вуд Эдуард Фредерик Линдли, граф (1881–1959) – английский государственный деятель, политик и дипломат: вице – король Индии (1926–1931), лидер палаты лордов (1935–1938), министр иностранных дел (1938–1940), посол Великобритании в США (1940–1946).

Гальдер Франц (1884–1972) – германский военачальник, генерал-полковник, военный историк: начальник Генерального штаба сухопутных войск (1938–1942). Участник нескольких неудавшихся заговоров против Гитлера, арестован в июле 1944 г., до 1948 г. содержался в лагерях для военнопленных и интернированных лиц.

Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – американский промышленник, государственный деятель, дипломат: специ-

альный представитель президента США в Великобритании и СССР (1941–1943), посол США в СССР (1943–1946).

Гафенку Григоре (1892–1957) – румынский государственный и общественный деятель, дипломат, юрист: министр иностранных дел (1939–1940), посланник в СССР (1940–1941).

Гebbельс Пауль Йозеф (1897–1945) – германский политический и государственный деятель: член НСДАП с 1925 г., гаулейтер Берлина (1926–1945), рейхслейтер (1930–1945), рейхсминистр народного просвещения и пропаганды (1933–1945). В соответствии с политическим завещанием Гитлера сменил его на посту рейхсканцлера (30 апреля 1945), на следующий день покончил жизнь самоубийством.

Герасимов Григорий Иванович (р. 1957) – российский историк, д. и. н.

Геринг Герман Вильгельм (1893–1946) – германский политический, государственный и военный деятель: член НСДАП с 1922 г., председатель Рейхстага (1932–1945), рейхсминистр авиации (1933–1945) и уполномоченный по четырехлетнему плану (1936–1945), рейхсмаршал, вице – канцлер (1941–1945), официальный приемник Гитлера на посту главы государства. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни через повешение, покончил жизнь самоубийством (15 октября).

Гесс Рудольф Вальтер Рихард (1894–1987) – германский политический и государственный деятель: заместитель фю-

рера в нацистской партии (1933–1941), рейхсминистр без портфеля (1933–1941). В мае 1941 г. арестован в Великобритании, оставался в британском плену до конца войны, затем передан Международному военному трибуналу, осужден на пожизненное заключение, содержался в тюрьме Шпандау в Западном Берлине, покончил жизнь самоубийством (17 августа).

Гжибовский Вацлав (1887–1959) – польский политический деятель и дипломат: посол Польши в СССР (1936–1939).

Гитлер Адольф (1889–1945) – германский политический и государственный деятель, основатель и руководитель Национал-социалистической рабочей партии Германии – НСДАП (1921–1945): рейхсканцлер (1933–1945), фюрер Германии (1934–1945), верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии (с 19 декабря 1941). Покончил жизнь самоубийством (30 апреля).

Гнедин (Гельфанд) Евгений Александрович (1898–1983) – дипломат, историк и журналист: на работе в НКВД с 1922 г., заведующий отделом печати НКВД СССР (1937–1939). Репрессирован (приговорен к заключению и ссылке), реабилитирован (1955).

Головин Николай Николаевич (1875–1944) – российский военачальник, генерал-лейтенант, военный историк и теоретик, автор многочисленных работ по истории и теории военного дела.

Гольц Густав Адольф Йоахим Рюдигер фон дер, граф (1865–1946) – германский военачальник: командующий «Остзейской дивизией» Рейхсвера, участник военных событий в Финляндии и Латвии в 1918–1919 гг.

Готвальд Клемент (1896–1953) – чехословацкий политический и государственный деятель: генеральный секретарь компартии, председатель правительства (1946–1948), президент Чехословакии (1948–1953).

Грауэр Андрей Григорьевич – сотрудник НКВД СССР (с 1938), полковник.

Густав V (1858–1950) – король Швеции (с 1907).

Гюнтер Кристиан Эрнст (1886–1966) – шведский государственный деятель и карьерный дипломат: в 1939–1945 гг. министр иностранных дел.

Давидеску Георге (1892–1959) – румынский дипломат: посланник Румынии в СССР (1939–1940).

Дашичев Вячеслав Иванович (1925–2016) – российский историк, политолог.

Деканозов (Деканозишвили) Владимир Георгиевич (1898–1953) – заместитель начальника Главного управления госбезопасности НКВД СССР (1938–1939), заместитель наркома иностранных дел СССР (1939–1947), полпред, затем посол СССР в Германии (1940–1941), привлечен к суду по делу Берии, расстрелян.

Деревянский Владимир Константинович (1902-?) – советский хозяйственный деятель и инженер: полпред СССР в

Финляндии (1938–1939) и Латвии (1940), уполномоченный Совнаркома СССР по Латвийской ССР (1940–1941).

Димитров Георгий Михайлович (1882–1949) – болгарский и советский партийный и государственный деятель, видный деятель международного коммунистического движения: генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (1935–1943).

Дирксен Эдуард Вилли Курт Герберт фон (1882–1955) – германский дипломат: посол Германии в СССР (1928–1933), Японии (1933–1938), Великобритании (1938–1939).

Довгалевский (Саулович), Валериан Савельевич (1885–1934) – советский государственный деятель и дипломат: нарком почт и телеграфа РСФСР (1921–1923), полпред СССР в Швеции (1924–1927), Японии (1927), Франции (1927–1934).

Драганов Прван (1890–1945) – болгарский военный деятель, дипломат: флигель-адъютант царя Бориса III (1920–1932), военный атташе в Германии (1932–1935), посланник Болгарии в Австрии (1936–1938), Германии (1938–1942).

Енукидзе Авель Сафронович (1877–1937) – советский партийный и государственный деятель: секретарь ЦИК СССР (1922–1935), член ЦК ВКП/б/ (1934–1935). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1959–1960 гг.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – советский партийный и государственный деятель: секретарь, член Политбюро ЦК ВКП/б/, первый секретарь Ленинградского

обкома и горкома партии, член Военного совета Ленинградского военного округа (1934–1945).

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – советский военачальник и государственный деятель, маршал: в Красной Армии с августа 1918 г., командовал войсками в боях на Халхин – Голе (июль-август 1939), бессарабской операцией (июнь 1940), начальник Генштаба РККА (февраль – июль 1941), в годы Великой Отечественной войны занимал руководящие посты в Ставке Верховного Главнокомандования и министерстве обороны, командовал рядом фронтов.

Зотов Иван Степанович (1903–1963) – советский дипломат: полпред СССР в Латвии (1937–1940), Финляндии (1940–1941), заведующий отделом скандинавских стран МИД СССР.

Зубкова Елена Юрьевна – российский историк, д. и. н., профессор.

Иден Антони (1897–1977) – британский государственный деятель: министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955), премьер-министр (1955–1957).

Инёню Исмет (1884–1973) – турецкий военный и государственный деятель, генерал-майор: министр иностранных дел (1922–1923), премьер-министр (1923–1924, 1925–1937, 1961–1965), президент Турции (1938–1950).

Ирьё-Коскинен (Юрьё-Коскинен) Аарно Армас Сакари (1885–1951) – финский политический и государственный деятель, дипломат: министр иностранных дел (1931–1932),

посланник в СССР (1931–1939), в Турции (1939–1950).

Йодль Альфред Йозеф Фердинанд (1890–1946) – германский военачальник, генерал-полковник: начальник штаба оперативного руководства Верховного командования Вермахта (ОКВ) (1939–1945). Казнен через повешение по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – советский государственный, партийный и хозяйственный деятель: на руководящих советских и партийных постах с 1924 г., член Политбюро ЦК ВКП/б/ и КПСС (1930–1957). Обвинен в антипартийной деятельности и снят со всех постов (1957).

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель: член Политбюро ЦК ВКП/б/ (1926–1946), председатель ЦИК СССР (1922–1938), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1938–1946).

Калниньш Бруно (1899–1990) – латышский политик, публицист, историк.

Канделаки Давид Владимирович (1895–1938) – советский государственный деятель и дипломат: заместитель наркома внешней торговли СССР (1930–1937), торгпред СССР в Германии (1935–1937). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1956 г.

Кантор Юлия Зораховна – российский историк, филолог, публицист, профессор.

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат: секретарь советской делегации на переговорах в Брест – Литовске (ноябрь 1917 – март 1918), с марта 1918 г. – зам. наркома по иностранным делам РСФСР, полпред РСФСР в Польше (1921–1922) и Китае (1923–1926), заместитель наркома иностранных дел СССР (1926–1934), полпред СССР в Турции (1934–1937). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1956 г.

Кароль II (1893–1953) – король Румынии (1930–1940).

Каяндер Аймо Каарло (1879–1943) – ученый-ботаник, финский государственный и политический деятель: премьер-министр Финляндии (1922, 1924, 1937–1939).

Кейтель Вильгельм Бодевин Йоханн Густав (1882–1946) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал: начальник штаба Верховного командования Вермахта (1938–1945). Приговорен к смертной казни через повешение Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

Кен Олег Николаевич (1960–2007) – российский историк.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский государственный, политический и общественный деятель, юрист: министр юстиции, военный и морской министр, председатель Временного правительства России. Отстранен от власти в результате государственного переворота 25 октября (7 ноября по н. ст.) 1917 г., проживал в эмиграции.

Керзон Джордж Натаниэл, лорд (1859–1925) – британский государственный деятель, публицист: вице-король Индии (1899–1905), министр иностранных дел (1919–1924).

Кёсеиванов, (Кьосеиванов) Георгий Иванов (1884–1960) – болгарский дипломат и государственный деятель. на дипломатической службе с 1912 по 1935 г., премьер-министр (1935–1940), посланник в Швейцарии (1940–1944), затем в эмиграции.

Киллингер Манфред Фрейхерр, фон (1886–1944) – крупный партийный функционер (в НСДАП с 1927 г.) и государственный администратор, один из организаторов штурмовых отрядов (СА), с 1935 г. на дипломатической службе: посланник Германии в Словакии (1940–1941), посланник в Румынии (1941–1944).

Кирхенштейн Август Мартынович (1872–1963) – ученый-микробиолог, латвийский и советский государственный деятель: премьер-министр Народного правительства Латвии (1940), председатель Президиума Верховного Совета ЛатССР (1940–1952).

Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896–1967) – советский военачальник, генерал-лейтенант: командир 1-го стрелкового корпуса (1939–1940), заместитель командующего войсками Одесского военного округа (1940), командующий войсками Закавказского военного округа (1941).

Коллонтай (р. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) – советский политический и государственный

деятель, дипломат, идеолог и организатор женского движения в советской России: в 1917–1918 гг. – нарком государственного призрения (социального обеспечения), полпред и торгпред СССР в Норвегии (1922–1926, 1927–1930), полпред СССР в Мексиканских Соединенных Штатах (1926–1927), полпред, посол СССР в Швеции (1930–1945).

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – полярный исследователь, ученый – гидрограф, адмирал: Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией (1918–1920). Расстрелян представителями советской власти во внесудебном порядке.

Котце Ганс Ульрих, фон (1891–1941) – германский дипломат: посланник Германии в Латвии (1938–1940).

Коциньш Фрицис (1895–1941) – латвийский военный деятель, дипломат: сотрудник латвийской военной разведки (1930-е), посланник Латвии в СССР (1939–1940). Репрессирован (расстрелян).

Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский государственный и партийный деятель, дипломат: участник Брест-Литовских (1918) и советско-эстонских (1919) переговоров, советский политический и торговый представитель в Великобритании (1920–1923), нарком торговли и промышленности (1918–1920), путей сообщения (1919–1920) и внешней торговли РСФСР (1920–1923), нарком внешней торговли СССР (1923–1925).

Кребс Ганс (1898–1945) – германский военачальник: ге-

нерал пехоты, помощник военного атташе Германии в СССР (1933–1934, 1940–1941).

Креве – Мицкявичюс Винчас (1882–1954) – писатель, драматург, фольклорист, литовский и советский государственный деятель: в Народном правительстве занимал должности и.о. премьер-министра, министра иностранных дел (июнь–август 1940), в Литовской ССР – президент Академии Наук, депутат Верховного Совета. С 1944 г. в эмиграции.

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – советский политический и государственный деятель, дипломат: нарком финансов (1918–1922), полпред РСФСР, затем СССР в Германии (1922–1930), заместитель, первый заместитель наркома иностранных дел (1930–1937). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1963 г.

Криппс Ричард Стаффорд (1889–1952) – британский политик-социалист, государственный деятель и дипломат: посол Великобритании в СССР (1940–1942), член военного кабинета и лидер палаты общин (1942), министр авиапромышленности (1942–1945), министр торговли и министр экономики (1945–1947), в 1947–1950 гг. канцлер казначейства.

Криштоффи Жозеф (1890–1969) – венгерский дипломат: сотрудник посольства в Польше (1937–1939), посланник в СССР (1939–1941).

Кут Хальвдан (1873–1965) – норвежский политический и государственный деятель: министр иностранных дел Норвегии (1935–1940).

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович, граф, светлейший князь (174(5?)–1813) – российский военачальник, государственный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал: участник русско-турецких войн 1768–1812 гг., посол в Турции (1792–1793), командующий армией в войне с Наполеоном (1805), в разные годы генерал-губернатор Казанский, Вятский, Литовский, военный губернатор Санкт-Петербургский и Выборгский, с августа 1812 г. главнокомандующий русскими армиями и ополчениями в Отечественной войне с Наполеоном и Заграничном походе.

Куусинен Отто Вильгельмович (Отто Вилле) (1881–1964) – финский и советский партийный и государственный деятель: член президиума (1922–1939) и секретарь Исполкома (1921–1939) Коминтерна, глава правительства и министр иностранных дел «Финляндской Демократической Республики» (1939–1940), председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР (1940–1956), секретарь, член Президиума ЦК КПСС (1956–1964).

Кюхлер Георг Карл Фридрих Вильгельм, фон (1881–1968) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал: командующий армией в Польскую и Французскую кампании, в войне против СССР командующий группой армий «Север» (1942–1944). В 1947 г. осужден как военный преступник, приговорен к 25 годам заключения, освобожден в 1954 г.

Лабонн Эрик (1888–1971) – французский дипломат: по-

сол Франции в Испании (1937–1938) и Тунисе (1938–1940), посол Франции, затем Французского государства (правительства Виши) в СССР (12 июня 1940 – апрель 1941).

Лаврищев Александр Андреевич (1912–1979) – советский дипломат: 1-й секретарь полпредства (1939–1940), полпред (1940–1941), посол СССР в Болгарии (1941–1944).

Лайдонер Йохан (Иван Яковлевич) (1884–1953) – подполковник русской армии, награжден Георгиевским оружием, затем эстонский военный и государственный деятель: главнокомандующий эстонской армией (1918–1920, 1934–1940). Репрессирован, умер в заключении.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – лидер партии большевиков, основатель и первый руководитель Советского государства.

Лист Зигмунд Вильгельм Вальтер, фон (1880–1971) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал: командующий армией в Польскую и Французскую кампании, командующий немецкими войсками на Балканах (1941), в 1942 г. командующий группой армий «А» на Северном Кавказе. Осужден как военный преступник и приговорен к пожизненному заключению (1948), в 1952 г. освобожден по состоянию здоровья.

Литвинов Максим Максимович (Меер-Генох Моисеевич Валлах) (1876–1951) – советский государственный деятель, дипломат: полномочный представитель РСФСР в Великобритании (январь-июнь 1918), полномочный представи-

тель РСФСР в Эстонии (1920–1921), уполномоченный правительства по продаже за рубежом российского золотого запаса (1920–1921), участник Генуэзской конференции (1922) заместитель наркома (1921–1930, 1941–1946), нарком иностранных дел СССР (1930–1939), представитель СССР в Лиге наций (1934–1938), посол СССР в США (1941–1943) и посланник СССР на Кубе (1942–1943). С 1946 г. в отставке.

Ллойд Джордж Дэвид, 1-й граф Дуйвор, виконт Гвинед (1863–1945) – британский государственный и политический деятель: премьер-министр Великобритании (1916–1922), лидер Либеральной партии (1926–1931).

Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) – советский государственный деятель, дипломат: генеральный секретарь Профинтерна (1921–1937), в 1921–1935 гг. на руководящих постах в Коминтерне, заместитель наркома иностранных дел СССР (1939–1946), одновременно заместитель (1941–1945), затем глава Совинформбюро (1945–1947). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1955 г.

Лундин Чарльз Леонард (1907–1998) – американский историк.

Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм (1865–1937) – германский военачальник, генерал пехоты: в годы первой мировой войны на командных и руководящих штабных должностях армии, участник вооруженного Капповского путча (1920) и руководитель вместе с А. Гитлером «Пивного путча» в Мюнхене в 1923 г., депутат Рейхстага от гитлеров-

ской НСДАП (1924–1928). Ушел из политики в 1928 г.

Майский Иван Михайлович (Ян Ляховецкий) (1884–1975) – российский и советский государственный деятель, советский дипломат, историк: член коллегии министерства труда Временного правительства (1917), министр труда в Саратовском эсеровском правительстве КОМУЧа (1918), назначен министром труда в правительстве А. В. Колчака (1918), но в должность не вступил, с 1922 г. на работе в НКВД, в 1927–1929 гг. советник полпредства в Японии, полпред СССР в Финляндии (1929–1932), полпред, затем посол в Великобритании (1932–1943), в 1943–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел. Арестован по обвинению в госизмене в форме шпионажа (1953), освобожден в 1955 г., реабилитирован (1960), автор мемуаров и ряда работ по истории.

Макар Иван Петрович – военный историк, генерал-майор.

Мальмберг Лаури (1888–1948) – финский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант: министр обороны Финляндии (1924–1925), в 1924–1944 гг. глава Шюцкора ("Охранного корпуса").

Маннергейм Карл Густав Эмиль (Густав Карлович), барон (1867–1951) – российский и финский военный деятель, финский государственный деятель, фельдмаршал: генерал-лейтенант русской армии, командующий силами «белой» армии в гражданской войне в Финляндии (март-

май 1918), «регент королевства» (глава государства) (1918–1919), президент Государственного комитета обороны Финляндии (с 1931), верховный главнокомандующий армии (1939–1940), – президент Финляндии (1944–1946).

Медведев Рой Александрович (1925 г.р.) – видный российский историк и публицист, общественный деятель.

Мельтюхов Михаил Иванович (р. 1966) – российский историк.

Мерекалов Алексей Федорович (1900–1983) – советский государственный деятель, дипломат: заместитель наркома внешней торговли СССР (1937–1938), полпред СССР в Германии (1938–1939), в дальнейшем на административной работе.

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – советский военачальник, маршал: военный советник, участник гражданской войны в Испании (1936–1937), заместитель начальника Генерального штаба РККА (1937–1938), командующий войсками Ленинградского военного округа (1939–1940), заместитель наркома обороны СССР (1940, 1941), начальник Генерального штаба РККА (1940–1941).

Меркис Антанас (1887–1955) – литовский государственный деятель: министр обороны Литвы (1919, 1926–1927)), губернатор Клайпедского края (1927–1932), бургомистр Каунаса (1933–1939), премьер-министр Литвы (1939–1940). Репрессирован, находился в заключении до 1954 г., умер в ссылке.

Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – советский государственный и военно-политический деятель, генерал-полковник: до 1920 г. на политической работе в РККА, личный секретарь И. В. Сталина (1922–1926), заместитель наркома обороны и начальник Главного политуправления РККА (1937–1940), нарком госконтроля (1940–1941), один из главных организаторов репрессий в Красной Армии.

Михай I (1921–2017) – король Румынии (1927–1930, 1940–1947): в 1944 г. арестовал диктатора И. Антонеску, заключил перемирие с СССР и объявил войну Германии, награжден советским орденом Победы. Отрекся от престола в декабре 1947 г. под угрозой применения силы со стороны правительства коммунистов.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный и партийный деятель: с 1921 г. на работе в высших органах партии, ближайший соратник И. В. Сталина, председатель Совнаркома СССР (1930–1941), нарком, министр иностранных дел СССР (1939–1949, 1953–1956).

Монзи Анатолий, де (1876–1947) – ученый – энциклопедист, французский государственный и политический деятель: восемнадцать раз назначался на министерские посты, глава президентской комиссии по делам России (1924–1927).

Мунтерс Вильгельм (1898–1967) – латвийский государственный деятель и дипломат: служба в русской армии

(1917–1918), участник войны за независимость, на работе в МИД Латвии с 1920 г., министр иностранных дел Латвии (1936–1940). В 1940 г. сослан в Воронеж, в 1941–1954 гг. находился в тюремном заключении, в 1956 г. вернулись в Латвию.

Муссолини Бенито Амалькаре Андреа (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель: организатор фашистского движения в Италии, «дуче» (вождь), премьер-министр Италии (1922–1943). Отстранен от власти в результате переворота, казнен итальянскими партизанами.

Мюссе Ф. – военный атташе Франции в Польше (конец 1930-х гг.).

Наджиар Поль-Эмиль (1883–1961) – французский дипломат: посол Франции в СССР (1939–1940).

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – император французов (1804–1814, 1815).

Наткевичус Ладас (Владас) (1893–1945) – литовский юрист, дипломат: посланник в СССР (1939–1940).

Нейрат Константин (1873–1956) – германский государственный деятель, дипломат: министр иностранных дел в 1932–1938 гг., "протектор Чехии и Моравии" (1939–1942). Приговорен Нюрнбергским трибуналом к 15 годам заключения (1946), освобожден в 1954 г.

Никитин Кузьма Николаевич (1887–1965) – советский дипломат: полпред СССР в Эстонии (1937–1940).

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – участник

революционного социал-демократического движения, большевик, с 1906 г. в партии меньшевиков, в 1922 г. выслан за границу: зарубежный представитель московского Института Маркса-Энгельса, сотрудничал с советскими и заграничными общественно-политическими изданиями, собиратель архива материалов по политической истории России. В 1963 г. продал его Гуверовскому институту войны, революции и мира, до своей кончины был директором этого архива.

Никонов Вячеслав Алексеевич (р. 1956) – российский политик, политолог, внук В. М. Молотова.

Новиков Николай Васильевич (1903–1989) – советский дипломат: консультант Первого Восточного отдела НКВД (1938–1941), заведующий Четвертым Европейским отделом НКВД (1941–1943).

Норем Оуэн Джозеф Кристофер (1902–1981) – американский дипломат: посланник США в Литве (1937–1940).

Ноэль Леон Филипп Жюль Артур (1888–1987) – французский политический деятель, дипломат, историк: посол Франции в Польше (1935–1940).

Орлов Павел Дмитриевич (1904–1989) – советский дипломат: заведующий Отделом скандинавских стран НКВД (1939–1941), полпред, затем посланник СССР в Финляндии (1941).

Осима Хироси (1886–1975) – японский военный деятель и дипломат, генерал-лейтенант: военный атташе (1934–1938), посол (1938–1945) Японии в Германии.

Островский Михаил Семенович (1892–1952) – советский дипломат: торгпред СССР во Франции (1933–1934), полпред СССР в Румынии (1934–1938). Репрессирован, умер в лагере.

Отт Ойген (1889–1977) – германский военный деятель, дипломат, генерал-майор: военный атташе (1934–1938), посол (1938–1942) Германии в Японии.

Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) – финский политический и государственный деятель, юрист, дипломат: депутат Сейма (1907–1913), премьер-министр (май-ноябрь 1918), глава делегации на советско-финляндских мирных переговорах в Тарту (1920), посланник Финляндии в Швеции (1934–1939), глава финляндской делегации на Московских переговорах осени 1939 г., посланник в СССР (1940–1941), премьер-министр (1944–1946), президент Финляндии (1946–1956).

Павел Карагеоргиевич (1893–1976) – принц-регент Югославии (1934–1941).

Павлов Владимир Николаевич (1915–1993) – советский дипломат: личный переводчик И. В. Сталина и В. М. Молотова, 1-й секретарь полпредства СССР в Германии (1939–1940), заведующий Центрально-европейским отделом (по Германии) НКВД (1940–1941).

Пайяр Жан (1892-?) – французский дипломат: советник посольства Франции в СССР (1931–1937), поверенный в делах Франции в СССР (1938–1939), посланник Франции в

СССР (с 1939–1940).

Палецкис Юстас Игнович (1899–1980) – литовский и советский государственный и общественный деятель, журналист: председатель Народного правительства (17–24 июня 1940), и. о. президента Литвы (17 июня–25 августа 1940), председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР (1940–1967).

Папен Франц Иосиф Герман Михаэль Мария, фон (1879–1969) – германский государственный и политический деятель, дипломат: рейхсканцлер Германии (1932), вице-канцлер (1933–1934), посол Германии в Австрии (1934–1938), Турции (1939–1944).

Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал: участник Польской и Французской кампаний, один из разработчиков плана «Барбаросса», командующий 6-й «сталинградской» армией Вермахта. В январе 1943 г. сдался в плен, позднее примкнул к движению «Свободная Германия», освобожден в 1953 г.

Петен Анри Филипп Бенони Омер Жозеф (1856–1951) – французский военный и государственный деятель, маршал Франции: Главнокомандующий французской армией в первой мировой войне, военный министр (1934), премьер-министр Франции (1940), глава Французского государства («режима Виши») (1940–1944), премьер – министр правительства Виши (1940–1942). Интернирован немцами в

1944 г., арестован союзниками и осужден на смертную казнь и общественное бесчестие (1945), помилован Председателем Временного правительства Франции Шарлем де Голлем, с 1946 г. до своей кончины находился в тюремном заключении.

Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) – король Югославии (1934–1945).

Пилсудский Юзеф Клеменс (1867–1935) – основатель возрожденного Польского государства и создатель вооруженных сил, маршал Польши: в революционном освободительном движении с 1886 г., в 1905–1914 гг. руководил созданием боевых групп, затем польских вооруженных формирований на территории Австро-Венгерской империи, в 1918–1922 гг. Начальник (глава) Польского государства. Вернулся во власть в результате переворота 1926 г. и оставался фактическим руководителем страны до своей кончины.

Плотников Виктор Андреевич (1898–1958) – советский дипломат: первый секретарь полпредства, поверенный в делах СССР в Венгрии (1937–1939), полпред СССР в Норвегии (1939–1940) и в Югославии (1940–1941).

Поздняков Николай Георгиевич (1900–1948) – советский дипломат: полпред СССР в Литве (1938–1940), с августа 1940 г. уполномоченный ЦК ВКП/б/ и Совнаркома СССР по Литовской ССР.

Попов Василий Петрович (р. 1948) – российский историк

и писатель, профессор, д.и.н.

Попов Иван Владимиров (1890–1944) – болгарский государственный деятель: министр иностранных дел Болгарии (1940–1942).

Попович Жарко (1896–1989) – югославский военный деятель, полковник: военный атташе Югославии в СССР (1940–1941).

Потемкин Владимир Петрович (1874(?)-1946) – советский государственный деятель, дипломат, историк: на работе в НКВД с 1922 г., в 1922–1923 гг. занимался вопросами репатриации соотечественников из Франции и Турции, генконсул в Стамбуле, советник полпредства в Анкаре (1924–1929), полпред СССР в Греции (1929–1932), Италии (1932–1934), Франции (1934–1937), первый заместитель наркома иностранных дел СССР (1937–1940), нарком просвещения РСФСР (1940–1946).

Похлебкин Вильям Васильевич (1923–2000) – российский историк.

Пуркаев Максим Алексеевич (1894–1953) – советский военачальник, генерал армии: военный атташе СССР в Германии (1939–1940), на командных должностях в годы Великой Отечественной войны.

Пятс Константин (1874–1956) – эстонский государственный деятель: премьер-министр (1918–1919, 1934–1937), президент Эстонии (1938–1940). Репрессирован, умер в заключении в СССР.

Радек Карл Бернгардович (Кароль Собельсон) (1885–1939) – советский политический деятель, журналист: член ЦК РКП/б/ (1919–1924), член Исполкома Коминтерна (1920–1924), заведующий бюро международной информации ЦК ВКП/б/ (1930–1936). В 1936 г. репрессирован, убит в заключении (1939), реабилитирован в 1988 г.

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939) – советский государственный и военный деятель, дипломат, журналист: заместитель по морским делам наркомвоенмора, член РВС Республики (1918), командующий Волжско-Каспийской военной флотилией (1919–1920), командующий Балтийским флотом (1920–1921), полпред в Афганистане (1921–1923), Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934) и Болгарии (1934–1938). В связи с угрозой репрессий отказался возвращаться в СССР и был объявлен вне закона (1939), автор обличительных посланий Сталину «Как меня сделали «врагом народа» и «Открытое письмо Сталину», реабилитирован в 1963 г.

Раушнинг Герман Адольф Рейнгольд (1887–1982) – германский политический деятель: президент сената Свободного города Данцига (1933–1934), был членом НСДАП, затем порвал с партией и эмигрировал из страны (1935).

Рей Аугуст (1886–1963) – участник русской революции 1905–1906 гг., на службе в русской армии в 1912–1917 гг., затем эстонский государственный и политический деятель и дипломат: один из учредителей эстонской социал-демо-

кратической партии (1917), министр труда и призрения, заместитель премьер-министра Временного правительства Эстонии (1918–1919), председатель Учредительного собрания Эстонии (1919–1920), государственный старейшина Эстонии (глава государства и правительства) (1928–1929), министр иностранных дел (1932–1933), заместитель министра иностранных дел (1936–1937), посланник Эстонии в СССР (1938–1940). Эмигрировал, в 1945–1963 гг. – премьер-министр эстонского правительства в изгнании, и. о. президента Республики.

Рём Эрнст Юлиус Гюнтер (1887–1934) – один из лидеров национал-социалистического движения, руководитель «штурмовых отрядов» НСДАП (СА), убит по приказу Гитлера.

Рендель Джордж Уильям (1889–1979) – британский дипломат: посланник в Болгарии (1938–1941), Югославии (1941–1943), Бельгии (1947–1950).

Риббентроп Ульрих Фридрих Вилли Иоахим, фон (1893–1946) – германский государственный деятель: министр иностранных дел Третьего Рейха (1938–1945). Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге в числе главных военных преступников.

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – американский государственный деятель: губернатор Нью-Йорка (1929–1932), президент США (1933–1945).

Рыбкин Борис Аркадьевич (Борух Аронович Рывкин)

(1899–1947) – советский разведчик: в органах госбезопасности с 1921 г., в 1935–1943 гг. работал в представительствах СССР в Финляндии и Швеции под дипломатическим прикрытием.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский государственный и партийный деятель: член РСДРП с 1898 г., нарком внутренних дел (1917), председатель Высшего совета народного хозяйства РСФСР, СССР (1918–1921, 1923–1924), председатель Совета народных комиссаров СССР (1924–1930), нарком почт и телеграфа СССР (1931–1936), член Политбюро ЦК партии (1922–1930). Репрессирован (расстрелян) в 1938 г., реабилитирован (1988).

Рюти Ристо Хейкки (1889–1956) – финский государственный деятель: председатель Банка Финляндии (1925–1939), премьер-министр (1939–1940), президент Финляндии (1940–1944). В 1945 г. осужден на 10 лет тюремного заключения как военный преступник, помилован в 1949 г.

Сандлер Рикард Йоханнес (1884–1964) – шведский государственный и политический деятель: один из лидеров шведских социал-демократов, премьер-министр (1925–1926), министр иностранных дел (1932–1936, 1936–1939).

Сараджоглу Мехмет Шюкрю (1887–1953) – турецкий государственный деятель: министр иностранных дел (1938–1942), премьер-министр (1942–1946).

Свинхувуд Пер Эвинд (1861–1944) – финский государственный деятель: премьер-министр (1930–1931), прези-

дент Финляндии (1931–1937).

Сект Иоханнес (Ганс) Фридрих Леопольд, фон (1866–1936) – германский военачальник, генерал-полковник: командующий сухопутными войсками (фактически главнокомандующий) Рейхсвера (1920–1926).

Сельтер Карл (1898–1958) – эстонский государственный деятель: министр экономики (1933–1938), министр иностранных дел (1938–1939), после отставки правительства 4 октября 1939 г. – посланник в Швейцарии, Италии и Ватикане.

Семенов Владимир Семенович (1911–1992) – советский дипломат: советник полпредств СССР в Литве (1939–1940), Германии (1940–1941).

Серов Иван Александрович (1905–1990) – руководитель советских спецслужб, генерал-майор: в Красной армии с 1925 г., зам. начальника, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР (февраль-июль 1939 г.), зам. начальника ГУ государственной безопасности НКВД СССР (июнь-сентябрь 1939 г.), нарком внутренних дел Украинской ССР (до февраля 1941 г.), первый заместитель комиссара госбезопасности СССР (февраль-июль 1941 г.), заместитель Народного комиссара (с марта 1946 г. – министра) внутренних дел СССР (1941–1947), затем первый заместитель министра (по март 1954 г.), с марта председатель вновь созданного КГБ при Совете Министров СССР, в 1958–1963 годах начальник Главного разведуправления,

зам. начальника Генштаба ВС СССР. Участник боевых действий в Крыму, на Северном Кавказе (1942) и при взятии Берлина, был ранен, контужен, с 1963 г. в опале, понижен в воинском звании, исключен из партии и лишен звания Героя Советского Союза, в 1965 г. отправлен в отставку.

Сидс Уильям (1882–1973) – британский дипломат: посол Великобритании в СССР (1939–1940).

Сикорский Владислав Эугениуш (1881–1943) – польский военачальник и государственный деятель, генерал брони: главнокомандующий польской армией и начальник Генерального штаба (1921–1922), премьер-министр и министр внутренних дел (1922–1923), военный министр (1924–1925), премьер-министр польского правительства в эмиграции (1939–1943). Погиб в результате авиакатастрофы.

Симич Божин (1881–1966) – участник революционного движения в Сербии, член тайной националистической организации «Черная рука»: находился в эмиграции в СССР (1917–1936), служил в РККА, по возвращении в Югославию участник антифашистского движения Сопротивления.

Симович Душан (1882–1962) – югославский военачальник, генерал авиации: командующий ВВС Югославии (1936–1938), начальник Генерального штаба югославской армии (1938–1940), руководитель военного переворота 27 марта, премьер-министр королевского правительства Югославии (27 марта 1941 – 12 января 1942 (с 6 апреля 1941 г. в изгнании)).

Синицын Елисей Тихонович (1909–1995) – советский разведчик, генерал-майор КГБ: на службе в НКВД с 1938 г., зам. резидента в Польше (1938), резидент в Финляндии (1939, 1940–1941, 1944), ответственный сотрудник Союзной Контрольной комиссии в Финляндии (1944–1945).

Сметона Антанас (1874–1944) – литовский государственный деятель: президент Литвы (1919–1920, 1926–1940). В июне 1940 г. эмигрировал, погиб в результате несчастного случая.

Снечук Антанас Юозович (1903 по н. ст. – 1974) – литовский и советский политический деятель: первый секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы (1936–1939, 1940–1974).

Соболев Аркадий Александрович (1903–1964) – советский дипломат: генеральный секретарь НКВД (1939–1942).

Солонин Марк Семенович (1958 г.р.) – известный российский историк, и публицист, общественный деятель.

Соколов Борис Вадимович (1957 г. р.) – российский историк и публицист.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – в 20-е – 50-е годы руководитель коммунистической партии и советского государства, лидер международного коммунистического движения, маршал и генералиссимус Советского Союза.

Стаменов Иван (1893–1976) – болгарский дипломат: 1-й секретарь дипломатической миссии Болгарии во Фран-

ции (1936–1938), сотрудник канцелярии царя Бориса (1938–1940), посланник Болгарии в СССР (1940–1944).

Стрэнг Уильям (1893–1978) – британский дипломат: заведующий центрально-европейским департаментом МИД (1937–1939), помощник заместителя министра иностранных дел (1939–1943).

Стахович Вацлав Теофил (1894–1973) – польский военный деятель: генерал дивизии, начальник Генерального штаба Войска Польского (1935–1939).

Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) – сотрудник НКВД, генерал-лейтенант.

Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат: на дипломатической работе с 1918 г., полпред в Афганистане (1919–1921), полпред СССР в Турции (1923–1934), Германии (1934–1937), Франции (1937–1940), советник НКВД (1940–1945), посол в Бразилии (1946–1947). С 1948 г. в отставке.

Таммерман Хайнц (1938–2008) – германский политолог.

Таннер Вяйнё Альфред (1881–1966) – финский государственный и политический деятель: премьер-министр (1926–1927), министр финансов (1937–1939, 1942–1944), министр иностранных дел (1939–1940), министр торговли (1940–1942), лидер социал – демократической партии Финляндии.

Телеки де Шеки Пал, граф (1879–1941) – ученый-географ, венгерский политический деятель: министр иностранных дел Венгрии (1920, 1941), министр-президент (глава

правительства) Венгрии (1920–1921, 1939–1941), покончил жизнь самоубийством в знак протеста против участия Венгрии в гитлеровском нападении на Югославию.

Терентьев Алексей Васильевич (1902-?) – советский дипломат: генеральный консул в Измире (Турция) (1932–1936), заведующий 1 Восточным отделом НКВД СССР (1937–1938), полпред СССР в Турции (1938–1940).

Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) – советский военачальник, маршал: командующий войсками Северо-Кавказского (1937), Харьковского (1937–1938), Киевского (1938–1940) военных округов, Северо-Западным фронтом советско-финской войны (1940), нарком обороны (1940–1941).

Типпельскирх Курт, фон (1891–1957) – германский военачальник, военный историк, генерал пехоты.

Титулеску Николае (1882–1941) – румынский государственный деятель, дипломат: министр финансов (1917–1918), министр иностранных дел (1927–1928), постоянный представитель Румынии в Лиге Наций (1921–1936), президент Генассамблеи Лиги Наций (1930–1932). Умер в изгнании.

Троцкий Лев Давидович (Лейба Давидович Броштейн) (1879–1940) – российский революционер, один из создателей Красной Армии и ее руководитель в годы гражданской войны, крупнейший советский политический, партийный и государственный деятель: нарком по иностранным делам

(1917–1918), нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР (1918–1925), член Политбюро ЦК РКП/б/-ВКП/б/ (1919–1926). Снят со всех постов, выслан в ссылку (1927), затем из СССР (1929), лишен советского гражданства (1932), убит по приказу И. В. Сталина.

Туоминен Арво (1894–1981) – финский общественный деятель, журналист: генеральный секретарь Коммунистической партии Финляндии (1935–1940). В дальнейшем отошел от партии.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военачальник, маршал: начальник Военной академии РККА (1921–1922), командующий Западным фронтом (1922–1924), заместитель начальника, начальник Штаба РККА (1925–1928), командующий войсками Ленинградского военного округа (1928–1931), начальник вооружений РККА, заместитель наркома обороны и председателя Реввоенсовета, с 1936 г. 1-й зам. наркома обороны (1931–1937). Репрессирован (расстрелян), реабилитирован в 1957 г.

Тэтэреску Георге (1886–1957) – румынский государственный и политический деятель: министр иностранных дел Румынии (1934, 1938, 1945), премьер-министр Румынии (1934–1937, 1939–1940).

Уайли Джон Купер (1893–1967) – американский дипломат: посланник США в Эстонии и Латвии (1938–1940).

Ульманис Карлис Аугустс Вилхелмс (1877–1942) – лат-

вийский политический и государственный деятель: председатель Временного правительства Латвии (1918–1920), премьер-министр Латвии (1920–1921, 1925–1926, 1931, 1934–1940), президент Латвии (1936–1940). Репрессирован, умер в ссылке в СССР.

Урбшис Юозас (1896–1991) – литовский государственный деятель, дипломат: служба в русской армии (1916–1917) и в вооруженных силах Литвы (1918–1922), с 1922 г. на дипломатической работе, министр иностранных дел Литвы (1938–1940). В 1940–1953 гг. находился в заключении, затем в ссылке (до 1956).

Филов Богдан (1883–1945) – искусствовед, археолог, ректор Софийского университета (1931–1932), президент Болгарской Академии наук (1937–1944), болгарский государственный деятель: председатель Совета министров (1940–1943), министр иностранных дел (1942–1943), регент Болгарии (1943–1944). Казнен после захвата власти коммунистами.

Фровайн Ханс (1887–1956) – германский дипломат: посланник Германии в Эстонии (1936–1940).

Хакцелль Аннти Вернер (1881–1946) – финский государственный и политический деятель: министр иностранных дел (1932–1936), премьер-министр Финляндии (1944).

Хедин Свен Андерс (1865–1952) – шведский путешественник, географ, журналист, общественный деятель.

Хильгер Густав (1886–1965) – германский дипломат: со-

ветник посольства Германии в СССР (1923–1941).

Хинчук Лев Михайлович (1868–1939) – советский государственный деятель, дипломат: член РСДРП с 1898 г., член коллегий наркомата продовольствия (с 1919) и внешней торговли РСФСР (с 1921), председатель Центросоюза потребительских обществ (1921–1926), заместитель наркома торговли СССР (1927–1930), полпред СССР в Германии (1930–1934), нарком внутренней торговли РСФСР (1934–1937), главный арбитр Государственного арбитража СНК РСФСР (1937–1938). Репрессирован (расстрелен) в 1939 г., в 1956 г. реабилитирован.

Холсти Эйно Рудольф Вольдемар (1888–1945) – финский политический деятель, журналист, дипломат: министр иностранных дел Финляндии (1919–1922, 1936–1938).

Хорти Миклош, витязь Надьбанья (1868–1957) – австро-венгерский военный деятель, государственный деятель Венгрии, вице-адмирал: адъютант императора Франца Иосифа (1908–1914), главнокомандующий австро-венгерским флотом (1914–1918), правитель (регент) Венгрии (1920–1944). За подготовку антигерманского выступления в октябре 1944 г. взят под арест и депортирован в Германию, после освобождения эмигрировал в Португалию.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский государственный и партийный деятель: 1-й секретарь ЦК компартии Украины (1938), член Политбюро ЦК ВКП/б/ (с 1939), член военных советов ряда фронтов Великой Отече-

ственной войны, председатель Совнаркома Украины (1944–1947), секретарь московских городского и областного комитетов партии, секретарь ЦК КПСС (с 1949), первый секретарь ЦК КПСС (с 1953), председатель Совета Министров СССР (с 1958). В октябре 1964 г. отправлен в отставку со всех постов, затем на пенсии.

Цветкович Драгиша (1893–1969) – югославский государственный деятель: премьер-министр Королевства Югославия (1939–1941), с 1943 г. в эмиграции.

Цехлин Эрих (1883–1954) – германский дипломат и архивист: генеральный консул Германии в Ленинграде (1928–1933), посланник Германии в Литве (1933–1940).

Ципко Александр Сергеевич (1941 г. р.) – российский социальный философ и политолог, доктор философских наук, публицист, научный и общественный деятель.

Чемберлен Артур Невилл (1869–1940) – британский государственный и политический деятель: лидер Консервативной партии, лорд-мэр Бирмингема (1915–1916), министр здравоохранения (1923, 1924–1929), канцлер казначейства (1931–1937), премьер-министр (1937 – май 1940). Оставался членом кабинета У. Черчилля в качестве лорда-председателя Совета до своей кончины в ноябре 1940 г.

Черепанов Виктор Вениаминович (р. 1951) – российский историк, доктор исторических наук, профессор.

Черчилль (Спенсер-Черчилль) Уинстон Леонард, герцог Мальборо (1874–1965) – виднейший британский го-

сударственный, политический и военный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе: первый лорд Адмиралтейства (1911–1915, 1939–1940), министр вооружений (1917–1919), военный министр и министр авиации (1919–1921), канцлер казначейства (1924–1929), лидер консервативной партии (1940–1955), премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955), министр обороны (1940–1945, 1951–1953).

Чиано Джан Галеаццо (1903–1944) – итальянский государственный деятель и дипломат: атташе посольства в Бразилии, министр прессы и пропаганды (1935), министр иностранных дел (1936–1943). Отправлен в отставку в связи с деятельностью в пользу выхода Италии из войны, посол Италии в Ватикане (1943), содействовал отстранению Б. Муссолини от власти, расстрелян фашистскими «черными бригадами» в 1944 г.

Чичерин Георгий (Юрий) Васильевич (1872–1936) – российский дипломат, советский государственный деятель: сотрудник МИД России (с 1898), в 1904–1918 гг. в эмиграции, заместитель наркома по иностранным делам (январь – май 1918), нарком по иностранным делам РСФСР и СССР (1918–1930), в дальнейшем на пенсии.

Чуев Феликс Иванович (1941–1999) – советский поэт, писатель, публицист.

Шабалин Иван Савельевич (1902–1941) – майор (генерал-майор по общей табели о рангах) госбезопасности: на

службе в органах безопасности с 1929 г., нарком внутренних дел Бурят-Монгольской АССР, 23 августа 1941 г. назначен начальником Особого отдела НКВД 50 армии. Погиб в боях на Брянском фронте 20 октября 1941 г.

Шахт Ялмар Хорас Грили (1877–1970) – германский государственный и финансовый деятель: директор Национального банка Германии (1916–1923), президент Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939), рейхсминистр экономики (1936–1937), рейхсминистр без портфеля (1937–1942). В 1942 г. подал в отставку, арестован в 1944 г. и содержался в концлагерях, привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге, полностью оправдан (1946).

Шелленберг Вальтер Фридрих (1910–1952) – германский руководитель спецслужб, бригадефюрер СС. В 1945 г. арестован и предан суду Международного военного трибунала в Нюрнберге, осужден на шесть лет, досрочно освобожден по состоянию здоровья (1950).

Шлиффен Альфред, фон, граф (1833–1913) – участник австро-прусской (1866) и франко-прусской (1970–1971) войн, германский военачальник, генерал-фельдмаршал: начальник Генерального штаба (1891–1906). В дальнейшем в отставке.

Шнурре Карл Юлиус (1898–1990) – германский дипломат и юрист: заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии (1939), затем экономический советник посольства в СССР.

Шпеер Бертольд Конрад Герман Альберт (1905–1981) – германский государственный деятель, член НСДАП с 1931 г.: рейхсминистр вооружений и военного производства (1942–1945), личный архитектор А. Гитлера. Осужден судом Международного военного трибунала и приговорен к 20 годам тюремного заключения (1946), содержался в тюрьме Шпандау, освобожден в 1966 г.

Штейн Борис Ефимович (1892–1961) – советский дипломат: на дипломатической работе с 1920 г., участвовал в работе Генуэзской и Гаагской конференций, полпред СССР в Финляндии (1933–1934), Италии (1934–1939), член делегации СССР в Лиге Наций (1934–1938), на научно-педагогической работе (1939–1945).

Штреземан Густав Эрнст (1878–1929) – германский политик и государственный деятель, лауреат Нобелевской премии мира за 1926 г.: рейхсканцлер (1923), министр иностранных дел (1923–1929).

Шуленбург, Фридрих-Вернер Эрдманн Маттиас Иоганн Бернгард Эрих, фон дер, граф (1875–1944) – германский дипломат: посол Германии в СССР (1934–1941). Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

Шуманис, В. – латвийский дипломат: посланник Латвии в Эстонии.

Шуменкович Илия (1881–1962) – югославский дипломат: посланник Югославии в Турции (1939–1945).

Эквист Харальд (1891–1971) – финский военачальник,

генерал-лейтенант.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – советский писатель, публицист, поэт, журналист, общественный деятель.

Эркко Юхо Элиас (1895–1965) финский государственный деятель, дипломат: министр иностранных дел (1938–1939).

Эстерман Хуго (1892–1975) – финский государственный деятель и военачальник: министр обороны (1931–1932), верховный главнокомандующий вооруженных сил Финляндии (1933–1939), во время Зимней войны командующий армией на Карельском перешейке.

Юнгерт-Арноти, Михай (1883–1957) – венгерский дипломат: посланник Венгрии в СССР (1938) и Болгарии (1939–1944).

Список литературы

1. Фальсификаторы истории. Историческая справка. – М.: Госполитиздат, 1951.
2. История России. XX век. 1894–1939. – М.: АСТ-Астрель, – 2000.
3. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993.
4. Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. 20 лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. Розанов Г. Л. Сталин – Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. / Г. Л. Розанов. – М.: Международные отношения, 1991.
6. СССР и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М.: Изд-во Гея, 1995.
7. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – М.: Терра, 1996.
8. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Ser. D. 1937–1945. (далее – DGFP), – Volume IX. The War Years (March 18 – June 22, 1940). – Washington, 1956.
9. Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000.
10. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения

«особой папки». 1923–1939. – М.: РОСПЭН, 2001.

11. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. – 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

12. Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. – М.: Мысль, 1996.

13. СССР-Германия. 1939–1941. Секретные документы. – М.: Из-во Эксмо, 2011.

14. Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР): в 24 т. – Т. 1–21. – М., Политиздат; т. 22–24. – М.: Международные отношения, 1957–2000; т. 23, кн. 1. (1 января – 31 октября 1940). – 1995.

15. Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. – М.: ОГИЗ «Государственное издательство политической литературы», 1947.

16. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. – М.: Вече, 2000.

17. Донгаров А. Г. Между Волгой и Рейном // «Родина», 1991. № 5.

18. Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Второй после Сталина. – М.: Родина, 2019.

19. Троцкий Л. Д. Мировая революция. – М.: Из-во Эксмо: Алгоритм, 2012.

20. Сталин И. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М., 1946.

21. ДВП СССР. Т. 22: в 2 кн. Кн. 1. (1 января – 31 августа 1939).

22. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. – М.: Политиздат, 1990.

23. Фельштинский Ю. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1940. Документы и материалы. – М.: Московский рабочий, 1991.
24. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Academia, 2001.
25. Feiling K. The life of Neville Chamberlain. L. 1963.
26. ДВП СССР. Т. 18. (1 января – 31 декабря 1935).
27. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х т. Т. 1. – М.: Воениздат, 1991.
28. Правда Виктора Суворова – 2. Восстанавливая историю Второй Мировой. / Сост. Д. Хмельницкий. – М.: Яуза-Пресс, 2007.
29. Безыменский Л. А. Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. – М.: Международные отношения, 1995.
30. Вопросы истории. 2006, № 12.
31. ДВП СССР. Т. 24. (22 июня 1941 – 1 января 1942).
32. Зоря Ю. Н., Лебедева Н. С. 1939 год в нюрнбергских досье. //«Международная жизнь», 1989, № 9.
33. ДВП СССР. Т. 9. (1 января – 31 декабря 1926).
34. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М.: Наука, 1967.
35. ДВП СССР. Т. 19. (1 января – 31 декабря 1936).
36. ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. (1 сентября – 31 декабря 1939).
37. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.

О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2001.

38. ДВП СССР. Т. 7. (1924 г.).

39. Маннергейм К. Г. Мемуары. – М.: Вагриус, 1999.

40. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1923–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2007. – Том 1. 1923–1926 гг.

41. Российский государственный архив социально-политической истории.

42. История России. XX век (1894–1939)/ под ред. А. Б. Зубова. – М.: Астрель: АСТ, 2010.

43. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.

Документы и материалы. Т. 2. – М.: РОССПЭН, 2000.

44. Попов В. 1941: тайна поражения. // «Новый Мир». – 1998, № 8.

45. Центральный архив Министерства обороны РФ.

46. Зимняя война: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании // Сост. Тархов Н. С. – СПб: «Летний сад», 2004.

47. Прудникова Е. Колиакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2006.

48. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). Стенографический отчет, 2-ое стереотипное изд. – М.-Л., ОГИЗ Московский рабочий, 1931.

49. Архив Президента Российской Федерации.

50. Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. – М.: Из-во гуманитарной литературы, 1995.

51. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. Под редакцией Г. Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993.

52. Герасимов Г. И. Мобилизация есть война // Военно-исторический журнал. – 1999. – № 3.

53. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Из-во «Кучково поле», 2001.

54. Сталин И. В. О Великой Отечественной Войне Советского Союза. Хабаровск: «ОГИЗ Госполитиздат», 1946.

55. Шпеер А. Шпандау: тайный дневник. – М.: Из-во «Захаров», 2010.

56. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? – М.: Из-во «Центрполиграф», 2008.

57. Черепанов В. В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великую Отечественную войну. – М.: «Известия», 2006.

58. ДВП СССР. Т. 16. (1 января – 31 декабря 1933).

59. Зубкова Е. Ю. Сталинский проект для Прибалтики. www.polit.ru/article/2009/01/13/pribalt/

60. Соколов Б. В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. – Вече, 2008.

61. Войонмаа В. Дипломатическая почта. – М.: Прогресс, 1984.
62. Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. – СПб.: Питер, 2009.
63. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. – М.: Международные отношения, 1990.
64. Архив внешней политики РФ.
65. Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. – М.: Политиздат, 1990.
66. От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. – Таллинн, 1990.
67. Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940. – Вильнюс, 1989.
68. ДВП СССР. Т. 6. (20 ноября 1922 г.-31 декабря 1923 г.).
69. ДВП СССР. Т. 14 (1931 г.).
70. ДВП СССР. Т. 17. (1 января – 31 декабря 1934 г.).
71. Мальков В. Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939–1940 гг. (из архивов США) //Новая и новейшая история, 1990. № 5.
72. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933–1945. Исторические очерки. Документы и материалы: в 4 томах. Т. 2. – М.: Наука, 2005.

73. ДВП СССР, Т. 5. (1 января – 19 ноября 1922).

74. Public Records Office. Cabinet.

75. Акт о приёме Наркомата Оборона Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.// Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

76. Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. Кн.2, в 2-х частях. Ч. 1.-М.: Наука, 2006.

77. СССР и Литва во Второй мировой войне. Сборник документов / Сост. А. Каспаравичус и др. – Vilnius, 2006.

78. Вынужденный альянс. Советско – балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов//Сост. Н. Н. Кабанов и др. – М.: Русская книга, 2019.

79. Наринский М. М. Кремль и Коминтерн 1939–1941 гг.//Свободная мысль. 1995, № 2.

80. Донгаров А. Г. СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.). Дипломатические хроники и размышления. – М.: Вторая типография, 2010.

81. XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). 26 января-10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934.

82. DGFP, 1918–1945. Ser. D, vol. X. The War Years: June 23 – August 31, 1940. Washington, 1957.

83. Похлебкин В. В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений (1713–1973). – М.: Международные отношения, 1975.

84. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии, 1939–1940. – М.:

Центрполиграф, 2003.

85. Lundin C. L. Finland in the Second World War. Bloomington. 1957.

86. «Линия Паасикиви». Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944–1956. М.: Изд. иностранной литературы, 1958.

87. Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967.

88. Всемирная история в 10 томах: Т. 8. – М.: «Соцэкгиз», 1961.

89. Хрущев Н. С. Воспоминания. Кн. первая. – М.: Московские новости, 1999.

90. ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2(1). (1 ноября 1940–1 марта 1941).

91. ДВП СССР. Т. 23. Кн. 2(2). (2 марта – 22 июня 1941).

92. Барышников В. Н. О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонного союза северных стран// Вестник Санкт – Петербургского Университета. – Выпуск 2 (№ 10), апрель 2000.

93. DGFP. Vol. IX. The War Years. March, 18 – June 22, 1940. – Washington, 1957.

94. Чельшев И. А. СССР – Франция: трудные годы, 1938–1941. – М.: Издательский центр И-та российской истории РАН, 1999.

95. Российский государственный военный архив.

96. Солонин М. С. «Упреждающий удар Сталина». 25 июня – глупость или агрессия? – М.: Эксмо, 2017.

97. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: [В 2 т.]: Том 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – М.: Политиздат, 1989.

98. Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз: речи, интервью 1952–1975 гг. – М.: «Прогресс», 1975.

99. Донгаров А. Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // «Военно-исторический журнал». – 1990. – № 3.

100. Кишкурно Я. А. Финляндия и Юго – Восточная Европа в агрессивной политике Советского государства. 1940–1941. – СПб.: «Любавич», 2007.

101. Война и политика, 1939–1941. – М.: Наука, 1999.

102. Смирнова Н. Д. Неизвестные страницы советско-итальянских отношений. По новым документам// Новая и новейшая история. 1996. № 2.

103. Сборник «1941 год»: В 2 кн. Кн. 1. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

104. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. – М.: Индрик, 1999.

105. Валева Е. Л. Трудный выбор царя Бориса III. К проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. – [https:// cyberleninka.ru/article/n/trudnyy-vybor-tsarya-borisa-iii-k-probleme-prisoedineniya-bolgarii-k-troystvennomu-paktu-v-1941-g/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/trudnyy-vybor-tsarya-borisa-iii-k-probleme-prisoedineniya-bolgarii-k-troystvennomu-paktu-v-1941-g/viewer)

106. Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941. – М.: ТОО Новина, 1997.
107. Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история, 1989. № 4.
108. Советско – румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы: В 2 т. Т.2: 1935–1941. – М.: Международные отношения, 2000.
109. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки». 1923–1939/ Ред. Г. Адиебеков и др. – М.: РОССПЭН, 2001.
110. Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию со дня рождения чл. – корр. РАН проф. В. А. Шишкина. СПб.: Нестор-История, 2005.
111. Минц И. И., Лебедев Н. И. Очерки политической истории Румынии (1859–1944). – Кишинев, изд. Штиинца, 1985.
112. Краткая история Венгрии / Т. М. Исламов, А. И. Пушкаш, В. П. Шушарин. – М.: Наука, 1991.
113. Вишлев О. В. Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.? // Новая и новейшая история 1992. № 1.
114. Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937-сентябрь 1939 г. – М.: Институт славяноведения РАН, 2003.
115. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг.: Документы россий-

ских архивов. – М.: РОСПЭН, 2000.

116. Сикачев Н. Н. Венгрия и вторая мир война. – М.: Изво иностранной литературы, 1962.

117. Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов: в 6-ти томах. – М., Политиздат, 1984.

118. Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). – М.: Политиздат, 1989.

119. Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.

120. СССР-Германия. 1939–1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / Сост. Ю. Фельштинский. Telex, 1983.

121. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М.: РОССПЭН, 1999.

122. Маннегейм и Гитлер: Тайная беседа, июнь 1942 г. Финляндия. – Режим доступа: <https://surfingbird.ru/surf/mannergejm-i-gitler-tajnaaya-beseda-iyun-1942-goda-wi1x127F7#.W83w80v7TIU>

123. Волков В. К. Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940-первая половина 1941) // К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрес-

сии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992.

124. Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. – М.: Гея, 1996.

125. Уткин А. И. Вторая Мировая война. – М.: Алгоритм, 2002.

126. Akten zur deutschen auswaertigen Politik: 1918–1945. – Gottingen: Vandenhoeck, 1967. – Ser. D. Bd 8.

127. Гальдер Ф. Военный дневник. 1940–1941. – М. – СПб: Terra Fantastica, 2003.

128. Карпов В. В. Маршал Жуков. Его сторонники и противники в дни войны и мира. – М.: Вече, 2005.

129. Гогун А. Берлинские переговоры Молотова с Гитлером // Русский глобус. – М., 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://www.russian-globe.com/N72/Gogun.BerlinskiePregovoruGitleraIMolotova.htm>

130. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М.: Наука, 2003.

131. Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. – М.: Центрполиграф, 2005.

132. Eden A. Memoirs. – L., 1965. Vol. III.

133. Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия 1932–1941. – М., ИстЛит, 2019.

134. Стаднюк И. Нечто о сталинизме // О них ходили ле-

генды: [О героях Великой Отечественной войны: Сб. / Сост. А. П. Коваленко]. – М.: МОФ "Победа-1945 год", 1994.

135. Троицкий Л. Д. Портреты революционеров. – М.: Московский рабочий, 1991.

136. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Второй Мировой войны, 1941–1945 гг.: [В 2 т.]: Том 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 – ноябрь 1945)/Министерство иностранных дел СССР. – Издание 2-е.-М.: Политиздат, 1989.

137. Кабанов Н., Симиндей В. «Заклячая «Пакт Мунтерса-Риббентропа»: Архивные находки по проблематике германо-прибалтийских отношений в 1939 г.». // «Журнал российских и восточноевропейских исследований», 2017, № 1 (8).

138. Макарыч И. П. Из опыта планирования стратегического развертывания вооруженных сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии. // Военно-исторический журнал. 2006, № 6.

139. Алферов А. Новая гипотеза начала Великой Отечественной войны // Независимое военное обозрение. – М., 2004. – 6 авг.

140. vlastitel.com.ru/hitler/hitler_1941-12-11.html

141. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1, тома 1–2. – М.: Воениздат, 1991.

142. Раскольников Ф. Ф. Открытое письмо Сталину.

143. Россия. XX век: «1941 год»: в 2 кн. Кн. 2. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

144. ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом#Подписание_Договора

145. XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1939.

146. DGFP. Vol. XI. The War Years (September 1, 1940 – January 31, 1941). – London, 1961.

147. Некрич А. 1941. 22 июня. – М.: Памятники исторической мысли, 1995.

148. Новая и новейшая история, 1985. № 6.

149. Новая и новейшая история, 1985. № 4.

150. Шабалин И. С. Дневник начальника Особого отдела 50-й армии. – history.wikireading.ru/146385

151. Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. – Просвещение, 2016.